

Институт истории им. Ш. Марджани
Академии наук Республики Татарстан
Центр исследований Золотой Орды
и татарских ханств им. М.А. Усманова
МОО «Ассоциация исследователей Золотой Орды»

ОЖЕРЕЛЬЕ ДРУЖБЫ: ИСТОРИЯ СРЕДНЕВЕКОВЫХ ТАТАР

*Сборник статей к 65-летию
Искандера Леруновича Измайлова*

Казань
2025

УДК 93/94
ББК 63.3(2)
О 45

*Серия «История и культура Золотой Орды
и татарских ханств»*

Выпуск 39

Редколлегия:

Р.Р. Салихов, И.М. Миргалеев, Э.Г. Сайфетдинова

Рецензенты:

кандидат исторических наук *Л.Ф. Байбулатова*

Ph.D. (история) *И. Кемалоглу* (Стамбул, Турция)

О 45 Ожерелье дружбы: история средневековых татар. Сб. статей к 65-летию Искандера Леруновича Измайлова / Редкол.: *Р.Р. Салихов, И.М. Миргалеев, Э.Г. Сайфетдинова.* – Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2025. – 320 с., ил.

ISBN 978-5-94981-508-3

Предлагаемый вниманию читателей сборник подготовлен к 65-летию доктору исторических наук, ведущего научного сотрудника Института истории им. Ш. Марджани АН РТ Искандера Леруновича Измайлова – известного исследователя истории средневековых татар, военного дела и этнокультурных процессов в Евразии. В сборник вошли статьи отечественных историков и археологов, посвященные широкому кругу проблем истории Улуса Джучи (Золотой Орды), татарских ханств, Российского государства, а также военной истории, близких научным интересам юбиляра.

Книга предназначена для специалистов по отечественной истории, студентов, аспирантов и всех, кто интересуется вопросами истории Евразии периода средневековья.

ISBN 978-5-94981-508-3

УДК 93/94
ББК 63.3(2)

© Авторы, 2025
© Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2025

У оленного камня. Северная Монголия. 2019 г.

Фоторепортаж расширенного заседания редколлегии, посвященного 10-летию основания журнала «Золотоордынское обозрение». 31 октября 2023 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Curriculum vitae. Основные даты жизни и деятельности	6
Гиниятуллина Л.С. Вопросы историку о времени, науче и прошлом	10
Тимохин Д.М. Биография Искандера Руми в анонимном персидском сочинении 1126 г.	30
Дробышев Ю.И. «От восхода до захода»: к проблеме подлинности ярлыка Чингиз-хана	46
Сайфетдинова Э.Г. Мотив сна в сочинении золотоордынской эпохи «Нахдж ал-фарадис»	56
Миргалеев И.М. Научные знания в труде Абу Бакра Каландара «Каландар-наме»	75
Абзалов Л.Ф., Гатин М.С., Мустакимов И.А., Почекаев Р.Ю. «Ночной дозор» в средневековых чингизидских государствах	86
Suleimenova D.K. Education and science in the Golden Horde during the reign of Khan Tokhtamysh (1380–1395)	100
Аксанов А.В. Присоединение Казанского ханства: полемика и мнения	110
Исхаков Д.М. Татары средневековья: от политогенеза до этногенеза (концептуальные размышления)	120
Моисеев М.В. Ценности и интересы кочевого феодала (постзолотоордынский период)	154
Беляков А.В. Организация управления территорий Московского государства с тюркским населением: постановка вопроса	162
Маслюженко Д.Н. Сузге, жена сибирского хана Кучума: источники, художественная литература и историческая память	175
Костогрызова С.Е. Вклад российских историков в изучение несторианства в государствах Чингизидов	189
Ганиев Р.Т. Историография XVII – второй половины XIX вв.: отечественные и зарубежные взгляды на тюрко-китайские отношения в раннем Средневековье	202
Абдуллин Х.М. Археологическая изученность Агрызского муниципального района Республики Татарстан	217
Бобров Л.А. «Умели хорошо воевать и были хороши в поле...». Защитное и наступательное вооружение джунгар в середине XVIII в.	231
Список основных трудов И.Л. Измайлова	261

Curriculum vitae.

Основные даты жизни и деятельности

Искандер Лерунович Измайлов родился 12 декабря 1960 г. в пос. Сеймчан Среднеканского района Магаданской области. Родители: Лерун Исхакович (1933–2008) и Суфия Гараевна (1934 г.р.) Измайловы.

1967–1978 – учился и окончил среднюю школу № 7 г. Магадана.

1975–1978 – принимал участие в работе археологического кружка под руководством проф., члена-корр. АН СССР Н.Н. Дикова.

Июнь–август 1977 – принимал участие в археологических раскопках Билярского городища под руководством А.Х. Халикова.

1978, 1 сентября – студент историко-филологического факультета Казанского государственного университета.

1983, 1 сентябрь – закончил исторический факультет КГУ с дипломом «Историк. Преподаватель истории и обществоведения».

1983, 01 октября – 1986, 30 августа – аспирант отдела археологии и этнографии Института языка, литературы и истории КФАН СССР.

1986, 02 октября – поступил на работу в Институт языка, литературы и истории КФАН СССР (с 01 января 1993 – Академии наук Республики Татарстан): старший лаборант отдела истории ИЯЛИ (1986), старший лаборант отдела археологии и этнографии (1986), младший научный сотрудник отдела археологии и этнографии (1987–1993), научный сотрудник (1993–1994).

1988* – член Российской ассоциации востоковедов, член Комиссии по изучению военной истории народов Востока.

1994, 04 мая – 1995, 24 августа – заместитель директора по общим вопросам издательской и книготорговой фирмы ТОО «Книжный дом».

* Здесь и далее – по настоящее время.

1995, 10 августа – 1997, 20 июня – научный сотрудник отдела истории и общественной мысли Института татарской энциклопедии АН РТ.

1996, 14 марта – защита кандидатской диссертации по теме «Вооружение и военное дело волжских булгар X–XIII вв.» специальность 07.00.02. – «Отечественная история» в диссертационном совете Казанского университета. Официальные оппоненты: проф., академик АН РТ М.А. Усманов, доцент Р.М. Валеев.

1996, сентябрь–декабрь – чтение курса лекций «Этногенез и этническая история татарского народа» на Историческом факультете Татарского государственного гуманитарного института (г. Казань).

1997, апрель – чтение курса лекций на английском языке «Этнокультурная история татарского народа» / Международный отдел КГУ, куратор Р. Садыков.

1997, 01 июля – 1998, 31 октября – собственный корреспондент по республикам Поволжья исторического журнала «Родина».

1997–2006 – член редколлегии исторического журнала «Родина» (г. Москва).

1997–1998 – член редколлегии журнала «Эхо веков = Гасырлар авызы» (г. Казань).

1997, 28–29 августа – делегат II-го Всемирного конгресса татар.

1997, сентябрь–декабрь – чтение курса лекций «История Волго-Уральского региона» на Факультете регионоведения Татарского института содействия бизнесу (г. Казань).

1998, 13 марта – главный специалист – советник президента АН РТ (с 10 ноября 1998 – на постоянной работе).

1999, май – чтение лекций по истории ислама в России для членов ассоциации преподавателей русского языка Германии в г. Вангребен (под эгидой Фонда Конрада Аденауэра).

2001–2010 – член редколлегии журнала «Мирас» (г. Казань).

2002*, январь – член Геральдического Совета при Президенте Республики Татарстан (с 2002 г.) (Указ от 10 января 2002 г. № УП-21).

2002, 28–29 августа – делегат III-го Всемирного конгресса татар.

2002–2003 – являлся научным консультантом архитектурного проекта «Зодчим Казанского Кремля» (скульпторы – А. Голованов, В. Демеченко, Р. Забиров).

2005, 29 августа – награжден медалью «В память 1000-летия Казани» и почетной грамотой мэрии г. Казани за научное обеспечение празднования 1000-летия г. Казани и большой вклад в возрождение Великого Волжского пути.

2006, 10 апреля – 2010, 01 марта – старший научный сотрудник отдела этномониторинга Института истории им. Ш. Марджани АН РТ (с 1 января 2008 по 1 января 2009 – ведущий научный сотрудник).

2008 – Благодарность от Академии наук Татарстана за большой вклад в разработку II тома «Истории татар с древнейших времен».

2009* – член Ученого совета Национального музея РТ.

2010, 01 марта – старший научный сотрудник Национального центра археологических исследований Института истории им. Ш. Марджани АН РТ.

2010, октябрь–ноябрь – чтение курса лекций «Этнополитическая история татар в эпоху средневековья» в Российском исламском университете (г. Казань).

2012–2020 – член редколлегии журнала «Поволжская археология» (г. Казань).

2013, 1 ноября – защита докторской диссертации «Волжская Булгария в IX – первой трети XIII века: становление социальной, религиозной и этнополитической структуры общества». Специальность 07.00.06 – «Археология» в диссертационном совете Института истории им. Ш.Марджани АН РТ. Официальные оппоненты – доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАН В.В. Напольских, доктор исторических наук, профессор Ю.С. Худяков, доктор исторических наук, профессор Г.Н. Белорыбкин.

2014, 01 апреля – 2021, 30 апреля – главный научный сотрудник Института археологии им. А.Х. Халикова Академии наук Республики Татарстан.

2015 Сентябрь-декабрь – спецкурс «Военное дело народов Евразии» в Казанском (Поволжском) федеральном университете (г. Казань).

2016, 10 марта – Приказ Высшей аттестационной комиссии о присвоении степени доктора исторических наук по специальности 07.00.06 – «Археология».

2016, 26 декабря – Приказ № 76 президента Академии наук Республики Татарстан об объявлении благодарности за добросовестный результативный труд и в связи с 25-летием АН РТ.

2017 – член редколлегии журнала «Археология евразийских степей» (г. Казань).

2019, 7 февраля – Указ Президента Республики Татарстан о присвоении почетного звания «Заслуженный деятель науки Республики Татарстан». (№ УП-86) (см.: Признание заслуг // Республика Татарстан, 2019, 9 февраля).

2020, 2 сентября – Почетная грамота Министерства образования и науки Республики Татарстан.

2020, 23 декабря – «Татар милләтэнә курсәткән олы хезмәтләр өчен» Бөтендөнья татар конгрессы» халыкара Берлеге медале бирелде (Таныклык 1150) / Награжден Медалью Всемирного конгресса татар.

2021, 10 мая – старший (с 1 октября 2021 г. – ведущий) научный сотрудник Центра исследований Золотой Орды и татарских ханств им. М.А. Усманова Института истории им. Ш. Марджани АН РТ.

2022, 16 ноября – Благодарственное письмо Министра образования и науки за большой вклад в реализацию мероприятий, посвященных 1100-летию принятия ислама Волжской Булгарией.

2023 – член Международной Ассоциации исследователей Золотой Орды.

2024* – член редколлегии журнала «Золотоордынское обозрение» (г. Казань).

2024* – член редколлегии журнала «Историко-географический журнал» (г. Екатеринбург).

А.С. Гиниятуллина

ВОПРОСЫ ИСТОРИКУ О ВРЕМЕНИ, НАУКЕ И ПРОШЛОМ

В публикации представлено интервью с юбиляром, известным историком, археологом Искандером Леруновичем Измайловым. Ученый в преддверии своего юбилея рассказал о своем выборе истории в качестве будущей профессии, увлечении историей татар, о своих учителях и наставниках, о главных вехах научной деятельности.

Ключевые слова: интервью, историк, биография, Искандер Лерунович Измайлов, юбилей

L.S. Giniyatullina

QUESTIONS FOR A HISTORIAN ABOUT TIME, SCIENCE, AND THE PAST

This publication features an interview with the celebrant, renowned historian and archaeologist Iskander Lerunovich Izmailov. Ahead of his anniversary, the scholar spoke about his choice of history as a future profession, his passion for Tatar history, his teachers and mentors, and the key milestones of his scholarly career.

Keywords: interview, historian, biography, Iskander Lerunovich Izmailov, anniversary

– Расскажите кратко о себе, как и когда созрело желание пойти в науку, кто повлиял на выбор истории в качестве будущей профессии?

Я родился 12 декабря 1960 г. в поселке Сеймчан Среднеканского района Магаданской области. Родители – обычные татарские интеллигенты: отец – Лерун Исакович закончил геофак Казанского

университета (в 1957 г.), мама – Суфия Гараевна прошла курс медицинского училища. После завершения учебы в университете отец получил распределение в геологическую службу Дальстроя МВД СССР (после его расформирования – Северовостокзолото), где прошел путь от рядового геолога до замначальника геологической партии – территориального научно-производственного подразделения. В 1965 г. он перевелся в Магадан на должность ученого секретаря Северо-Восточного комплексного научно-исследовательского института СО АН СССР, где, после защиты кандидатской диссертации, стал заместителем директора Института и работал в этом институте вплоть до выхода на пенсию в 1998 г. Мама трудилась на поприще медицины, также надолго переработав пенсионный срок. Всего родители проработали на Колыме более сорока лет.

Поэтому институт и научная жизнь были со мной с детства. Дома была большая библиотека, как это было принято в советское время. Поэтому я с самого детства много, «запоем» читал: приключения, фантастика, книги о путешествиях, но любимыми были все же исторические романы и повести. Особенно запомнилась трилогия Василия Яна о монголах. В ней я впервые прочитал строки о татарах, и это оживило «спящую» идентичность. Мне захотелось больше узнать о своем народе. Но в учебниках и массе прочитанных книг были лишь осколки исторической правды об истории татар. Очень скоро школьная библиотека стала слишком мала для моей возросшей любознательности. Следующей жертвой пали областная детская и взрослая библиотеки. Был случай, когда библиотекари, не поверив, что я прочитал довольно большую стопку книг за неделю, устроили мне экзамен, но быстро убедились, что я действительно все это прочитал. В круг чтения входили в основном исторические романы, книги о путешествиях и дальних странах. Но было ясно, что подобное бессистемное чтение к добру не приведет. Да и нужных мне книг в этой массе литературы не оказалось.

Не могу сказать, что читал только книги про историю татар, тем более что их оказалось чрезвычайно мало, или про прошлое России. Я читал все, что казалось интересным. Время от времени увлекался историей Карфагена, потом Атлантидой, затем Крестовыми походами... Но постепенно круг интересов стал сужаться.

На выбор специальности огромное влияние оказало знакомство с профессором, член-корреспондентом АН СССР Николаем Николаевичем Диковым – прекрасным археологом, историком и великолепным рассказчиком. Повел меня знакомить с ним отец, считая, что если я хочу заниматься историей, то должен общаться с лучшими в этой профессии. Вечером после работы мы пошли к нему. Нас встретил невысокий худощавый человек с аристократическими манерами, бородкой клинышком и интеллигентным говором, характерным для ленинградских интеллектуалов. Стал расспрашивать об увлечениях и моих знаниях истории. С ним было легко разговаривать, скоро я преодолел скованность и пытался рассказать о своем желании изучать историю своих предков.

Тут он и рассказал, что начинал свою научную карьеру в Забайкалье, изучая предков хунну. Стал рассказывать о раскопках Иволгинского городища древних хунну, а также о своей диссертации по бронзовому веку Монголии. Потом рассказал о А.Н. Бернштаме и Л.Н. Гумилеве, об археологии вообще и своих исследованиях. А при прощании неожиданно подарил книгу Л.Н. Гумилева «Хунну» со своей дарственной надписью и пожеланием успехов. С этого времени, можно сказать, определился мой научный интерес, как будущего археолога и историка. Я понял, что хочу быть именно археологом. И с этого момента стал целенаправленно читать все научные и научно-популярные книги по истории Евразии и археологии. Не всегда все было мне понятно, но я упорно искал ответы и читал все новые и новые книги.

В это же время зимой 1974 г. в нашей школе стал работать археологический кружок. Сначала им руководил сам Николай Николаевич, который умел живо и поэтично рассказывать об археологии Колымы и Чукотки, Берингийском мосте и заселении Америки. Позже с учениками работала Маргарита Александровна Кирьяк (Дикова), которая и вывозила нас на экскурсии-разведки в окрестности Магадана. Весной 1975 г. состоялись первые в моей жизни археологические раскопки. Все было очень интересно, но основным приоритетом оставалась история тюрок, поскольку об истории татар никаких книг просто не было.

В том же году, устав искать и носить книги, отец привел меня в научную библиотеку своего Института и передал на попечение библиотекарям. Надо сказать, что, будучи комплексным академическим институтом СВКНИИ получил «в наследство» от многих организаций (того же Дальстроя) прекрасную библиотеку, которая успешно приращивалась усилиями ее сотрудников и руководства, не жалевшим средств для ее пополнения. Очевидно, что естественнонаучный фонд библиотеки был обширен, но и гуманитарный фонд был также очень разнообразен и очень хорошего качества. Здесь были самые неожиданные книги, начиная от труда Б. Пиотровского «Ванское царство» до почти полной подборки «Материалов и исследований по археологии СССР» 1940–50-х годов. А главное – там были книги по истории стран мира. Здесь я оказался в родной стихии и с головой окунулся в этот мир.

Очень часто я брал ключи от огромной комнаты, где хранилась историческая литература и часами лазил по полкам, раскрывая десятки книг, читая отдельные главы и сравнивая прочитанное. Большое влияние на формирование меня как историка татар и тюрок оказали книги Л.Н. Гумилева: «Древние тюрки», раскрывшая целый мир тюркской истории; «Открытие Хазарии», показавшая романтику археологических поисков и трудных открытий; и, наконец, «В поисках вымышленного царства», где излагались взгляды на личность Чингиз-хана, совсем непохожие на скупые строчки параграфов школьных учебников. Прошли годы и блеск мысли великого тюрколога для меня несколько померк, уже не кажутся открытиями многие догадки автора, а многие его гипотезы представляются вообще ложными, но острота восприятия проблем, поражающая воображение ясность и занимательность изложения остались в памяти. Было много других книг, тихий и беззвучный разговор с авторами которых, многому учил и будил мысль, рождал стремление проверять и перепроверять заинтересовавшую мысль. Огромные пыльные стеллажи полные книг научили меня тому, что история – это не скрижаль, где описано наше прошлое от начала и до конца, а это поиск истины через тернии заблуждений, бессонные ночи сомнений и неожиданные радости разгадок.

– Хунну, тюрки и другие народы древности – это увлекательно. Но как же с историей татар? Как возник интерес именно к ней?

Разумеется, это было важной частью погружения в мир прошлого народов Степной Евразии. Но мне хотелось понять историю именно своего народа. И тут меня ждало сильное разочарование. При всем разнообразии книг скоро выяснилось, что про историю татар в наших библиотеках практически ничего не было. Я пересмотрел весь каталог областной библиотеки, а потом и научной библиотеки СВКНИИ, но нашел только одну книгу, посвященную татарам. Это оказался том «Татары Среднего Поволжья и Приуралья» (М., 1967). То, что этот том оказался в Магадане – за это отдельное спасибо сотрудникам библиотеки. Но этого мне показалось катастрофически мало. История других народов была описана довольно подробно. Даже про народы Колымы и Чукотки было написано, как оказалось, гораздо больше, чем про татар.

Неудивительно, что во мне росла уверенность, что я хочу стать археологом. Но вместе с тем, приходило осознание того, что моей задачей должно стать раскрытие истории не чукчей и эвенов, а именно татар.

Можно сказать, что с этого дня наука потеряла археолога Северо-Востока Азии, но Татарстан обрел историка на всю мою оставшуюся жизнь. Особое недоумение вызывало то, что целые тома авторы посвящали различным народам мира, но для татар не нашлось достойных авторов. Но еще больше ранило то, что об этой истории так мало книг, а те, которые есть, скорее, вызывают сомнения, нежели разрешают их. И я дал себе слово изменить эту ситуацию, насколько это будет в моих силах.

– Но Северо-Восток Евразии слишком далек территориально и в практическом плане от Татарстана, чтобы оттуда заниматься историей татар. Как удалось реализовать мечту и начать изучать непосредственно историю татар на их родине?

Когда стало понятно, что мое стремление связать свою судьбу с историей Татарстана действительно серьезное, родители не стали

мне препятствовать. Наоборот, отправили меня в Казань на раскопки.

Здесь судьба свела меня с другим прекрасным археологом – профессором Альфредом Хасановичем Халиковым, и эта встреча перевернула всю мою жизнь. Первая наша встреча состоялась на раскопках в Казанском Кремле.

Я пришел в Кремль, где велись работы, и сразу увидел глубокий раскоп. Из него поднялся по шаткой деревянной лестнице молодой крупный мужчина в белом джинсовом костюме и белой же кепке. Сразу стало ясно, что это и есть профессор Альфред Хасанович Халиков. Он провел краткую экскурсию по раскопу, пользуясь тем, что у студентов был перерыв и предложил работать на раскопе. Но мне не хотелось все лето провести в пыльном городе и он, к моей радости, предложил поехать в Билярск, где работала экспедиция.

Быстро договорились, я оформил документы и выехал на место. Так все лето 1977 г. я проработал в составе экспедиции на раскопках Билярского городища, познакомившись со студентами и научными сотрудниками, со многими из которых продолжаю дружить и теперь. Рафинд Фуатович Шарифуллин и Гамирзян Миргазиевич Давлетшин были и остаются первыми моими непосредственными начальниками и наставниками в суровых археологических буднях. Или довольно веселых. Это как взглянуть.

Уже в самом конце сезона Альфред Хасанович вызвал меня к себе в «шефский» дом и немного поговорив об исторических взглядах, предложил на будущий год приехать для поступления в Казанский университет. Тогда же впервые я сказал, что собираюсь заниматься военной историей татар и их предков. Умудренный опытом профессор не стал меня разубеждать и даже сказал, какую литературу мне следует прочитать в первую очередь. В Магадан я уехал окрыленным и стал готовиться к поступлению.

Потом поступил в Казанский университет, и потянулись счастливые студенческие годы. Учеба и работа в разных экспедициях – Билярской, Тиганской, Армиевской, Серго-Поливановской, Кисловодской и многих других. В это время определился круг моих научных интересов и основные систематические представления о

прошлом. Оказалось, что бессистемное чтение в юности было полезным, но без систематизации, без концептуального осмысления все это было лишь грудой фактов. А для науки важна система. Система получения фактов, системность взгляда на них, а также комплексный характер получения знаний о прошлом. Может быть, это был главный урок учебы в университете.

– А как происходило приобщение студентов к науке в Ваше время? Были какие-то особенности?

Став студентом, сразу же явился на кафедру археологии к профессору А.Х. Халикову в только что открытом для студентов II-м «гуманитарном» корпусе и сообщил, что готов приступить к реализации своей научной темы. Но Альфред Хасанович предложил не спешить и вначале помочь заведующей музеем – Светлане Игоревне Валиулиной по оформлению музея. Почти год длились работы по созданию одного из лучших учебных музеев археологии. В ходе этой работы легче устанавливать дружеские отношения и разглядеть кто на что способен. Скоро я стал своим и для старых кружковцев, и для сотрудников. Со Светланой Игоревной же завязалась искренняя дружба, которая прошла испытание временем. Потянулись счастливые дни, месяцы и годы учебы, полные открытий и систематизации знаний, почерпнутых из различных книг.

С самого первого года учебы при помощи и поддержке «старых» кружковцев, в первую очередь Веры Макаровой, студент Измайлов начал писать доклады и выступать на Урало-Поволжской археологической конференции. Первой темой стали топоры волжских булгар из коллекции университета. Доклад был не самый лучший, но и первокурсники не часто сразу же включаются в научную работу, без боязни докладывая о своих открытиях. В дальнейшем были и другие студенческие конференции, и встречи со сверстниками и старшими товарищами. Студенческая археологическая дружба, которая завязалась в ходе заседаний, дискуссий и, что греха таить, вечеринок, навсегда связала меня со многими коллегами – ныне ведущими археологами региона – Андреем Белавиным, Сергеем Зубовым, Алексеем Богачевым, Сергеем Боталовым, Валерием Гришаковым, Юрием Зеленевым, Александром Ивановым, Владимиром Овчинниковым, Юрием Семькиным,

Дмитрием Сташенковым, Михаилом Цыбиным и многими, многими другими. Потом были выезды в Москву для участия во Всесоюзной студенческой конференции, где участники имели счастье слушать лекции и общаться с В.Л. Яниным, Г.А. Федоровым-Давыдовым, Д.А. Авдусиным. Это была серьезная проверка знаний и умений при широкой, часто нелояльной аудитории. Весьма полезная и необходимая школа.

– Значит, Альфред Хасанович стал человеком, который заложил основу ваших знаний. Вы можете считать себя выходцем из его научной школы? Что ее отличало?

Самое первое впечатление о человеке необязательно самое правильное, но очень важное и запоминающееся. Альфред Хасанович или как мы его за глаза шутливо называли «Шеф», сразу производил впечатление аристократа. Не просто интеллигентного человека или профессора. Именно аристократа. Впрочем, в советское время любой профессор был почти аристократ. И по зарплате, и по самоощущению, и по значимости в глазах общества. Сейчас доктор наук – чуть больше, чем никто. Например, профессор Халиков читал десятилетиями два курса – «Археологию» и «Этногенез народов Поволжья и Приуралья», которых ему вполне хватало на ставку. Поэтому он мог быть заведующим отделом в академическом институте, вести раскопки, писать книги и готовить аспирантов. Высокий социальный статус рождал чувство собственного достоинства и значимости. Это, вполне очевидно, понимали все, кто с ним общался. А я видел, как он беседовал с разными людьми – от политиков и академиков, до шоферов и простых работяг. Он никогда не кричал, всегда был сдержан и вежлив. И никогда не был высокомерным и чванливым.

Кроме обычного для любого вуза гуманитарного профиля курса археологии, Альфред Хасанович читал еще особый курс, который долгое время являлся уникальным достижением Казанского университета – «Этногенез народов Поволжья и Приуралья». Это был не просто цикл лекций о народах Волго-Уральского региона – это был синтетический курс, который объединял в себе археологию, этнологию и историческую лингвистику. Автор не просто читал лекции, он творил на каждой из них, дискутировал, приво-

дил аргументы, вводил новые свежие данные. Это был один из самых интересных и зачинающих курсов лекций. Проходит время, устаревают знания, рушатся старые гипотезы и создаются новые концепции, сейчас я и сам читаю лекции о происхождении и этнической истории татарского народа, но тот заряд научного оптимизма, увлекательного научного поиска и стремления к упорядочению хаоса фактов в стройную теорию, – все это осталось со мной навсегда. Можно сказать прямо – сама теория этногенеза, выдвинутая Альфредом Хасановичем Халиковым, не выдержала проверку временем, но, чтобы это стало понятно, он должен был набраться смелости ее создать. Поэтому целое поколение учеников Халикова всегда имело довольно цельный, концептуальный взгляд на историю народов Поволжья и Приуралья, далекий от узко националистических и локально-местечковых представлений. Альфред Хасанович и сам всегда за отдельными деревьями фактов видел лес общей теории происхождения народов и своим ученикам прививал такое понимание прошлого – за отдельными фактами и фрагментами истории видеть целостную картину развития древнего и исчезнувшего общества. В этом непреходящее значение и влияние этого прекрасного ученого, великолепного педагога и строгого учителя. Он являлся ярчайшей звездой в созвездии университетских научных светил. Кроме него у нас было много других ярких преподавателей, но об этом надо говорить особо.

Почти 17 лет я учился у него, работал под его руководством и наблюдал в разных ситуациях. За это время я прошел долгий путь от полного восхищения до возражений, а потом и до прямой критики его взглядов. Камнем преткновения в этих отношениях стал вопрос о происхождении татарского народа. Альфред Хасанович был основателем научного булгаризма, тогда как я с начала 1990-х гг. считал такой подход односторонним и ущербным. Но при всех разногласиях не могу не признать, что многому у него научился. Он не занимался менторством и не заставлял заучивать тексты. Мы разрабатывали план изучения темы на семестр, и в конце он принимал экзамен. Понятно, что я не мог даже помыслить, чтобы что-то плохо выучить или прийти неподготовленным. Потом он устраивал дискуссию по каким-то вопросам, и мы обсуждали те или иные аспекты

темы. Например, особенности каменного века в Среднем Поволжье, формирование какой-то культуры и т.д.

Понятно, что он жил и преподавал в то время, когда он не уговаривал студентов пойти изучать археологию, а просто мог выбирать лучших, стремящихся попасть к нему на археологический кружок. А в аспирантуру уже отбирались лучшие из лучших. Хотя и после этого не все смогли сделать научную карьеру, но это не вина профессора, а способности того или иного ученого развить свои таланты.

Главное, чему учил нас профессор Халиков, было прекрасно знать конкретный материал – свою основную тему. Этими темами могли быть гончарная посуда, средневековое стекло, предметы вооружения или какое-то городище или культура. Но изучить этот предмет мы должны были досконально, с применением разных методик и процедур. Но не менее важным, на его взгляд, было понимать как это явление вписывается в общую систему понятий и концепций. А высшей точкой обобщения было понимание предмета в контексте этнокультурной истории. Отсюда вырос его уникальный курс по этногенезу народов Поволжья и Приуралья, который сейчас уже никто не читает студентам Казанского университета, и его стремление привить ученикам желание работать в этом направлении. Неудивительно, что в Казани сложилась сильная школа по изучению этих процессов в древности и средневековье, хотя, надо признать, что ученики пошли в этих исследованиях несколько иным путем.

– Казанская школа тюрко-татарской медиевистики имеет богатейшую традицию, но чем Ваш подход отличается от методов ваших предшественников, например, от ученых советской школы?

Если сконцентрироваться на особенностях, то надо подчеркнуть, что Альфред Хасанович Халиков сам соединял лучшие черты казанской школы, поскольку учился у Николая Филипповича Калинина, имевшего еще гимназическое образование, и в то же время черты московской школы, где проходил аспирантуру. Важными были его дружба и вечные споры, которым я сам был свидетелем, с Валерием Федоровичем Генингом. Кроме неумолимой полевой археологической работы они оба имели огромное желание

делать на основании материалов археологии исторические выводы. А В.Ф. Генинг очень любил строить разные теории, включая концептуальное обоснование своих этнокультурных реконструкций. Халиков внимательно изучал эти труды и творчески их перерабатывал, наполняя своими конкретными материалами и теоретическими доводами. Дабы не расписывать систему этих взглядов долго и подробно, подчеркнем главное – вся эта система целиком и полностью основывалась на советском философском фундаменте – историческом материализме в сталинском его понимании. Практически это означало, что все исторические процессы вытекали и определялись материальными факторами – то, что кратко формулировалось как «бытие определяет сознание». Поскольку считалось, что археология дает нам прямые и непосредственные материальные факты, то она может и должна быть основой для любых исторических реконструкций древности и средневековья, особенно в отношении так называемых бесписьменных народов, а это практически все народы Восточной Европы, Сибири и Дальнего Востока до XVIII в.

Исходя из этого постулата, реконструировались не только социальная история, но и этническая. Например, часто имели место такие рассуждения – наличие небольших сильно укрепленных городищ является свидетельством наличия замков, которые служат доказательством наличия феодального строя. То, что небольшие укрепленные городища появились в регионе еще с эпохи позднего бронзового века, следовательно, никак не могут сами по себе интерпретироваться как феодальные замки, во внимание не принималось. На практике, конечно, все было гораздо сложнее, и объем доказательств был несколько больше, но никогда обоснования и критерии того, чем был «феодальный замок» на Руси или в Булгарии, не ищались в самих ископаемых древностях. Наоборот, именно археология диктовала, каким должен быть замок в Восточной Европе. То есть, одна интерпретация материала обосновывала другую еще менее обоснованную интерпретацию.

Точно такая же система доказательств существовала и часто существует в изучении этнических процессов. Но здесь кроме археологического детерминизма теория опирается на эссенциалистские

(примордиальные) концепции, которые исходят из того, что этничность является врожденным качеством и присуща всем членам определенного общества, например, племени. Считается, что для них характерны определенные и уникальные язык и культура, а этнический процесс — это миграции и поглощение других подобных племен и народов. Нет даже речи о том, что эти категории определяются не врожденными качествами, а являются частью социализации каждого человека, как члена общества. Например, Маугли не имел никакой этнической принадлежности, поскольку даже общаться с другими людьми не мог, поскольку не имел членораздельной речи.

Исходя из данных критериев, советская наука придумала такую категорию, как «народность», постулируя, что в средние века существовали некие однородные этнокультурные общности по типу наций, но немного рыхлые и не совсем консолидированные, готовые распасться или ассимилироваться. Вот эти советские фантомы выступали в качестве акторов так называемой «этнической истории» в советской археологии и этнологии.

В реальности, и данные этнографии показывают это достаточно четко, таких однородных общностей никогда не существовало. Все средневековые общности были сословно-социальными и строго ранжированными сообществами, причем статусная принадлежность являлась гораздо более важной, чем языковая и религиозная. При этом религиозная общность иногда была интегрирующим фактором, а иногда — разделяющим разные сословия. При этом уровни осознания этнополитического и религиозного единства были различными. Для сословной элиты, особенно военно-служилого сословия, характерны представления о своей стране, как о корпоративном владении, что облекалось в систему мифологем и исторических преданий, часто изложенных в письменных текстах — хрониках и исторических сочинениях. Именно такими были средневековые общности булгар и татар. Эта концепция является научной альтернативой прошлой дихотомии «булгаризма-татаризма» и открывает возможность более адекватного понимания этносоциальных процессов.

Но основная часть населения любой средневековой страны не имела даже представления, что живет на Руси или в Улусе Джучи.

Основная часть податного населения, а это в подавляющем большинстве земледельцы, не имела иного самосознания кроме религиозного и местного общинного. Никакого «русского» или «булгарского» самосознания они не имели и иметь не могли. Этого просто не было в их картине мира. И это главное, что надо знать об этнических процессах в эпоху средневековья.

То есть, сама новая концепция носит совершенно иной характер обобщения и требует новой методики осмысления материала. Вместо советской теории восхождения от фактов археологии к конструированию этноса требуется более сложная методика. Сначала необходимо понять, что представители элиты считают основой своей идентичности, а затем найти отражение этих элементов этничности в археологическом материале. Часто в качестве критики говорят, что это не решает этнокультурные проблемы народов, для которых нет никаких материалов и/или их этническая принадлежность неизвестна. Ответ один – значит никаких выводов об этносе, оставившем какие-то археологические памятники, сделать невозможно. Так бывает в науке. Часто достоверных данных не хватает – это и есть предел наших современных знаний. Попытка строить гипотезы без должной методики и теоретического обоснования просто ненаучны. Но это речь идет только об одном аспекте этнических процессов – их, так сказать, материального воплощения, сама по себе археология реконструировать этнические процессы не в состоянии, для этого у нее просто нет должной компетенции.

Следует отметить, что важным элементом идентичности является самоназвание – этноним. Фактически для средневековья этноним является единственным свидетелем этнополитических процессов, которые происходят с этносом. Но на пути изучения этносов с помощью анализа этнонима возникают очень серьезные, часто неразрешимые проблемы, которые прямо связаны с лингвистикой, исторической текстологией и даже психологией. Прежде чем составить представление о развитии этнонима, необходимо препарировать его, понять в каком случае мы имеем дело с названием народа со стороны соседей (экзоэтноним), когда с переносом на дальний народ названия ближайшего соседа, а когда с переносом на новый народ уже известного той или иной культуре названия

народа, жившего здесь когда-то давно и сохранившегося исключительно в книжной традиции. Вариантов подобных искажений довольно много и даже перечисление их займет несколько страниц текста. Например, арабов VIII–X вв. все степные народы Евразии именовали тюрками, включая мадьяр (венгров), а византийцы именовали русов Святослава тавроскифами. Славяне называли западных соседей германцев и кельтов «немymi» – «немцами», причем эта традиция именовать так всех европейцев сохранялась до XVIII в. В современной России Китай получил название от татар, которые называли южных соседей по названию племени киданей (катай), а вот европейцы – по названию самого важного импортного товара – чая (Чайна). А вот китайцы с XIII в. называли все северные народы «татарами», включая маньчжуров и даже опрокинули это название в глубокую древность, именуя «татарами» даже хунну, сяньби и другие народы. Одним словом, сама методика изучения этнонима должна базироваться на сложном и скрупулезном анализе всех источников и вариантов употребления разных названий, учитывая кто, при каких обстоятельствах, в отношении кого и зачем употребляет тот или иной термин.

Именно поэтому современная этническая теория для древности и средневековья требует серьезного внимания и подхода, который должен опираться на комплексный анализ всех источников, современную этнологическую теорию и методику реконструкции. Именно такого подхода я придерживаюсь в своих трудах.

– Вы известны как специалист по военной истории и оружию. Что для Вас первично в этом интересе – технология (как ковалось оружие) или социальный контекст (кто и как им сражался)? Можно ли понять общество, изучая его военное дело?

Когда под руководством Альфреда Хасановича Халикова я начал заниматься изучением болгарского вооружения, то прекрасно понимал, что без консультаций с ведущими специалистами мне не обойтись. В тот период вооружением древних и средневековых народов профессионально занималось довольно малое число археологов и историков, всех специалистов можно было перечислить буквально по пальцам. Больше пяти, конечно, но и не более двух десятков. Ведущим специалистом и корифеем отечественного оружейне-

дения являлся Анатолий Николаевич Кирпичников. Он был прекрасным специалистом и великолепно знал оружие, специализируясь на древнерусском вооружении. Я долго пытался его убедить, что болгарское вооружение является особым ареалом, самостоятельным и отличным от древнерусского. Он спорил и не признавал моих аргументов. Завоевать его доверие мне удалось после того, как я привез ему два меча из Национального музея Татарстана (тогда еще Госмузея ТАССР) и при их расчистке выявились прекрасные клейма каролингской мастерской «Ульфберт». После этого Анатолий Николаевич стал более внимательно прислушиваться к моим доводам, а после того, как я выступил с докладом и даже прошел у него в отделе славяно-русской археологии предзащиту – отношения у нас установились вполне дружеские. К сожалению, начало 1990-х гг. и крах нашей академической науки заставил меня отложить работу на тему «Вооружение и военное дело волжских болгар X–XIII вв.». К ней я вернулся в 1996 г., когда защитил ее в качестве кандидатской диссертации благодаря поддержке Азгара Гатаулловича Мухамадиева и Индуса Ризаковича Тагирова, который тогда был председателем диссертационного совета.

Важную роль в становлении меня как оружейоведа сыграли Юлий Сергеевич Худяков, Михаил Викторович Горелик, Марк Григорьевич Крамаровский, Владимир Александрович Иванов и многие другие.

Отечественная школа оружейоведения, очевидно, наиболее сильная и продвинутая в мировой науке. С одной стороны, это было связано с тем, что наши специалисты сразу имели дело с массовым археологическим материалом, характеризующим вооружение от I тыс. до н.э. до XVI в. н.э. С таким объемом различного оружия сталкивались в Европе только скандинависты. Даже античные военные историки имеют дело с ограниченным количеством находок.

С другой стороны, это материал из раскопок, то есть имеющий определенный хронологический и культурный контекст, а не просто экспонаты музейных собраний. То есть, возможностей для реконструкции вооружения значительно больше.

Для более успешной реконструкции и анализа всего набора оружия отечественные оружейоведы стали применять понятие

«комплекс вооружения» – это не просто находки оружия из одного погребения, а модель всего вооружения, которое использовалось воинами в определенный момент времени, определенной группой воинов (как правило, сословием профессиональных воинов) и некой потестарной или политической общностью (от племени до государства). Именно эта модель позволяет установить логическую связь от классифицированных предметов оружия и снаряжения воинов к реконструкции вооружения и особенностям боевого применения оружия. Потом эта модель при сопоставлении со специально изученными письменными и другими источниками может стать основой для реконструкции войска и военного дела различных государств и народов.

В этой плоскости лежит ответ на вопрос кто и как мог использовать оружие. Мы должны помнить, что средневековое общество было не просто сословным, оно было четко и радикально разделено по сословным стратам. Военная элита в средневековом обществе (за редким исключением – как правило, речь об отдаленных горных регионах, где социальная стратификация была замедлена – Ирландия, Шотландия, Северный Кавказ, степи Евразии) никогда не превышала 10% всего населения. Но эта элита не занималась ничем кроме как подготовкой к войне (тренировки, турниры, охоты и т.д.) и участием в военных походах. Именно это военнослужилое сословие использовало профессиональное клинковое и древковое оружие, различные типы доспехов, метательное вооружение. Никто другой в средневековом обществе не мог владеть оружием и тем более его использовать. В Европе, Китае и Японии существовали, например, очень строгие законы, прямо запрещающие податным людям владеть оружием, а нарушение запрета каралось смертью. Поэтому в средние века воевали между собой рыцари, а остальные были их прислугой или вспомогательными частями войска. От количества и качества служилых людей зависела обороноспособность любого государства. Неудивительно, что татар с радостью принимали в Московском государстве и давали им земли и податных людей – это была военная элита. Никто другой не мог научиться владеть оружием и даже не мог получить этого навыка, не говоря уже о том, что по физическим данным (росту,

силе, весу) крестьяне-земледельцы уступали воинам-профессионалам, которые просто лучше питались.

Все это приводит нас к простой мысли, что изучение оружия, а также комплекса вооружения позволяет нам четко и конкретно составить представление о структуре общества, сословно-классовой системе государств и их особенностях.

– Как Вы связываете развитие казанской школы историков с общественно-политической ситуацией в стране? Как бы Вы оценили современный этап ее развития? Какие проблемы стоят перед исторической наукой в мире, в стране в целом и перед казанской исторической школой в частности?

Современный этап развития исторической науки отличается более внимательным отношением к текстам и способам извлечения из них информации. «Нарратология» и «филологический поворот» в исторических науках появились не просто так. Прежняя советская и позитивистская наука уже в 1970-е гг. были в глубоком кризисе. Обычные нарративы уже не позволяли получать новые сведения. Нужен был не просто новый вопросник, но понимание того, что ранкенианская наука с точки зрения того «как было на самом деле» себя изжила. Современный главный вопрос – понять как (буквально – какими словами и понятиями) описывал хронист то или иное событие и правильно ли мы его понимаем. Насколько он описывал реальность, описывал ли он ее вообще и что стоит за его словами – действительность или цитата из более ранней хроники или «Священного Писания».

Не ответив на эти вопросы, мы не сможем адекватно понять сведения своих источников и соответственно реконструировать прошлое.

Именно поэтому такое важное значение в Центре исследований Золотой Орды и татарских ханств придавалось и придается именно источниковедению, анализу и переводам различных источников, содержащих сведения о прошлом татарского народа. Именно такой подход является не просто передовым для современной науки, но он и только он способен открыть новые страницы прошлого.

Не так давно казалось, что вот-вот будут найдены новые источники по истории татар, и мы узнаем много нового. Но прошло

более 30 лет интенсивных поисков, а новых источников появилось не так много. Но при этом выяснилось, что и уже известные источники еще в полной мере не раскрыли свои возможности. В этом смысле можно сказать, что наши источники неисчерпаемы. Главное – неустанно искать новые вопросы и задавать их текстам источников. И тогда нас ждут новые открытия и находки, позволяющие взглянуть на прошлое во всей его полноте.

– Если бы у Вас была возможность отправиться в любую точку и эпоху Золотой Орды как очевидцу, куда бы Вы отправились и что хотели бы увидеть собственными глазами, чтобы разгадать самую главную загадку?

Интересный вопрос. Честно говоря, я уже с детства не верил в машину времени и возможность побывать в прошлом. Но сама мысль весьма интересна. Если пофантазировать и представить, что в нашем распоряжении будет машина времени по типу как из романа Майкла Крайтона «Стрела времени» или повести Кира Булычева «Похищение чародея», то встал бы вопрос о целенаправленном изучении всего периода Золотой Орды. Был бы создан отдел или даже институт, где концентрировались бы подобные знания.

Неизбежно встал бы вопрос – как готовить специалистов по путешествиям во времени. Ведь любой современный человек, оказавшись в прошлом, погиб бы в тот же день. Одежда, разговор, манеры, – все это выдало бы его в один момент. Потом надо понимать, что современные люди отягощены целыми мириадами микробов, которые стали бы смертельными для людей средневековья. Это примерно так, как погибли миллионы индейцев после прихода европейцев, поскольку их организмы не были готовы к встрече с болезнетворными бактериями, которые вполне мирно жили в организме жителей Европы. Или как китайцы завезли во Францию «испанку» – обычный грипп, который унес 50 миллионов жизней – в пять раз больше, чем мировая война.

Поэтому не думаю, что путешествия стали бы рядовой экскурсией. Проникновение в прошлое совершали бы очень подготовленные люди. Но в результате возник бы огромный музей-институт. Тут были бы и хранилища, и фотографии и различные видео- и аудиоматериалы – такой современный музей, где каждый мог бы

окупнуться в прошлое, ощутить себя его частью, при этом не совершая опасного путешествия в реальности. Хотя, подождите, это мы можем организовать и сейчас. Были бы средства и желание. Но пока, к сожалению, их нет. В Монголии создали огромный 9-этажный музей средневековой истории Монголии. Вот это я понимаю бережное и трепетное отношение к своему прошлому. А у нас, к сожалению, Национальный музей в полном развале, никакого особого внимания со стороны властей и общества. Это очень печально.

Ну, а если серьезно, то хотелось бы посмотреть на великие битвы средневековья, понять, в чем причина поражения Токтамыша или побед Идегея в битве на Ворскле. Я бы выбрал эти военные события. Все-таки военная история и военное дело – это то, что мне чрезвычайно интересно в прошлом.

– Если бы Вам предложили описать главный смысл Вашей работы в исторической науке одним предложением, как бы оно звучало?

Мне хотелось, чтобы татарская история стала великой, достойно представленной в научных и научно-популярных трудах, чтобы ею всегда гордились мои современники и будущие поколения. Считаю, что на этом пути я сделал довольно много. Если сравнить те несколько книг по средневековой истории татар с тем, что мы имеем сейчас – это просто небо и земля. Приятно, что в преодолении этой пропасти между тем, что было и стало, есть, пусть и небольшая, но моя лепта.

– Что бы Вы пожелали грядущим поколениям историков казанской школы и в целом?

Ищите, дерзайте. Не отступайте перед трудностями или чужим диктатом, доказывайте свою правоту и уступайте только перед логикой и весомыми аргументами. В этом и есть смысл науки – всегда двигаться вперед. Хотя у истории есть одна особенность – историки движутся вперед, но с головой, обращенной назад, в прошлое. Они фиксируют и рефлексировать путь, пройденный предыдущими поколениями, и тем самым дают надежду на будущее всей нации.

Гиниятуллина Л.С. Вопросы историку о времени, науке и прошлом

Люция Сулеймановна Гиниятуллина – младший научный сотрудник Центра исследований Золотой Орды и татарских ханств им. М.А. Усманова, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, Казань, Российская Федерация, lusiia@mail.ru

Lyutsiya S. Giniyatullina – Research Fellow of the Usmanov Center for Research on the Golden Horde and Tatar Khanates, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, Kazan, Russian Federation, lusiia@mail.ru

БИОГРАФИЯ ИСКАНДЕРА РУМИ В АНОНИМНОМ ПЕРСИДСКОМ СОЧИНЕНИИ 1126 г.

В статье представлена биография Искандера Руми в анонимном персидском сочинении 1126 г. «Муджмал ат-таварих». Отмечается, что текст «Муджмал ат-таварих» никогда ранее не переводились на русский язык. Это анонимное персидское сочинение 1126 г., будучи составлено в жанре «муджмал», представляет собой сложную компиляцию более ранних текстов ат-Табари, Мухаммада Бал'ами, Фирдоуси.

Ключевые слова: история, источниковедение, «Муджмал ат-таварих ва-л-кисас», биография, Искандер Руми, Александр Македонский

D.M. Timokhin

BIOGRAPHY OF ISKANDER RUMI IN AN ANONYMOUS PERSIAN WORK OF 1126

This article presents the biography of Iskander Rumi in the anonymous Persian work of 1126, "Mujmal al-tawarikh." It is noted that the text of "Mujmal al-tawarikh" has never previously been translated into Russian. This anonymous Persian work of 1126, being composed in the "mujmal" genre, is a complex compilation of earlier texts by at-Tabari, Muhammad Bal'ami, and Ferdowsi.

Keywords: history, source studies, "Mujmal at-tawarikh wa-l-qisas", biography, Iskander Rumi, Alexander the Great

Проблематика представленной статьи может показаться не совсем подходящей под научные интересы И.Л. Измайлова, в чей юбилейный сборник она была отправлена, однако нам видится, что, помимо тождественности имен, биография Искандера Руми

(Александра Македонского) является важным примером одного из ключевых нарративов в мусульманской историографии домонгольской эпохи. Как отметил уже Е.Э. Бертельс в своей классической работе *«Роман об Александре и его главные версии на Востоке»*:

*Образ Александра Македонского издревле поражал воображение всех народов, до которых в той или иной форме доходили слухи о его необычных походах. Литературные произведения, посвященные этому полководцу, сложились и на Востоке, и на Западе в своеобразный жанр «Александрий» (романов об Александре), продолжавших возникать еще и в XVIII в.*¹

Как нам кажется, живой интерес И.Л. Измайлова к средневековым источникам, особенно мусульманским, равно как и широта его научных интересов, вполне обуславливают тот факт, что нами была представлена статья, касающаяся одного из значимых памятников мусульманской историографии домонгольской эпохи, включившему в себя один из *«сквозных сюжетов»*, то есть биографию Александра Македонского, которого сам анонимный автор называет *«Искандер Руми»*².

Интересующий нас памятник, который был нами обозначен в заголовке статьи, как анонимное персидское сочинение 1126 г., носит название *«Муджмал ат-таварих ва-л-кисас»* (*«Свод историй и повествований»*). Относительно этого сочинения, его особенностей и содержания мы неоднократно писали в более ранних исследованиях³, поэтому здесь обратим внимание лишь на разде-

¹ Бертельс Е.Э. Роман об Александре и его главные версии на Востоке. М.-Л.: Издательство АН, 1948. С. 3.

² Не будем забывать и том, что одно из ключевых исследований самого И.Л. Измайлова по истории Волжской Булгарии носило название *«Защитники “Стены Искандера”»*, что кажется нам весьма любопытным совпадением с проблематикой этой статьи (см.: Измайлов И.Л. Защитники «Стены Искандера». Казань: Татар.кн.изд-во, 2008). – Д.Т.

³ Тимохин Д.М. Сведения по истории Дагестана в анонимном персидском сочинении 1126 г. // История, археология и этнография Кавказа. Махачкала, 2021. Т. 17. № 1. С. 43–60; Тимохин Д.М. Этнонимы и топонимы в рассказе о Тюрке, сыне Йафета, в анонимном *«Муджмал ат-таварих ва-л-кисас»* // Восточная Европа в древности и средневековье.

лы, содержащие информацию о биографии Искандера Руми. Здесь, прежде всего, отметим, что ни сам по себе полный текст «Муджмал ат-таварих», ни интересующие нас разделы никогда ранее не переводились на русский язык⁴. Что же касается перевода на европейские языки, то здесь можно отметить издание перевода на французский язык той части данного источника, которая касалась собственно персидских династий, осуществленный еще в XIX в. Ж. Молем на страницах «*Journal Asiatique*»⁵. Несмотря на то, что этот выдающийся ученый перевел оба примера биографии Искандера Руми из состава «Муджмал ат-таварих»⁶, ему был доступен лишь Парижский список этого сочинения (BNF, MS. pers., AF 62), известный впоследствии и В.В Бартольд, опубликовавшему часть этого анонимного сочинения в составе хрестоматии арабских и персидских текстов – «*Туркестан в эпоху монгольского нашествия*

Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР Владимира Терентьевича Пашуто. Выпуск XXXVII. Этно- и топонимия в социокультурных практиках / Отв. ред. Е.А. Мельникова. М.: Институт всеобщей истории РАН, 2025. С. 217–220; Тимохин Д.М. Предание о Йафете ибн Нухе в составе «Муджмал ат-таварих ва-л-кисас» // *Islamology*. 2025. № 14(1). С. 72–82; Тимохин Д.М. Рассказ о путешествии Саллама ат-Тарджумана в составе Муджмал ат-таварих ва-ль-кисас // *История Ближнего Востока и Северной Африки в Средние века и Новое время: проблемы, параллели, аналогии. Колл. монография / Институт востоковедения РАН. М.: ИВ РАН, 2025. С. 127–156; Тимохин Д.М., Тишин В.В. Титулы правителей Востока в анонимном персидском сочинении «Муджмал ат-таварих ва-ль-кисас» // *История, археология и этнография Кавказа*. 2026 (в печати).*

⁴ Редким исключением следует признать работу А.П. Новосельцева, в которой приведены переводы отдельных разделов из «Муджмал ат-таварих», касающихся Восточной Европы и населявших ее народов. См.: Новосельцев А.П. Восточные источники о восточных славянах и Руси VI–IX вв. // *Древнейшие государства Восточной Европы*. 1998 год: Памяти чл.-корр. РАН А.П. Новосельцева. Отв. ред. тома Т.М. Калинина. М.: Восточная литература, 2000. С. 264–323. – *Д.Т.*

⁵ Mohl J. Extraits du Modjmel al-Tewarikh relatifs à l'histoire de Perse // *Journal Asiatique*. 1841. Ser. III, № 11, P. 136–178, 258–301, 320–361; 1841. № 12, P. 497–536; 1842. № 14, P. 113–152; 1843. Ser. IV, № 1. P. 385–432.

⁶ Mohl J. Extraits du Modjmel al-Tewarikh relatifs à l'histoire de Perse // *Journal Asiatique*. 1841. Ser. III, № 11, P. 163–164, 339–342.

вия. Тексты»⁷. При этом на данный момент известно еще о трех списках «Муджмал ат-таварих»: Дублинском (CBL, MS. 330), Берлинском (SSB SPK – Orientabteilung, MS. pers., Or. 2371), Гейдельбергском (MS. pers., Cod. Heid. orient. 118), которые вместе с Парижским списком легли в основу критического издания текста «Муджмал ат-таварих», осуществленного С. Наджабади и З. Вебером⁸. Именно к этому изданию⁹ и доступному нам Гейдельбергскому списку мы обращались при переводе биографии Искандера Руми в анонимном персидском сочинении 1126 г.

Анонимный автор впервые обращается к биографии Искандера Руми в главе девятой «О разрядах падишахов 'Аджамы в трех рассказах»¹⁰, где в подразделе «Разряд Кайанидов» был включен и рассказ, носящий следующее название – «Искандар ал-Руми и он Зу-л-Карнайн Второй (هو ذوالقرنين الثاني)»¹¹. В нем составитель «Муджмал ат-таварих» предлагает следующие интересные сведения о македонском правителе.

⁷ Бартольд В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Часть первая. Тексты. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1898. S. 19–20.

⁸ Mujmal at-tawarikh wa-l-qisas. Eine persische Weltgeschichte aus dem 12. Jahrhundert / Ed. by Seifeddin Najmabadi, Siegfried Weber. Edingen-Neckarhausen: Deux Mondes, 2000.

⁹ Следует отметить, что первый опыт публикации персидского текста «Муджмал ат-таварих» принадлежит Мухаммаду Таки Бахару, который в 1939 г., ориентируясь преимущественно на Парижский список, первым предложил научному сообществу ознакомиться с полным текстом этого источника и привел комментарии к опубликованному им тексту. См: Mujmal at-tawarikh wa-l-qisas. Mujmal at-tawarikh wa-l-kisas / Ed. by Mohammad Taqi Bahar. Tehran: Chapaney-e Navar Tehran, 1939. – Д.Т.

¹⁰ Mujmal at-tawarikh wa-l-qisas. Eine persische Weltgeschichte aus dem 12. Jahrhundert / Ed. by Seifeddin Najmabadi, Siegfried Weber. Edingen-Neckarhausen: Deux Mondes, 2000. S. 23; Cod. Heid. Orient. 118. f. 12v.

¹¹ Mujmal at-tawarikh wa-l-qisas. Eine persische Weltgeschichte aus dem 12. Jahrhundert / Ed. by Seifeddin Najmabadi, Siegfried Weber. Edingen-Neckarhausen: Deux Mondes, 2000. S. 27; Cod. Heid. Orient. 118. f. 16r.

В среде персов рассказывают так: Дārāй (دارا) взял в жены дочь Филфуса (فيلفوس)¹², правителя греков (ملك یونان), и от него она забеременела. Затем по причине, о которой будет сказано потом в виду ничтожности этого проступка, он отослал ее обратно к ее отцу, не зная о том, что она была беременна. Когда он родился, то Филфус дал ему имя Искандар (اسکندر), и сказал: «*Это мой сын!*», потому что ему было стыдно сказать правду. Ведь Дārāй был женат на его дочери, и он хотел скрыть [это]. Поэтому жители Персии его называли Дārāй сын Дārāба (دارای بن داراب)¹³; и по-разному рассказывают о его происхождении. В «Искандар-намэ» (اسکندر نامه) рассказано о Бахтийануше (بخشیانوش)¹⁴, правителе Египта (ملك مصر), который был колдуном. Когда его изгнали из собственного царства, он скрытно бежал в страну греков, и там благодаря колдовству и магическим обрядам, он сошелся с дочерью Филфуса, которую звали ал-Мафид (المفید), и у них родился сын – Искандар. Есть несколько других повествований об этом, в которых нет ни слова истины. Однако нет сомнений, что его матерью была дочь Филфуса. В «*Ta'rix*» Джарира (تاریخ جریر) также сказано, что тот Зу-л-Карнайн, который был вместе с Хызром (خضر), Мир ему, и они искали источник воды жизни – это было во времена Джалила ал-Рахмана¹⁵ (خلیل الرحمن), Мир ему! А это – Зу-л-Карнайн, рассказ о котором есть в Священном Коране, в суре «ал-Кахф» («*Пещера*» – *Д.Т.*), и он строитель стены Йаджуджа и Маджуджа (سد یاجوج و ماجوج), что было после эпохи Мусы (موسی), Мир ему! Это и есть Искандар Руми или Макдуни (ماقدونی) его прозывают, и именно его

¹² В Гейдельбергском списке – فلکوس – *Д.Т.*

¹³ В Гейдельбергском списке – Дārāй ибн Дārāй ибн Дārāб (دارای بن داراب) – *Д.Т.*

¹⁴ В Гейдельбергском списке – بختیانوش, при этом в переводе Ж. Моля это имя дано в варианте «*Нектанабус*», под которым надо понимать фараона Нектанеба II, которому отдельные средневековые авторы приписывали отцовство в отношении Александра Македонского, однако в персидском тексте имя звучит иначе, нежели указывает упомянутый французский ученый. – *Д.Т.*

¹⁵ Речь идет о пророке Ибрахиме. – *Д.Т.*

называют Зу-л-Карнайн второй. А рассказ об этом я дам в своем месте – если на то будет воля Всевышнего Аллаха Единого!¹⁶

Хотелось бы обратить внимание на несколько важных, с нашей точки зрения, моментов в отношении представленного перевода раздела из состава *«Муджмал ат-таварих»*. Анонимный автор включает в состав данного рассказа об *«Искандере Руми»* лишь сведения о его рождении и две версии происхождения этого исторического деятеля, которые, в свою очередь, историографически связаны с более ранними памятниками. Уже Е.Э. Бертельс в упомянутом нами выше исследовании *«Роман об Александре и его главные версии на Востоке»* не рассматривает текст *«Муджмал ат-таварих»*, однако приводит обе версии происхождения Искандера Руми в составе более ранних мусульманских памятников. В качестве наиболее раннего примера этот исследователь приводит сочинение *«ал-Ахбар ат-тивал»* Абу-Ханифы Ахмада ибн Дауда ад-Динавари (IX в.).

Динавари имел тесную связь с шуубитскими кругами и был прекрасно знаком со всей их литературной продукцией. В своей истории он уделяет главное внимание всему тому, что могло представлять интерес для иранцев. Говоря о происхождении Александра, он подчеркивает, что сообщает этот рассказ так, как «полагают иранцы», т.е. в соответствии с сасанидской традицией. По его рассказу, Филипп Македонский, будучи побежден во время столкновения с Дара, сыном Бахмана, т.е. Дарием II, был вынужден платить ему дань (золотое яйцо) и выдать за него замуж свою дочь. Дарий провел с ней брачную ночь, но по причине ее физического недостатка возымел к ней сильное отвращение и повелел отправить ее обратно к отцу. Она успела зачать и по возвращении на родину родила сына. Это и был Александр. Желая скрыть позор, его выдавали за сына Филиппа, но на самом деле он сын Дария II, т.е. старший брат Дария III, рожденного позднее от другой матери¹⁷.

¹⁶ Mujmal at-tawarikh wa-l-qisas. Eine persische Weltgeschichte aus dem 12. Jahrhundert / Ed. by Seifeddin Najmabadi, Siegfried Weber. Edingen-Neckarhausen: Deux Mondes, 2000. S. 27–28; Cod. Heid. Orient. 118. f. 16r.

¹⁷ Бертельс Е.Э. Роман об Александре и его главные версии на Востоке. М.-Л.: Издательство АН, 1948. С. 13.

С нашей точки зрения, анонимный составитель «Муджмал ат-таварих» формировал свой рассказ об Искандере Руми, опираясь, в данном случае, не на само сочинение ад-Динавари, а на тексты его более поздних продолжателей. Если быть совсем точным, то, как было нами отмечено в более раннем исследовании, основой для формирования нарратива об Александре Македонском и его подвигах в анонимном персидском сочинении 1126 г. стал памятник за авторством Мухаммада Бал'ами, который известен исследователям под названием «*Тарих-и Бал'ами*» и сам по себе является переводом на персидский язык более раннего сочинения Абу Джа'фара Мухаммада ибн Джарира ат-Табари¹⁸.

Таким образом, Балами воспроизводит в сказании об Искандере основные черты рассказа Табари, немного сильнее окрашивая описание шуубитские тона, но парализуя эту окраску добавлением коранических традиций. Круг использованных материалов значительно шире у Фирдоуси¹⁹.

Впрочем, весьма любопытно, что Мухаммад Бал'ами приводит лишь одну версию происхождения Искандера Руми, а именно – рассказ о дочери Филиппа Македонского, которая стала женой царя Дария, но была отправлена им домой, где и родила сына от персидского царя²⁰. Что же касается второй версии, а именно – происхождение Искандера Руми от египетского фараона Нектанеба II, названного анонимным автором Бахтийануш (بختیاانوش), то ее также упоминает Е.Э. Бертельс, однако не связывает ни ад-Динавари, ни ат-Табари или его продолжателей.

Путь к этому указал «Псевдо-Каллисфен». В этом романе, как сказано, Александр был изображен как потомок египетских царей.

¹⁸ Тимохин Д.М. Рассказ о путешествии Саллама ат-Тарджумана в составе Муджмалъ ат-таварих ва-ль-кисас // История Ближнего Востока и Северной Африки в Средние века и Новое время: проблемы, параллели, аналогии: коллективная монография /отв. ред. Д.Е. Мишин; Ин-т востоковедения РАН. М.: ИВ РАН, 2025. С. 127–156.

¹⁹ Бертельс Е.Э. Роман об Александре и его главные версии на Востоке. М.-Л.: Издательство АН, 1948. С. 21.

²⁰ Mohammad Bal'amy. Tarikh-i Bal'amy / Ed. by Muhammad Taqi Bahar. Tehran: Chapkhana Tabish, 1974. Jild 2. S. 693–701.

Можно подумать, что среднеперсидский перевод этой книги натолкнул официальных сасанидских историографов на мысль ввести в родословную завоевателя иранских царей и, таким путем, сделать его правомочным преемником Дария²¹.

Весьма вероятно, что подобная интерпретация происхождения Искандера Руми восходит к одному из переводов этого источника на персидский язык, который сам анонимный автор называет как «*Искандар-намэ*»²². Впрочем, в его сообщении фигурирует название еще одного памятника, который он называет своим источником, а именно ««*Та'рих*» *Джарира*» (تاریخ جریر). Как нам кажется, перед нами указание на сочинение все того же Абу Джа'фара Мухаммада ибн Джарира ат-Табари, хотя из контекста не ясно – действительно ли анонимный автор использовал именно этот текст или же все-таки речь опять идет о его персидском переводе, осуществленном Мухаммадом Бал'ами. Теперь же хотелось бы обратить внимание на второй вариант биографии Искандера Руми, который включен в состав «*Муджмал ат-таварих*»: он помещен анонимным автором в состав все той же главы 9 «*О разрядах падишахов 'Аджам в трех рассказах*» в подраздел «*Рассказ второй из девятой главы*»²³. Внутри этого подраздела анонимный автор вновь возвращается к истории династии Кайанидов, обозначая эту часть подраздела заголовком «*Династия Кайанидов, начиная с предания о Бахраме мубаде*»²⁴ и включая в его состав интересую-

²¹ Бертельс Е.Э. Роман об Александре и его главные версии на Востоке. М.-Л.: Издательство АН, 1948. С. 13.

²² Это никак не может быть известное исследователям произведение Низами Гянджеви, которое было написано гораздо позднее, нежели время составления «*Муджмал ат-таварих*». – Д.Т.

²³ Mujmal at-tawarikh wa-l-qisas. Eine persische Weltgeschichte aus dem 12. Jahrhundert / Ed. by Seifeddin Najmabadi, Siegfried Weber. Edingen-Neckarhausen: Deux Mondes, 2000. S. 33; Cod. Heid. Orient. 118. f. 20r.

²⁴ Mujmal at-tawarikh wa-l-qisas. Eine persische Weltgeschichte aus dem 12. Jahrhundert / Ed. by Seifeddin Najmabadi, Siegfried Weber. Edingen-Neckarhausen: Deux Mondes, 2000. S. 38; Cod. Heid. Orient. 118. f. 23v. Здесь хотелось бы обратить внимание на то, что в издании персидского текста, осуществленном Мухаммадом Таки Бахаром (Mujmal at-tawarikh wa-l-qisas. Mujmal at-tawarikh wa-l-kisas / Ed. by Mohammad Taqi Bahar.

щий нас рассказ – «*Падишах Искандар Руми, [чье правление] было четырнадцать лет*»²⁵.

В преданиях говорится о двенадцати годах, но можно предположить, что такой подсчет связан с тем, что он правил несколько лет в Иране, таким же образом, как Афрасийаб (افراسياب), о котором писали, что он [правил] двенадцать лет, а это было от времени [правления] Манучихра (منوچهر) до [правления] Кайхусрау (کیخسرو). А Искандар достиг Запада и Востока, обошел весь мир и подчинил себе всех его правителей, попирая ногами своими сушу и море, а такое невозможно сделать, не проживи долгую жизнь – а Аллах знает лучше! Когда Дарай (دارا) был положен в гробницу, его убийцы хитростью были схвачены Искандаром и по приказу его были повешены. После этого он возжелал жениться на Роушанак (روشنک)²⁶ и по этой причине жители Ирана полюбили Искандара. А оттуда он направился в Хиндустан (هندوستان), где своею рукой убил Фура (فور). Тогда Кейд (کید) [правитель] Хинда запросил мира. И дочь, и великого врача, чашу и философа он [Искандару] отправил, которых он у него потребовал, поскольку никто в мире не обладал ничем подобным этим четырем драгоценностям. Потом он покинул эти земли и выступил против Кейдафэ (قیدافه), с которым

Tehran: Chapaney-e Navar Tehran, 1939. S. 45), равно как и в Гейдельбергском списке (Cod. Heid. Orient. 118. f. 23v) этот подраздел носит название «*Династия Кайанидов, начиная с предания о Бахраме мубаде*», а в критическом издании С. Наджабади и З. Вебера – «*Династия Кайанидов, начиная с предания о Бахраме мубаде Шапуре*» (Mujmal at-tawarikh wa-l-qisas. Eine persische Weltgeschichte aus dem 12. Jahrhundert / Ed. by Seifeddin Najmabadi, Siegfried Weber. Edingen-Neckarhausen: Deux Mondes, 2000. S. 38). Причина этого разночтения для нас остается загадкой. – Д.Т.

²⁵ Mujmal at-tawarikh wa-l-qisas. Eine persische Weltgeschichte aus dem 12. Jahrhundert / Ed. by Seifeddin Najmabadi, Siegfried Weber. Edingen-Neckarhausen: Deux Mondes, 2000. S. 47–48; Cod. Heid. Orient. 118. f. 30r – 31r.

²⁶ Согласно сведениям Фирдоуси, это имя носила царя Дария, побежденного Искандером Руми, на которой он женился по просьбе умирающего персидского царя (Бертельс Е.Э. Роман об Александре и его главные версии на Востоке. М.-Л.: Издательство АН, 1948. С. 24). – Д.Т.

потом покончил дело миром. Таким образом, все правители Востока склонились перед ним, а часть из них он убил. Обо всем этом мы расскажем подробно, если того захочет Бог!

Еще до битвы Дарайем Запад был обойден им из конца в конец, и он достиг того места, где садилось солнце²⁷, о чем изложено в айате Священного Корана. Затем он построил стену Йаджудж и Маджудж (سد ياجوج و ماجوج): он сделал ее из железных кирпичей, между которыми поместил олово, медь и смеси, как это умеют делать архитекторы Рума (مهندسان روم). Затем он использовал огонь для того, чтобы все расплавилось, а затем застыло и превратилось в единую твердую массу. И этот рассказ является подтверждением слов Всевышнего в суре ал-Кахф (Пещера – Д.Т.) и он приказал поместить здесь (т.е. на стене – Д.Т.), когда она будет завершена, [надпись]:

Во имя Аллаха, Славного и Величественного! Эта стена была построена с помощью Аллаха, и она простоят столько, сколько захочет Аллах! Но когда пройдет восемьсот и шестьдесят лет из последней тысячи (лет – Д.Т.), эта стена треснет во время великих грехов и преступлений (мира – Д.Т.), и разрушения кровных связей и ожесточения сердец, и выведет Аллах за эту стену великое множество людей из этого народа, в таком количестве, какое знает лишь Он сам. Они достигнут заката Солнца и съедят все припасы и все фрукты, до каких смогут добраться, включая сухую траву и листья на деревьях. Они выпьют все реки, которые будут пересекать, так что не останется ни единого глотка воды. Когда

²⁷ Здесь стоит отметить, что в этом разделе «Муджмал ат-таварих» анонимный автор относит место проживания Йаджудж и Маджудж к западному региону, в то время как в его варианте рассказа о путешествии Саллама ат-Тарджумана эти народы и «стена Александра» связаны в свою очередь с «востоком летним». См.: Mujmal at-tawarikh wa-l-qisas. Eine persische Weltgeschichte aus dem 12. Jahrhundert / Ed. by Seifeddin Najmabadi, Siegfried Weber. Edingen-Neckarhausen: Deux Mondes, 2000. S. 379–380; Тимохин Д.М. Рассказ о путешествии Саллама ат-Тарджумана в составе Муджмал ат-таварих ва-ль-кисас // История Ближнего Востока и Северной Африки в Средние века и Новое время: проблемы, параллели, аналогии: коллективная монография /отв. ред. Д. Е. Мишин; Ин-т востоковедения РАН. М.: ИВ РАН, 2025. С. 127–156. – ДТ.

*же достигнут они страны ал-Сабус (ارض السابوس), то все до последнего погибнут поскольку так повелел Аллах!*²⁸

Искандар основал двенадцать городов: Искандерийю в Египте (مصر), и нет более величественных зданий и минарета, чем там, и талисман (طلسم) тот был создан Балинасом (بلينس) в свое время. Им были также построены Мерв (مرو) в Хорасане (خراسان), и город Садух (صدوه) на берегу моря, и город Бакар в земли Чина (شهر بكر به) (اسپاهان) и область Исфакхана (اسپاهان), как некоторые говорят, были основаны Искандаром. Другие [города] он построил в землях Рума, Мисана (ميسان), Самарканда (سمرقند), Бабелы (بابل) и в других местах. А персы отрицают то, что говорят о городах в Иране, говоря – этот человек разрушал, а не строил. Но я в нескольких книгах обнаружил подтверждение своему рассказу. Когда же эпоха его подходила к концу то он, по совету Аристаталиса мудрого (ارسطاطاليس حكيم), в каждом регионе поставил падишахов, в землях Ирана и у арабов, так что ни один из них не мог другому отдавать приказов. И они получили от него лакаб малуки тава'иф (вожди племен – ملوك طوايف) и в среде арабов их называли говорящие и обладающие (اقيال و ذون). А Аристаталис этот совет дал для того, чтобы никто из них в землю Румийцев не вторгся, если бы и захотел. А Искандар умер в городе Зур (زور) и его перевезли в Искандерийю. А некоторые говорят, что он именно в этом городе и умер. А у греческих философов (فلاسفه يونان) есть множество рассказов, в которых мудро и красноречиво говорится о гробнице Искандара, а они переведены на арабский язык. И многие из них Фирдоуси (فردوسی) переложил в стихи, о чем я напишу в своем месте – если на то будет воля Аллаха Премудрого, а с Ним защита и успех!

Таким образом, эта династия Кайанидов состояла из десяти правителей, включая Искандара Руми, и время ее правления состояла из семьсот тридцати двух лет. А говорят, что после Искан-

²⁸ Данное сообщение Искандера Руми в тексте рукописи и в критических изданиях дано на арабском языке, поэтому мы были вынуждены в этой части перевода ориентироваться на публикацию Ж. Моля, в то время как персидская часть текста переводилась нами по изданию 2000-го года и Гейдельбергскому списку. – Д.Т.

дара большая часть его визиров и приближенных стали падишахами и правили семьдесят два года. А о них большого количества рассказов я не прочитал, чтобы дать по этому поводу исчерпывающее повествование – а Аллах знает лучше!²⁹

Приведенный выше вариант биографии Искандера Руми в анонимном персидском сочинении 1126 г. посвящен качественно иным сюжетам, нежели первый рассказ об этой исторической личности. Здесь анонимного автора уже интересуют собственно «деяния» Искандера Руми, а не его происхождения и очевидно ключевым сюжетом в этом варианте биографии станет строительство «стен *Йаджудж и Маджудж*». На анализе этого нарратива из состава «*Муджмал ат-таварих*» мы останавливались в более раннем исследовании³⁰, а здесь лишь отметим тот факт, что, с нашей точки зрения, источниковой основой для анонимного автора при рассказе о строительстве этой «стен *Искандера*» станет уже упомянутое нами сочинение Мухаммада Бал'ами³¹. При этом для остальной части этого варианта биографии Искандера Руми наш автор называет свои источники и одним из них очевидно было выдающееся сочинение Фирдоуси – «*Шах-намэ*». Здесь можно привести несколько примеров такого рода заимствований, которые позволяет себе составитель «*Муджмал ат-таварих*»: так, например можно вспомнить о дарах индийского правителя Кейда – «дочь, и великого врача, чашу и философа он [*Искандару*] отправил, которых он у него потребовал, поскольку никто в мире не об-

²⁹ Mujmal at-tawarikh wa-l-qisas. Eine persische Weltgeschichte aus dem 12. Jahrhundert / Ed. by Seifeddin Najmabadi, Siegfried Weber. Edingen-Neckarhausen: Deux Mondes, 2000. S. 47–48; Cod. Heid. Orient. 118. f. 30r – 31r; Mujmal al-tawarikh wa-'l-qisas. Tehran: Chaphaney-e Navar Tehran, 1939. S. 56–58.

³⁰ Тимохин Д.М. Рассказ о путешествии Саллама ат-Тарджумана в составе Муджмал ат-таварих ва-ль-кисас // История Ближнего Востока и Северной Африки в Средние века и Новое время: проблемы, параллели, аналогии: коллективная монография / отв. ред. Д. Е. Мишин; Ин-т востоковедения РАН. М.: ИВ РАН, 2025. С. 127–156.

³¹ Mohammad Bal'amy. Tarikh-i Bal'amy / Ed. by Muhammad Taqi Bahar. Tehran: Chapkhana Tabish, 1974. Jild 2. S. 715–717.

ладал ничем подобным этим четырем драгоценностям»³². О таких дарах пишет Е.Э. Бертельс при анализе нарратива Фирдоуси: «Кейд согласен подчиниться и предлагает дары: чашу, в которой налитая вода превращается в вино, искусного врача, который по слезам больного определяет его болезнь, и замечательную красавицу»³³. Составитель «Муджмал ат-таварих» упоминает и четвертый дар, философа, но тут он мог смешать рассказ о получении даров и ответное посольство Искандера, в состав которого входили десять мудрецов или его общение с индийским философом, которое состоялось согласно Фирдоуси уже после получения этих даров индийского правителя³⁴.

Другой пример указанной историографической связи можно увидеть в той части рассказа анонимного автора, где он упоминает совет Аристотеля Искандеру в отношении завоеванных им территорий и их разделения на отдельные самостоятельные царства.

Аристотель отвечает: «Не проливай их крови и не гневи богов. Если истребишь иранцев, то нападут тюрки, индийцы, славяне, китайцы. Раздели лучше страну между вельможами, они будут враждовать друг с другом и оставят Рум в покое». Он так и сделал, и отсюда пошли диадохи (мулук-и таваиф)³⁵.

Справедливости ради стоит отметить, что указание на подобный совет Аристотеля и разделение царства Искандером можно найти и в сочинении Мухаммада Бал'ами, что позволяет предположить, что наш анонимный автор мог использовать несколько разных источников для составления этой части своего рассказа о деяниях Искандера Руми.

Когда захотел он покинуть те края, то аристократии в каждом из городов предоставил своего правителя, [и каждый город сделал самостоятельным государством], так что приказам друг друга они

³² Mujmal at-tawarikh wa-l-qisas. Eine persische Weltgeschichte aus dem 12. Jahrhundert / Ed. by Seifeddin Najmabadi, Siegfried Weber. Edingen-Neckarhausen: Deux Mondes, 2000. S. 47.

³³ Бертельс Е.Э. Роман об Александре и его главные версии на Востоке. М.-Л.: Издательство АН, 1948. С. 25.

³⁴ Там же.

³⁵ Там же.

не подчинялись, и не было правителя у них, который мог бы их удержать и защитить от врагов, чтобы эти царства поскорее освободились. Так что после эпохи Искандара эти государства четыре-ста лет существовали и, поскольку они были царского рода (طایفه ملکی), их стали называть царями племен (ملوک طوایف)³⁶.

Подводя итоги, можно подчеркнуть несколько значимых, пусть и промежуточных выводов в отношении биографии Искандера Руми в «Муджмал ат-таварих». Прежде всего, анонимный автор сознательно разделяет этот нарратив на повествование о происхождении данной исторической личности и отдельно – на рассказ о его деяниях и строительстве «стены Йаджудж и Маджудж», чему он уделяет более всего своего внимания. Причина может заключаться в том, что рассказ о происхождении был необходим анонимному автору для легализации присутствия Искандера Руми в списке правителей Ирана, а вот второй рассказ должен был содержать в себе непосредственно важнейшие события его правления. Анонимное персидское сочинение 1126 г., будучи составлено в жанре «муджмал», представляет собой сложную компиляцию более ранних текстов: в нашем случае, ее составитель очевидно, и он сам в этом признается, обращался к тексту ат-Табари, вероятнее всего в персидском варианте Мухаммада Бал'ами, и был очевидно знаком с творчеством Фирдоуси. Впрочем, сложно отрицать наличие собственно авторских вставок в обоих рассказах об Искандере Руми, равно как и вероятного использования иных источников, установить которые станет возможно в ходе дальнейшего исследования текста такого замечательного источника домонгольской эпохи, каковым по праву следует считать «Муджмал ат-таварих ва-л-кисас».

³⁶ Mohammad Bal'amy. Tarikh-i Bal'amy / Ed. by Muhammad Taqi Bahar. Tehran: Chapkhana Tabish, 1974. Jild 2. S. 699.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бартольд В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Часть первая. Тексты. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1898.
2. Бертельс Е.Э. Роман об Александре и его главные версии на Востоке. М.-Л.: Издательство АН, 1948.
3. Измайлов И.Л. Защитники «Стены Искандера». Казань: Татар. кн. изд-во, 2008.
4. Новосельцов А.П. Восточные источники о восточных славянах и Руси VI–IX вв. // Древнейшие государства Восточной Европы. 1998 год: Памяти чл.-корр. РАН А.П. Новосельцева. Отв. ред. тома Т.М. Калинина. М.: Восточная литература, 2000. С. 264–323.
5. Тимохин Д.М. Предание о Йафете ибн Нухе в составе «Муджамал ат-таварих ва-л-кисас» // Islamology. 2025. № 14(1). С. 72–82.
6. Тимохин Д.М. Рассказ о путешествии Саллама ат-Тарджумана в составе Муджмал ат-таварих ва-ль-кисас // История Ближнего Востока и Северной Африки в Средние века и Новое время: проблемы, параллели, аналогии. Колл. монография / Институт востоковедения РАН. М.: ИВ РАН, 2025. С. 127–156.
7. Тимохин Д.М. Сведения по истории Дагестана в анонимном персидском сочинении 1126 г. // История, археология и этнография Кавказа. Махачкала, 2021. Т. 17. № 1. С. 43–60.
8. Тимохин Д.М. Этнонимы и топонимы в рассказе о Тюрке, сыне Йафета, в анонимном «Муджмал ат-таварих ва-л-кисас» // Восточная Европа в древности и средневековье. Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР Владимира Терентьевича Пашуто. Выпуск XXXVII. Этно- и топонимия в социокультурных практиках / Отв. ред. Е.А. Мельникова. М.: Институт всеобщей истории РАН, 2025 (в). С. 217–220.
9. Тимохин Д.М., Тишин В.В. Титулы правителей Востока в анонимном персидском сочинении «Муджмал ат-таварих ва-’л-кисас» // История, археология и этнография Кавказа. 2026 (в печати).
10. Moğmal-ot-Tavārīḥ va’l-Qaṣaṣ. Universitätsbibliothek Heidelberg, Cod. Heid. Orient. 118. 291 f. <https://digi.ub.uni-heidelberg.de/diglit/codheidorient118>
11. Mohammad Bal’amy. Tarikh-i Bal’amy / ed. by Muhammad Taqi Bahar. Tehran: Chapkhana Tabish, 1974. Jild 1–2.
12. Mohl J. Extraits du Modjmel al-Tewarikh relatifs à l’histoire de Perse // Journal Asiatique. 1841. Ser. III, № 11, P. 136–178, 258–301, 320–361; 1841. № 12, P. 497–536; 1842. № 14, P. 113–152; 1843. Ser. IV, № 1, P. 385–432.

13. Mujmal at-tawarih wa-l-qisas. Mujmal at-tawarih wa-l-kisas / Ed. by Mohammad Taqi Bahar. Tehran: Chapaney-e Havar Tehran, 1939.

14. Mujmal at-tawarikh wa-l-qisas. Eine persische Weltgeschichte aus dem 12. Jahrhundert / Ed. by Seifeddin Najmabadi, Siegfried Weber. Edingen-Neckarhausen: Deux Mondes, 2000.

Дмитрий Михайлович Тимохин – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела истории Востока, ФГБУН Институт востоковедения Российской академии наук, Москва, Российская Федерация, horezm83@mail.ru

Dmitry M. Timokhin – Cand. Sci. (History), Senior Research Fellow of the Department of Oriental History, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation, horezm83@mail.ru

Ю.И. Дробышев

«ОТ ВОСХОДА ДО ЗАХОДА»: К ПРОБЛЕМЕ ПОДЛИННОСТИ ЯРЛЫКА ЧИНГИС-ХАНА

В статье рассматривается проблема подлинности ярлыка Чингиз-хана. Разобранная в настоящей статье фраза «от восхода до захода» была проанализирована через многочисленные свидетельства разнообразных источников, максимально приближенных к его эпохе. Автор приходит к выводу, что Чингиз-хан, скорее всего, не строил планов по подчинению целого мира, хотя, быть может, и задумывался об этом. Фактически выступая от имени Неба, монголы давали своим противникам понять, что дарованная им власть беспредельна, а шансов противостоять им, нет практически никаких.

Ключевые слова: история, источниковедение, ярлык, Чингиз-хан

Yu.I. Drobyshev

“FROM SUNRISE TO SUNSET”: ON THE PROBLEM OF THE AUTHENTICITY OF GENGHIS KHAN’S LABEL

This article examines the authenticity of Genghis Khan’s label. The phrase “from sunrise to sunset” analyzed in this article was gleaned from numerous sources, as close as possible to his era. The author concludes that Genghis Khan likely did not plan to subjugate the entire world, although he may have considered it. Effectively speaking in the name of Heaven, the Mongols made it clear to their opponents that the power bestowed upon them was unlimited, and that they had virtually no chance of resisting them.

Keywords: history, source studies, label, Genghis Khan

В сочинении персидского историка Ата-Мелика Джувейни (1226–1283) «История покорителя мира» приводится самый ранний из известных нам ультиматумов, в котором как будто звучат монгольские претензии на обладание всем миром. Он был передан знаменитыми полководцами Чжэбэ и Субэдэем в Нишапур в мае 1220 г.: «И в качестве знака они дали посланникам тамгу уйгурским письмом и копию *ярлыка* Чингис-хана, суть которого была следующей: “Пусть эмиры и великие и многочисленные простые люди знают это, что... все лицо земли от восхода солнца до его захода я дал тебе”¹. Поэтому всякому, кто подчинится, будет явлена милость, а также его женам, детям и домашним; но кто не подчинится, тот погибнет вместе со всеми своими женами, детьми и родственниками”». Монголы оформили документы в таком духе и воодушевили жителей города обещаниями. Затем они покинули Нишапур»². Следует заметить, что концовка ультиматума противоречит словам Великой Ясы, авторство которой обычно относят к Чингиз-хану, запрещавшей прибегать в письмах к угрозам³.

Приведем для сравнения этот же эпизод в изложении Рашид ад-Дина (1247–1318) – историка и государственного деятеля при ильханах Газане (1295–1304) и Олжейту (1304–1316), который, скорее всего, заимствовал сведения у Джувейни наряду со многими другими материалами о войне Чингиз-хана (1162?–1227) с хорезмшахом Ала ад-Дином Мухаммадом (1200–1220): «[Монголы] дали [им] грамоту [нишан] уйгурского письма за алою тамгою и копию с Чингизханова ярлыка, смысл содержания которого был таков: “Да ведают эмиры, вельможи и подданные, что всю поверхность земли от [места] восхода солнца до [места] захода господь всемогущий отдал нам. Каждый, кто подчинится [нам], – пощадит

¹ Видимо, эти слова надо понимать в смысле «я, Тэнгри, дал тебе, Чингис-хану», где Тэнгри – деифицированное Небо центрально-азиатской картины мира. Напомним, что убежденность монголов в их праве на власть над всеми народами проистекала из веры в небесное предопределение, родственное китайскому понятию «Мандата Неба».

² Juvaini, Ata-Malik. The History of the World-Conqueror / Trans. by J.A. Boyle. Vol. I-II. Manchester: Manchester University Press, 1958. P. 145.

³ Ibid. P. 25–26.

себя, своих жен, детей и близких, а каждый, кто не подчинится и выступит с противодействием и сопротивлением, погибнет с женами, детьми, родичами и близкими ему!” Они дали грамоту такого содержания и отправились, – Джэбэ по дороге на Джувейн, а Субэдай по большой дороге на Джам и Тус. Повсюду, где выходили навстречу с подчинением, они щадили, а всех, кто сопротивлялся, они уничтожали»⁴.

Современный британский историк Питер Джексон предполагает, что слова ультиматума – анахронизм⁵. Насколько это мнение верно?

Судя по тому, что Джувейни говорит о копии указа Чингиз-хана, можно предположительно датировать выпуск оригинала началом военной кампании против хорезмшаха, т.е. 2019 г. Возможно, такие же копии доставлялись жителям других городов, и монгольские полководцы должны были иметь какое-то их число либо изготавливали их по мере надобности, а может быть, иногда передавали устно. Являясь крупным чиновником на монгольской службе, Джувейни мог видеть одну из копий и включить в свое сочинение ее пересказ. Мы полагаем, что подвергать сомнению его слова нет веских причин. Приведем необходимые аргументы.

Во-первых, интересующее нас выражение встречается в уникальном памятнике ранней монгольской историографии – «Сокровенном сказании монголов»⁶, предназначенном для внутреннего пользования членами «Золотого рода» Чингиз-хана, в двух вариантах: 1) “*urququi naran-nača šinggeqüi naran-tur gürtele*” («от восходящего солнца до заходящего солнца») (§ 201)⁷ и в обратном порядке 2) “*naran singgegü-eče urququ-da gürtele*” («от заката солнца

⁴ Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. I. Кн. 2 / Пер. О.И. Смирновой. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. С. 211.

⁵ Jackson P. *Mongols and the Islamic World: from Conquest to Conversion*. New Haven; London: Yale University Press, 2017. P. 75.

⁶ Вероятно, основной текст манускрипта был завершён к 1240 г., но дополнялся, как минимум, до начала 1250-х гг.

⁷ Rachewiltz I., de. *Index to the Secret History of the Mongols*. Bloomington: Indiana University, 1972. P. 112.

и до восхода его») (§ 260)⁸. Во-вторых, оно неоднократно появляется в письмах, по существу, ультиматумах, монгольских правителей главам независимых владений, о чем писали еще А. Мостарт и Ф.В. Кливз⁹. При этом монгольская средневековая дипломатия предусматривала доставку каждому потенциально враждебному правителю ультиматума с требованием подчинения, о содержании которого можно судить по сохранившемуся в архиве Ватикана оригиналу письма хагана Гуюка (1246–1248) папе римскому Иннокентию IV (1243–1254). В этом письме, помимо прочего, говорится, что «Силой Бога, от восхода солнца до его заката, нам были пожалованы все земли»¹⁰. Некоторое количество подобных монгольских посланий дошло до нас в переводах и пересказах средневековых историков.

Например, этот оборот дважды встречается в посланиях хагана Мункэ (1251–1259), сменившего Гуюка на троне Монгольской империи. В 1253 г. Мункэ отправил письмо корейскому вану Коджону (1213–1259), от которого он требовал безусловного подчинения, и в знак законности своих беспредельных притязаний сообщил: «Я желаю, чтобы от восхода солнца до его захода все люди жили в мире и благоденствии»¹¹. Аналогична его риторика в послании королю Франции Людовику IX (1226–1270), отправленном годом позже с королевским эмиссаром Гильомом де Рубруком (ок. 1220–ок. 1293), который маскировался под простого монаха: «Ко-

⁸ Op. cit. P. 156.

⁹ Mostaert A., Cleaves F.W. Les lettres de 1289 et 1305 des ilkhan Aryun et Öljéitü. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1962. P. 72–73; Cleaves F.W. The Sino-Mongolian Inscription of 1346 // Harvard Journal of Asiatic Studies. 1952. Vol. 15. No. 1/2. P. 111, n. 205. Благодарю за консультацию П.О. Рыкина (Университет Внутренней Монголии, г. Хух-Хото, КНР).

¹⁰ Pelliot P. Les mongols et la papauté // Revue de l'orient chrétien. 3e série. T. III (XXIII). Nos. 1 et 2. 1922–1923. P. 23.

¹¹ Корёса. Кн. 24. Коджон 3. 40 год Коджона (1253), год *кечхук*. 8 мес., день *муо* (перевод К.В. Хазизовой (ИСАА МГУ) по изданию: Корёса (История [государства] Корё). Правящий род. Описания. URL: <https://terms.naver.com/entry.naver?docId=1624084&categoryId=62161&cid=62131> (дата обращения: 09.10.2025).

гда силою вечного Бога весь мир от восхода солнца и до захода объединится в радости и в мире, тогда ясно будет, что мы хотим сделать»¹².

Данный образ можно видеть и обращении ильхана Абаги (1265–1282) к египетскому султану Бейбарсу (1260–1277): «Мы довольны [этим вашим выражением]. Ибо от восхода солнца до его захода во всем мире есть те, кто выходит, становится лояльным и поступает в услужение [монголам]»¹³. Его модификация также есть в письме ильхана Олжейту королю Франции Филиппу IV Красивому (1271–1314): “*Naran uryquui nangiyuas-un yajar-ača abun talu dalai-dur kürtele ulus barildaju jamud-iyān uyaḡulbai*” («Мы создали страну и объединили ее почтовыми путями от Китая, земли восходящего солнца, до моря Талу») ¹⁴. Суть этих посланий одна: монголы получили от Неба право владеть всей землей, поэтому любой человек должен или склонить перед ними голову, или приготовиться к смерти. Приведем еще один пример из письма королю Венгрии Беле IV (1235–1270), которое было составлено, по-видимому, в 1237 г. в канцелярии Бату (1209?–1256, правитель Улуса Джучи 1227–1256) от имени хагана Угэдэя (1229–1241) и дошло до нас в пересказе венгерского монаха Юлиана: «Я, Хан, уполномоченный небесного царя, которому он дал власть на земле возвеличивать мне подчиняющихся и подавлять противоборствующих»¹⁵. Образ солнца здесь отсутствует, но и без него претензии монголов на абсолютную власть выражены предельно ясно.

Вернемся к ярлыку Чингиз-хана. Предположения, что это не более чем глобалистская риторика, или что, напротив, в словах

¹² Гильом де Рубрук // Путешествие в восточные страны / Ред. М.Б. Горнунг. М.: Мысль, 1997. С. 176.

¹³ Amitai-Preiss R. An Exchange of Letters in Arabic between Abaya Ilkhan and Sultan Baybars (A.H. 667/A.D. 1268–69) // *Central Asiatic Journal*. 1994. Vol. 38. No. 1. P. 18.

¹⁴ Baumann B. Whither the Ocean? The Talu Dalai in Sultan Öljeitü's 1305 Letter to Philip the Fair of France // *Archivum Eurasiae Medii Aevi*. 2012. Vol. 19. P. 59.

¹⁵ Хаутала Р. От «Давида, царя Индий» до «Ненавистного плебса сатаны». Антология ранних латинских сведений о татаро-монголах. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2015. С. 389.

ярлыка выражена искренняя убежденность Чингиз-хана в своей мировой исключительности, представляются примерно равновероятными. Проблема в том, что у нас нет прямых доказательств в пользу того или иного предположения, а косвенные могут работать на обе гипотезы. Основываясь на материалах, накопленных к настоящему моменту наукой, мы склонны видеть в них идеологическое оружие, взятое монголами на вооружение достаточно рано, чтобы ссылками на небесную волю деморализовывать врагов. Ниже мы еще вернемся к этому вопросу.

Разумеется, в рассматриваемом тексте заключена метафора. Никто в реальной жизнедеятельности не измеряет расстояния подобным способом. Однако в ней угадываются кочевые реалии. В степи – да еще, пожалуй, в море – этот образ обретает особый смысл, наглядно показывая беспредельность мира. Разумеется, он хорошо известен во многих культурах, но в горных долинах, среди лесов или городской застройки дневной ход солнца по небосводу не дает такого ощущения пространства и служит, скорее, мерой времени.

Согласно М.М. Содномпиловой, в среде монголоязычных народов широтная ось «восток – запад» обладала особой значимостью¹⁶. Она обрела воплощение в виде Великого шелкового пути, по ней в течение тысячелетий осуществлялись миграции и шли на захват новых земель кочевники. В XIII в. она привела монголов под стены европейских и ближневосточных городов. Поэтому, надо полагать, смысл акцентированной в словах ультиматума метафоры был им хорошо понятен, но и их оседлые враги тоже должны были безошибочно его определять.

Рашид ад-Дин предваряет рассказ о преследовании хорезмшаха словами, которыми Чингиз-хан якобы напутствовал своих полководцев Чжэбэ, Субэдэя и Тукучара. Есть среди них и распоряжение, как следует поступать с населением: «Всем, кто явится к вам с покорностью, окажите [таким] поощрение, дайте [охранную] грамоту и [поставьте им] правителя [шихнэ], а каждого, кто будет

¹⁶ Содномпилова М.М. Мир в традиционном мировоззрении и практической деятельности монгольских народов. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2009. С. 214.

дышать неповиновением и противодействием, уничтожьте!»¹⁷ Действительно, как известно из широкого круга независимых друг от друга источников, монголы поступали именно так: давали шанс покоровшимся и безжалостно уничтожали сопротивлявшихся, не разбирая пола и возраста, причем это происходило не только в Иране, но практически на всех фронтах растущей Монгольской империи. Поэтому, даже если приказ Чингиз-хана в изложении ильханского историка производит впечатление составленного уже по итогам Западного похода, он совершенно точно демонстрирует монгольские методы ведения войны.

Несмотря на то, что рассматриваемое выражение производит впечатление автохтонного для монгольской средневековой культуры, скорее всего, оно могло иметь не монгольское, а тюркское происхождение и уже затем быть адаптированным монголами. Вспомним, что, согласно одной из довольно весомых гипотез о происхождении этнического ядра народа, который потом станет известен под именем «монголы», его предки первоначально жили в лесных и лесостепных ландшафтах среднего течения Амура и Аргуни, где горизонт обычно скрыт поросшими лесом сопками. Альтернативная гипотеза, базирующаяся на собственных монгольских легендах, выводит их предков из некоей узкой долины, в которой использовать в качестве меры расстояния движение солнца вообще было бы неуместно. Впоследствии монголоязычные народы расселились по степям и переняли немало атрибутов материальной и духовной культуры у тюркоязычных народов, которые к тому времени (IX–X вв.) уже давно освоили бескрайние просторы Центральной Азии.

Тюркоязычные мемориальные рунические надписи обнаруживают использование солнечного хода для передачи идеи о подчинении каганами «всего света». Так, Малая надпись каганского советника Кюль-Тегина (684–731) утверждает от имени Бильге-кагана (716–734): «Впереди, к солнечному восходу, справа, (в стране) полуденной, назад, к солнечному закату, слева (в стране) полноточной, – (повсюду) там (*т.е.* в этих пределах) живущие (*букв.* находящиеся внутри) народы – все мне подвластны; столь много

¹⁷ Рашид ад-Дин. Указ. соч. С. 209.

народов я всех устроил»¹⁸. Терхинская надпись, описывающая первые годы правления уйгурского Элетмиш Бильге-кагана (747–759), гласит: «Народы, обитающие впереди (на востоке), там, где восходит солнце, народы, обитающие позади (на западе), там, где восходит луна, народы всех четырех стран света отдают (мне свои) труды и силы, а мои враги утратили свою долю»¹⁹. Таким образом, в кочевых империях наблюдается трансляция «мироустроительных» идей, подчас выражавшихся одними и теми же словами. Хорошо известно, что уйгуры оказались в числе первых просветителей нарождавшейся монгольской элиты в самом начале XIII в. Среди прочего, они могли актуализировать древний солярный образ бескрайних просторов, которые волей Неба отданы теперь новым хозяевам степей.

Итак, совокупность рассмотренных фактов позволяет прийти к выводу, что, скорее всего, текст ярлыка Чингиз-хана, процитированный Джувейни, был аутентичным или, во всяком случае, максимально адекватно передавал образы, в которых монголы выражали свои требования покорности в начале 1220-х гг.

Однако остается не решенным вопрос, действительно ли Чингиз-хан предъявлял претензии на обладание всей ойкуменой. Казалось бы, разобранный в настоящей статье фраза «от восхода до захода» подтверждает его ничем не сдерживаемый гегемонизм, превратившийся в историографии едва ли не в аксиому. Вместе с тем, если мы примем во внимание многочисленные свидетельства разнообразных источников, максимально приближенных к его эпохе, ответ представится не столь очевидным. Нигде в них не сказано о его замыслах такого рода. Впервые о них убежденно сообщает Плано Карпини (ок. 1182–1252) по итогам своего путешествия ко двору монгольских ханов в 1245–1247 гг.²⁰, но к этому времени,

¹⁸ Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1951. С. 34.

¹⁹ Кляшторный С.Г. Рунические памятники Уйгурского каганата и история евразийских степей. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2010. С. 41.

²⁰ Плано Карпини. История монгалов // Путешествия в восточные страны / Ред. М.Б. Горнунг. М.: Мысль, 1997. С. 48, 58, 62.

пожалуй, любой монгол (да и не только монгол) уже был свято уверен, что Чингиз-хан явился на землю с миссией установить на ней новый, небесный порядок, для чего он, собственно, и покорял страны. Впрочем, совместить эти противоречивые данные несложно. Придерживаясь мнения, что монгольский властелин, скорее всего, не строил планов по подчинению целого мира, хотя, быть может, и задумывался об этом, мы полагаем, что в случае с его указом жителям Нишапура действовала блестящая монгольская пропаганда. Фактически выступая от имени Неба, монголы давали своим противникам понять, что дарованная им власть беспредельна, а шансов противостоять им нет практически никаких, и, судя по всему, они сами верили тому, что передавали через городские стены.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гильом де Рубрук // Путешествие в восточные страны / Ред. М.Б. Горнунг. М.: Мысль, 1997. С. 86–189.
2. Кляшторный С.Г. Рунические памятники Уйгурского каганата и история евразийских степей. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2010. 328 с.
3. Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1951. 452 с.
4. Плано Карпини. История монгалов // Путешествия в восточные страны / Ред. М.Б. Горнунг. М.: Мысль, 1997. С. 29–85.
5. Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. I. Кн. 2 / Пер. О.И. Смирновой. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. 316 с.
6. Содномпилова М.М. Мир в традиционном мировоззрении и практической деятельности монгольских народов. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2009. 366 с.
7. Хаутала Р. От «Давида, царя Индий» до «Ненавистного плебса сатаны». Антология ранних латинских сведений о татаро-монголах. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2015. 495 с.
8. Amitai-Preiss R. An Exchange of Letters in Arabic between Abaya Ilkhan and Sultan Baybars (A.H. 667/A.D. 1268–69) // Central Asiatic Journal. 1994. Vol. 38. No. 1. P. 11–33.
9. Baumann B. Whither the Ocean? The Talu Dalai in Sultan Öljeitü's 1305 Letter to Philip the Fair of France // Archivum Eurasiae Medii Aevi. 2012. Vol. 19. P. 59–80.

10. Cleaves F.W. The Sino-Mongolian Inscription of 1346 // *Harvard Journal of Asiatic Studies*. 1952. Vol. 15. No. 1/2. P. 1–123.

11. Jackson P. *Mongols and the Islamic World: from Conquest to Conversion*. New Haven; London: Yale University Press, 2017. xxii, 614 p.

12. Juvaini, Ata-Malik. *The History of the World-Conqueror* / Trans. by J.A. Boyle. Vol. I–II. Manchester: Manchester University Press, 1958. 763 p.

13. Mostaert A., Cleaves F.W. *Les lettres de 1289 et 1305 des ilkhans Arghun et Öljaitü*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1962. vii, 104 p.

14. Pelliot P. *Les mongols et la papauté* // *Revue de l'orient chrétien*. 3e série. T. III (XXIII). Nos. 1 et 2. 1922–1923. P. 1–30.

15. Rachewiltz I., de. *Index to the Secret History of the Mongols*. Bloomington: Indiana University, 1972. 347 p.

16. Корёса (История [государства] Корё). Правящий род. Описание. URL: <https://terms.naver.com/entry.naver?docId=1624084&categoryId=62161&cid=62131> (дата обращения: 09.10.2025).

Юлий Иванович Дробышев – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела истории Востока, ФГБУН Институт востоковедения Российской академии наук, Москва, Российская Федерация, altanus@mail.ru

Yuliy I. Drobyshev – Cand. Sci. (History), Senior Research Fellow of the Department of Oriental History, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation, altanus@mail.ru

МОТИВ СНА В СОЧИНЕНИИ ЗОЛОТООРДЫНСКОЙ ЭПОХИ «НАХДЖ АЛ-ФАРАДИС»

В данной статье анализируются особенности использования мотива сна, как творческого приема в сочинении золотоордынской эпохи «Нахдж ал-Фарадис» Махмуда ал-Булгари. Отмечается, что мотив сна широко используется и в различных жанрах средневековой тюрко-татарской литературы. Автором было выделено и проанализировано несколько категорий (видов) сновидений, зафиксированных в произведении.

Ключевые слова: история, Золотая Орда, ислам, духовная культура, литература, «Нахдж ал-Фарадис», Махумуд ал-Булгари, мотив сна

E.G. Saifetdinova

THE DREAM MOTIF IN THE GOLDEN HORDE ERA ESSAY "NAHJ AL-FARADIS"

This article analyzes the use of the dream motif as a creative device in Mahmud al-Bulgari's Golden Horde era essay "Nahj al-Faradis". It is noted that the dream motif is also widely used in various genres of medieval Turkic-Tatar literature. The author identifies and analyzes several categories (types) of dreams recorded in the work.

Keywords: history, Golden Horde, Islam, spiritual culture, literature, "Nahj al-Faradis", Mahmud al-Bulgari, dream motif

После распространения мусульманства в Золотой Орде создается большое количество религиозно-дидактической литературы, призванной пропагандировать ислам и его традиции среди широких масс населения. Одним из таких сочинений является труд зо-

лотоордынского богослова Махмуда ал-Булгари «Нахдж ал-Фарадис», написанный в 1358 году. Данный труд был основан на большом количестве религиозных книг, весомая доля которых является классикой мусульманской литературы. Это сборники хадисов Ал-Бухари и Муслима, тафсир Абу-л Касима аз-Замахшари, учебники по суфизму Ал-Калабади и Абу Талиба ал-Мекки и др.

Автор книги «Нахдж ал-Фарадис» Махмуд ал-Булгари, согласно казанским рукописям, был духовным наставником-имамом. Он хорошо владел языками, знал Коран и Сунну, также имел возможность познакомиться с религиозной литературой Востока. Содержание сочинения представляет собой сборник притч и рассказов, связанных с историей ислама и жизнедеятельностью его основателя пророка Мухаммада и его последователей. В произведении не описываются какие-либо конкретные религиозные традиции, практиковавшиеся в Золотой Орде. Однако акценты, которые расставляет автор «Нахдж ал-Фарадис» дают возможность определить направленность его религиозных взглядов.

Неоднократно в рассказах «Нахдж ал-Фарадис» возникает мотив сна. Согласно общей исламской традиции, сон – важнейшая область контакта с божеством¹. Частым мотивом в религиозно-дидактических сочинениях являются повествования о «чудесных сновидениях»: тому или иному человеку во время сна является почивший пророк, либо святой со своими рассказами. «Несомненно связь мотива чудесного сна с суфизмом. Литература о суфизме и в частности, агиография полна описаний роли сновидений в жизни людей и общества. Явление во сне Пророка или ал-Хадира считалось важнейшим доводом, позволяющим избранному обосновывать свое право на мистический путь»².

Известно, что мотив сна широко используется и в различных жанрах средневековой тюрко-татарской литературы, будь то устное народное творчество, либо образцы письменного наследия. Самый яркий образец использования данного приема «Кыйссаи

¹ Резван М.Е. Коран в системе мусульманских магических практик. СПб., 2011. С. 120.

² Тримингэм Дж.С. Суфийские ордены в исламе. М., 2002. С. 224–225.

Йосыф» («Сказание о Йусуфе») Кул Гали³. Мотив сна также применяется в известном дастане – эпосе «Идегей» – в нем передаются сны героев Токтамыша и Идегея⁴.

Тексты сонников, изданных и распространённых в татарской культуре, связаны с сурами Корана и хадисами Пророка Мухаммада. Кроме того, учитывались советы Мухаммада ибн Сирина по толкованию снов. Это свидетельствует о том, что толкования, по сути, основаны на учении ислама⁵.

Мухаммад ибн Сирин был одним из известных толкователей снов раннего ислама. Он относился к поколению табиinov (последователей сахабов пророка Мухаммада). Ибн Сирин был известен своим благочестием и славился знатоком толкования снов. Его имя также упоминается в тексте сочинения золотоордынской эпохи «Нахдж ал-Фарадис». Книга о толковании снов, приписываемая Ибн Сирину «Тафсир ал-ахлям» («Толкование снов»), хорошо известна и широко распространена среди широкой публики. Однако современные исследователи (Машхур Хасан Салман, Мария Мавруди) считают, что на самом деле эта популярная книга не принадлежит Ибн Сирину. Несмотря на многочисленные воспоминания средневековых учёных, никто из них не упоминает, что Ибн Сирин был автором книги о толковании снов.

Но в «Нахдж ал-Фарадис» он выступает в роли именно толкователя снов: Именно к нему обращался основатель ханафитского мазхаба, Абу Ханифа для растолкования своего странного сна «Абу Ханифа, да смилостивится над ним Аллах, сказал Ибн Сирину: «Приснился мне сон, будто я иду на кладбище, раскапываю могилу Пророка, мир ему, и вытаскиваю его кости, а потом снова раскладываю эти кости так, как они лежали прежде. После этого я проснулся. Когда увидел такой сон, [192] в мою душу закрался страх

³ Кыйссаи Йосыф [Текст] / Кол Гали; [текстны хэзерге эдэби телгэ күчөрүчеләр: Ф.С. Фасиев, А.Х. Нуриева, Ә.Г. Исхак]. Казан: Татарстан китап нәшрияты, 2013. 222, [2] с.

⁴ Об этом см. подробнее: Валиуллина Ф.М. Мотив сна в эпосе «Идегей» // Успехи гуманитарных наук. 2022. № 9. С. 37–40.

⁵ Яхин Ф.З. Татар шигъриятендә дини мистика һәм мифология. Казан: ТДГИ нәшрияты, 2000. Б. 24 (перевод наш).

[по поводу того], как я мог совершить такую дерзость, раскопать могилу Пророка, мир его, и вытащить его кости. Вскрытие могилы – это, по шариату, дурное дело, а вскрытие могилы Пророка, мир ему, и того хуже. Я до сих пор испытываю этот страх». *Мухаммад ибн Сирин* сказал: «Если этот сон вещий, то это очень хороший сон. Ты воскресишь и оживишь сунну Божьего Посланника Мухаммада. Ты так воскресишь сунну Пророка, мир ему, как ее не воскресил никто до тебя. Ты очень глубоко погрузишься в знание», после чего в душе Абу Ханифы поселились радость и веселье»⁶.

Проанализировав текст сочинения «Нахдж ал-Фарадис», мы выделили несколько видов сновидений.

1. Сны как явление пророчества: «‘Аиша, да будет доволен ею Аллах, сказала: «Пророк, мир ему, перед тем как ему пришло откровение, стал видеть *вещие сны*. Как увидит сон, сам давал ему толкование. Они (сны) всегда сбывались, он (Пророк) никогда не ошибался»⁷.

2. Сны как предсказания будущего

А). *О назначении будущего халифа.* Перед смертью первый праведный халиф Абу Бакр заболел. Его приближенные (ансары и мухаджиры) приходили проводить его. Он повел им о своих заботах по поводу передачи власти: «Затем Абу Бакр, да будет доволен им Аллах, сказал: «Этой ночью я подумал о том, что ко мне пришла [102] смерть, кому же передать эту обязанность халифа. Эта халифская обязанность – очень трудное дело, с которой справится не каждый. Я переживал, кому же я передам это дело. Я прибег к [помощи] Всевышнего Создателя (Тенгри Та‘ала) и сказал: «О, мой Господь, освободи меня от этой тревоги и передай халифскую обязанность такому человеку, которым доволен Ты и доволен Твой Посланник». [Затем] **я заснул и увидел во сне** Пророка, мир ему, одетого в белую одежду, а его лицо источало свет... Затем я сказал: «О, Божий Посланник, ко мне пришла смерть. Кого мне сделать халифом над твоей уммой?», на что Пророк, мир ему,

⁶ Нахдж ал-Фарадис. С. 295.

⁷ Там же. С. 221.

сказал: «О Абу Бакр, сделай халифом того, кто совершает деяния ради довольства Всевышнего и всегда говорит правду, кто силен в религии, а верующие довольны им, ангелы довольны им, и кто страшится Всевышнего Создателя (Тенгри Та'ала). Это 'Умар ибн Хаттаб»... Теперь знайте и имейте в виду, о, сподвижники, *в этом сне нет лжи и обмана*», на что все сподвижники сказали: «О, наместник [Божьего] Посланника, неужели вы солжете? Мы все поверили этим словам. Если вам угодно, чтобы после вас халифом стал 'Умар, мы все согласны и довольны», после чего душа Абу Бакра успокоилась⁸.

Б) *Сон как знак приближающейся смерти*. Так свой сон расценил третий праведный халиф 'Усман перед своей смертью, «увидел во сне Пророка, мир ему, а с ним были Абу Бакр и 'Умар, да будет доволен Аллах ими обоими. Пророк, мир ему, сказал: «О 'Усман, завтра [будет] пост, соверши разговение вместе с нами». Когда 'Усман, да будет доволен им Аллах, увидел этот сон, он понял, что приблизилось время его *мученической смерти*»⁹.

Такой же вид сна, предсказавший гибель внука пророка Мухаммада – Хусейна увидел двоюродный брат пророка Мухаммада: «Я увидел *во сне*, что в руках Пророка, мир ему, был какой-то стеклянный сосуд, наполненный кровью». Он сказал мне: «О, 'Аббас, знаешь ли ты, что моя умма сделала с моим сыном Хусейном? Они обрекли на *мученическую смерть* Хусейна. Эта кровь принадлежит ему и его соратникам. Я передам эту кровь Всевышнему [в качестве доказательства]», после чего я проснулся. Через двадцать четыре дня пришла весть о [гибели] Хусейна¹⁰.

В) *Сон как знак испытания* в истории пророка Ибрагима. «Испытание детьми заключалось в том, что пророк Ибрахим, мир ему, **увидел во сне**, как кто-то пришел к нему и сказал: «О Ибрахим, повеление Всевышнего Создателя состоит в том, чтобы ты ради довольства Истинного (Хак) принес в жертву своего сына. Он проснулся и [213] сказал:

لا حول ولا قوة إلا بالله العلي العظيم

⁸ Нахдж ал-Фарадис. С. 261.

⁹ Там же. С. 273.

¹⁰ Там же. С. 292.

[«Нет мощи и силы ни у кого, кроме Аллаха, Всемогущего, Мудрого!»]. Какой удивительный сон я увидел. Он от Бога или от шайтана?», – удивился он и остался в недоумении до самого вечера. Следующей ночью он увидел тот же сон и на следующий день очень много думал. Этот день назвали «днем покаяния» (йаум ат-тауба), что на арабском языке означает «день раздумья». Это был восьмой день месяца Зу-ль-Хидджа. Когда на четвертый день он увидел тот же сон, что и в прошлый раз, он уже знал наверняка, что этот сон от Бога»¹¹.

3. Сон как вид наставления

А) У Абу Зарра Гифари была дочь по имени Фатима. Она говорит: «Я видела *во сне* своего отца – Абу Зарра... Я спросила: «О, отец, как с вами поступил Всевышний Создатель?», на что он мне ответил: «О дочь моя, я встретился с Милостивым и Милосердным Богом. Он встретил меня с блаженством и щедростью, дал мне в удел [высокие] степени в раю по соседству с Пророком. О дочь моя, [132] завещаю тебе не смотреть на величие поклонников мирского, терпеть в бедности, и ты обрешь все [эти] степени»¹².

Б) Ибрахим [ан-]Наха'и, да смилостивится над ним Аллах, сказал: «Я видел *во сне* Пророка, мир ему, и спросил у него: «О, Божий Посланник! О чем бы из знания я не слышал, я забываю [это]. Научите меня тому, чтобы я делал это и не забывал ничего из того знания, которое я услышал», на что Пророк, мир ему, сказал: «О Ибрахим, перед каждым обязательным намазом совершай омовение и во время каждого омовения чисти [зубы] мисваком, мало ешь и мало спи». Тогда Ибрахим [ан-]Наха'и, да смилостивится над ним Аллах, сказал: «Я поступил так, как сказал Пророк, мир ему. Я уменьшил свое питание настолько, что мне требовалось выходить на улицу раз в две недели. После этого я не забывал ничего из того, что услышал»¹³.

В) Абу Давуд [ас-]Сиджистани, да смилостивится над ним Аллах, говорит: «Некогда жил один мухаддис, [который] знал наизусть

¹¹ Нахдж ал-Фарадис. С. 304.

¹² Там же. С. 272.

¹³ Там же. С. 326.

много хадисов Пророка, мир ему [232]. [Он] рассказывал людям хадисы Пророка, мир ему. Когда он покинул этот мир, я увидел его *во сне* и спросил: «О мухаддис, как с тобой обошелся Истинный (Хак)?», но он молчал и ничего не отвечал. Я задал вопрос во второй раз, но он снова не ответил, был очень обеспокоен и печален. Я в третий раз спросил: «О мухаддис, разве Истинный (Хак) тебя не помиловал?», на что тот мухаддис сказал: «Не помиловал». «Как же не помиловал?» – спросил я, на что тот мухаддис сказал: «Со мной провели диспут, то есть произвели со мной тщательный расчет, у меня оказалось много грехов, но [мне] обещали добрый [исход], и я надеюсь на то, что Истинный (Хак) поступит со мной по-доброму». Тогда я сказал: «О, мухаддис, расскажи мне, которое из благих дел является наиболее достойным перед Истинным», на что он ответил: «Чтение Корана без показного благочестия (рийа) [исключительно] ради довольства Истинного и совершение намаза ночью». Тогда я сказал: «Каково чтение хадисов Пророка, мир ему?», на что он ответил: «Если намерение читающего и передающего [хадисы] было искренним, это не принесет вреда»¹⁴.

Г) Некто по имени Фураза покинул этот мир, а один почтенный [человек] [436] увидел его *во сне* и спросил: «Какое деяние является самым лучшим перед Всевышним?», на что Фураза сказал: «Упование [на Аллаха] и умерение своих чаяний»¹⁵.

4) Сон как олицетворение возмездия

А) Абу Калаба говорит: «Я приехал из Дамаска в Медину после того, как ‘Усман пал смертью мученика. Прогуливаясь по Медине, я увидел, что в одном квартале собрались люди. Среди них кто-то причитает. Я подошел ближе, смотрю, [а там] кто-то лежит. У него не было обоих глаз, обеих рук по локоть, обеих ног по колено, а уши были отрезаны. Этот человек вопил: «Я стал несчастным в этом мире и в мире загробном. Быть мне навечно в аду». Я сказал: «Кто ты такой?», на что он сказал: «Я вошел в дом ‘Усмана после того, как оттуда вышли убийцы. Смотрю, а ‘Усман лежит, окровавленный, но все еще живой. Его жена Наила смотрела на

¹⁴ Нахдж ал-Фарадис. С. 312.

¹⁵ Там же. С. 394.

него. Я один раз ударил ее, и она заплакала, 'Усман тоже заплакал и проклял меня: «Пусть Истинный (Хак) отнимет у тебя оба глаза, оба уха, обе [137] руки и обе ноги». Я пришел домой, ночью лег спать, а *во сне* кто-то пришел, вырвал мне оба глаза, оба уха, отрезал мне обе руки и обе ноги, после чего я проснулся. Смотрю, а у меня нет обоих глаз, обоих ушей, обеих рук и ног. Меня настигли все проклятия 'Усмана. Осталось только адское пламя, которое [ждет меня в] будущем. Его проклятие свершится». Я сказал: «Чтоб тебе сгинуть! Ты заслуживаешь еще большего [наказания, ведь] ты убил такого халифа, зятя пророка», и ушел от него подалее¹⁶.

Б) Жил да был некий шейх, которого звали Ибн 'Имран. За его столом отдыхали бедняки, нищие и путники. Когда у какого-нибудь нищего возникала какая-либо нужда, он шел к тому шейху и излагал ему свою просьбу, а тот шейх принимал его. Если у него было [что-то из] мирского [богатства], он жертвовал [его], а если не было, он собирал [средства] у своих почитателей и помогал бедняку в его деле. Однажды в [его] обители (ханака) собралось много путников и бедняков, а шейху было нечем их угостить. Он вышел [из дома], чтобы попросить что-нибудь у щедрых людей и потратить на угощение. Смотрит, а ему навстречу идет кадий города. Ибн 'Имран сказал: «О, кадий мусульман! [Ко мне] в обитель пришли путники, а на столе ничего нет. Дайте мне что-нибудь, и будет вам [за это] помощь в загробной жизни», но кадий не внял словам шейха и ничего ему не дал. Шейху стало грустно, и он пошел дальше. Смотри, а навстречу ему идет один иудей. Он сказал: «О, иудей. Есть ли у тебя что-либо из мирского [богатства]? Дай [мне], ведь [у меня] в обители остановились путники». Этот еврей сказал: [252] «О шейх, сколько [тебе] нужно золотых?», на что шейх сказал: «Дай столько-то золота». Еврей тотчас же вынул [деньги] и дал этому шейху столько золота, сколько он просил. Шейх потратил их. Те путники и бедняки поели той еды и все помолились за то, чтобы тот иудей обрел веру. Той ночью кадий увидел *во сне*, как будто настал Судный день, одни люди на площади суда отправляются в рай, а другие – в ад. Кадий подошел к воротам рая и увидел дворец, который был

¹⁶ Нахдж ал-Фарадис. С. 274.

построен из жемчуга, удивительно прекрасен, так что никто из людей не смог бы описать его. Кадий хотел пройти в этот дворец, [но] ангелы, сторожившие у ворот, его не пропустили. Кадий сказал: «Почему вы меня не пропускаете, можно ли пройти?», на что ангелы-привратники сказали: «Этот дворец принадлежал тебе, но ты отказал Ибн 'Имрану, ничего ему не дал, но один иудей удовлетворил просьбу Ибн 'Имрана и кое-что ему дал, после чего от Господа пришло повеление: «Отдайте этот дворец тому иудею». Этот дворец принадлежит некому иудею, и тебе не позволено сюда войти», после чего кадий проснулся, [почувствовав себя] обделенным, пошел к Ибн 'Имрану, попросил у него прощения и сказал: «Вчера вы мне встретились и что-то у меня попросили. Я поступил плохо, не уделил вам внимания и лишился той награды [от Всевышнего]. Кого вы потом встретили, у кого что-либо попросили?», на что Ибн 'Имран сказал: «Такой-то иудей повстречался мне после вас. Когда я попросил у него что-нибудь, он дал мне столько, сколько мне было нужно». Кадий велел: «Приведите ко мне этого иудея!». Того иудея привели, и кадий сказал: «О иудей, у тебя в раю есть жемчужный дворец, продай его мне, а я дам тебе десять тысяч монет», на что иудей сказал: «О кадий, я не понимаю этого вопроса. [253] Расскажи мне обо всем ясным образом, чтобы я понял, а потом я вам отвечу». Тогда кадий полностью пересказал ему свой вчерашний сон, после чего иудей подошел к шейху и сказал: «О, шейх, расскажите мне о вере». Шейх рассказал ему о вере, после чего иудей сказал: «Свидетельствую, что нет божества, кроме Аллаха, и Мухаммад – Его раб и посланник», а затем сказал кадию: «Даже если ты дашь мне все богатство этого мира, я не дам даже один аршин [той] земли», так что кадий оказался обделенным из-за своей скупости, а иудей облачился в одежды веры благодаря своей щедрости¹⁷.

В) Когда Пророк, мир ему, совершил хиджру из Мекки в Медину, многие сподвижники, не перенеся разлуки с Пророком, мир ему, оставили дома и детей и прибыли в Медину. Среди тех сподвижников были двое из племени Даус, которые переселились в Медину. Одного из них застала болезнь, и когда его болезнь усилилась, он не выдержал своего недуга, взял наконечник стрелы,

¹⁷ Нахдж ал-Фарадис. С. 320.

разрезал себе фаланги пальцев и умер от кровотечения из пальцев. У него был друг по имени Туфайл. Он увидел *во сне* этого покойного сподвижника и спросил у него: «О, мой брат, как с тобой поступил Истинный, Благословен Он и Возвышен?», на что тот сказал: «Истинный, Благословен Он и Возвышен, смилостивился надо мной и дал мне в удел рай за то, что я прибыл к Пророку, мир ему, из Мекки в Медину». Туфайл спросил: «О, мой брат, почему ты прячешь свои руки?», на что тот сказал: «О, мой брат, у меня все пальцы отрезаны и изувечены». Я спросил: «Почему они изувечены?», на что тот сказал: «В мирской жизни меня постиг недуг. Мне надо было терпеть тот недуг. Сколь бы ни был силен мой недуг и страдание, надо было терпеть, чтобы моя степень и награда здесь были больше. Не вынеся своей болезни, я отрезал себе кончики пальцев, и Истинный, Благословен Он и Возвышен, сказал мне: «Ты не вытерпел и отрезал свои пальцы, которые Я сотворил. Я их не исправлю». Теперь все мои пальцы изувечены». Туфайл пришел и рассказал этот сон Пророку, мир ему, после чего тот произнес мольбу и сказал: «О Боже, прости обе его руки».

Г) Шейх от того горя проклял Хадждаджа и сказал: «О, Господь, сурово взыщи с этого нечестивца Хадждаджа», на что его сподвижники произнесли: «Аминь». Тело Хадждаджа тотчас же опухло, с головы до ног повыскакивали большие волдыри. Он сорок дней не знал покоя, кричал и звал [на помощь], а на сороковой день умер. После этого один из великих людей видел его *во сне* с обеими руками, привязанными цепями к туловищу, страдавшего и мучившегося. Видевший [сон] [346] сказал: «О, Хадждадж, как твои дела?», на что Хадждадж ответил: «Ты же видишь, разве нужно спрашивать [меня] о делах? Однако да будет тебе известно, за каждого, кого я несправедливо убил, меня здесь убили по одному разу, но за Са'ида ибн Джубайра меня убили семьдесят раз»¹⁸.

¹⁸ Нахдж ал-Фарадис. С. 359.

5. Сны о проявлении божьей милости

А) Некто по имени Исма'ил говорит: «Я увидел *во сне* Мухаммада ибн Хасана и сказал: «О Мухаммад ибн Хасан, как с тобой обошелся Истинный (Хак)?», на что он сказал: «Истинный (Хак) меня простил и сказал: «О Мухаммад ибн Хасан, если бы Я хотел подвергнуть тебя мукам и страданиям, то не заложил бы в тебя столько знания». Затем я спросил: «О Мухаммад ибн Хасан, а где находится место Абу Йусуфа?», на что Мухаммад ибн Хасан сказал: «Место Абу Йусуфа выше моего, разница [между ними], как между небом и землей», после чего я снова спросил: «О Мухаммад ибн Хасан, а где находится место Абу Ханифы?», на что [198] Мухаммад ибн Хасан сказал: «Место Абу Ханифы находится в высочайших эмпиреях (а'а 'иллийин)»¹⁹ (С. 297).

Б) Раби' ибн Сулайман сказал: «После смерти Имама Шафи'и, да смилостивится над ним Аллах, я видел его *во сне* и сказал: «О имам мусульман, как с вами поступил Истинный (Хак)?», на что Имам Шафи'и ответил: «О, Раби', Истинный (Хак) оказал мне милость и посадил меня на трон, а ангелы осыпали меня золотом и жемчугами. И Истинный (Хак) дал мне в раю место размером в семьсот тысяч раз больше, чем этот мир»²⁰.

В) Однажды, когда Имам Ахмад [ибн] Ханбаль, да смилостивится над ним Аллах, совершал омовение возле воды, кто-то пришел и стал совершать омовение, [стоя] выше Имама [по течению], и ему подумалось: [222] «Если я буду здесь совершать омовение, Имаму будет противно от того, что на него попадет моя вода». Он прекратил омовение и стал совершать омовение ниже [по течению]. Некоторое время спустя совершавший омовение человек покинул этот мир. Один святой человек увидел его *во сне* и спросил: «О дорогой, за какое твое деяние Всевышний оказал тебе милость?», на что тот ответил: «За то, что я проявил уважение к Имаму Ахмаду [ибн] Ханбалу и совершил омовение ниже [по течению]. Всевышний сказал мне: «Ты проявил уважение к Нашему дорогому рабу, почтил его, а Мы оказали милость тебе»²¹.

¹⁹ Нахдж ал-Фарадис. С. 297.

²⁰ Там же. С. 301.

²¹ Там же. С. 307.

Г) Когда Имам Ахмад [ибн] Ханбаль, да смилостивится над ним Аллах, покинул этот мир, один из святых людей по имени Мухаммад ибн Харб [228] сказал: «Я видел Имама *во сне* и сказал: «О Имам, как с вами обошелся Истинный (Хак), Благословен Он и Возвышен?» Имам Ахмад [ибн] Ханбаль, да смилостивится над ним Аллах, сказал: «Истинный (Хак) оказал мне милость и велел своим ангелам, чтобы они надели мне на голову один из райских венцов и обули мои ноги в райские башмаки, что они и сделали. После этого Истинный (Хак), Благословен Он и Возвышен, обратился ко мне: «О Ахмад, Я оказал тебе милость и удовольствовался тобой, потому что ты не назвал Мое слово сотворенным. В мирской жизни ты возносил Мне хвалу и мольбы. Возноси же Мне хвалу и мольбы»²².

Д) В стародавние времена жил один ученый, который приобрел множество знаний. Никто не мог противостоять ему в спорах. [Однажды] тот ученый покинул этот мир. Один из шейхов того времени увидел того ученого *во сне* и сказал: «О, ученый, ты приобрел столько знаний, в твоё время не было подобных тебе. Сообщи мне [что-либо] из тех твоих знаний», на что тот ученый сказал: «Дай мне свою руку», а затем подул на нее ртом и сказал: «О, шейх, все мои знания рассеялись впустую, в загробной жизни я не получил от них никакой пользы, но я имел обыкновение ночью вставать и совершать два рака́та намаза, а затем изучал книги. Именно эти два рака́та намаза и принесли мне пользу, [а] от всех этих знаний, добытых мною с трудом, мне не было никакого проку»²³.

Е) Шейха Джунайда Багдади, да смилостивится над ним Аллах, увидели *во сне* и сказали [ему]: «О, шейх, как с Вами поступил [321] Истинный, Благословен Он и Возвышен?», на что шейх сказал: «Слова, которые мы говорили людям, и выражения, которые мы произносили на собраниях, – все пропали, и ничего от них не досталось. Однако мы вставали посреди ночи и совершали по несколько рака́тов намаза. Благодаря этим намазам мы обрели много наград и высокие степени»²⁴.

²² Нахдж ал-Фарадис. С. 310.

²³ Там же. С. 312.

²⁴ Там же. С. 348.

Ж) Раби‘а ‘Адавиййа, да будет доволен ею Аллах, говорит: «Однажды ночью я совершала поклонение и богослужение, настало время утренней зари, и я уснула, произнося прославление [Всевышнего] в земном поклоне. Вижу *во сне* красивую лужайку, а на ней большое дерево, чье величие, красоту и зелень никто не сможет и описать. На этом дереве были какие-то плоды, непохожие ни на какие плоды этого мира, одни из которых были белыми, другие – красными, а третьи – желтыми. Все плоды были трех цветов. Размером они были с девичьи груди, по яркости некоторые из них имели яркость луны, а другие – яркость солнца. В той зеленой листве эти плоды казались светящимися, подобно луне и солнцу. Тем временем появляется какой-то человек. Я говорю: «О, почтенный, я за всю жизнь не видела такого прекрасного дерева и таких светящихся плодов. Кому принадлежит эта лужайка и это дерево?», на что он сказал: «О, Раби‘а, это дерево принадлежит тебе. Истинный, Благословен Он и Возвышен, сотворил его прямо сейчас и сделал его твоей собственностью. Сколько ты произнесла прославлений [Всевышнему], когда этой ночью на утренней заре совершила земной поклон, [320] столько Он сотворил плодов из света и поместил на этом дереве. Вознаграждение за прочие свои намазы и поклонение ты увидишь в загробной жизни. Это дерево является вознаграждением за один этот земной поклон». Я очень обрадовалась. Смотрю, а один из плодов дерева упал и лежит под деревом на земле. Я сказала тому человеку: «Как жаль, с этого дерева упал один плод. О если бы он оставался на дереве», на что тот человек сказал: «Этот плод был на дереве, однако, когда ты произносила прославление [Всевышнему] в земном поклоне, в твою душу закралась мысль: «Я замесила муку. Дошло ли тесто из этой муки?». То прославление смешалось с мирскими мыслями, из-за чего полагающийся за него плод упал» – когда он это сказал, я проснулась»²⁵.

3) Ахмад ибн ал-Харраз (Абу Са‘ид ал-Харраз – примеч. пер.), [который] был одним из познавших, сказал: «Однажды ночью, когда я был занят поклонением и богослужением, мною овладел сон, и я задремал. Вижу во сне одну из райских гурий, красоту которой

²⁵ Нахдж ал-Фарадис. С. 348.

не сможет описать ни один человек. Лик ее сверкал. Я сказал: «О, красавица и прелестница, кому ты принадлежишь?», на что она сказала: «Я одна из ваших служанок в раю». Тогда я спросил: «Почему так ярок свет вашего лица?», на что она мне сказала: «В такую-то ночь вы навзрыд плакали, совершив поклонение и богослужение. Помните ли вы ту ночь?». Я сказал: «Да. Помню». Та гурия сказала: «В ту ночь мне пришло повеление от Истинного: «Иди, не позволяй пропасть слезам моего раба впустую, чтобы они не пролились на землю. Протри его слезами свое лицо», после чего я протерла [ими] свое лицо. Свет моего лица – это свет ваших слез»²⁶.

И) Малик б. Динар, да смилостивится над ним Аллах, говорит: «Однажды ночью мною овладела нерадивость, я не смог произнести положенные молитвы и заснул. *Во сне* я увидел, [как] одна из райских гурий подходит ко мне, а в руке у нее записка. Она говорит: «О царь, прочтешь ли ты письмо?». Я сказал: «Прочту», после чего она дала мне ту записку. [323] Я открыл [записку], смотрю, а там написано: «[О] предающийся удовольствиям нафса и отвернувшийся от нас, проснись от этого сна и обратись к Всевышнему. Разве для тебя не лучше обратиться с мольбой к Всевышнему, чем этот сон? Этот мир не место наслаждения. [Не] сегодня, [так] завтра ты отправишься в загробный мир и будешь пребывать вместе с нами в раю, там и будешь предаваться наслаждениям»²⁷.

К) Сулайман ибн Йасар, да смилостивится над ним Аллах, был в свое время [352] очень красивым юношей. Ему не было равных по красоте, а сам он был очень набожный. В него влюбилась одна женщина, но сколько бы она ни предлагала себя Сулайману ибн Йасару, он не обращал на нее никакого внимания. Любовь так овладела этой женщиной, что однажды она встала и сама пришла к нему домой. Он был один дома. Сколько бы эта женщина ни плакала, Сулайман не обращал на нее внимания. Тогда женщина решила схватить Сулаймана, но Сулайман оставил женщину дома и выбежал. В тот день он увидел *во сне* пророка Йусуфа. Его прекрасный лик был подобен полной луне. Сулайман спросил: «Вы

²⁶ Нахдж ал-Фарадис. С. 348.

²⁷ Там же. С. 349.

пророк Йусуф?», на что пророк Йусуф, мир ему, сказал: «Я тот самый Йусуф, которому Зулейха предложила себя, и если бы на меня не было возложено пророчество, я бы покусился на нее. А ты тот самый Сулайман, который не покусился [на постороннюю женщину], не будучи пророком»²⁸.

Л) Ибрахим ибн Адхам, да смилостивится над ним Аллах, пришел к одному человеку и спросил: «Для тебя будет лучше, если тебе **во сне** дадут одну монету или наяву дадут один мискал червонного золота?», на что тот ответил: «Для меня будет лучше, если мне наяву дадут один мискал червонного золота». Тогда Ибрахим ибн Адхам сказал: «Ты говоришь неправду», на что тот сказал: «Как это я говорю неправду?». Тогда Ибрахим ибн Адхам, да смилостивится над ним Аллах, сказал: «Пророк, мир ему, сказал, что *в этом мире все люди спят, а когда они умирают, то просыпаются*. Раз так, все это принадлежащее тебе имущество дано тебе во сне, а данное в загробной жизни – это имущество, данное наяву. Ты его хорошо видишь, набрасываешься на него, с утра до вечера твои заботы состоят в том, чтобы накопить его. Таким образом, ты сказал неправду»²⁹.

М) ‘Али ибн Муваффак, да смилостивится над ним Аллах, сказал: «В один год я отправился в хадж. Когда наступила ночь ‘Арафат, я переночевал в Мине, в мечети [ал-]Хайфа (мечеть Ал-Хайф – примеч. пер.), и задремал внутри той мечети. Вижу *во сне*, как с неба спускаются два ангела в зеленых одеяниях, один говорит другому: «О раб Божий, знаешь ли ты, у скольких людей, совершивших хадж, он принят?», на что другой ангел [271] сказал: «Не знаю». Далее задавший вопрос сказал: «Я знаю, что в этом году совершили хадж шестьсот тысяч человек, из которых хадж принят только у шестерых, а у остальных – нет». Затем они поднялись на небо и исчезли из моего вида. Я проснулся и очень опечалился: «Если из шестисот тысяч человек хадж был принят только у шестерых, являюсь ли я [одним] из тех, у кого он принят, или же [одним] из тех, у кого он отвергнут?». С этой печалью, этой тоской, в слезах и сердечных муках я вернулся из ‘Арафата и пошел в Заповедное место

²⁸ Нахдж ал-Фарадис. С. 362.

²⁹ Там же. С. 380.

(араб. машар ал-харам, то есть Заповедная мечеть – примеч. пер.). Ту ночь я провел там. Смотрю, а народу очень много. Я им говорю: «Столько много людей покинули дома, предпочли скитание, перенесли столько трудностей и хлопот, и если они вернутся [домой] лишенными милости Всевышнего, это будет для нас великой потерей и изъяном» – и я снова задремал с горечью и тоской. Смотрю, а во сне, как и в прошлый раз, с небес спускаются два ангела в зеленых одеяниях. Один другому говорит: «О раб Божий, знаешь ли ты, как Истинный, Благословен Он и Возвышен, поступил вчера с этими Его рабами?», на что другой сказал: «Не знаю, о раб Божий». Тогда задавший вопрос ангел сказал: «Всевышний этих шестьсот тысяч человек препоручил тем шестерым и всех простил». Затем они оба поднялись на небеса и пропали у меня из виду. Я проснулся, очень обрадовался и повеселел, так что не могу и описать той своей радости. Далее я вернулся домой живым-здоровым, а когда вновь пришло время хаджа, моя любовь возросла еще больше. На второй год я снова решил [отправиться] в хадж. Когда я завершил действия хаджа, мне снова пришла в голову мысль [о том], чей хадж принят, [272] а чей – отвергнут, и я обратился к Истинному, Благословен Он и Возвышен, с мольбою: «О Господи, если Ты принял мой хадж, то я его посвящаю тем, чей хадж не был принят». В ту ночь я лег спать, и мне снится сон: вижу Господа могущества (Рабб ал-‘изза), [и Он] мне говорит: «О, Мой раб ‘Али, ты проявляешь щедрость к верующим. Я сотворил щедрость. Я самый щедрый из всех щедрых. В этом году Я препоручил всех, у кого Я не принял хадж, тем, у кого Я его принял. Я также самый великодушный из всех великодушных. Я над всеми смиловился и всех простил». Когда я снова проснулся, я так сильно обрадовался, что моей радости не было предела³⁰.

б) Сон как знак предупреждения

А) Жил да был один воин. [Однажды он] оседлал своего коня и пошел сразиться с одним неверным. Они встали друг против друга, направили [друг на друга] свои мечи и копья, начали сражаться, конь этого воина споткнулся и быстро встал. Во время

³⁰ Нахдж ал-Фарадис. С. 328.

второй атаки он вновь споткнулся. Когда тот неверный вознамерился ударить, конь снова встал. Когда тот собрался атаковать в третий раз, его конь ускакал и вынес этого воина с поля битвы, унеся его с собой далеко, этот воин очень расстроился и стал переживать, что лишился награды за сражение [на пути Аллаха]. В ту ночь он лег спать и увидел *во сне*, как Истинный, Благословен Он и Возвышен, наделил коня этого воина даром речи, и этот конь сказал своего хозяину-воину: «У меня не было привычки спотыкаться и убегать во время боя. Знаешь ли ты, почему я споткнулся и почему я ускакал?», на что воин ответил: «Не знаю». Тогда конь сказал: «Ты сегодня купил мне сена и заплатил за него продавцу фальшивой монетой. Тот продавец сена не понял этого и взял. Я поел того сена, и в мой желудок попала запретная пища [300]. Если бы ты получил награду за сражение [на пути Аллаха] благодаря этой пище, это было бы благодаря силе от недозволенной пищи. Если бы ты проявил осторожность и накормил меня чистой пищей, ты убил бы этого неверного и получил [загробную] награду за сражение [на пути Аллаха]» – пока конь говорил, воин проснулся и очень удивился. Он пошел к продавцу сена, забрал у него ту фальшивую монету и дал ему другую монету. Из этого следует, что, если конь всадника поест недозволенной пищи, его хозяин лишится великих наград. Каково же будет его состояние, если он сам поест недозволенной пищи?³¹

Б) Знай, и да будет тебе известно: как запрещено смотреть с вождением на постороннюю женщину, то еще более запретным является смотреть с вождением на безбородого юношу, поскольку можно сочетаться браком с посторонней женщиной, а с юношей нельзя». Пророк, мир ему, тоже говорит: «Не сидите вместе с безбородыми сыновьями богачей, ибо нафс питает влечение к ним, подобно тому, как он испытывает влечение к женщинам». Мансур (Мансур б. Ибрахим ал-Мисри, ум. 918, поэт – примеч. пер.) сказал: «Я видел *во сне* Абу ‘Абд Аллаха Сакрини (Ас-Суккари – примеч. пер.) и спросил: «О Абу ‘Абд Аллах, как с тобой поступил Всевышний?», на что Абу ‘Абд Аллах ответил: «Я предстал перед Истинным, и Он мне сказал: «Как же ты с вожде-

³¹ Нахдж ал-Фарадис. С. 339.

лением осмотрел безбородого юношу спереди и сзади?», отчего мною овладел такой стыд, что я утонул в своем поте, а плоть моего лица опала на землю от моего стеснения³².

Таким образом, представленные примеры из сочинения золотоордынской эпохи «Нахдж ал-Фарадис» еще раз доказывают, что видеть и толковать сны один из древних обрядов и ритуалов многих народов. С появлением ислама значимость толкования снов обрела новую форму. Основная часть толкований опиралась на Коран и Сунну пророка Мухаммада. В мусульманскую эпоху Золотой Орды создается отдельный пласт религиозно-дидактической литературы, в которых также аппелируется внимание автора на сновидениях.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Валиуллина Ф.М. Мотив сна в эпосе «Идегей» // Успехи гуманитарных наук. 2022. № 9. С. 37–40.
2. Кыйссаи Йосыф [Текст] / Кол Гали; [текстны хэзерге әдәби телгә күчерүчеләр: Ф.С. Фасиев, А.Х. Нуриева, Ә.Г. Исхак]. Казан: Татарстан китап нәшрияты, 2013. 222, [2] с.
3. Махмуд ал-Булгари. Нахдж ал-Фарадис. Путь в рай. Перевод. Транскрипция. Сокращенный перевод на русский язык И.Р. Гибадуллина, Э.Г. Сайфетдиновой, Э.Р. Галиуллиной. Транскрипция Ф.Ш. Нуриевой / Общая и научная редакция И.М. Миргалеева. М.: Исламская книга, 2019. 320 с.
4. Резван М.Е. Коран в системе мусульманских магических практик. СПб., 2011. 220 с., ил.
5. Тримингэм Дж.С. Суфийские ордены в исламе. М., 2002.
6. Яхин Ф.З. Татар шигъриятендә дини мистика һәм мифология. Казан: ТДГИ нәшрияты, 2000. 265 б.

³² Нахдж ал-Фарадис. С. 361

Эльмира Гадельзяновна Сайфетдинова – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра исследований Золотой Орды и татарских ханств им. М.А. Усманова, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, Казань, Российская Федерация, adulya2@yandex.ru

Elmira G. Sayfedinova – Cand. Sci. (History), Senior Research Fellow of the Usmanov Center for Research on the Golden Horde and Tatar Khanates, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, Kazan, Russian Federation, adulya2@yandex.ru

**НАУЧНЫЕ ЗНАНИЯ В ТРУДЕ
АБУ БАКРА КАЛАНДАРА «КАЛАНДАР-НАМЕ»**

В статье рассматривается тема о научных знаниях в Золотой Орде и татарских ханствах. Автор акцентирует внимание на том, что политические события в Золотой Орде во многом повлияли на развитие научных знаний в этом государстве. Также и обширные дипломатические связи Золотой Орды с другими странами ислама – Анатолией, Ираном, Сирией, Египтом и пр. – повышали возможности золотоордынских интеллектуалов.

Ключевые слова: история, Золотая Орда, татарские ханства, наука, Абу Бакр Каландар, «Каландар-наме»

I.M. Mirgaleev

**SCIENTIFIC KNOWLEDGE IN THE WORK
OF ABU BAKR QALANDAR "QALANDAR-NAME"**

This article examines the development of scientific knowledge in the Golden Horde and the Tatar khanates. The author emphasizes that political events in the Golden Horde significantly influenced the development of scientific knowledge in this state. Furthermore, the Golden Horde's extensive diplomatic ties with other Islamic countries – Anatolia, Iran, Syria, Egypt, and elsewhere – increased the potential of Golden Horde intellectuals.

Keywords: history, Golden Horde, Tatar khanates, science, Abu Bakr Qalandar, "Qalandar-name"

Разъяснение того, что ученый, [обладающий] деяниями, подобен светильнику, а особенность светильника состоит в том, что, когда он зажигается, то сперва освещает себя, а затем всех остальных

Абу Бакр Каландар. Каландар-наме. Дафтар третий. Глава 91.

Тема о научных знаниях в Золотой Орде и в татарских ханствах является одной из наиболее актуальных и интересных. В последние годы шло активное накопление наших знаний о повседневной жизни в золотоордынских городах. Большим достижением в последнее 20-летие стало введение в научный оборот огромного количества новых источников и археологических находок. Десятки авторов в последние годы изучили разные аспекты истории Золотой Орды. Были созданы обширные обобщающие коллективные монографии, например, третий и четвертый том «Истории татар с древнейших времен», «Золотая Орда в мировой истории».

Однако тема о научных знаниях, о литературе и богословии в Золотой Орде еще ждут своих исследователей. Благо, источники позволяют обобщить наши знания и по этому вопросу.

Сегодняшние наши познания о функционировании науки в Золотой Орде свидетельствует о том, что наука в полной мере отражала уровень знаний в мире, а в чем-то и превосходила его, что нашло отражение в востребованности золотоордынских правоведов в других странах ислама, написания книг по математике¹ и по астрономии. Создание не только богословских, но и светских произведений, например, творчество Сейфа Сараи было полностью светским². Данное явление говорит нам о том, что весь спектр и арсенал знаний имел свою среду в городах Золотой Орды и была прослойка людей, занимающихся умственным трудом.

¹ Фазлыюглу Ихсан. Первая математическая книга в золотоордынском государстве – шедевр в вычислительной математике («Ат-Тухфе фи Илм ал-Хисаб») // Золотоордынское обозрение. 2014. № 4(6). С. 57–68.

² Более подробно см.: Золотоордынское наследие. Сборник статей Международной научной конференции, посвященный 700-летию со дня рождения средневекового татарского поэта Сейфа Сараи. Выпуск 4. Казань, 2021. 340 с.

В последние годы выявлены десятки произведений, прежде всего религиозного и научного характера, которые посвящены золотоордынской элите, что говорит о большом интересе к научным новинкам в Золотой Орде.

Немаловажным фактом является то, что политические события в Золотой Орде во многом повлияли на развитие научных знаний в этом государстве. Также и обширные дипломатические связи Золотой Орды с другими странами ислама – Анатолией, Ираном, Сирией, Египтом и пр. – повышали возможности золотоордынских интеллектуалов. Безусловно, научные знания в Золотой Орде оказали влияние на развитие науки также и в других государствах: в одних преподавали потомки и ученики золотоордынских правоведов, в других были востребованы труды средневековых татарских ученых. В татарских ханствах также были продолжены изыскания в области различных наук.

В настоящее время в золотоордынских исследованиях происходит настоящий взлет, характеризующийся укреплением междисциплинарного взаимодействия ученых и введением в научный оборот источников, которые либо не привлекали внимание специалистов по истории Золотой Орды, либо же были доступны только узкому кругу специалистов-источниковедов, владеющих восточными языками.

В своей работе я бы хотел остановиться на таком из источников, а именно на данных обширного богословского труда, созданного в Золотой Орде. Данное произведение носит название «Каландар-наме»³ и принадлежит автору Абу Бакру Каландару Руми Аксарий ал-Умми⁴, жившему в Крыму в XIV веке. Судя по нисбе и сведениям, которые сообщает сам автор, происходил он из Анато-

³ Абу Бакр Каландар Руми. Каландар-наме: избранное / Пер. с перс. И.Р. Гибадуллина, М.Р. Шамсимухаметовой; общая и научная редакция, предисловие, комментарии И.Р. Гибадуллина. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2017. 1044 с.; Абу Бакр Каландар Руми. Каландар-наме. Факсимиле. Подготовка к изданию к.и.н. И.М. Миргалеев. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2015. 800 с.

⁴ Лакаб Умми (араб. «неграмотный») безусловно было данью суфийской традиции.

лии, из города Аксарай. Но значительную часть жизни Абу Бакр Каландар прожил в Крыму, в столице Крымского улуса в городе Крым (в европейских источниках Солхат) и посвятил себя распространению ислама в Золотой Орде, основав суфийский орден *‘Ушшакийан* («Влюбленные в Аллаха»). Свой труд он посвятил великим ханам Золотой Орды Мухаммаду Узбеку и Махмуду Джалаладдину Джанибеку. Абу Бакр Каландар в Крыму был имамом соборной мечети, которую построил мамлюкский правитель Мелик Насир⁵. Имамом такой мечети могли ставить только приближенного к Узбек-хану религиозного деятеля. Это говорит о том, что Абу Бакр был уже к этому времени известным и уважаемым ученым.

Идеи Абу Бакра Каландара носят эклектический характер, балансируя между ортодоксией и гетеродоксией, как бы занимая промежуточное положение между народным суфизмом и более сложными и изощренными суфийскими доктринами, популярными в среде образованной прослойки мусульман. Ему присущи простота и незатейливость сюжетов, обращение к простым народным образам, изложенные им религиозно-мистические концепции чаще всего не отягощены сложными теоретическими построениями и выверенным концептуальным аппаратом.

Вобрав в себя различные идейные и духовные влияния, Абу Бакр Каландар провозгласил создание нового братства *‘Ушшаки* (от араб. *‘ушшак* – «влюбленные»), которое было призвано превзойти по своей благодати все предыдущие мистические ордена. Как следует из названия братства, в основе его мистического пути

⁵ Более подробно см.: Миргалеев И.М. Абу Бакр Каландар. Кто он? // Крымское историческое обозрение. 2014а. № 1. С. 40–45; Миргалеев И.М. Абу Бакр Каландар Руми // Тюрко-мусульманский мир: идентичность, наследие и перспективы изучения. (К 80-летию профессора М.А. Усманова): сб. статей / сост. и науч. редакторы: Д.М. Усманова, Д.А. Мустафина, М. Кемпер. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2015. С. 241–243; Миргалеев И.М. Сочинение Абу Бакра Каландара Руми Каландарнаме // Актуальные проблемы изучения и сохранения исламского наследия Крыма: Материалы междунар. науч.-практ. конф., посвященной 700-летию Мечети Хана Узбека, Симферополь, 14–18 октября 2014 г. Симферополь, 2014. С. 37–39.

лежала идея Божественной любви, которая понималась как предвечное начало, движущая сила вселенной. Постигание этой любви ставилось Абу Бакром Каландаром выше религиозного культа, веры и неверия. Согласно «Каландар-наме», путь ‘Ушшаки был открыт Абу Бакру Каландару самим Всевышним в Крыму в 720 году хиджры (1320/1321).

Вступление в братство требовало соблюдения пяти правил: скрывания чужих недостатков, удерживания своего нафса от дурных деяний и качеств, благодеяния по отношению к недругам, приверженности шариату и искреннего служения всем людям вне зависимости от их положения и статуса. Отличительными признаками членов братства было ношение холщовой рубахи (киш), сшитого из шести клиньев головного убора (шиш-тарк) и сандалий. Члены братства практиковали радения, сопровождавшиеся игрой на музыкальных инструментах, пением и танцами⁶.

Отсутствие каких-либо упоминаний об этом братстве в исторических источниках говорит о том, что оно не просуществовало долго и, возможно, исчезло в результате тех катаклизмов, которые постигли Золотую Орду в результате охватившего ее политического кризиса, междоусобиц, войн, эпидемии чумы и т.д.

«Каландар-наме» является единственным сохранившимся произведением Абу Бакра Каландара. Он писал его на протяжении более двадцати лет (между 1320/1321 и 1340/1341 гг.). Возможно у него были и другие произведения, но к сожалению, до нас чудом дошел только этот огромный труд. Недавно в Турции был найден отрывок из этого сочинения, который еще не изучен. Поэтому, вполне возможно, новые его труды также могут быть найдены.

«Каландар-наме» является суфийской религиозно-дидактической поэмой и написана на персидском языке. Состоит из пяти

⁶ Гибадуллин И.Р., Миргалеев И.М. «Каландар-наме» – ранее неизвестный памятник суфийской литературы Золотой Орды // Исламский фактор в интеграционных процессах Великого Шелкового пути. Материалы II Международной научно-богословской конференции «Духовный Шелковый путь. Созидание. Интеграция» (Болгар-Казань, 3–5 сентября 2017 г.) / Сост. и отв. ред. И.М. Миргалеев. М.-Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2018. С. 31–35.

дафтаров (томов) и содержит 16121 байт. Она представляет собой собрание различных по тематике отрывков, центральное место среди которых занимает притча как основная форма донесения суфийского знания. Произведение написано, как рассказ и панегирики некоторым суфиям, часто как аллегория и тайный намек на коранические сюжеты и истории пророков.

Абу Бакр Каландар учился в медресе, изучал шариатские науки, философию и медицину. Наставником Абу Бакра был некий Баха` ад-дин `Умар Зилави из анатолийского города Зела⁷.

Данное произведение еще ждет своих исследователей. Группа исследователей в 2017 году опубликовали первый выпуск комментариев, которая включает в себя анализ десяти глав «Каландарнаме», посвященных важнейшим темам мусульманского богословия, мистицизма и священной истории ислама – единобожию, пророку Мухаммаду (мир ему и благословение Аллаха) и его внукам Хасану и Хусейну, четырем праведным халифам, четырем суннитским имамам, вознесению Пророка (ми`арадж) и разъяснению Божественной любви⁸. Исторические сведения, касающиеся золотоордынской истории проанализированы в нашей статье⁹.

Мы выделили главы, в которых говорить о важности изучения наук, в том числе медицины, геологии, географии, садоводства, агрономии, астрономии, математики, физики, музыки и конечно же богословии и шариатских наук (правоведение).

Дафтар первый

Глава 14. О том, что явное знание – это одно, а тайное знание – это совсем другое.

⁷ Абу Бакр Каландар Руми. Каландар-наме: избранное / Пер. с перс. И.Р. Гибадуллина, М.Р. Шамсимухаметовой; общая и научная редакция, предисловие, комментарии И.Р. Гибадуллина. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2017. С. 38.

⁸ Комментарии к «Каландар-наме» Абу Бакра Каландара Руми. Выпуск 1. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2017. 96 с.

⁹ Миргалеев И.М. Сочинение «Каландар-наме» Абу Бакр Каландара Руми Аксарайи как источник по истории Золотой Орды // Золотоордынская цивилизация. 2016. № 9. С. 63–68.

Глава 16. Разъяснение того, как из мирового разума (‘акл-и кульь) зародились разумы.

Глава 18. Духовное знание (ма’рифат).

Глава 46. Испытание учеником астролога своего учителя.

Глава 51. Разъяснение того, что в сахарном тростнике, когда он появляется из земли, есть пять видов сахара, которые известны кондитеру благодаря знанию.

Дафтар второй

Глава 8. Разъяснение Божественного знания и бесконечного творения.

Глава 22. Духовное знание (ма’рифат).

Глава 31. Разъяснение того, что шейх наставляет мюридов на истинный путь, подобно тому, как искусный врач лечит больных [до полного] выздоровления.

Глава 143. Разъяснение того, что пищей [всем] деревьям служит вода, хотя плоды их и разнообразны.

Дафтар третий

Глава 10. Разъяснение того, что Истинный (Хак) (Пречист Он и Возвышен!) сотворил разум в качестве орудия для знания.

Глава 11. Разъяснение того, что у Истинного (Хак) (Пречист Он и Возвышен!) имеются безграничные знания.

Глава 68. Разъяснение справедливости Нушинравана (Ануширвана) и рассказ о старухе и ее корове.

Глава 69. Рассказ об Искандаре Греческом и о тех событиях, что с ним произошли.

Глава 91. Разъяснение того, что ученый, [обладающий] деяниями, подобен светильнику, а особенность светильника состоит в том, что, когда он зажигается, то сперва освещает себя, а затем всех остальных.

Глава 92. Разъяснение того, что ученый без деяний подобен жировой лампе – когда она зажигается, то освещает всех, а сама остается во мраке.

Глава 119. Разъяснение того, что вместе с пшеничным зерном, произрастающим из земли, растет также и [сорная] трава, и хотя

эти две вещи одного цвета, «разве студень может течь, подобно маслу?»).

Глава 125. Разъяснение того, что друзья [Аллаха] (да пребудет над ними милость Аллаха!) слышали в [игре] музыкальных инструментов и песнях прославление [Аллаха] (тасбих) и испытывали экстаз.

Дафтар четвертый

Глава 23. Разъяснение того, что *Аллах не сделал [ни одного] невежду [своим] другом* (ма аттахазу Аллаху валийан джахилан).

Глава 32. Разъяснение того, что всякий, кто не является знатком шариаата, не является действующим в тарикате.

Глава 69. Разъяснение того, что макрокосмом ('алам-и кубра) являются члены уммы Мустафы (мир ему!).

Глава 77. Разъяснение того, что ученый, имеющий деяния, является последователем предшествующих ученых (да будет доволен Аллах ими всеми!) Благодаря деяниям ученый становится весьма бесподобным..

Глава 82. Разъяснение того, что на земле есть семь климатов, в каждом из которых имеется кутб, подобно тому, как на каждом небе имеется светило.

Глава 100. Разъяснение того, что изучающий внешнее является ученым ('алим), а знающий внутреннее – познавшим ('ариф).

Глава 102. Разъяснение того, что наука – это знание [об Аллахе], философия – это врачебный осмотр Его, а посему познавший является знающим о Нем.

Дафтар пятый

Глава 20. Разъяснение того, что, когда камень и железо ударяются друг о друга, высекаемый между ними огонь является их следствием.

Глава 25. Разъяснение того, что камень становится рубином благодаря свойству солнца, подобно тому, как мюрид, обращающий на себя взор шейха, обретает совершенство.

Глава 47. Разъяснение того, что одни из людей узнают вещи благодаря арифметике, а другие – по философским книгам, однако

Всевышний Аллах непрерывно показывает другие вещи, которые, на взгляд этих людей, подобны блюду, покрытому крышкой, и удивительно, если они не видят [его].

Глава 55. Разъяснение того, что знание Аллаха безгранично, и двенадцать наук его, по словам ученых, известны среди людей.

Глава 66. Разъяснение того, что глаз видит все, что оказывается перед ним, однако не видит далекое-далекое и близкое-близкое к себе и самого себя из-за крайней близости.

Глава 97. Разъяснение того, что слова знатоков астрономии не имеют достоверности в шариате Пророка (мир ему!).

Глава 118. Разъяснение того, что до эпохи Посланника (мир ему!) были мудрецы, которые лечили больных с помощью лекарств, так что они выздоравливали, а после Посланника (мир ему!) появились другие мудрецы, которые делали это с помощью мольбы и духовного рвения, и этими мудрецами являются друзья Аллаха.

Глава 120. Рассказ о садовнике и увещании, которое он дал юноше.

Глава 134. Разъяснение того, что знание о форме – это одно, а знание о смысле – это другое.

Несомненно, «Каландар-наме» не является научным трактатом, а посвящена, прежде всего, богословским вопросам. На ее страницах тема знаний и науки дается как часть миропонимания суфийских кругов. Она отражает общие представления, которые были характерны для своего времени. Обращение Абу Бакром Каландаром к знаниям, мотивация своих последователей получить образование и познавать мир, все это является доказательством, что в Золотой Орде была создана среда, где люди занимались наукой, и это поощрялось.

Автор «Каландар-наме» и его последователи уделяли большое внимание овладению знаниями. Мотивируя тем, что знания помогают больше понимать сущность творца. Безусловно, такое отношение транслировалось не только среди суфийских кругов, но и поддерживалось властью.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абу Бакр Каландар Руми. Каландар-наме: избранное / Пер. с перс. И.Р. Гибадуллина, М.Р. Шамсимухаметовой; общая и научная редакция, предисловие, комментарии И.Р. Гибадуллина. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2017. 1044 с.
2. Абу Бакр Каландар Руми. Каландар-наме. Факсимиле. Подготовка к изданию к.и.н. И.М. Миргалеев. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2015. 800 с.
3. Гибадуллин И.Р., Миргалеев И.М. «Каландар-наме» – ранее неизвестный памятник суфийской литературы Золотой Орды // Исламский фактор в интеграционных процессах Великого Шелкового пути. Материалы II Международной научно-богословской конференции «Духовный Шелковый путь. Созидание. Интеграция» (Болгар-Казань, 3–5 сентября 2017 г.) / Сост. и отв. ред. И.М. Миргалеев. М.-Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2018. С. 31–35.
4. Золотоордынское наследие. Сборник статей Международной научной конференции, посвященный 700-летию со дня рождения средневекового татарского поэта Сейфа Сарай. Выпуск 4. Казань, 2021. 340 с.
5. Комментарии к «Каландар-наме» Абу Бакра Каландара Руми. Выпуск 1. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2017. 96 с.
6. Миргалеев И.М. Абу Бакр Каландар. Кто он? // Крымское историческое обозрение. 2014а. № 1. С. 40–45.
7. Миргалеев И.М. Абу Бакр Каландар Руми // Тюрко-мусульманский мир: идентичность, наследие и перспективы изучения. (К 80-летию профессора М.А. Усманова): сб. статей / сост. и науч. редакторы: Д.М. Усманова, Д.А. Мустафина, М. Кемпер. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2015. С. 241–243.
8. Миргалеев И.М. Сочинение Абу Бакра Каландара Руми Каландар-наме // Актуальные проблемы изучения и сохранения исламского наследия Крыма: Материалы междунар. науч.-практ. конф., посвященной 700-летию Мечети Хана Узбека, Симферополь, 14–18 октября 2014 г. Симферополь, 2014. С. 37–39.
9. Миргалеев И.М. Сочинение «Каландар-наме» Абу Бакр Каландара Руми Аксарайи как источник по истории Золотой Орды // Золотоордынская цивилизация. 2016. № 9. С. 63–68.
10. Фазлыоглу Ихсан. Первая математическая книга в золотоордынском государстве – шедевр в вычислительной математике («Ат-Тухфе фи Илм ал-Хисаб») // Золотоордынское обозрение. 2014. № 4(6). С. 57–68.

Миргалеев И.М. Научные знания в труде Абу Бакра Каландара ...

Ильнур Мидхатович Миргалеев – кандидат исторических наук, руководитель Центра исследований Золотой Орды и татарских ханств им. М.А Усманова, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, Казань, Российская Федерация, dilnur1976@mail.ru

Il'nur M. Mirgaleev – Cand. Sci. (History), Head of the Usmanov Center for Research on the Golden Horde and Tatar Khanates, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, Kazan, Russian Federation, dilnur1976@mail.ru

*Л.Ф. Абзалов, М.С. Гатин,
И.А. Мустакимов, Р.Ю. Почекаев*

«НОЧНОЙ ДОЗОР» В СРЕДНЕВЕКОВЫХ ЧИНГИЗИДСКИХ ГОСУДАРСТВАХ*

Статья содержит перевод и исследование средневекового документа – ярлыка о назначении начальника ночной стражи из «Дастур ал-катиб» Мухаммеда б. Хиндушаха Нахчивани. Анализируются статус и функции получателя ярлыка и его подчиненных, прослеживается эволюция института ночной стражи в Иране и других государствах Востока.

Ключевые слова: Монгольская империя, монгольский Иран, ханства Средней Азии, Золотая Орда, военное дело, закон и порядок

*L.F. Abzalov, M.S. Gatin,
I.A. Mustakimov, R.Yu. Pochekaev*

“NIGHT WATCH” IN THE MEDIEVAL GENGHIZID STATES

This article contains a translation and analysis of a medieval document – a yarlyk appointing the head of the night watch from the “Dastur al-katib” of Muhammad ibn Hindushah Nakhchivani. The status and functions of the recipient of the yarlyk and his subordinates are analyzed, and the evolution of the institution of the night watch in Iran and other Eastern states is traced.

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда, проект № 23-18-00147 «Социально-политическая организация евразийского пространства в Средние века (исторический опыт Золотой Орды и Ирана XIII–XIV вв.)», https://grant.rscf.ru/prjcard_int?23-18-00147, реализуемого в Воронежском государственном университете.

Keywords: Mongol Empire, Mongol Iran, khanates of Central Asia, Golden Horde, military affairs, law and order

Хорошо известно, что основу вооруженных сил государств Чингизидов составляли представители тюркских и монгольских племен, для которых военная служба являлась и обязанностью, и почетным правом, за нее они получали земельные владения и вознаграждение¹. Однако уже вскоре после завоевания оседлых государств их правители-Чингизиды стали поручать некоторые военные и правоохранные функции также представителям местного населения, не интегрируя их, впрочем, в систему тюрко-монгольских вооруженных сил.

Нормативная фиксация статуса таких военизированных подразделений представлена в ценном источнике второй половины XIV в. – персоязычном трактате «Дастур ал-катиб фи та’йин ал-маратиб» («Руководство для писца при определении степеней»), автором которого был Мухаммед б. Хиндушах Нахчивани, чиновник при дворе последних Хулагуидов и первых Джалаиридов. Ранее авторы уже анализировали некоторые документы, посвященные подобным институтам². В настоящем исследовании мы рассматри-

¹ См. подробнее: *Измайлов И.Л.* Войско Улуса Джучи во второй половине XIII–XV вв.: структура командования, способ комплектования, численность и рода войск // Военное дело Золотой Орды: проблемы и перспективы изучения. Материалы Круглого стола, проведенного в рамках Международного золотоордынского форума (Казань, 30 марта 2011 г.) / Отв. ред. И.М. Миргалеев. Казань: Фолиант; Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2011. С. 24–31.

² Абзалов Л.Ф., Гатин М.С., Мустакимов И.А., Почекаев Р.Ю. К истории обеспечения безопасности торговых путей в чингизидских государствах XIII–XIV вв. // Материалы по археологии и истории античного и средневекового Причерноморья. № 14. 2022. С. 297–313; Абзалов Л.Ф., Гатин М.С., Мустакимов И.А., Почекаев Р.Ю. К истории организации правоохранительной деятельности в чингизидских государствах XIII–XIV вв. // Материалы по археологии и истории античного и средневекового Причерноморья. № 15. 2023. С. 608–620; Абзалов Л.Ф., Гатин М.С., Мустакимов И.А., Почекаев Р.Ю. «Платные дороги» в чингизидских го-

ваем еще один вид подобных структур на примере ярлыка о назначении начальника ночной стражи. Документ впервые был переведен на европейский язык австрийским востоковедом Й. фон Хаммером-Пургшталем, русский перевод которого мы приводим ниже вместе с современным переводом с оригинала, сделанным специально для данной публикации.

Перевод документа

Перевод Й. фон Хаммера-Пургштала [15, S. 509] ³	Перевод с оригинала [10, с. 157–158 араб. паг.] ⁴
<p>XXXIV. Грамота [ярлык] начальнику стражи (Emiri Aases), только первый [образец]</p> <p>Поскольку пехлеван Фахреддин Ахмед в течение многих лет был при Великом Диване и выполнял все порученные ему дела самым благопристойным образом, и поелику он известен своей ловкостью и способностями, то отныне он назначается начальником лагеря, дабы он охранял каждую ночь базар и ловил сброд, который ворует и грабит, и если есть причина для подозрения, после его подтверждения, приводил в исполнение соответствующее наказание, и если человек свободен от подозрений и освобожден, взимал пошлину. По этим причинам этот указ и вступает в силу, дабы старосты (Kedchudajan) и торговцы лагеря, начиная с этого дня, знали</p>	<p>[Раздел семнадцатый. О препоручении должности начальника (букв. «эмира») ночной стражи.]</p> <p>Поскольку пехлеван Фахр ад-Дин Ахмед в течение многих лет находился на службе при Великом Диване и добросовестно выполнял все порученные ему дела, и поелику он известен своей компетентностью и способностями, то отныне ему препоручается должность начальника ночной стражи орду-базара (عيسى اردو بازار), дабы он, назначив проворных слуг (نوکران), еженощно был занят охраной базара. Если они (его слуги. – И.М.) заподозрят кого-то из плутов и подонков общества, пусть схватят и приведут его в штаб-квартиру начальника ночной стражи (عسس گاه) для выяснения того, чем занимался тот человек. При подтверждении подозрений пусть [начальник ночной стражи] задержит</p>

сударствах XIII–XIV вв. // Материалы по археологии и истории антично-го и средневекового Причерноморья. Вып. 16. 2024. С. 620–630.

³ Перевод на русский язык выполнен М.С. Гатиным.

⁴ Перевод на русский язык выполнен И.А. Мустакимовым.

<p>и признавали наделенного властью начальника Фахреддина Ахмеда, обращались к нему по всем вопросам, касающимся его дела, и не уклонялись от его слов и решений; оплата за охрану должна выплачиваться его слугам; он не должен допускать, чтобы стражники и торговцы подвергались притеснениям со стороны наместников и знати; пусть он не будет склонен к жадности и алчности, а помнит о каре представителей Нашего Величества.</p>	<p>его и строго накажет, если же подозреваемый окажется ремесленником или подозрения в его адрес не подтвердятся, пусть отпустит его, взыскав сбор на содержание ночной стражи (رسم عسسی).</p> <p>По этой причине этот указ вступает в силу с тем, чтобы управители (اریاب), старшины (گدخدایان) и торговцы (بازاریان) орду-базара, начиная с этой даты признавали пехлевана Фахр ад-Дина Ахмеда заступившим должность начальника ночной стражи, знали, что врата сотрудничества [с ним] не заперты, обращались к нему по вопросам, касающимся [деятельности] ночной стражи, и не преступали его слова и благоусмотрения. Пусть средства, взысканные с каждого, оплатившего сбор на содержание ночной стражи, выплачиваются ему и его слугам. Ему же надлежит, опекать [своих] слуг и не допускать, чтобы они подвергали притеснениям и насилию невиновых людей, базарных старшин, именитых и видных лиц, и по причине своей алчности и злонамеренности занимались вымогательством. Пусть опасаются наказания от уполномоченных (نواب) Нашего Величества.</p>
---	---

Мухаммед б. Хиндушах представил типовой для «Дастур ал-катиб» формуляр. Автор, не приводя начального и конечного протокола, характеризует лишь основную часть документа. В наррации характеризуются качества назначаемого лица – Фахр ад-Дина Ахмеда. В диспозитивной части говорится о назначении на должность начальника ночной стражи орду-базара (عسسی اردو بازار). В диспозицию также включается адхортация, в которой указываются

лица, обязанные принять документ к сведению, даются конкретные указания по содействию с их стороны деятельности начальника ночной стражи, определяются законные источники финансирования его труда, даются предостережения подчиненным эмира. В целом, Мухаммед б. Хиндушах приводит типичную для чингизидских канцелярий структуру ярлыка о назначении на должности тюркских и монгольских военных чиновников, ограничиваясь описанием лишь основной части формуляра. Такая же особенность наблюдается и в других ярлыках из «Дастур ал-катиб» о назначении на должность местных (иранских) чиновников, выполнявших правоохранительные функции – в отличие от указов, которыми назначались на должность представители диванных или канцелярских должностей: последние характеризуются наличием характерных для иранского делопроизводства «цветистых форм», апеллированием к мусульманским традициям и пр.

Личность получателя ярлыка идентифицировать по доступным источникам нам не удалось, поэтому мы не имеем возможности установить, кто из правителей Ирана и когда издал этот указ. Вместе с тем, он содержит весьма ценные сведения, отражающие особенности правового статуса его получателя.

Начальник (эмир) ночной стражи, как вытекает из текста, принадлежит к чиновникам, отвечающим за обеспечение порядка, то есть, он и его подчиненные представляли собой разновидность правоохранительной структуры. В данном ярлыке к его должностным обязанностям относится охрана (преимущественно в ночное время) орду-базара, то есть ставки либо правителя страны, либо кого-то из его высокопоставленных родственников, при которой находился базар и осуществлялась торговля.

При этом является очевидным, что на ночную стражу возлагалась функция именно по охране торговцев и их имущества: сама ставка, несомненно, охранялась воинами тюрко-монгольского происхождения, которые еще со времен Чингис-хана были известны как кебтегулы (хэбтэгулы) – тоже ночные стражи, но из числа самых надежных ханских телохранителей⁵. В дальнейшем этот

⁵ Козин С.А. Сокровенное сказание. Юань чао би ши. М.; Л.: АН СССР, 1941. С. 144.

институт продолжал действовать и в монгольском Иране⁶ и, вероятно, в других чингизидских государствах. Охрана же купцов – пусть даже таких, кто имел право вести торговлю при ставке хана или членов его семейства – возлагалась на представителей местного населения.

Однако, по-видимому, полномочия чиновника выходили за пределы упомянутой функции. На это указывает положение ярлыка о том, что начальник стражи мог рассматривать дела подозреваемых в противоправных деяниях («плутов и подонков общества»), исследовал доказательства их вины и наказывал в случае подтверждения обвинения, то есть, обладал следственными и судебными полномочиями. Впрочем, такое сосредоточение административных и судебных функций в одних руках в Средние века было, скорее, правилом, чем исключением.

Чтобы осуществлять подобную деятельность начальник ночной стражи должен был обладать набором соответствующих качеств, навыков и определенным опытом. Согласно анализируемому документу, Фахр ад-Дин Ахмед длительное время находился «на службе при Великом Диване», на которой проявил добросовестность, компетентность и способности.

Ярлык не содержит сведений, в каком качестве вновь назначаемый чиновник трудился при Диване, однако любопытно отметить, что он фигурирует с эпитетом «пехлеван», что в переводе с персидского языка означает «богатырь, герой, силач, борец, витязь», то есть является аналогом тюркского и монгольского «батыра/бахадура». Кстати, применение этого эпитета к Фарх ад-Дину Ахмеду, как представляется, дополнительно подтверждает, что он был представителем местного персидского или таджикского населения, а не тюрком или монголом⁷.

⁶ См., напр.: *Melville Ch. The Keshig in Iran: The Survival of the Royal Mongol Household // Beyond the Legacy of Genghis Khan / Ed. by L. Komaroff. Leiden; Boston: Brill, 2006, p. 152.*

⁷ Термин «пехлеван» неоднократно используется, в частности, Хафиз-и Абру применительно к военачальникам Ирана персидского происхождения, тогда как их тюркские и монгольские коллеги характеризуются как «бахадуры» [12, с. 50, 87, 166, 223].

Таким образом, есть основания считать, что до своего назначения начальником ночной стражи этот чиновник уже успел проявить себя в боевой обстановке – возможно в качестве городского стража или дорожного заставщика (туткаула/рахдара). Вместе с тем, опыт службы в Диване позволяло ему ориентироваться в экономической сфере – взаимодействовать с торговцами, которых он должен был охранять, а также решать вопросы, связанные с налогами и сборами, речь и которых пойдет ниже.

Примечательно, что среди адресатов ярлыка не фигурируют представители власти монгольского Ирана: издатель указа обращается только к «управителям, старшинам и торговцам орду-базара», то есть, главам селений, возле которых разбивалась ставка, а также самим купцам, находившимся под охраной ночной стражи. На отношения же с государственными властями указывает лишь последняя фраза документа: «Пусть опасаются наказания от уполномоченных Нашего Величества», то есть, только в случае противоправных деяний самого начальника стражи и его подчиненных они вступали во взаимодействие с вышестоящими чиновниками, которые были вправе наказать их за злоупотребление своими полномочиями.

В подчинении начальника ночной стражи находились лица, которые в ярлыке обозначены общим термином «слуги» (буквально «нукаран», то есть, «нукеры»). Анализ содержания документа позволяет сделать вывод, что они и являлись, собственно, «ночными стражниками», то есть, непосредственно несли ночную охрану и оказывали содействие своему начальнику по поимке преступников или подозреваемых в преступлениях. Естественно, раз сам Фахр ад-Дин Ахмед являлся представителем местного населения, нет сомнения, что его подчиненные были его земляками, рекрутируемыми для выполнения правоохранительных функций.

Содержание начальнику ночной стражи и его подчиненным выплачивалось за счет специально установленного «сбора на содержание ночной стражи», неоднократно упоминаемого в ярлыке. Этот сбор, как следует из документа, выплачивался местным населением через его представителей – «управителей» и «старшин». Это представляется вполне логичным: ведь наличие при орду-

базаре специальной стражи для охраны торговцев избавляло местное население от несения своими силами аналогичной повинности «караул», которая хорошо известна и по золотоордынским ярлыкам⁸. Соответственно, освобождение от этой повинности население близлежащих селений компенсировало в денежной или материальной форме (которая также не уточняется в ярлыке). Обратим внимание, что часть этого сбора, согласно ярлыку, выплачивали и сами охраняемые купцы.

Вероятно, дополнительным источником дохода являлась вышеупомянутая судебная деятельность начальника стражи: за вынесение своих решений он получал дополнительную выплату, которая также предусматривалась в качестве части «сбора на содержание ночной стражи». Однако в данном случае представляется целесообразным учесть версию в переводе Й. фон Хаммера-Пургштала, который определяет сбор по итогам разбирательства как «пошлину» – именно за совершение определенных процессуальных действий, а не просто за исполнение своих регулярных обязанностей по ночной охране торговцев орду-базара.

Издатель ярлыка предписывает представителям местного самоуправления и купцам, чтобы они «не преступали его слова и благоусмотрения». Следовательно, начальник ночной стражи и его подчиненные обладали определенными административными возможностями и средствами для их претворения в жизнь. Это могло привести к превышению должностных полномочий, поэтому в завершающей части ярлыка предусмотрена ответственность начальника за своих подчиненных, если бы они «подвергали притеснениям и насилию невинных людей, базарных старшин, именитых и видных лиц, и по причине своей алчности и злонамеренности занимались вымогательством»⁹. Как и в большинстве проанализиро-

⁸ См. подробнее: *Усманов М.А.* Жалованные акты Джучиева улуса XIV–XVI вв. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1979. С. 239, 240.

⁹ Перевод Й. фон Хаммера-Пургштала о том, что начальник ночной стражи должен не допускать притеснения торговцев «со стороны наместников и знати» представляется ошибочным: как следует из документа, административные полномочия этого чиновника не распространялись на

ванных нами ярлыков о назначении различных должностных лиц из «Дастур ал-катиб», в данном документе также не уточняется, каковы могли быть последствия за подобные противоправные действия: несомненно, упомянутые «уполномоченные Нашего Величества» сами могли определять состав преступлений ночных стражей, их масштабы и назначать соразмерные наказания по собственному усмотрению в пределах своих властных полномочий.

Ночная стража, как и ряд других институтов правоохранительной системы в государстве Хулагуидов, существовала задолго до установления в Иране монгольского правления и, соответственно, была поставлена на службу потомкам Чингиз-хана, эффективно интегрировавшись в систему власти и управления. Первые упоминания о ночной страже («асас») относятся еще к эпохе Сасанидов, то есть, еще к доисламскому периоду. Уже первые мусульманские халифы оценили возможности этого института и успешно использовали его веками¹⁰. Как и городская стража, подчинявшаяся исфахсалару, ночная стража комплектовалась в рамках системы «ма'уна» – из представителей местного населения и существовала параллельно «шурта» – частям регулярных войск на службе у халифов, а затем – и у ильханов, также выполнявших правоохранительные функции (в частности, гарнизонах под командованием *шихне* и др.)¹¹.

представителей властей и аристократию, поэтому вряд ли он мог принимать меры для пресечения их противоправных действий.

¹⁰ Литвинов В.П. Проблемы полицейской службы в государствах мусульманского Востока: эпоха Средневековья и Новое время // Исламоведение. Т. 12. 2021. С. 104–105; Хушвахтов Х.Х. Исторические аспекты организации по обеспечению безопасности – «шурты» // Ученые записки Худжандского государственного университета им. Б. Гафурова. Гуманитарные науки. 2016. № 1 (46). С. 12–13.

Некоторые авторы полагают, что термин «асас» обозначал, собственно, начальника ночной стражи [см., напр.: 6, с. 143]. Однако это противоречат упоминания в источниках должностных лиц «асас-баши», «сахиб ул-асас» и т.д. [14, с. 12, 14].

¹¹ См. подробнее: Абзалов Л.Ф., Гатин М.С., Мустакимов И.А., Почекаев Р.Ю. К истории организации правоохранительной деятельности в

В дальнейшем, после распада улусов Монгольской империи на отдельные государства институт ночной стражи продолжал существовать в государствах, возникших на их территории. Источники сообщают об институте «асас», в частности, во владениях Сефевидов в XVII в.¹²

Аналогичная структура упоминается современниками и в Бухарском эмирате уже в XVIII – начале XX вв. Например, В.Н. Ханников, побывавший в Бухаре с дипломатической миссией в 1841–1842 гг., достаточно подробно описывает статус миршаба – начальника ночной стражи: *«С закатом солнца и с последними словами намаза, Хуфтян Мири-Шаб вступает в свои обязанности. Деятельность его главным образом направлена на предупреждение ночного разбоя, грабежа и кражи; но вместе с тем он должен наблюдать и за спокойствием города, то есть чтобы нигде шумные сборища и веселья не нарушали безмятежного сна правверных. Для достижения этих двух целей, он, во-первых, арестует без разбора всякого, кто попадется ему на улице после вечернего намаза, и представляет на другой день Эмиру, который каждое утро, выходя под навес, устроенный на одном из дворов его Дворца, чинит суд и расправу своим подданным; во-вторых, вламывается, без дальних околичностей в дом, откуда раздаются звуки песен и непрехотливой Бухарской инструментальной музыки, и, захватывая пирующих, заключает их в тюрьму до разбора вины. Команда Мири-Шаба состоит из караульных, расставляемых каждую ночь на всех перекрестках и вооруженных ножами, а чаще просто палками: они должны подавать друг другу весть, удаляя в небольшие бубны, и соединяться, если услышат бой тревоги... Караульные выбираются или из дворни Мири-Шаба, или выставляются, по его приказу, домохозяевами; в Караван-Сараях... Из городских зданий, одни только тюрьмы подчинены непосредственному заведыванию Мири-Шаба. Он должен каждую пятницу докладывать Эмиру о состоянии содержащихся в них преступ-*

чингизидских государствах XIII–XIV вв. // Материалы по археологии и истории античного и средневекового Причерноморья. 2023. № 15. С. 611.

¹² См., напр.: Аракел Даврижеци. Книга историй / Пер., вступ. ст., прим. Л.А. Ханларян. М., 1973. С. 426.

ников, и в тоже время представляет Хану всех подвергшихся тюремному заключению в течение недели, о коих не сделано еще никакого решения»¹³. Интересно отметить, что к этому времени, по всей видимости, различие между регулярными войсками среднеазиатских правителей и городским населением, обязанным осуществлять правоохранительную деятельность, фактически стерлась: если в эпоху халифов и Хулагуидов в Иране начальник ночной стражи и шихне осуществляли различные функции, то в бухарских источниках XVIII–XIX вв. это – названия одной и той же должности: «шихне, которого называют миршабом, ведает охраной предместий вилайета в позднее время»¹⁴.

Вышесказанное позволяет предположить, что институт ночной стражи с функциями, нашедшими отражение в проанализированном ярлыке, имел широкое распространение в чингизидских и постчингизидских государствах. Полагаем, он мог действовать и в Улусе Джучи. Не случайно (как мы уже не раз подчеркивали при анализе и других ярлыков из «Дастур ал-катиб»), первый переводчик этого документа Й. фон Хаммер-Пургшталь включил его в приложение к своему труду по истории Золотой Орды.

Подводя итог нашему исследованию, мы приходим к следующим выводам:

- должность начальника ночной стражи возникла задолго до появления Чингизидов на Среднем Востоке;
- кандидат на должность начальника ночной стражи выбирался из представителей местного (иранского) населения и должен был обладать соответствующим опытом;
- начальник ночной стражи должен был выполнять нижеследующие функции: отвечать за охрану торговцев и их имущества в орду-базаре, осуществлять следственные и судебные полномочия, рассматривать дела и наказывать виновных;

¹³ Ханыков Н.В. Городское управление в Средней Азии // Журнал Министерства внутренних дел. 1844. Ч. VI. С. 348–349.

¹⁴ Мирза Бади-диван. Маджма ал-аркам («Предписания фиска») (приемы документации в Бухаре XVIII в.) / Введ., пер., прим. и прил. А.Б. Вильдановой. М.: Наука, 1981. С. 99.

- содержание начальника ночной стражи и его людей оплачивалось за счет специального сбора, который выплачивался местным населением и торговцами;
- в случае превышения полномочий начальник ночной стражи и его подчиненные могли быть наказаны;
- институт ночной стражи был широко распространен в чингизидских и постчингизидских государствах. Скорее всего, он или его аналог действовал и в Улусе Джучи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абзалов Л.Ф., Гатин М.С., Мустакимов И.А., Почекаев Р.Ю. К истории обеспечения безопасности торговых путей в чингизидских государствах XIII–XIV вв. // Материалы по археологии и истории античного и средневекового Причерноморья. № 14. 2022. С. 297–313.
2. Абзалов Л.Ф., Гатин М.С., Мустакимов И.А., Почекаев Р.Ю. К истории организации правоохранительной деятельности в чингизидских государствах XIII–XIV вв. // Материалы по археологии и истории античного и средневекового Причерноморья. 2023. № 15. С. 608–620.
3. Абзалов Л.Ф., Гатин М.С., Мустакимов И.А., Почекаев Р.Ю. «Платные дороги» в чингизидских государствах XIII–XIV вв. // Материалы по археологии и истории античного и средневекового Причерноморья. Вып. 16. 2024. С. 620–630.
4. Аракел Даврижеци. Книга историй / Пер., вступ. ст., прим. Л.А. Ханларян. М., 1973. 624 с.
5. Измайлов И.Л. Войско Улуса Джучи во второй половине XIII–XV вв.: структура командования, способ комплектования, численность и рода войск // Военное дело Золотой Орды: проблемы и перспективы изучения. Материалы Круглого стола, проведенного в рамках Международного золотоордынского форума (Казань, 30 марта 2011 г.) / Отв. ред. И.М. Миргалеев. Казань: Фолиант; Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2011. С. 23–35.
6. История Ирана / Отв. ред. М.С. Иванов. М.: Изд-во МГУ, 1977. 488 с.
7. Козин С.А. Сокровенное сказание. Юань чао би ши. М.; Л.: АН СССР, 1941. 620 с.

8. Литвинов В.П. Проблемы полицейской службы в государствах мусульманского Востока: эпоха Средневековья и Новое время // Исламоведение. Т. 12. 2021. С. 102–113.

9. Мирза Бади-диван. Маджма ал-аркам («Предписания фиска») (приемы документации в Бухаре XVIII в.) / Введ., пер., прим. и прил. А.Б. Вильдановой. М.: Наука, 1981. 128+196 с.

10. Мухаммад ибн Хиндушах Нахчивани. Дастур ал-катиб фи тайин ал-маратиб (Руководство для писца при определении степеней). Крит. текст, пред. и указ. А.А. Али-заде. Т. II. М.: Наука, 1976. 526 с.

11. Усманов М.А. Жалованные акты Джучиева улуса XIV–XVI вв. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1979. 318 с.

12. Хафиз Абру (Шихаб ад-Дин Абдаллах ибн Лутфаллах ал-Хавафи). Зайл-и Джами ат-таварих-и Рашиди («Дополнение к собранию историй Рашида») / Пер. с перс., пред., коммент., прим. и указ. Э.Р. Талышханова; отв. ред. И.М. Миргалеев. Казань: ЯЗ, 2011. 320 с.

13. Ханьков Н.В. Городское управление в Средней Азии // Журнал Министерства внутренних дел. 1844. Ч. VI. С. 340–354.

14. Хушвахтов Х.Х. Исторические аспекты организации по обеспечению безопасности – «шурты» // Ученые записки Худжандского государственного университета им. Б. Гафурова. Гуманитарные науки. 2016. № 1 (46). С. 11–16.

15. Hammer-Purgstall J. von. Geschichte der goldenen Horde in Kiptschak, das ist: der Mongolen in Russland. Pesth: C.A. Hartleben's Verlag, 1840. 683 s.

16. Melville Ch. The Keshig in Iran: The Survival of the Royal Mongol Household // Beyond the Legacy of Genghis Khan / Ed. by L. Komaroff. Leiden; Boston: Brill, 2006. P. 135–166.

Ленар Фиргатович Абзалов – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Татарстана, Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Российская Федерация, len_afzal@mail.ru

Марат Салаватович Гатин – кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой истории Татарстана, Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Российская Федерация, marat_gata@mail.ru

Ильяс Альфредович Мустакимов – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Национальной библиотеки Республики Татарстан; доцент кафедры истории Татарстана, Казанский (Приволж-

ский) федеральный университет, Казань, Российская Федерация, imus2007@mail.ru

Роман Юлианович Почекаев – доктор исторических наук, кандидат юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории права и государства, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Санкт-Петербург, Российская Федерация, rpochekaev@hse.ru

Lenar F. Abzalov – Cand. Sci. (History), Associate Professor of the Department of History of Tatarstan, Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russian Federation, len_afzal@mail.ru

Marat S. Gatin – Cand. Sci. (History), Associate Professor, Head of the Department of History of Tatarstan, Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russian Federation, marat_gata@mail.ru

Ilias A. Mustakimov – Cand. Sci. (History), Chief Research Fellow of the National Library of the Republic of Tatarstan; Associate Professor of the Department of History of Tatarstan, Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russian Federation, imus2007@mail.ru

Roman Yu. Pochekaev – Dr. Sci. (History), Cand. Sci. (Jurisprudence), Professor, Head of the Department of theory and history of law and state, National Research University Higher School of Economics, St. Petersburg, Russian Federation, rpochekaev@hse.ru

EDUCATION AND SCIENCE IN THE GOLDEN HORDE DURING THE REIGN OF KHAN TOKHTAMYSH (1380–1395)

The article examines the development of education, science, and the religious-intellectual life of the Golden Horde during the reign of Khan Tokhtamysh. The study explores the role of ulama and the Sufi orders Yasawiyya and Kubrawiyya in the educational process, the influence of Islamic ideology on the formation of the legal system, and the reflection of the intellectual atmosphere of the time in Turkic-language literature and the epic "The Tale of Edige".

Keywords: Tokhtamysh Khan, Golden Horde, education, madrasah, sufism

Д.К. Сулейменова

ОБРАЗОВАНИЕ И НАУКА В ЗОЛОТОЙ ОРДЕ В ПЕРИОД ПРАВЛЕНИЯ ХАНА ТОКТАМЫША (1380–1395 гг.)

В статье рассматриваются особенности развития образования, науки и религиозно-интеллектуальной жизни в Золотой Орде в период правления Токтамыш хана. Рассматривается роль улемов и суфийских тарикатов Йасавийя и Кубравийя в образовательном процессе, влияние исламской идеологии на формирование правовой системы, а также отражение интеллектуальной атмосферы эпохи в тюркоязычной литературе и эпосе «Идегей».

Ключевые слова: Токтамыш хан, Золотая Орда, медресе, наука, суфизм

Introduction. The educational system of the Golden Horde represented a complex and multi-layered phenomenon that integrated the traditions of the Muslim East, the legal culture of Volga Bulgaria, and the specific features of the nomadic world of the Eurasian steppes. By the 13th–14th centuries, education in the Horde had acquired an institutional form, encompassing both religious and secular fields of knowledge. The foundation of the educational system was made up of madrasahs, khanaqahs, zawiyas, and maktabas, which performed both religious-educational and social functions. These institutions existed through the support of waqf endowments-donated property and lands whose income provided financial support for teachers and students. This form of funding created a stable economic basis for public education and the dissemination of Islamic knowledge. By the 13th–14th centuries, the Golden Horde had developed an early form of the Islamic educational system that combined elements of Sufi mentorship, madrasah instruction, and legal scholarship. This model not only strengthened the Islamic identity of the Horde but also laid the foundations for a stable intellectual culture that persisted in the post-Horde period and influenced the educational and spiritual practices of the Kazakh, Qasim, and Crimean Khanates.

The data provided by al-Hajj Abd al-Ghaffar al-Qirimi indicate that the formation of the educational system in the Golden Horde was inseparably linked to the processes of Islamization and the institutionalization of spiritual knowledge. As early as the reign of Khan Berke, Sufi shaykhs and Muslim scholars such as Sayf al-Din al-Khwarizmi fulfilled the roles of mentors, teachers, and spiritual advisors, establishing a tradition in which learning was intertwined with the cultivation of political and religious responsibility¹.

Islamic education during this period was not limited to religious practice. It encompassed a broad range of disciplines from fiqh and grammar to ethical and philosophical sciences and served as an essen-

¹ Mirgaleev I.M. Svedeniya al-Khadzh Abd al-Ghaffara Kyrymi ob islamizatsii v Zolotoi Orde [Information by al-Hajj Abd al-Ghaffar al-Qirimi on the Islamization of the Golden Horde]. In: *Islam i vlast' v Zolotoi Orde* [Islam and Power in the Golden Horde]. Kazan: Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, 2012, p. 11.

tial instrument in shaping the moral and political orientation of the elite. Education became a means of training rulers, statesmen, and judges endowed not only with religious knowledge but also with a sense of tolerance, consistent with the policy of a multiethnic empire.

The missionary and educational activities of the Sufi brotherhoods, primarily the Yasawiyya and the Kubrawiyya, contributed not only to the spread of Islam but also to the formation of an enlightened environment in which spiritual knowledge was regarded as the foundation of social order. The support extended to Muslim scholars by the khans transformed Islamic intellectual tradition into the ideological foundation of the state and made knowledge itself an element of political legitimacy.

Sufi tradition played a crucial role in shaping the spiritual and educational culture of the Golden Horde. The spread of Islam in the Horde was closely connected with the activities of the Yasawiyya and Kubrawiyya orders, whose educational efforts facilitated the introduction and adaptation of Islamic values within the Turkic-Mongol cultural milieu. Sufis, mentioned in the khans' decrees alongside qadis and muf-tis, participated in the state administration and acted as spiritual mentors, which demonstrates their official recognition as part of the state's educational structure. Sufi thought found expression not only in oral teachings but also in literary monuments such as *Nahj al-Faradis* by Mahmud al-Bulghari, where Sufism gave an Islamic form to local beliefs and became a foundation for the formation of the society's religious and ethical consciousness. The use of works by classical authors of Islamic mysticism, for example, Abu Talib al-Makki's *Qut al-Qulub*, as instructional manuals confirms the existence of a well-developed Sufi educational tradition in the Golden Horde, aimed at spiritual upbringing, the transmission of knowledge, and the formation of Islamic culture in the region².

² Saifetdinova E.G. *Sufiiskie traditsii v dukhovnoi kul'ture Zolotoi Ordy* [Sufi Traditions in the Spiritual Culture of the Golden Horde]. *Golden Horde Review*, 2014, no. 1 (3), p.76–77.

The reign of Khan Tokhtamysh represents one of the most significant yet understudied stages in the cultural and intellectual development of the Golden Horde. Following decades of political instability and internecine conflicts of the 1360s–1370s, known in historiography as the Great Troubles, Tokhtamysh succeeded in restoring the unity of the Horde, reviving its administrative system and cultural life. This period marked a distinctive renaissance of Islamic scholarship and legal thought across the Eurasian steppes.

The process of Islamization, which had begun under Khan Özbeg, acquired an institutional form by the end of the 14th century. Islam had become not only the religion of the ruling elite but also the ideological foundation of the educational system, in which madrasahs, Sufi zawiyas, and spiritual centers associated with the Yasawiyya and Kubrawiyya orders played a crucial role. The cities of Saray, Signnaq, Hajji-Tarkhan, and Crimea once again became centers of concentration for ulama, scribes, and theologians arriving from Khwarazm, Khorasan, and Transoxiana. Despite the political confrontation with Timur, scholarly and theological contacts between the Golden Horde and the Muslim East were maintained. References to the participation of Horde scholars in public disputations and their education in Central Asian centers attest to this intellectual exchange.

The decrees and documents issued under Tokhtamysh, as evidenced by Shihab ad-Din Marjani and other sources, reflect the transition from Tengrist formulas to Islamic legal terminology, indicating the deep integration of fiqh into state administrative practice. This era was characterized by the restoration of educational and judicial institutions, the revival of legal science, and the reactivation of literary traditions.

The late 14th century thus became a time of both political and cultural consolidation in the Golden Horde, following the devastation of the “Great Disarray”. The restoration of unity stimulated the renewal of scholarly networks and religious-educational activity that had been disrupted during the preceding period of turmoil. In Saray, Signnaq, and Hajji-Tarkhan, madrasahs, courts, and khanaqahs resumed their operations, becoming centers not only of religious instruction but also of intellectual communication. As noted by L.Z. Borodovskaya, the end of the 14th century was marked by «the expansion of the influence of Su-

fism and legal science based on fiqh, as well as the involvement of religious figures in the administrative and social life of the Horde»³.

One of the most notable expressions of this intellectual revival under Tokhtamysh was the flourishing of Islamic jurisprudence⁴. The restoration of central authority and the end of civil strife made it possible to attract outstanding Muslim jurists- ulama from Khwarazm, Bukhara, and Transoxiana to the capital. After the end of the turmoil, the Golden Horde became a refuge for theologians and legal scholars who had left Central Asia due to the growing power of Amir Timur, whose rule was disapproved of by many orthodox ulama. Many of these scholars found protection and patronage at the court of Tokhtamysh, turning Saray into a major center of Islamic legal scholarship.

Among them was Ibn al-Bazzazi, one of the leading authorities on fiqh, who declared Timur an “infidel”. After Timur’s conquest of Khwarazm, Ibn al-Bazzazi left the region and settled in Saray, where he taught and contributed to the development of a distinct legal school. His treatise *al-Fatawa al-Bazzaziyya* became one of the most authoritative compilations of Hanafi jurisprudence in the Muslim world⁵.

The end of the 14th century marked the final flourishing of Islamic law in the Golden Horde, which continued into the early 15th century when power effectively passed to Emir Edigü. During this period, the consistent application of sharia norms in the administration of the Horde became established practice, reflected in *yarlyks* and judicial documents.

The documents of Tokhtamysh’s reign demonstrate a clear transformation in the official state discourse. Whereas the *yarlyks* of the

³ Borodovskaya L.Z. *Rasshirenie sfery vliyaniya sufizma v period Zolotoi Ordy* [The Expansion of Sufism’s Influence during the Period of the Golden Horde]. *Islamovedenie*, 2017, vol. 8, no. 3, pp. 85.

⁴ Pochekaev R.Yu. *K istorii yuridicheskoi nauki v Zolotoi Orde* [On the History of Legal Science in the Golden Horde]. *Golden Horde Review*, 2020, vol. 8, no. 4, pp. 737–752. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2020-8-4.737-752>. P.741.

⁵ Pochekaev R.Yu. *Shikhab ad-Din Mardzhani o prave Zolotoi Ordy* [Shihab ad-Din Marjani on the Law of the Golden Horde]. *Tyurkologicheskie issledovaniya* [Turkological Studies], 2019, vol. 2, no. 4, pp. 58.

13th-century khans traditionally invoked the formula “by the will of Eternal Heaven” the *yarlyks* of Tokhtamysh begin with the Islamic benediction “*Bismillāh al-Rahmān al-Raḥīm*”. This shift testifies to the profound Islamization of the khan’s chancery and to the strengthening of *fiqh* within administrative practice⁶. Shihab ad-Din Marjani cited the texts of two decrees those of Tokhtamysh and Qutluq-Timur, as representative examples of royal legal acts that combined norms of sharia with the administrative law of the Horde⁷.

The Tokhtamysh era was also characterized by intensive contact with the intellectual milieu of the broader Muslim East. Despite ongoing military conflicts with Timur, the scholarly connections between the Golden Horde, Khwarazm, and the Central Asian centers of learning remained active, particularly in the domains of *fiqh* and *kalam*. One striking example of this interaction was the public disputation held at Timur’s court in 1388, in which the theologian Sa’d al-Din al-Taftazani and several other scholars took part; among them was the Horde scholar Numan al-Din al-Khwarizmi. This episode illustrates the high international standing of the Golden Horde’s scholars, whose intellectual authority extended far beyond the borders of their own state.

The Sufi orders Yasawiyya and Kubrawiyya, which had formed the foundation of spiritual education during the reigns of Özbeg and Tokhta, continued to play a vital role under Tokhtamysh. Although direct patronage by the khan is not explicitly mentioned in sources, he belonged to the tradition of rulers for whom Sufism functioned as a form of spiritual legitimization of power. According to T. Abylov and T. Zholdassuly, in the 14th century, the dervishes of the Yasawiyya and Kubrawiyya orders propagated Islamic scholarship from Khwarazm to Crimea, founding *madrasahs* and *zawiyas* where the Qur’an, *fiqh*, rhe-

⁶ Borodovskaya L.Z. *Rasshirenie sfery vliyaniya sufizma v period Zolotoi Ordy* [The Expansion of Sufism’s Influence during the Period of the Golden Horde]. *Islamovedenie*, 2017, vol. 8, no. 3, pp. 90.

⁷ Pochekaev R.Yu. *Shikhab ad-Din Mardzhani o prave Zolotoi Ordy* [Shihab ad-Din Marjani on the Law of the Golden Horde]. *Tyurkologicheskie issledovaniya* [Turkological Studies], 2019, vol. 2, no. 4, pp. 57–58.

toric, and grammar were taught⁸. These zawiyas served not only as centers of teaching and religious devotion but also as institutions of moral and social guidance, where ideals of justice, honesty, and spiritual integrity values underlying Tokhtamysh's political ideology were cultivated.

It was during this period that Sufi shaykhs began to act as advisers to the khans, while their educational and ethical missions acquired state significance⁹. As a moderate and integrative form of Islamization among the steppe populations, Sufism played a key role in incorporating diverse ethnic groups into a shared spiritual and cultural system of the Golden Horde.

In addition to the flourishing of legal and religious scholarship, the Tokhtamysh era witnessed a notable literary renaissance, epitomized by the creation of the epic "The Tale of Edige". This unique monument of Turkic literature reflects the political and spiritual realities of the late 14th and early 15th centuries. Based on the historical conflict between Khan Tokhtamysh and Emir Edige, the work stands as one of the most important sources for the history and ideology of the Golden Horde. According to A.N. Samoylovich, the epic fulfilled an ideological function: it justified the legitimacy of Edige's descendants while simultaneously preserving the memory of Tokhtamysh's era as one of heroism and destiny. In poetic form, the epic embodies themes of dynastic conflict, power, honor, and loyalty central to the worldview of Golden Horde society¹⁰.

The text survived in numerous variants among the Kazakh and Tatar peoples, attesting to its broad diffusion and trans-civilizational character. The literary culture of Tokhtamysh's time thus served not only as

⁸ Abylov T., & Zholdassuly, T. Rol' tarikatorov Yasaviyya i Kubraviyya v islamizatsii Zolotoi Ordyy [The Role of the Yasaviyya and Kubraviyya Orders in the Islamization of the Golden Horde]. *Türk Kültürü ve Hacı Bektaş Velî Araştırma Dergisi*, 2023, no. 105, pp. 301–312.

⁹ Borodovskaya, L. Z. (2017) op.cit., p. 90.

¹⁰ Samoylovich A.N. Variant skazaniya o Edige i Tokhtamysh, zapisannyy N. Khakimovym [Variant of the Legend of Edige and Tokhtamysh Recorded by N. Khaqimov]. In: *Turkological Collection 1972*. Moscow: Nauka Publishing House, 1973, pp. 186–211.

an artistic expression but also as a form of historical testimony, preserving through epic narrative the images of rulers, heroes, and spiritual ideals of the Golden Horde. Despite political instability and external threats, the reign of Tokhtamysh became a period of revival in the scientific, legal, and spiritual life of the state.

Conclusion. The reign of Khan Tokhtamysh marked an important stage in the formation of the Islamic legal and educational system of the Golden Horde. This period not only restored the political unity of the state after years of internal strife but also signified a transition to a new model of cultural and spiritual development based on the interaction between steppe political traditions and Islamic scholarship.

The revival of madrasahs and qadi institutions, the influx of ulama from Khwarazm and Transoxiana, and the consolidation of fiqh as the foundation of state administration all testify to the transformation of knowledge into an instrument of political legitimacy. The Islamization of administrative practice reflected in the adoption of religious formulas in *yarlyks* and the dissemination of legal treatises, represented a deeper process of the intellectual Islamization of society.

During this time, the Sufi brotherhoods *Yasawiyya* and *Kubrawiyya* fulfilled not only religious but also educational and social functions. Their *zawiyas* and *khanaqahs* fostered systems of moral instruction and ensured the continuity of spiritual knowledge. Sufism became a crucial intermediary between nomadic and sedentary cultures, facilitating the gradual incorporation of the steppe population into the broader Islamic civilization.

The scholarly and theological exchanges established during Tokhtamysh's reign connected the Golden Horde with the intellectual centers of the Muslim East, allowing it to occupy a firm position within the wider intellectual geography of the Islamic world. This process reflects the high level of integration of the Horde's elite into the transregional networks of Islamic learning and law.

Thus, the Tokhtamysh era can be characterized as a period of spiritual and intellectual revival in the Golden Horde, when the restoration of political stability was accompanied by the development of Islamic jurisprudence, educational institutions, and Sufi traditions. The educational framework established during this time ensured the preservation

of Muslim identity, cultural continuity, and the resilience of Turkic civilization in the post-Horde era. These developments laid the foundations for the enduring legacy of Golden Horde scholarship, which manifested itself in the Qasim, Kazakh, and Crimean Khanates, thereby securing the continuity of the cultural and religious identity of Islamic Eurasia.

REFERENCES

1. Abylov, T. & Zholdassuly, T. (2023). Rol' tarikatorov Yasaviyya i Kubraviyya v islamizatsii Zolotoi Ordy [The Role of the Yasawiyya and Kubrawiyya Orders in the Islamization of the Golden Horde]. *Türk Kültürü ve Hacı Bektaş Velî Araştırma Dergisi*, no. 105, pp. 301–312.
2. Borodovskaya, L.Z. (2017). Rasshirenie sfery vliyaniya sufizma v period Zolotoi Ordy [The Expansion of Sufism's Influence during the Period of the Golden Horde]. *Islamovedenie*, vol. 8, no. 3, pp. 82–94.
3. Mirgaleev, I.M. (2012). Svedeniya al-Khadzh Abd al-Ghaffara Kyrymi ob islamizatsii v Zolotoi Orde [Information by al-Hajj Abd al-Ghaffar al-Qirimi on the Islamization of the Golden Horde]. In: *Islam i vlast' v Zolotoi Orde* [Islam and Power in the Golden Horde]. Kazan: Sh. Marjani Institute of History of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, pp. 6–17.
4. Pochekaev, R.Yu. (2020). K istorii yuridicheskoi nauki v Zolotoi Orde [On the History of Legal Science in the Golden Horde]. *Golden Horde Review*, vol. 8, no. 4, pp. 737–752. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2020-8-4.737-752>
5. Pochekaev, R.Yu. (2019). Shikhab ad-Din Mardzhani o prave Zolotoi Ordy [Shihab ad-Din Marjani on the Law of the Golden Horde]. *Tyurkologicheskie issledovaniya* [Turkological Studies], vol. 2, no. 4, pp. 54–62.
6. Saifetdinova, E.G. (2014). Sufiiskie traditsii v dukhovnoi kul'ture Zolotoi Ordy [Sufi Traditions in the Spiritual Culture of the Golden Horde]. *Golden Horde Review*, no. 1 (3), pp. 75–78.
7. Samoylovich, A.N. (1973). Variant skazaniya o Edigee i Toktamysh, zapisannyi N. Khakimovym [Variant of the Legend of Edige and Tokhtamysh Recorded by N. Khaqimov]. In: *Turkological Collection 1972*. Moscow: Nauka Publishing House, pp. 186–211.

Suleimenova D.K. Education and science in the Golden Horde during the reign ...

Динара Кайсаровна Сулейменова – докторант Ph.D., Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева; научный сотрудник, Научно-исследовательский институт изучения Улуса Джучи, Астана, Республика Казахстан, suleimenova911@gmail.com

Dinara K. Suleimenova – Ph.D. student, L.N. Gumilyov Eurasian National University, Research Fellow, Research Institute for the Study of the Ulus of Jochi, Astana, Republic of Kazakhstan, suleimenova911@gmail.com

ПРИСОЕДИНЕНИЕ КАЗАНСКОГО ХАНСТВА: ПОЛЕМИКА И МНЕНИЯ

Статья посвящена анализу трудов историка И.Л. Измайлова по критике историографии завоевания Казанского ханства. В работе подчеркивается, что И.Л. Измайлов рассматривает Казанское ханство как полноценного субъекта истории с развитой государственностью, а его падение – как результат объективного военно-политического перевеса Москвы, а не внутренней слабости.

Ключевые слова: Казанское ханство, историография, завоевание Казани, И.Л. Измайлов, колониализм, имперская историография, национальная историческая школа, идеология и наука

A.V. Aksanov

THE ANNEXATION OF THE KAZAN KHANATE: CONTROVERSY AND OPINIONS

This article analyzes the works of historian I.L. Izmailov, who critiques the historiography of the conquest of the Kazan Khanate. The work emphasizes that I.L. Izmailov views the Kazan Khanate as a fully-fledged historical entity with a developed statehood, and its fall as a result of Moscow's objective military and political superiority, rather than internal weakness.

Keywords: Kazan Khanate, historiography, conquest of Kazan, I.L. Izmailov, colonialism, imperial historiography, national historical school, ideology and science

С конца XVII в российской историографии прочно закрепилось представление о том, что важнейшей причиной конфликтов между Великим княжеством Московским и Казанским ханством

была враждебная политика казанских ханов. Именно это обстоятельство якобы стало основной причиной завоевания Казани в 1552 г. Так, в «Скифской истории», датированной 1692 г., А.И. Лызлов писал, что Русское государство беспрестанно терпело убытки «в людях и казне... от неукротимого и свирепого Казанского Царства», поэтому в 1552 г. Иван IV взял Казань и окончательно подчинил все ханство¹. А В.Н. Татищев считал, что войны между Москвой и Казанью начинались из-за измены казанцев и основной причиной выступления войск Ивана IV на Казань было «клятвопреступление» казанцев². Далее о том, что причина военных конфликтов заключалась в агрессивной внешней политике казанцев, которые постоянно совершали опустошительные набеги на окраины Русского государства писали такие метры отечественной науки как Н.М. Карамзин, Н.Г. Устрялов, Н.И. Костомаров и Д.И. Иловайский³. В советский период подобные взгляды отразились в работах М.Г. Худякова, К.В. Базилевича, А.Л. Хорошкевич и других историков⁴. В постсоветской историографии продолжает бытовать мнение о том, что подчинение Казанского ханства было необходимо для обеспечения безопасности восточной и южной границ Русского государства⁵.

¹ Лызлов А. Скифская история. Ч. I. СПб., 1776. С. 69–148.

² Татищев В.Н. История Российская. Т. III. М., 2005. С. 374, 457, 565.

³ Карамзин. М.Н. История государства Российского. Т. 8. СПб., 1819. С. 114. Устрялов Н.Г. Русская история до 1855 года, в двух частях. Петрозаводск, 1997. С. 221, 223. Иловайский Д.И. Собиратели Руси. М., 2003. С. 528. Он же. История России. Т. 2. М., 1884. С. 205; Костомаров Н.И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. Т. 1. Ростов-на-Дону, 1997. С. 253.

⁴ Худяков М.Г. Очерки по истории Казанского ханства. М., 1991. С. 43. Базилевич К.В. Внешняя политика Русского централизованного государства во второй половине XV века. М., 1950. С. 70. Хорошкевич А.Л. Образование единого Российского государства // История СССР с древнейших времен до наших дней. Т. 2. М., 1966. С. 123.

⁵ Бахтин А.Г. Русское государство и Казанское ханство: межгосударственные отношения в XV–XVI веках: Дис. ... д.и.н. М., 2001. С. 197; Бахтин А., Хамидуллин Б. Политическая история Казанского ханства // История татар с древнейших времен в семи томах. Т. IV. Татарские

Очевидно, что рассуждения историков о враждебности казанцев, по существу, базируются на известиях официального московского летописания, которые были некритично восприняты исследователями. Весомый вклад в развенчание таких взглядов внёс Искандер Лерунович Измайлов. Важное место в его многогранном научном творчестве занимает большая по объёму статья «Завоевание Казанского ханства: причины и последствия (Критический разбор основных тенденций российской историографии)»⁶. Это фундаментальный историографический труд, значение которого выходит далеко за рамки научной полемики. Это манифест, декларирующий принципы объективного, свободного от имперских и постимперских мифов изучения одного из ключевых событий в истории Восточной Европы – падения Казанского ханства.

И.Л. Измайлов не просто анализирует события, но стремится реконструировать логику и мотивацию действующих сторон, рассматривая Казанское ханство не как пассивный объект российской экспансии, а как полноценный субъект истории со своими политическими и экономическими интересами. Структурно статья построена как последовательный разбор и опровержение ключевых тезисов так называемой «новой» (а на деле – реставрированной) российской историографии, которую И.Л. Измайлов ассоциирует с работами Н.С. Борисова, Ю.Г. Алексеева, А.Г. Бахтина и других.

Центральным объектом критики становится концепция «оборонительной войны» и «политической необходимости» завоевания, выдвигаемая этими авторами. И.Л. Измайлов выстраивает свою аргументацию, последовательно рассматривая экономические, социальные и политические аспекты проблемы, демонстрируя широкий охват источников и научной литературы.

государства XV–XVIII вв. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2014. С. 292; Котляров Д.А. Московская Русь и народы Поволжья; Алексеев Ю.Г. Походы русских войск при Иване III. СПб., 2009.

⁶ Измайлов И.Л. Завоевание Казанского ханства: причины и последствия (Критический разбор основных тенденций российской историографии) // Татарский народ после 1552 года: потери и приобретения. Казань, 2003. С. 61–135.

Одним из ключевых аргументов «новой» историографии, который детально разбирает И.Л. Измайлов, является тезис о том, что завоевание Казанского ханства было экономически невыгодным для Русского государства. Сторонники этой точки зрения (в частности, А.Г. Бахтин) утверждают, что русское дворянство не было заинтересовано в землях Поволжья, купечество не получало значительных выгод от волжской торговли, а государственная казна неслала убытки от содержания нового региона.

И.Л. Измайлов опровергает эти построения, демонстрируя глубокое понимание экономических реалий XVI века. Он показывает, что тезис о незаинтересованности дворянства основан на манипуляции цифрами и игнорировании стратегического характера земельной политики. Ученый приводит контраргументы, основанные на анализе писцовых книг, указывая на масштабы русской земельной колонизации, которая стала возможной именно после сгона или уничтожения татарского населения с плодородных земель Предкамья и Заказанья. «Земли Поволжья как объект колонизации выглядели гораздо более привлекательно, – пишет И.Л. Измайлов, – говоря уже о том, что первые русские поселенцы отнюдь не осваивали новых земель в лесах и не поднимали целину – они селились на землях, освоенных мусульманами уже с X в.». Это важнейшее наблюдение разрушает миф о «диких» и «пустующих» землях, который долгое время служил оправданием колонизации.

Анализируя доводы о «кризисе» волжской торговли, И.Л. Измайлов проявляет себя как скрупулезный источниковед. Он обращается к свидетельствам современников – С. Герберштейна, А. Контарини, И. Барбаро, – которые, вопреки утверждениям его оппонентов, рисуют картину оживленных торговых связей. Он перечисляет конкретные товары, составлявшие основу торгового оборота: меха, соль, рыба, кожи, восточные пряности и ткани. Ученый справедливо отмечает, что отрицание экономической целесообразности контроля над Волгой – главной торговой артерией Восточной Европы – противоречит здравому смыслу и историческим фактам. Его вывод о том, что «завоевание Казани и присоединение Поволжья – это еще и неограниченный доступ к богатей-

шим ресурсам Волги и Каспия», представляется абсолютно логичным и обоснованным.

Центральное место в статье занимает критика краеугольного камня имперской историографии – тезиса о том, что завоевание Казани было вынужденной оборонительной мерой, ответом на постоянную агрессию татарских ханств. И.Л. Измайлов проводит тонкий историографический анализ, показывая генеалогию этого мифа, восходящего к церковно-державной пропаганде XVI века, в частности, к сочинениям митрополита Макария и А. Курбского, и позднее воспринятого многими историками.

С четкой логической последовательностью ученый разбирает тезис о «татарской угрозе» и «оборонительной войне». Во-первых, он обращается к военно-политической статистике, вслед за М.Г. Худяковым указывая, что из 12 русско-казанских войн инициатива в семи случаях исходила из Москвы. Этот «вульгарный математический прием», как иронично называет его оппонент И.Л. Измайлова А.Г. Бахтин, на самом деле является простым и наглядным способом опровергнуть утверждения о перманентной агрессивности Казани.

Во-вторых, И.Л. Измайлов вводит важный методологический критерий: различие целей военных кампаний. «Казанцы не вели в отношении Москвы войн на завоевание какой-либо территории... даже во время самых успешных войн татары не стремились разрушить русский государственный строй», – констатирует исследователь. Этот качественный анализ дополняет количественные данные, показывая системный характер московской экспансии.

В-третьих, И.Л. Измайлов подвергает критике миф о «тысячах христианских пленников» как главной причине войны. Он не отрицает самого факта пленения, но справедливо указывает на его масштабы, сильно преувеличенные пропагандой, и на двойные стандарты в оценке. Ученый напоминает, что захват пленных и их использование в хозяйстве была общей практикой для всех сторон в Средневековье, и русские войска в не меньшей степени занимались этим во время походов на Казань. Анализ писцовых книг, который проводит И.Л. Измайлов, показывает, что «полонянки» составляли незначительный процент населения и жили череспо-

лосно с татарами, что опровергает тезис о Казани как о «государстве-работорговце».

Отвечая на тезисы оппонентов о «внутренней слабости» и «рыхлости» Казанского ханства, И.Л. Измайлов демонстрирует глубокое понимание его социально-политического устройства. Он решительно отвергает устаревшую и надуманную концепцию М.Г. Худякова о существовании «промосковской» и «проордынской» партий, которую повторяют многие современные авторы.

Вместо этой упрощенной схемы И.Л. Измайлов предлагает рассматривать политическую элиту ханства как единую «казанскую партию», руководствовавшуюся, прежде всего, интересами сохранения суверенитета государства. Он аргументированно описывает структуру власти, где ключевую роль играл совет карачибеков, представлявший ведущие аристократические кланы. «Система организации власти в Казанском ханстве... напоминала Речь Посполитую, но она никогда не была ни “рыхлой”, ни “патриархальной”», – пишет ученый. Этот вывод важен для преодоления стереотипа о «примитивности» государственности ханств – наследников Золотой Орды.

Причины падения Казани И.Л. Измайлов видит не в мифических «внутренних раздорах» или «отсутствии патриотизма», а в объективном историческом процессе: Казанское ханство, как и другие постордынские государства, переживало «период феодальной раздробленности», в то время как Московское царство находилось на этапе «самодержавной централизации», что и предопределило военно-политический перевес последнего. Такой подход позволяет избежать возложения моральной ответственности на жертву агрессии, что является этической позицией ученого. Для И.Л. Измайлова завоевание Казани – это не просто академический сюжет, а трагедия, положившая начало «горестной и трагической истории татарского народа». Он последовательно отстаивает право историка на моральную оценку событий прошлого, особенно таких, как колониальные захваты и геноцид. «Целью нашей в рассмотрении различных, в том числе и самых кровавых страниц общего прошлого, является не предъявлять претензии русскому на-

роду, а настаивать на том, что живительная правда всегда лучше, нежели мертвящая ложь», – провозглашает И.Л. Измайлов.

Эта позиция является методологическим ответом на попытки «объективистского» оправдания завоевания, когда последнее представляется как исторически предопределенное и в конечном счете «прогрессивное» событие. И.Л. Измайлов убедительно показывает, что подобный «прогрессизм» является лишь идеологической ширмой, скрывающей преступления колониализма.

Вклад статьи И.Л. Измайлова в современную историографию трудно переоценить. Во-первых, она представляет собой образец критического источникаведения, разоблачающего идеологическую ангажированность многих современных трудов. Во-вторых, она предлагает целостную, логически стройную и документально обоснованную альтернативу имперскому нарративу. В-третьих, работа служит мощным стимулом для дальнейших исследований, задавая высокие стандарты научной добросовестности и этической ответственности историка.

В последние годы И.Л. Измайлов продолжал анализировать развитие историографии Казанского ханства и опубликовал статью «Основные концепции завоевания Казанского ханства в отечественной историографии: между идеологией и наукой»⁷. В этой публикации автор выходит за рамки полемики с отдельными историками и выстраивает целостную, систематизированную картину развития двух основных противоборствующих концепций на протяжении всей истории их существования, начиная с летописей и исторической публицистики XVI–XVII веков, таких как сочинения Курбского и «Казанская история», и заканчивая трудами начала XXI века. Здесь демонстрируется генезис, трансформация и идеологическая преемственность двух главных парадигм: державно-охранительной, утверждающей необходимость и прогрессивность завоевания, и критической, оценивающей его как колониальный захват.

⁷ Измайлов И.Л. Основные концепции завоевания Казанского ханства в отечественной историографии: между идеологией и наукой // Новое прошлое / The New Past. 2022. № 1. С. 102–118. <https://doi.org/10.18522/2500-3224-2022-1-102-118>

И.Л. Измайлов проанализировал и идеологический механизм, сформировавший советскую историографию. Он детально освещает роль государственного аппарата в 1930–1940-е годы, показывая не просто факт давления, а его конкретные инструменты. К ним относятся партийные постановления, такие как знаменитое постановление 1944 года «Об ошибках и недостатках в работе Татарского научно-исследовательского института языка, литературы и истории», целенаправленное внедрение и использование концепции «меньшего зла», создание и пропаганда эвфемизмов вроде «присоединение» и «мирное освоение» для замещения терминов «завоевание» и «колонизация», а также проведение специальных совещаний историков в ЦК ВКП(б) в 1944 году для утверждения новой патриотической линии. Этот анализ позволяет увидеть целенаправленное конструирование исторического нарратива государством.

Вместе с тем, в статье «Основные концепции завоевания Казанского ханства в отечественной историографии: между идеологией и наукой» наглядно демонстрируется, что татарская историографическая школа, зародившаяся в трудах Ш. Марджани и его последователей, не была маргинальной, а представляла собой альтернативную, научно обоснованную традицию, которая периодически находила отклик в российской либеральной историографии. При этом он подчеркивает, что державная концепция является не просто научной точкой зрения, а важнейшей частью государственной идеологии, что и объясняет ее удивительную живучесть и периодические «реанимации».

Кроме того, эта работа акцентирует внимание на долгосрочной перспективе и современном состоянии дискуссии. И.Л. Измайлов фиксирует, что, несмотря на крах советской идеологии, державная концепция не только сохранилась, но и получила новое дыхание в современной России, часто в обновленной форме тезиса о «вынужденности» завоевания.

Таким образом, общий вклад И.Л. Измайлова в историографию завоевания Казанского ханства является системным и многогранным. Он успешно структурировал историографию, четко выделив и описав две основные, противостоящие друг другу концепции, что позволило систематизировать огромный массив

научной литературы. Его работы содержат серьезный анализ идеологических механизмов, показывая, как государственная власть в разные периоды напрямую формировала «нужный» исторический нарратив. И.Л. Измайлов также совершил важную работу по интеграции богатого наследия татарской исторической мысли в общий контекст отечественной историографии, показав ее научную ценность. Его труды прослеживают долгосрочные тренды, демонстрируя, что спор о завоевании Казани – это «проклятый вопрос» с глубокими корнями и повторяющимися циклами. Наконец, его научная полемичность, выраженная в работе 2003 года, и последующий синтез в статье 2022 года, задают новый, более высокий стандарт для будущих исследований. Его публикации содержат системным и методологически выверенный анализ, предлагающий целостную модель для понимания всей многовековой дискуссии, где идеология и наука находятся в постоянном и сложном взаимодействии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеев Ю.Г. Походы русских войск при Иване III. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2009. 464 с.
2. Базилевич К.В. Внешняя политика русского централизованного государства во второй половине XV века. М.: Изд-во МГУ, 1950. 543 с.
3. Бахтин А.Г. Русское государство и Казанское ханство: Межгосударственные отношения в XV–XVI веках: Дис. ... д.и.н. М., 2001. 567 с.
4. Бахтин А., Хамидуллин Б. Политическая история Казанского ханства // История татар с древнейших времен в семи томах. Т. IV. Татарские государства XV–XVIII вв. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2014. С. 289–358.
5. Измайлов И.Л. Завоевание Казанского ханства: причины и последствия (Критический разбор основных тенденций российской историографии) // Татарский народ после 1552 года: потери и приобретения. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2003. С. 61–135.
6. Измайлов И.Л. Основные концепции завоевания Казанского ханства в отечественной историографии: между идеологией и наукой // Новое прошлое / The New Past. 2022. № 1. С. 102–118. <https://doi.org/10.18522/2500-3224-2022-1-102-118>
7. Иловайский Д.И. История России. М.: Типография Кушнерева, 1884. Т. 2. 587 с.; М., 1890. Т. 3. 717 с.

8. Иловайский Д.И. Собиратели Руси. М.: АСТ, 2003. 637 с.
9. Карамзин Н.М. История государства российского. Т. VIII. СПб.: Типография Н. Греча, 1819. 477 с.
10. Костомаров Н.И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей: В 3 т. Т. 1. Ростов-на-Дону: Феникс, 1997. 640 с.
11. Котляров Д.А. Московская Русь и народы Поволжья в XV–XVI вв.: У истоков национальной политики России. Ижевск: Издательский дом «Удмуртский университет», 2005. 314 с.
12. Лызлов А.И. Скифская история. Ч. I. СПб.: Типография Н. Новикова, 1776. 166 с.
13. Татищев В.Н. История Российская. Т. III. М.: АСТ: Ермак, 2005. 860 с.
14. Устрялов Н.Г. Русская история до 1855 года, в двух частях. Петрозаводск: Корпорация «Фолиум», 1997. 958 с.
15. Хорошкевич А.Л. Образование единого Российского государства // История СССР с древнейших времен до наших дней. Т. II. М.: Наука, 1966. С. 105–141.
16. Худяков М.Г. Очерки по истории Казанского ханства. М.: ИНСАН, 1991. 320 с., карт.

Анвар Васильевич Аксанов – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра исследований Золотой Орды и татарских ханств им. М.А. Усманова, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, Казань, Российская Федерация, aksanov571@gmail.com

Anvar V. Aksanov – Cand. Sci. (History), Senior Research Fellow of the Usmanov Center for Research on the Golden Horde and Tatar Khanates, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, Kazan, Russian Federation, aksanov571@gmail.com

Д.М. Исхаков

**ТАТАРЫ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ:
ОТ ПОЛИТОГЕНЕЗА ДО ЭТНОГЕНЕЗА
(КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ)**

В статье представлены позиция автора по истории татар средневековья, их этнического происхождения. Автором был предпринят опыт концептуального исследования этнополитической панорамы Центральной Азии XII–XIII вв. с тем, чтобы раскрыть некоторые важные аспекты движения татарского мира от политогенеза к этногенезу, позволяющего рассматривать этот период не только как «монгольский», но и «тюрко-татарский» период истории.

Ключевые слова: история, Средневековье, татары, этногенез, концепция

D.M. Iskhakov

**THE TATARS OF THE MIDDLE AGES:
FROM POLITICAL GENESIS TO ETHNOGENESIS
(CONCEPTUAL REFLECTIONS)**

This article presents the author's position on the history of the Tatars of the Middle Ages and their ethnic origins. The author has undertaken a conceptual study of the ethno-political landscape of Central Asia in the 12th–13th centuries in order to uncover some important aspects of the Tatar world's movement from political genesis to ethnogenesis, allowing us to consider this period not only as a "Mongol" but also a "Turkic-Tatar" period of history.

Keywords: history, Middle Ages, Tatars, ethnogenesis, concept

Одна из ключевых проблем истории Улуса Джучи как части Еке Монгол Улуса – это выяснение этнической принадлежности татарских и других связанных с ними кланов. В литературе до сих

пор присутствует точка зрения о монгольской идентичности средневековых татар, хотя в равной мере эта весьма известная, можно сказать, «царственная» этническая общность может быть маркирована как тюркская группа. Трудность анализа данной проблемы заключается в том, что «народ монголов» Еке Монгол Улуса в источниках параллельно именуется и как «татары» или «монголо-татары». Однако, применительно к политически доминировавшей в Улусе Джучи этнополитической общности, несмотря на традиционное использование в отечественной литературе по отношению к ней термина «монголо-татары», в средневековых источниках главным образом употреблялось понятие «татары». Вот эта довольно непростая ситуация требует более глубокого анализа «татарского вопроса». Одним из аспектов такого анализа является выяснение подлинной этнической принадлежности тех татарских кланов, с которыми монгольские племена, пережившие на рубеже XII–XIII вв. под предводительством Чингиз-хана процесс объединения, столкнулись на исторических тюркских территориях Центральной Азии. В реальности эти кланы к тому времени были уже всего лишь частью гораздо более обширного «татарского мира».

Имея в виду сказанное, в настоящей публикации нами принят опыт концептуального исследования этнополитической панорамы Центральной Азии XII–XIII вв. с тем, чтобы раскрыть некоторые важные аспекты движения татарского мира от политогенеза к этногенезу, позволяющего рассматривать этот период не только как «монгольский», но и «тюрко-татарский» период истории.

Сюжет о первопредках Чингиз-хана Бортэ-Чино и Хоай-Марал: тюркский след.

О том, что соседство монголоязычных кланов с тюрками, пик могущества которых пришёлся на VI–VII века, не прошло бесследно для обеих групп, писалось неоднократно¹. Кроме прочих

¹ Викторова Л.Л. Монголы. Происхождение народа и истоки культуры. М.: Изд-во «Наука», Гл. ред. вост. лит-ры, 1980. С. 156–161; Кычанов Е.И. История приграничных с Китаем древних и средневековых государств (от гуннов до маньчжуров). 2-е изд. СПб., 2010.

данных в этой связи заслуживает внимания легендарная генеалогия предков Чингиз-хана, основателя Монгольской империи.

Согласно древнейшим монгольским письменным источникам, например, «Сокровенному сказанию» (оно же «Тайная история»), линия предков Чингиз-хана восходила к мифической паре – «Борте-Чино» (мужской первопредок) и женскому первопредку «Гоа (Хоай)-Маралу»². Уже высказывалось мнение о том, что под этой мифической парой (прародитель – «Сивый Волк», прародительница – «Прекрасная Лань/Олениха») скрываются фратриально связанные между собой два клана, выступающие как тотемические существа³. Но их клановая принадлежность, несмотря на предпринятые исследователями значительные усилия, до сих пор окончательно не установлена⁴. Между тем ее раскрытие важно, ибо на их основе можно установить, как думается, факт старых тюрко-монгольских контактов.

Начнем с того, что Н.Н. Крадиным было предложено в имени «Борте-Чино» в первой ее части видеть наименование волка в тюркских языках (от *«буре»*), а во второй – обозначение этого же хищника (*«чинухай»*) на тунгусо-маньчжурских языках (в некоторых говорах эвенкийского языка). Такое же положение, согласно Н.Н. Крадину и Т.Д. Скрынниковой, возникает и при трактовке имени праматери «Гоа/Хоай-Марала», ибо наименование Гоа (Хоай) (в вариантах *qooi/quua/quva* и др.) объясняется исходя из эвенкийского языка, так как *«кувэр»* – на эвенкийском это дикий олень/лось, а вторая часть имени – Марал, в тюркских языках тоже обозначает оленя⁵. Но такая «двойная» маркировка предков вызы-

² Сокровенное сказание монголов / Перевод С.А. Козина. Улан-Удэ: Бурятское кн. изд-во, 1990. С. 12.

³ Крадин Н.Н., Скрынникова Т.Д. Империя Чингис-хана. М.: Изд. фирма «Вост. лит-ра» РАН, 2006. С. 186–187.

⁴ Крадин Н.Н., Скрынникова Т.Д., 2006; Зориктуев Б.Р. Актуальные проблемы этнической истории монголов и бурят / Б.Р. Зориктуев; Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН. М.: Вост. лит-ра, 2011.

⁵ Крадин Н.Н., Скрынникова Т.Д., 2006. С. 187.

вает обоснованные возражения, о чем уже писалось⁶. Поэтому предпочтительнее во второй части имени Борте-Чино видеть обозначение не волка, а господствовавшего в Тюркских каганатах клана Ашина, как известно, также связываемого с легендарной волчицей⁷. Показательно, что этот этноним имел также цветное значение – «голубой, бело (светло)-голубой» (цвет неба – *күк*), что в итоге дает «сивого/голубовато-белого волка» – Ашину (у татар этот образ сохранился как «*Ак бүре*»). Его супругой же оказывается «*Куа/Куян-Марал*», где начальная часть имени вероятно обозначает этноним, позже известный у монголов как «*кият/кыйат*» (предки Чингиз-хана возводились к роду кият-борджигин). Хотя Н.Н. Крадин этот этноним выводил из эвенкийского этнонима «*кијан*» (отсюда известный у них клан «кеот»)⁸, есть и иная трактовка наименования – этноним «*куйан/хуйан*» существовал уже у гуннов⁹, близкий этноним – *кай/қаі* известен у тюрков (огузов, черных клоубуков и кыпчаков)¹⁰. Происхождение же группы *кай* (у татар этот этноним отложился в топониме Кайбыч) требует отдельного внимания и является дискуссионным¹¹. На нём мы далее ещё остановимся.

⁶ Зориктуев Б.Р., 2011. С. 13.

⁷ Викторова Л.Л., 1980. С. 156; Jitsuzo Tamura. The Legend of the Origin of Mongols // Acta Asiatica / Bulletin of the Institute of Eastern Culture. 24. Tokyo: The Toho Jakkai, 1973, pp. 1–19.

⁸ Крадин Н.Н., Скрынникова Т.Д., 2006. С. 187.

⁹ Сухэбатор Г. К вопросу об этнической связи между хунну и сяньби // Сибирь, Центральная и Восточная Азия в Средние века. Т. III. Новосибирск: Изд-во «Наука», Сибирское отд., 1975. С. 13.

¹⁰ Исхаков Д.М. О ранних кыпчакских этнонимах среди волгоуральских татар (по материалам топонимов и другим данным) // Древнетюркский мир: история и традиции. Материалы одноименной научной конференции. Казань, 2002. С. 60–67; Плетнева С.А. Половцы / История. География. Этнография. М.: Ломоносов, 2015. С. 33, 41.

¹¹ Плетнева С.А., 2015. С. 41; Golden B.P. Studies on Peoples and Cultures of the Eurasian Steppes. Ed. by Catalin Hriban. Bucureşti-Braila, 2011. P. 309–312; Исхаков Д.М. История племени Кай и вопрос о происхождении династии Османов // «Туган жир. Родной край». 2020. №1. С. 34–50; №2. С. 52–68; №3/4. С. 70–76.

Таким образом, не исключено участие древних тюрков в становлении линиджа предков Чингиз-хана. Именно поэтому в «Сокровенном сказании» первопредок Борте-Чино выступает как «родившийся по изволению Неба»¹², а это формула в своё время применялась по отношению к каганам – правителям Тюркского каганата¹³. Особенно это так потому, что линия предков Чингиз-хана берет начало где-то в конце VII – начале VIII вв.¹⁴, а археологические и иные материалы говорят о проникновении тюрков далеко на восток (речь идет о бассейнах Онона, Керулена, Халхин-Гола) как раз в VI – начале VIII вв.¹⁵ Уход предков монголов с легендарной их прародины – «Эргунэ-Куня» (подразумевается бассейн р. Аргуни), весьма красочно описанный и Рашид ад-дином¹⁶, в иной трактовке (переплыв «море Тенгис») представлен и в «Сокровенном сказании», где скорее всего подразумевается выход древнемонгольских групп из бассейна р. Аргунь в степные ареалы после падения в 840 г. Уйгурского каганата. Вот после этих, видимо, не одномоментных переселений, древнемонгольские кланы оказались на территории Халхи (не позже XI–XII вв.), где они встретились с тюрками, издавна жившими там¹⁷. Согласно источникам, ближайшие сородичи Чингиз-хана (кияты и др.) оказались в долинах рек Онона, Керулена и Толы, а другие, родственные им кланы, расселились так: урянхаты – в северо-восточной зоне Монголии и в Забайкалье, весьма известный клан кунграт (брачные партнеры племени кият) – в восточной Монголии, по соседству с киданями (кара-кытаями), баяуты – по Селенге, тайджуиты по р. Онон, ойраты

¹² Сокровенное сказание монголов, 1990. С. 12.

¹³ Кычанов Е.И., 2010. С. 116; Golden B.P., 2011, pp. 36–37, 42.

¹⁴ Кычанов Е.И., 2010. С. 106; Зориктуев Б.Р., 2011. С. 63.

¹⁵ Викторова Л.Л., 1980. С. 157; Кычанов Е.И., 2010. С. 206–207.

¹⁶ Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. I. Кн.1 (а); Т. I. Кн.2 (б); Т. II (в). М.: НИЦ «Ладомир», 2002. С. 154.

¹⁷ Кызласов Л.Р. Очерки по истории Сибири и Центральной Азии. Красноярск: Изд-во Красноярского ун-та, 1992. С. 135.

и туматы (последние изначально могли быть и тюрками) – в верховьях Енисея и Селенги¹⁸.

В результате переселений древнемонгольские племена в новых районах столкнулись с большим числом кланов, явно не монгольского, а в основном тюркского происхождения – это кланы найман, джалаир, кереит, онгут (белые татары), татар, меркит¹⁹. Из-за тесных контактов с ними тюрки частично были ассимилированы монголоязычными кланами²⁰. Но процесс этот занял достаточно длительное время и многие тюркские группы в XII–XIII вв. в Монголии ещё сохранялись. Не удивительно поэтому, что Рашид ад-дин даже в конце XIII в. приводит длинный список тюркских племен, маркируемых уже как монголы, но изначально к ним не принадлежавших²¹.

Для того, чтобы оценить значимость тюрков на ранней стадии формирования «Хамаг монгол улуса/Государства всех монголов», надо отметить, что в XIII в. подобных объединению монголов раннегосударственных союзов на территории Халхи было довольно много и некоторые из них, например, татары, найманы, кереиты – а это союзы тюркских племен²² – были в начале даже более сильны, чем союзы монгольских племен.

В целом же в XI – начале XII вв. юго-западная и западная части Халхи, прилегающая территория Южной Сибири продолжали в основном населяться тюркскими этническими группами, хотя тут находились также как монголоязычные, так и иные по происхождению (самодийские, тунгусо-маньчжурские) клановые образования. Причем степные союзы племен, находившиеся в XII в. под сильным влиянием могущественных своих соседей – Киданьского (кидане – родственная монголам группа) государства Ляо (позже –

¹⁸ Кычанов Е.И., 2010. С. 205; Кызласов, 1992. С. 135, 138; Кюнер Н.В. Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. М.: Изд-во «Вост. лит-ра», 1961. С. 292.

¹⁹ История и культура татар Западной Сибири. Монография. Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2015. С. 110–111.

²⁰ Кычанов, 2010. С. 206–207.

²¹ Рашид-ад-дин, 2002а. С. 92–125.

²² История и культура, 2015. С. 110.

Западное Ляо) и Чжурчжэнского (тунгусо-манчжурского) северокитайского государства Цзинь, продолжали иметь разнообразные связи и между собой. Так, найманы (*сикез огуз*), несмотря на нахождение в орбите влияния киданей (кара-кытаев), продолжали контактировать с уйгурами, но враждовали с татарами (последние тогда подпали под влияние государства Цзинь). Кереиты воевали с татарами, но имели союзнические отношения с частью монгольских племен, а также сохраняли тесные контакты с чжурчжэнами Северного Китая. Другая группа монгольских племен находилась в сфере влияния татар, за спиной которых часто оказывалась правящая династия государства Цзинь²³. Во всех этих хитросплетениях политической жизни Центральной Азии и прилегающих территорий тут нет возможности разбираться, тем более, об этом написано достаточно, но вкратце надо остановиться на татарском вопросе.

Татары Центральной Азии и их судьба в XII – начале XIII вв.

По мере усиления союза монгольских племен во главе с Темучжином (он род. примерно в середине 1160-х годов), получившем в 2006 г почетный титул «Чингиз-хана»²⁴, это объединение совершило целый ряд походов против своих соседей – меркитов, кунгратов, найманов, татар, кереитов и другого объединения монгольских племен во главе с побратимом Чингиз-хана Джамухой (конец 1205 г.)²⁵. Чингиз-хан в ходе похода 1202 г. нанес новое поражение татарам (война с их кланами *баркуй/алакуй, дутаут, алчи, чаган*), приказав уничтожить большинство их за былую вражду со своим родом²⁶. Но многочисленные татары – их насчитывалось тогда до 70 тыс. домов (семей) – вряд ли подверглись полному уничтожению²⁷, к тому же кроме названных имелись и другие татарские кланы (*куин, терат*)²⁸, а часть татар вообще находи-

²³ Ratchnevsky P. Jenghis Han. His Life and Legasy. Translated and ed. by T.Nivison, Haining. Oxford UK, Cambridge: US Blackwell Ltd, 2000.

²⁴ Кычанов, 1995. С. 84–89.

²⁵ Кычанов, 1995; Ratchnevsky, 2000, pp. 42–88.

²⁶ Сокровенное сказание, 1990. С. 62–63.

²⁷ Рашид-ад-дин, 2002а. С. 107.

²⁸ Рашид-ад-дин, 2002а. С. 103.

лась далеко на западе, по соседству с уйгурами, в том числе вместе с последними и в Кимакском каганате, расположенном в бассейне верхнего течения р. Иртыш. Поэтому следует иметь в виду, что кроме татар, воевавших в районе о. Буин-Нор с Чингиз-ханом и присоединенных в начале XIII в. к Монгольскому государству, имелись и другие татары, о которых ещё будет сказано далее более подробно.

Представленная в литературе точка зрения об исходной монгольской этнической принадлежности татар²⁹ не может быть по ряду причин принята, хотя традиция маркировки государствообразующей этнополитической общности Монгольской империи, позже и Золотой Орды, как «татары», «татаро-монголы/монголо-татары», требует своего объяснения.

Начнем с того, что крупнейший филолог средневековья – Махмуд Кашгари, в своем труде «Лугат-ат-Турк» (закончен в 1074 г.), помещает татар среди 20 основных тюркских племен³⁰. Это мнение автора, жившего во владениях Караханидов, то есть достаточно близко от уйгуров и части западных (Кимакский каганат), татар должно быть принято во внимание, хотя у М. Кашгари, при перечислении племен кай, йабагу, басмыл (йасмыл) и татар, есть определение – «они имеют собственный язык, но вместе с тем хорошо владеют тюркским»³¹. Получается, что у этих кланов, включая и татар, тюркский язык был вторым, причем не собственным. Кстати, относительно уйгуров в этом труде использована эта

²⁹ Хара-Даван Э. Чингис-хан как полководец и его наследники. Культурно-исторический очерк Монгольской империи XII–XIV вв. Алма-Ата: КРАМДС-Ахмед Яссауи, 1992; Груссе Р. Чингисхан. Покоритель Вселенной. 3-е изд. М.: Молодая гвардия, 2007; Де Хортог Лео. Чингисхан. Завоеватели мира. М.: Олимп; АСТ; Астрель, 2007; История Монгольской Народной Республики. М.: Изд-во «Наука», Гл. ред. вост. лит-ры, 1983; Крадин, Скрынникова, 2006; Скрынникова Т.Д. Харизма и власть в эпоху Чингис-хана. Изд. 2-ое перераб., доп. и испр. СПб.: Евразия, 2013.

³⁰ Ал-Кашгари Махмуд. Дивāн Лугаг ат-Турк / Перевод, предисловие и комментарии З.-А.М. Ауэзовой. Индексы составлены Р. Эмерсом. Алматы: Дайк-Пресс, 2005. С. 69.

³¹ Там же. С. 70.

же формула³². Несмотря на неоднозначность этих определений, они не означают, что «собственным» языком татар был не тюркский, ибо у Махмуда Кашгари могла быть зафиксирована принадлежность языка ряда тюркских групп к диалектам, отличным от «чистого» или «стандартного» варианта тюркского языка, например к «р» диалектам, родственным болгарскому языку. В этой связи напомним, что легендарный предок «тогуз-огузов», то есть уйгур – Огуз-каган, имел в архаических вариантах наименование «Огур», давшее маркировку «р» языков как «огурские языки»³³. В связи со сказанным обращает на себя внимание и форма образования этнонимов таких групп, как болгар, хазар, уйгур, татар (к ним можно добавить и этнонимы авар, джалаир) – они однотипны и возможно свидетельствуют о каких-то общих их истоках.

При обсуждении проблемы первоначальной этнической принадлежности татар следует рассмотреть и данные Ю.А. Зуева, занимавшегося расшифровкой этнического облика известной ещё с древнетюркского времени группы *бобо* (китайское наименование, по-тюркски звучавшее как «хэла/ал ат», то есть «пегие лошади» и в документах Танской эпохи известной как «*элочжи/гэлочжи*»³⁴. Согласно автору этой статьи, под кланом *бобо* имеется в виду племя *алачи/алач/алчи*, присутствовавшее также в составе кыпчаков – это клановая группа улаш/алаш (по русским летописям – Улашевичи). По нашему мнению, клан алаат/элочжи следует отождествить с хорошо известным среди восточных татар племенем алчи/алчы, упоминающемся у Рашид-ад-дина в ходе войны Чингиз-хана с восточными татарами³⁵. Но тут важно присутствие данного клана в составе кыпчаков, что было вовсе не случайно. Поэтому, надо вкратце остановиться на вопросе о кыпчакско-татарских этнических связях.

³² Махмұд ал-Кāшгари, 2005. С. 69; Кызласов, 1975. С. 172.

³³ Кычанов, 2010. С. 144.

³⁴ Зуев Ю.А. Из древнетюркской этнонимии по китайским источникам (бобо, гуй, яньмо) // Вопросы истории Казахстана и восточного Туркестана. Алма-Ата: Изд-во АН Казахской ССР, 1972. С. 103–113.

³⁵ Рашид-ад-дин, 2002а. С. 103.

В литературе уже разбирались сведения персидского анонима «Худуд ал-алам» (982/983) и «Зайн ал-ахбар» Гардизи (сер. XII в.)³⁶. Согласно Б.Е. Кумекову, по «Худуд ал-алам» татары предстают как часть тогуз-огузов (уйгур)³⁷ И другие авторы указывали на присутствие татар в X–XI в. в созданных после падения Уйгурского каганата (840 г.) западных уйгурских княжествах³⁸. В плане сказанного ещё более показательны сведения Гардизи из «Зайн ал-ахбар». Там говорится, что некий «начальник татар» по имени «Шад» (это на самом деле титул), бежавший от своих сородичей к «большой реке» (подразумевается Иртыш), положил начало кимакам; к этому «Шаду» затем прибыли ещё 7 «родственников татар» – Ими, Имак, Татар, Байандур, Кыпчак, Лнкиаз, Аджляд. Тут на деле мы видим эпонимы, отражающие этнический состав Кимакского каната, где были как кимаки (*ими, имак*), так и татары, кыпчаки и др. Причем татары составляли элитную группу, ибо «шад» – это у древних тюрков младший брат или сын кагана³⁹, следовательно Кимакским каганатом правили татары. В совокупности приведенные данные говорят о тюркской аффилиции древних татар.

Похоже на то, что после усиления союза монгольских племен в XII в. и их продвижения в район старого политического центра уйгуров – в бассейн р. Орхон и на соседние территории, там они

³⁶ Кумекон Б.Е. Государство кимаков IX–XI вв. по арабским источникам / Б.Е. Кумекон; Академия наук Казахской ССР, Институт истории, археологии и этнографии им. Ч.Ч. Валиханова. Издательство Наука Казахской ССР, 1972; Кызласов Л.Р. Ранние монголы (К проблеме истоков средневековой культуры) // Сибирь, Центральная и Восточная Азия в средние века // История и культура Востока Азии. Т. III. Новосибирск: Изд-во «Наука», Сибирское отд., 1975. С. 170–177.

³⁷ Кумекон, 1972. С. 42.

³⁸ Кляшторный С.Г. Государство татар в Центральной Азии (дочингисова эпоха) // Mongolica. К 750-летию «Сокровенного сказания». М.: Наука, 1993. С. 137–143; Малявкин А.Г. Китай и уйгуры в 840–848 гг. // Сибирь, Центральная и Восточная Азия в Средние века / История и культура востока Азии. Т. III. Новосибирск: Изд-во «Наука», Сибирское отд., 1975. С. 53–58.

³⁹ Golden, 2011, p. 401.

столкнулись с рядом тюркских кланов, в их числе – с татарами, являвшимися знатным, «царственным» племенным союзом. Недаром Рашид ад-дин вспоминает о былом могуществе и славе татар так: «...Если бы при наличии их многочисленности они (т.е. татары – Д.И.) имели друг с другом единодушие, а не вражду, то другие народы... не были бы в состоянии противостоять им ... Они [уже] в глубокой древности большую часть времени были покорителями и владыками большей части [монгольских] племен и областей, [выдаваясь своим] величием, могуществом и полным почетом»⁴⁰. Скорее всего тут подразумевается не та группа татар района о. Буир-Нур, с которой воевал Чингиз-хан, а те татарские группы, которые были связаны с уйгурами, затем кимаками и Кимакским каганатом, позже и с кыпчаками, выделившимися из состава кимаков. То есть Рашид ад-дин подразумевает причастность татар к знатным древнетюркским кланам, известным и китайцам. Поэтому в глазах китайских чиновников, изобретших термин «мэн-да»/«монголо-татары», татары выступали в роли не столько конкретной политики, а сколько в роли некой «обобщающей» категории, синонима понятия «тюрки». Об этом достаточно явственно говорит и Рашид ад-дин: «...Из-за [их, т.е. татар] чрезвычайного величия и почетного положения другие тюркские роды, при [всём] различии их разрядов и названий, стали известны под их именем, все называясь татарами»⁴¹. Конечно, закреплению в Центральной Азии в XII–XIII вв. такого понимания этнической категории «татары» явно способствовало существование вблизи формирующихся союзов монголов конкретных татарских кланов, носителей «татарскости» и обладавших харизмой былой славы. Поэтому двойная маркировка «народа монголов», складывавшегося в рамках «Еке Монгол Улуса», как «монголо-татары» (*мэн-да*) была содержательной и отражала роль тюркского составного в этом государстве, хотя со стороны монгольской знати были предприняты многие шаги для закрепления этнонима «монгол» (*мэнга*)⁴². Однако, реальная этническая ситуация в Еке Монгол Улусе конца XII – нача-

⁴⁰ Рашид ад-дин, 2002 а. С. 102.

⁴¹ Там же.

⁴² История и культура, 2015. С. 119–120.

ла XIII вв. была такова, что этноним «монгол» был характерен даже не для всех монгольязычных племен⁴³, не говоря уже о присоединенных к этой политике к 1206 г. тюркских кланах (меркиты, найманы, татары, джалаиры, онгуты, керейты и др.). К тому же китайские чиновники, по мере включения в состав Монгольской империи северо-китайских территорий, игравших все более заметную роль в государстве, привычное для себя обозначение всех степняков как «татар», распространили и на монголов⁴⁴. Более того, понятие «монголо-татары» являлось не только внешним маркером для «народа» Еке Монгол Улуса, но и отражением его тюрко-монгольского характера в целом, ибо политически доминировавшая часть населения империи состояла как из «монголов» (мэн, манхол), так и «татар», тюрок. Превращение двойного этнического маркера «монголо-татары» в одинарный, чисто «монгольский» этноним, на территории Монгольской империи состоялось достаточно поздно, лишь ко времени падения Юаньской династии (1368 г.). В других частях Монгольской империи этническое развитие пошло по иному, но в разных частях государства по-разному. В Золотой Орде закрепился этноним «татары», тому были свои причины, к рассмотрению которых мы сейчас и перейдем на основе анализа роли кыпчакского фактора в истории Улуса Джучи, который будет раскрыт через анализ вопроса о клане *кай*, о котором уже речь заходила.

Кай, Каепечи и роль восточно-кыпчакского (кимакского) составного в этнической истории золотоордынских татар

История племени *кай/кайы* (возможны и иные варианты написания этнонима, см. далее) выводит нас на древние связи этого клана с татарами, поэтому она должна быть разобрана отдельно.

У Махмуда Кашгари в отмеченном перечне 20 «больших тюркских племен» они перечисляются от запада («от Рума») к вос-

⁴³ Рыкин П.О. Создание монгольской идентичности: термин «монгол» в эпоху Чингис-хана // Вестник Евразии. 2002. №1(16). С. 48–85.

⁴⁴ «Краткие сведения о черных татарах» Пэн да-я и Сюй Тина // Проблемы востоковедения. 1960. №5. С. 133–158; Мэн да Бэй-лу (Полное описание монголо-татар). Факсимиле ксилографа. Перев. с кит., введ., комм. и прилож. Н.Ц. Мункуева / Памятники Востока. Т. XXVI. М., 1975. С. 45–48.

току («Машрику») в такой последовательности: Бажанак, Кифжак, Угуз, Йамак, Башгирт, Йасмыл (Басмыл), Кай, Йабаку, Татар, Киргиз и т.д. При этом племя Кай присутствует в составе расположенных к востоку кланов (перед кланами Йабаку, Татар, Киргиз) с примечанием, что «последние [племена] ближе всех к Син»⁴⁵. Общий контекст сообщения позволяет полагать, что племя кай надо локализовать к XI в. где-то на западе Центральной Азии или в Южной Сибири, но близко к Северному Китаю (Син). Похоже по смыслу и высказывание в «Книге вразумления начаткам наук о звездах» Абу Райхана Беруни (973–1050), который при характеристике шестого климата сообщает: «...он начинается в местах кочевий восточных тюрок кай и кун, киргизов, куманов, тогуз-огузов, <проходя> чрез страны туркмен и фарабов, через город Хазар и северную часть их моря (Хазараского/Каспийского моря – Д.И.), через <страну> алан и <асов>...»⁴⁶. Тут группа кай оказывается в «кампании» кунов, киргизов и уйгуров (тогуз-огузов), точно расселенных к востоку. Картина нарушается тем, что у М. Кашагари упоминается еще один клан, именуемый «Кайиг»⁴⁷, причем он указан в составе 22 племен огузов⁴⁸. Чисто лингвистически из этой последней формы может получиться этноним кай. Но географическая разделенность каланов *кай* и *кайиг* создает проблему, поэтому некоторые исследователи предлагали их не сближать⁴⁹. Отметим также, что клан кай у Махмуда Кашгари наряду с другими племенами (жумул, йабагу, татар, басмыл) был отнесен к разряду имевших «собственный язык», но владевших и тюркским⁵⁰. Этот сюжет нами уже был прокомментирован, но тут важно подчеркнуть, что по Махмуду Кашгари племя кай – тюркский клан, причем по язы-

⁴⁵ ал-Кашгари Махмұд, 2005. С. 68–69.

⁴⁶ Беруни Абу Райхан. Книга вразумления начаткам науки о звездах // Избранные произведения. Т. VI. Ташкент: Изд-во «Фан» Узбекской ССР, 1975. С. 116.

⁴⁷ ал-Кашгари Махмұд, 2005. С. 858, 864.

⁴⁸ Там же. С. 92–93.

⁴⁹ Golden, 2011a, p. 319.

⁵⁰ ал-Кашгари Махмұд, 2005. С. 70.

ковым особенностям сближаемый им с группой тюркских племен, таких как йагма, тухсин, кифжак, йабагу, татар, жумул, огуз⁵¹.

Присутствие в составе огузов группы *кайиг* (как знатное племя) создает проблему, она поэтому должна быть разобрана более детально для решения вопроса о первоначальной этнической принадлежности клана *кай/кайы/кайиг*. В работе С.Г. Агаджанова по истории огузов и туркмен были разобраны существующие в литературе подходы к этому вопросу. Было указано, что И.Т. Маркварт и А.-З. Валиди-Тоган огузское племя кайиг считали идентичным с кланом кай. Но турецкий исследователь М.Ф. Кюпреле, а также известный источниковед В.М. Минорский, считали этнически близкими между собой племена кай и татар. С.М. Агаджанов склонен был локализовывать группы кай и кун в степях к северу от киргизов и к востоку от клана ягма и карлуков, то есть речь идет больше о Южной Сибири. Кроме того, он полагал, что куны до переселений на запад принадлежали к конфедерации кереитов⁵². По всей вероятности, он отождествлял народ «отц» (народ «змея») с кланом кай, бежавшем в Малую Азию в ходе монгольского нашествия⁵³. Получается, что огузское племя кайиг это те же каи (кай). В целом, по мнению этого автора, клан кай был изначально монголоязычным и близким этнически к кимакам⁵⁴. Гипотеза эта исходила из того, что на монгольском термин кай означает «змею», при этом на тюркский этот же этноним звучал как *уран*. Получается, что этот исследователь выводил клан кай из состава известного в источниках XI в. «народа змей/отц»⁵⁵. Казахский исследователь Б.Е. Кумеков отчасти следовал по проблеме клана кай за С.Г. Агаджановым, полагая, что первоначально группа кай находилась по соседству с кунами, где-то в районе о. Байкал, возможно, даже в бассейне р. Оби⁵⁶, он же полагал, что оказавшееся в

⁵¹ ал-Кашгари Махмұд, 2005. С. 71.

⁵² Агаджанов С.Г. Очерки истории огузов и туркмен Средней Азии IX–XIII вв. Ашхабад: Изд-во «Ылым», 1963. С. 156–157.

⁵³ Там же. С. 255.

⁵⁴ Там же. С. 108–135.

⁵⁵ Там же. С. 116–117, 126.

⁵⁶ Кумеков, 1972. С. 124.

составе огузов племя кайиг, по мнению Б.Е. Кумекова имевшее тамгу в виде змеи, надо отождествлять с кланом кай (народом «змей»/отц). Эта группа, первоначально по Б.Е. Кумекову проживавшая по Среднему Иртышу и находившаяся в зависимости от Кимакского каганата, в XI в. переселилась в массу тюрок далеко на запад⁵⁷. Интересные наблюдения относительно клана кай привел А.Ш. Кадырбаев. Хотя он и не занимался конкретно историей этого клана, он нашел смежные данные, касающиеся кунов, которые им связываются в том числе и с кланом керейт. По некоторым китайским источникам, «...кереиты были предками канглы», когда «западные племена именовались канглы, восточные кереитами»⁵⁸. Он же обнаружил данные о том, что знатный вождь канглы Есудар именуется «Айбо-баяут»⁵⁹. Получается, что группа баяут находилась в составе канглы – восточных кыпчаков/кимаков, а из-за близкородственности клана байаут с группой кай⁶⁰ последних тоже надо искать там же, где жили и канглы, кереиты и др. Тем более, что существуют и материалы о родственных связях кланов канглы и найманов⁶¹, а последние локализовались в предмонгольское время на Алтае. Тут надо напомнить, что О. Прицак вообще считал клан кай правящей группой конфедерации найманов⁶². Так, он придерживался точки зрения о том, что кай вышли из среды протомонгольской группы ки-мо-хси (кимак) и после 1031 г. стали правящим кланом у кимаков и быстро тюркизировались, в дальнейшем разделив власть в степях Дешт-и Кыпчака с кланом олбер

⁵⁷ Там же. С. 128.

⁵⁸ Кадырбаев А.Ш. Тюрки-канглы в империи Чингис-хана (по китайским источникам) // П.И. Кафаров и его вклад в отечественное востоковедение (к 100-летию со дня смерти). Материалы конференции. П. М.: «Наука», 1979. С. 50.

⁵⁹ Там же. С. 54.

⁶⁰ См. детальнее: Исхаков, 2020. №1. С. 42–44.

⁶¹ Кадырбаев А.Ш. Китайские источники монгольской эпохи о внешнеполитических связях тюркских кочевников Казахстана – кыпчаков и канглы, с народами Центральной Азии и Дальнего Востока (XII – начало XIII в.). Тринадцатая научная конференция «Общества и государства в Китае». Тез. и докл. Ч. 2. М.: «Наука», 1982. С. 50.

⁶² Pritsak O. Polovcians and Rus // АЕМА. 2. (1982), pp. 321–340.

(албыр/ольберлик), когда из последних были каганы, а из каев – их соправители. П. Голден во многом был аналогичного мнения – он выводил клан ольберлик из состава хі (xsi), то есть каев, которых изначально помещал на юго-востоке Монголии и северо-востоке Маньчжурии. По его мнению, являвшийся монголоязычным клан кай, позже стал двуязычным, перейдя к тюрко-монгольскому. Но вот точку зрения С.М. Ахинжанова относительно тождественности терминов «кай» и «уран», П. Голден не принял⁶³. В последнее время рассматриваемую тему анализировал и Р.П. Храпачевский. Он полагал, что после миграции восточных кыпчаков во главе с кланом кун, родственного клану кай, и до первой трети XI в. являвшегося частью конфедерации татар и расселенного на стыке Внутренней Монголии и Маньчжурии, этот клан встал во главе кимаков, канглы и «других кыпчакских родов»⁶⁴.

Как видим, единого мнения о происхождении клана кай (кайы, кайиг) в литературе нет. Ряд исследователей склонны увязывать это племя с «народом змей» видя в нем группу восточных кыпчаков-кимаков, первоначально монголоязычную⁶⁵. Хотя весьма ранняя (не позже XI в.) тюркизация каев ставит под сомнение их исходную монгольскую аффилиацию. Среди тех исследователей, которые придерживаются мнения о тюркской этнической принадлежности каев, есть как сторонники их этнической близости к раннесредневековым татарам, так и к кереитам или найманам. В реальности до сих пор все три группы (татары, кереиты, найманы) зачастую трактуются как вначале монголоязычные кланы. Тем не менее, предпочтительнее считать их тюрками, о чем пишут и из-

⁶³ Golden, 2001, p. 9; Golden, 2006/2007, pp. 101–118; Golden, 1980, pp. 310–311, 319.

⁶⁴ Храпачевский Р.П. Половцы-куны в Волго-Уральском междуречье (по данным китайских источников) / Историко-генеалогический проект «Суюновы». Серия «Материалы исследования» Т. II «Исследования по истории кочевников восточноевропейских степей». М.: ЦИВОИ, 2013. С. 22–23, 38–39.

⁶⁵ Atwood C.P. The Qai, the Khongai, and the names of the Xiōngnū // International Journal of Eurasian Studies. 2015. Vol. II, pp. 041–050.

вестные западные исследователи⁶⁶. Наш анализ проблемы каев тоже привел нас к аналогичному выводу⁶⁷.

Исходя из того, что клан кай надо искать в предмонгольское время среди кимаков (о чем кроме прочего говорят и их контакты с группами канглы, найман, кереит, татар, живших в том числе и поблизости от Киамкского каганата), то есть достаточно близко к территориям к югу от Западной и Восточной Сибири, причем и учитывая сильную уйгурско-татарскую роль в Кимакском каганате, можно ставить вопрос о татарском факторе в Дешт-и Кыпчаке еще до образования Монгольской империи. Но до окончательного формирования этого вывода нам следует обратиться еще к началу становления Улуса Джучи, когда состоялся известный поход монгольских войск под предводительством Джучи на Алтай в 1207 г., имевший большое значение для этнического становления «народа», ставшего затем золотоордынскими татарами. Так как об этом походе нами была опубликована специальная статья⁶⁸, в некоторых случаях мы отсылаем интересующихся данным вопросом к этой публикации.

Согласно источникам, войска «Правой руки» во главе со старшим сыном Чингиз-хана Джучи были отправлены для подчинения «Лесных народов» в 1207 г. Но по пути к ним надо было пройти и земли западномонгольских племен (ойраты, буряты и др.), еще не присоединенных к Еке Монгол Улусу. По мнению одних исследователей этот поход предполагал выход на Саяно-Алтайское нагорье и прилегающую зону⁶⁹, по мнению других – продвижение было значительно дальше, вплоть до Иртыша, роди-

⁶⁶ Patchnevsky, 2000, p. 4.

⁶⁷ Исхаков Д.М. История племени Кай и вопрос о происхождении династии Османов // «Туган жыр. Родной край». 2020. №1. С. 34–50; №2. С. 52–68; №3/4. С. 70–76.

⁶⁸ Исхаков, 2017.

⁶⁹ Зориктуев, 2011. С. 163.

ны кимаков⁷⁰, имея в виду сложность этнического состава последних, не только кимаков.

Ко времени начала похода отрядами монгольских военачальников Субэдея и Джэбе были рассеяны меркиты и разбиты найманы⁷¹. Напомним, что найманы занимали не только «Большой [Еке] Алтай», но и находились на Кок Иртыше, где жили и канглы, Иртыш-мурэне (Иртыше), а также в районе гор, которые лежали «между той рекой (т.е. Иртышом – Д.И.) и областью киргизов»⁷². Бассейн Иртыша был знаком монголам и раньше, ибо разбитые в 1205 г. монголами меркиты уйдя «в сторону канглинцев и кипчаудов», переправились через эту реку, а монголы их преследовали⁷³. Похожие известия есть и у Джувейни⁷⁴.

Как показал Б.Р. Зориктуев, отряды Джучи двигались по западной стороне о. Хубсугул, долине р. Шикшик (юго-восток Тувы), далее по территории современной Тувы и Хакасии с выходом в район верховьев р. Енисея⁷⁵. Как было сказано, предполагается и достижение войсками Джучи Иртыша⁷⁶. Ко времени данного похода, возможно, еще с 1201 г., Чингиз-хану «в силу его ярлыка» было уже подчинено племя баргут, жившее в местности Баргуджин-Токум, которую Рашид ад-дин локализовал «на той стороне р. Селенги», на «самом краю земель, которые населяли монголы»⁷⁷. Баргуты бывшие тюрками⁷⁸, были покорены с опорой на

⁷⁰ Трепавлов В.В. Государственный строй Монгольской империи XIII в.: Проблемы исторической преемственности. М.: Наука. Изд. фирма «Вост. лит-ра», 1993. С. 49–51.

⁷¹ Сокровенное сказание, 1990. С. 118; Лубсан Данзан, 1973. С. 182–183.

⁷² Рашид ад-дин, 2002а. С. 136–137.

⁷³ Сокровенное сказание, 1990. С. 39.

⁷⁴ Джувейни Ата-Мелик. История Завоевателя мира. М.: Изд. Дом «Магистр-Пресс», 2004. С. 200.

⁷⁵ Зориктуев, 2011. С. 162–163.

⁷⁶ Трепавлов, 1993. С. 50–51.

⁷⁷ Рашид ад-дин, 2002а. С. 146.

⁷⁸ Парунин А.В. Клан баргут / буркут в политической истории чингизидских государств XIII–XVI вв. // Средневековые тюрко-татарские

клан кунграт, с которыми они были затем «близки и соединены» (через брачные связи – Д.И.)⁷⁹. По ходу движения войск Джучи они вышли в местность Шихшит (в Туве) и ему добровольно покорились ойраты, буряты (бурийаты), бурхаты (баргуты?), урсуты (убсуты), хабханасы (хабсаги), хангасы, тубасы, киргизы⁸⁰. Затем были покорены группы, относившиеся к собственно «Лесным народам»: шибир/шибер, кэсдим (кесдин), баид (баит), тунас, тенлек (тэлэнг), тоелес (тогулас), тас (тан), бичигэт (бачжиги)⁸¹. Среди тех нойонов, которых Джучи после завершения похода привел к своему отцу, названы «нойоны киргизские, туматские и мингатские»⁸². Все эти группы были Чингиз-ханом отданы в подданство Джучи⁸³. В итоге у Джучи начал оформляться собственный удел, включавший также Саяно-Алтайское нагорье и прилегающие зоны. Попытаемся разобраться с тем, кто тогда вошел в Улус Джучи.

Относительно этнической принадлежности киргизов, имевших два владения – собственно «Киргиз» в Хакаско-Микусинском котловане и «Кэм-Кэмджиуте» (Тува), одной стороны соприкасавшегося с р. Ангарой (Анкара-мурэн), доходя до «пределов области Ибир-Сибир»⁸⁴, а другой стороной, то есть, Кэм-Кэмджиутом – «с местностями и горами, где сидят племена найманов», сомнений нет – это были тюрки. Согласно Рашид ад-дину, к этой «области» была близка и «местность Баргуджин-Токум», населенная кланами (племенами) «кори, баргу[т], тумат и байаут»⁸⁵. Кем же были этнически эти последние кланы? Группа баид (баит/байаут) относилась к «Лесным племенам», и мы с этим этнонимом выше уже встречались. Насчет живших рядом и бывших

государства. Вып. 4. Казань: Ин-т истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2012. С. 131–143.

⁷⁹ Рашид ад-дин, 2002а. С. 118, 184–185.

⁸⁰ Сокровенное сказание, 1990. С. 119; Лубсан Данзан, 1973. С. 184; Рашид ад-дин, 2002а. С. 150.

⁸¹ Сокровенное сказание, 1990. С. 119; Лубсан Данзан, 1973. С. 184.

⁸² Там же.

⁸³ Там же.

⁸⁴ Об этой «области» см.: Исхаков, 2017б.; 2021; 2022.

⁸⁵ Рашид ад-дин, 2002а. С. 150.

«близкими друг с другом» кланов баргут, кори (хори) и тулас, Рашид ад-дин замечает, что их всех вместе называют баргутами из-за того, что «их стойбища и жилища [находились] на той стороне Селенги», там, где располагается «Баргуджин-Токум»⁸⁶. Заметим, что кори – это туматы, так как в «Сокровенном сказании» фигурирует группа, названная «хори-туматским племенем»⁸⁷. Когда Рашид ад-дин сообщает: «...племена кори, баргу, тумат и байут, из которых некоторые суть монголы»⁸⁸, это скорее всего не относится к кланам кори, баргу (баргут) и тумат, в которых исследователи видят тюркские кланы⁸⁹. А наименование тумат может быть возведено к древнему тюркскому этнониму дубо/тума/туво⁹⁰. Действительно, по Рашид ад-дину клан тумат, следовательно и группа хори (кори), являлись «ответвлением» «от баргутов», проживая в «пределах страны киргизов»⁹¹. Несмотря на сообщение персидским историком о брачных связях клана мангыт с баргутами⁹², вряд ли монгольский клан мангыт смог быстро ассимилировать тюркоязычное племя баргут (буркут/буркыт). Далее, относительно клана урсут, помещаемого Рашид ад-дином «в пределах страны киргизов и кэм-кэмджиутов», «по ту сторону [от] киргизов, [на расстоянии] около одного месяца пути»⁹³, то есть, не близко, у этого автора фигурируют два мнения. Согласно одному мнению, группа урасут (урсут), наряду с кланами теленгут и хуштеми, являлась «монголами из лесного племени», но согласно другому, они были лишь «подобны монголам»⁹⁴. Современные исследователи склоняются к мнению, что урсуты, теленгуты и куштеми, обитавшие в вrexовьях Енисея, являлись тюрками⁹⁵. Этноним хабханас, совпадающий с

⁸⁶ Рашид ад-дин, 2002а. С. 127.

⁸⁷ Сокровенное сказание, 1990. С. 119.

⁸⁸ Рашид ад-дин, 2002а. С. 150.

⁸⁹ Крадин, Скрынникова, 2006. С. 227; Зориктуев, 2011. С. 164–180.

⁹⁰ Кызласов, 1992. С. 141.

⁹¹ Рашид ад-дин, 2002а. С. 122.

⁹² Там же. С. 184.

⁹³ Там же. С. 123.

⁹⁴ Там же. С. 122–123.

⁹⁵ Зориктуев, 2011. С. 153.

хакасским этнонимом хапкын (это – сеок, род), отмечен вблизи названных выше племен, и мы можем считать носителей этого наименования тюрками. Обитавшие в районе о.Хубсугул (Тува) группы тубас и тухас также являлись тюрками. Насчет клана баит (байаут), расселенного на входе в Саяно-Алтайское нагорье, на водоразделе р. Селенги, хотя и есть предположения об их монголоязычности⁹⁶, исходя из сказанного выше мы не можем с этим согласиться, это скорее были тюрки. Насчет же кланов тэлэнг (тенлек), тоелес и тас у нас сомнений нет – эти этнонимы хорошо известны среди родов тувинцев и алтайцев, следовательно они тоже являлись тюрками⁹⁷. Можно видимо согласиться и с выводом этого исследователя о тюркской аффилиции группы бачжи/байджигит⁹⁸. А вот клан шибир/шибер, отнесенный «Сокровенным сказанием» к самым отдаленным от собственно монгольских племен группам, давшим наименование «области» в Улусе Джучи – «Ибир-Сибир», частично находившейся в бассейне р. Иртыша⁹⁹, скорее всего обозначал исходно являвшимся угорским клан, именовавшийся еще с древнетюркских времен как «савир» (сувар) и находившийся среди гунно-болгарских племен. Упоминание этого клана в ходе похода Джучи в 1207 г. как раз говорит о том, что монгольские войска тогда дошли до бассейна Иртыша. И не случайно перед походом на запад в 1220 г., направленном против государства Хорезмшахов, войска Чингиз-хана «лето провели в долине Иртыша»¹⁰⁰.

В целом можно заключить, что после похода 1207 г. на Алтай, Южную Сибирь и прилегающие земли, в уделе Джучи появились новые тюркские кланы, что усилило в данном владении вес тюркского составного его населения. Сохранившиеся данные показывают, что в результате возникли достаточно тесные этнические контакты между монгольскими кланами (например, кунгратами, мангытами) и тюркскими племенами (баргут/буркыт, тумат и др.).

⁹⁶ Зориктуев, 2011. С. 162.

⁹⁷ Там же.

⁹⁸ Там же.

⁹⁹ История и культура, 2015. С. 127.

¹⁰⁰ Рашид ад-дин, 2002а. С. 197, 256.

Последовавший затем поход монгольских войск против государства Хорезмшахов, закончившийся его разгромом и присоединением к Монгольской империи Средней Азии и восточной зоны Дешт-и Кыпчака с кимакско-канглинскими кланами, привел к дальнейшему усилению веса тюркского составного прежде всего в Улусе Джучи. На этом вопросе остановимся более подробно, ибо его рассмотрение позволяет прояснить некоторые причинные закреплёния в дальнейшем у формирующегося в данном владении «народа» этнонима «татар».

Завоевание Монгольской империей восточной зоны Дешт-и Кыпчака и его последствия

Победа монгольских войск над меркитами и найманами, позволившая им выйти к бассейну р. Иртыш уже к 1205–1207 гг., создала в дальнейшем предпосылки к столкновению Еке Монгол Улуса во главе с Чингиз-ханом с государством Хорезмшахов, тесно связанном с восточными кыпчаками, которых правильнее было бы именовать кимаками (более подробно о взаимосвязях восточных кыпчакско-кимакских групп с государством Хорезмшахов¹⁰¹. Завоевание войсками во главе с Джучи в 1207 г. Алтайской зоны с последующим усмирением им же восставших киргизов и туматов в 1218 г., показывает, что эта территория продолжала ещё принадлежать к владению Джучи. И пока не был определён наследник престола Монгольской империи после Чингиз-хана, что произошло не ранее 1219 г., а в окончательном виде возможно лишь в 1226 г.¹⁰², территория владения Джучи продолжала сохранять конфигурацию, полученную после присоединения «Лесных народов». Поэтому, когда в 1219 г. было принято решение начать поход на государство Хорезмшахов, оказавшиеся в бассейне Иртыша вес-

¹⁰¹ См.: Исхаков Д.М. История рода Яушевых в средневековый период и кимакская проблема. Воронеж-Казань: ООО «Фаворит», 2018; Тимохин Д.М., Тишин В.В. Происхождение Теркен-хатун, матери хорезмшаха Ала ад-Дина Мухаммеда: к проблеме соотношения этнонимов в восточном Дешт-и Кыпчаке в XIII в. в исторических источниках // Материалы II-й научной конференции средневековой истории Дешт-и Кыпчака. Павлодар: ТОО АПР «ЭКО», 2018. С. 83–102.

¹⁰² Рашид ад-дин, 2002а. С. 197, 258.

ной 1220 г. монгольские войска во главе с Чингиз-ханом в реальности находились во владении Джучи и оттуда затем начали наступление на государство Хорезмшахов. И когда монгольские войска в 1220 г. осаждали г. Отрар (там же находился, и сам Чингиз-хан с которым были также его сыновья Чагадай и Угэдэй), Джучи с другой группировкой войск был отправлен на захват Янгикента, Дженда, Барчанлыгкента с окрестностями¹⁰³, после подчинения которых одна группа войск из этого объединения ушла на захват канглы¹⁰⁴. После успехов тут Чингиз-хан всех троих своих сыновей – Джучи, Чагадая и Угэдэя отправил на завоевание столичного центра – г. Хорезма (зима 1220/1221 гг.)¹⁰⁵. Параллельно этим боевым действиям, в 1221 г. войска во главе с прославленным военачальником Субэдеем-багатуром были отправлены «на север» с задачей завоевать 11 стран и народов: канглы (канлин), кипчак (кипчаут), бачжигит (башкир), орсут, мачжарат, асуд, хасут, сосуд (сангут), серкесут, болар (буляр), кэрэл (рарал/лалат)¹⁰⁶, что предполагало выход к Волге (Идил/Иджил) и Яику (Джайхан, Аях) и далее до «Кивамен-кермена» (Кий-э, то есть Киева). Но эта общая задача была на время оставлена, ибо Джебэ-нойну и Субэдей-нойну пришлось срочно заняться погоней за бежавшим хорезмшахом Мухаммедом.

Как видим, 1221 г. задача завоевания кыпчаков и канглы ещё только ставилась, следовательно последние, населявшие бассейн Кок-Иртыша, в ходе предыдущих походов не были окончательно покорены. Но центр владения Джучи к 1222 г. несомненно находился в «стороне Иртыша», так как Рашид ад-дин об этом пишет следующее: «Все области и улус, находившийся в пределах реки Иртыша и Алтайских гор, летние и зимние кочевья в тех окрестностей, Чингис-хан пожаловал в управление Джучи-хану», добавив, что тот издал указ, согласно которому Джучи предстояло завое-

¹⁰³ Рашид ад-дин, 2002а. С. 198, 257.

¹⁰⁴ Рашид ад-дин, 2002б. С. 200.

¹⁰⁵ Там же, 2002б. С. 257; 2002в. С. 78.

¹⁰⁶ Сокровенное сказание, 1990. С. 135; Лубсан Данзан. Алтан Тобчи (Золотое сказание). Пер. с монг., введение, коммен. и прилож. Н.П. Шас-тиной / Памятники письменности Востока. Т. Х. М., 1973. С. 328.

вать и включить в свои владения «области Дешт-и Кыпчак и находящиеся в тех краях государства»¹⁰⁷. Но из «Алтан Тобчи» видно, что тогда «двенадцать туматов» были уже в личном подчинении у Чингиз-хана¹⁰⁸. А так как туматы жили в «стране киргизов», похоже, что южно-сибирские земли, примыкавшие к территории Тувы, были отнесены к Коренному юрту. Вообще, чтобы разобраться с тем, куда должен был расширяться удел Джучи, надо внимательно присмотреться к ставившейся Чингиз-ханом задаче дальнейших завоеваний.

Так вот, Рашид ад-дин сообщает об этом так: «...[Ещё] раньше Чингис-хан приказал, чтобы Джучи выступил в поход и покорил северные страны: Келар (видимо, Биляр – Д.И.), Башгирд, Урус, Черкес, Дашт-и Кыпчак и другие области тех краёв»¹⁰⁹. В принципе можно заметить, что эта задача совпадает с той, которая была поставлена перед Субэдеем-багатуром в 1221 г., но ее выполнение было на время отложено. Известно, что в ходе завоевания государства Хорезмшахов после захвата г. Хорезма весной 1222 г., Чагадай и Угэдей ушли к Чингис-хану, а Джучи «ушел в свое становище и улус»¹¹⁰, местонахождение которых персидский историк уточняет так: «Джочи-хан ... направился в сторону Иртыша, где находились его обозы и присоединился к своим ордам»¹¹¹. Что происходило затем до начала «великого похода» на запад 1235–1242 гг., для нас представляет особый интерес, ибо эта информация позволяет понять ход дальнейшей операции монголов против восточных кыпчаков.

Прежде всего, на покорение северных областей в 1229 г. был отправлен Субэдей, для которого после его затянувшегося похода 1221–1223 гг., связанного с преследованием хорезмшаха Мухаммеда и его наследников (куда вошла и битва на Калке), эти земли уже были частично знакомы. Заметим, что до начала этого похода Субэдей в 1223 или в 1224 г. на имя Чингиз-хана написал доклад-

¹⁰⁷ Рашид ад-дин, 2002в. С. 78.

¹⁰⁸ Лубсан Данзан, 1973. С. 244.

¹⁰⁹ Рашид ад-дин, 2002в. С. 78.

¹¹⁰ Рашид ад-дин, 2002б. С. 257.

¹¹¹ Рашид ад-дин, 2002в. С. 77.

ную записку, в которой предлагал создать отдельную войсковую единицу из «тыяч» меркитов, найманов, киреев (кереитов), канглы и кыпчаков¹¹². А это свидетельствует о том, что к данному времени часть восточных кыпчаков (канглы, собственно кыпчаки) и ряд других тюркских групп (меркиты, найманы и киреиты) уже были подчинены монголами. Но так как армейские подразделения, находившиеся под командованием Джучи, оказались «в Кипчакской степи и рядом с ней»¹¹³, указанное выше обращение Субэдея в адрес Чингиз-хана означало целесообразность привлечения к дальнейшей военной операции тюркских подразделений из уже завоеванных групп. Действительно, после возвращения Чингиз-хана в 1225 г. из победоносного похода на государство Хорезмшахов, он решил «отделить Джучи, назначив его правителем кыпчаков». Согласно Лубсан Данзана, речь шла о том, чтобы отправить Джучи «главным даругачи над кыпчаками»¹¹⁴. Арабский историк ан-Нувайри об этом пишет так: Чингис-хан «назначил» Джучи «летовья и зимовья от границ Кыялыка и земель Хорезмских до окраин Саксинских и Булгарских, крайних пределов, куда доходили кони их полчищ при набегах»¹¹⁵. Именно до «окраин Саксинских и Булгарских» и дошли отряды Субэдея в 1223 г. Между тем, отношения Чингиз-хана со своим старшим сыном Джучи испортились¹¹⁶, ибо наследником трона Великой Монгольской империи был избран Угэдей, а затем в 1227 г. Джучи внезапно скончался, в том же году умер и сам Чингиз-хан¹¹⁷, а на императорский трон 19 сентября 1229 г. был посажен Угэдей. Вслед за этим крупный воинский контингент из 30 тыс. воинов во главе с Субэдей-бахадуром и Кокетеєм был отправлен «в сторону Кипчака, Саксина и Булга-

¹¹² Юань ши, 2004. С. 500–501.

¹¹³ Джувейни Ата-Мелик, 2004. С. 99.

¹¹⁴ Лубсан Данзан, 1973. С. 229–230.

¹¹⁵ Золотая Орда в источниках, Т. I, 2003. С. 80.

¹¹⁶ Более подробно см.: Миргалеев И.М. Джучи – первый правитель улуса // Золотая Орда в мировой истории. Коллективная монография. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2016. С. 72–77.

¹¹⁷ Исхаков Д.М., 2018. С. 54.

ра»¹¹⁸. Но в ходе столкновений с восточными кыпчаками (прежде всего из клана албыр) и волжскими булгарами в 1229/1230 гг., монголам не удалось достичь решающей победы. В «Сокровенном сказании» сообщается, что «Субэтай-багатур встречал сопротивление со стороны тех народов и городов, завоевание которых ему было поручено ещё при Чингис-хане»¹¹⁹. В Лаврентьевской летописи же под 1279/1230 г. сообщается: «Саксины и половцы взбегоша от Татар, близ реки, ей имя Яик»¹²⁰. Ясно, что рассматриваемый рейд был направлен против части ещё не покорённых восточных кыпчаков и булгар. Несмотря на то, что зимой 1231/1232 г. монголы скорее всего подошли к «Великому городу» – Биляру, они не смогли одолеть булгар и союзных с ними кимаков (йемеров), то есть объединение албыр с центром со столицей в Актюбе, находившейся на месте современного г. Оренбурга в бассейне р. Яика. В итоге отряды Субэдея отошли от Биляра и монголы весной 1234 г. вынуждены были собрать всемонгольский курултай на р. Онон, ибо у монгольской верхушки, как указал китайский эмиссар Ц'ент Та-я, тогда чувствовался «страх от того, что бесконтрольный огонь мог перекинуться в степь, если остающиеся угольки кыпчакского сопротивления не будут погашены»¹²¹. В итоге было принято решение о начале в 1235 г. «великого западного похода», ибо было намечено «завладеть странами Булгара, асов и Руси»¹²². В ходе весны 1235 г. с Волжской Булгарией было покончено, а последовавшее вскоре восстание булгар было жестоко подавлено, в ходе облавы монгольских войск вдоль левого берега Волги были захвачены и кыпчаки клана олбурлик, а их вождь Бачман был плёнён, затем казнён¹²³. Это был последний аккорд по подчинению Монгольской империей восточных кыпчаков. И сей-

¹¹⁸ Юань ши, 2004. С. 486.

¹¹⁹ Сокровенное сказание, 1990. С. 138.

¹²⁰ ПСРЛ, Т. I, 1962. С. 453.

¹²¹ Олсен Т.Т. Прелюдия к западным кампаниям: монгольские военные операции в Волго-Уральском регионе. 1217–1237 гг. // Научный Татарстан. 2003. №3/4. С. 134.

¹²² Золотая Орда, Т. I, 2003. С. 258.

¹²³ Исхаков, 2018. С. 45–46.

час мы можем в целом оценить это вхождение восточно-кыпчакских (фактически, кимакских кланов) в состав населения Улуса Джучи в 1220–1230-х годах.

Начнем с того, что одобрение Чингиз-ханом указанной выше докладной Субэдей-бахадура означало, что начавшиеся после покорения территории государство Хорезмшахов походы проходили уже при активном участии тюркских контингентов, оказавшихся в первую очередь в составе войск Джучидов. Теперь нам следует детализировать некоторые данные о вошедших в Улус Джучи тюрков.

Дело в том, что при описании похода хорезмшаха Мухаммеда в 1218/1219 г. на кыпчаков, находившихся «в Туркестане», на деле далеко на востоке, там, куда бежали разбитые монголами меркиты, где также находились и канглы – а это была территория где-то в междуречье Кайлы и Кимача, в бассейне р. Иргиза¹²⁴, писавший об этом Джуджани называл предводителя этих кыпчаков (кимаков) Юсуфом «Татарским»¹²⁵. Несмотря на то, что это «татарство» у данного предводителя восточных кыпчаков было связано с их принадлежностью к кимакам¹²⁶, оно должно увязываться с прежней реальной ролью татар в Кимакском каганате. Точно так же мы у Джуджани обнаруживаем сведения о том, что предводители знакомого нам уже клана албыр (ильбары) также были частью кимак-ков (йемеков)¹²⁷, следовательно, они тоже обладали «татарским» этническим компонентом. То же самое было характерно и для найманов¹²⁸. Поэтому, создание крупного воинского контингента из тюркских тысячных подразделений, таких как меркит, найман, кирей/кирейт, канглы, кыпчак после 1225 г., означало, что вместе с

¹²⁴ История и культура, 2015. С. 140–141.

¹²⁵ [Jouziani] Tabakat-i Nasiri: A General History of the Muhammadan dynasties of Asia, Including Hindustan; from h. 194 (810 a. d.) to a. h. 658 (1260 a.d.) and Irruption the infidel Mughals into Islam by Maulana Minhaj-ad-din, Aby-Umar-i Usman [ibn Sirajol-din al Jouziani]. Transl. by Major H.G. Raverty. New Delhi: Oriental Books Reprint Corporation. 1970. Vol. I., p. 267.

¹²⁶ Исхаков, 2018. С. 63.

¹²⁷ Jouziani, 1970, vol. II, p. 1259.

¹²⁸ Jouziani, 1970, vol. II, p. 935; ал-Асир, 2006. С. 336–337.

ними в Улусе Джучи усиливалось и «татарское» составное и особое самосознание. Между прочим, проведенный нами анализ исторического контекста дастана «Ак Кубэк»¹²⁹, позволяет заключить, что уже во время правления в Монгольской империи Угэдея (не позже 1227/1229 г.) некоторые кланы восточных кыпчаков, в данном случае – племя *токсоба*, враждовавшее с другим кланом – *дурт* (терть, Тертеровичи рус. летописей), имевшем татарскую аффилиацию, были подчинены монголам. В реальности в составе этих восточных кыпчаков-кимаков имелись и другие крупные кланы, например, уран/оран, то есть, кай и байаут¹³⁰. Пожалуй, когда Джуджани рассказывает о в переходе власти в Улусе Джучи после смерти Джучи к его сыну Бату, он не зря уточняет, что последний покори́л «все племена кыпчак, канглы, йемек, ильбари»¹³¹. В данном случае определение «все племена кыпчак» относится к тем восточным кыпчакам, которые выделились из среды кимаков и родственных им канглы, имевших выраженное «татарское» этническое составное. Надо полагать, что найманы и меркиты в ходе монгольского наступления бежали к кыпчакам и канглы не только из-за их территориальной близости, но и благодаря старым этническим связям тюрок Центральной Азии (найманов, татар, меркитов, кереитов и др.) с кимаками и канглы. Важно также отметить, что у Берке, в одно время находившемся около г. Сыганака и г. Ходженда, имелось под началом 30 000 мусульманское войско, не исключено, из вышеуказанных потомков кимаков и канглы, исламизированных еще ранее¹³² и вместе со ставшим правителем Золотой Орды Берке перебравшимися затем в центральные регионы государства.

Если учесть старое замечание известного тюрколога Э.Н. Наджи́па относительно того, что «племена, называвшиеся татарскими, жили в Дешт-и Кыпчаке и до прихода монголов на эту террито-

¹²⁹ Исхаков, Закирова, 2022.

¹³⁰ Ахинжанов С.М. Кыпчаки в истории средневекового Казахстана. Алма-Ата: «Наука», 1989. С 275–234.

¹³¹ Золотая Орда в источниках. Т. I. Арабские и персидские сочинения. М., 2003, Т. I. С. 251.

¹³² История и культура, 2015. С. 148–149.

рию»¹³³, с учетом роли татар на востоке Дешт-и Кыпчака с его кимакским населением, имевшем обширные контакты с центральноазиатскими тюрками, в том числе и вобравшим татарский этнический компонент, будет понятно, что закрепление в Золотой Орде этнонима «татар» произошло отнюдь не только под внешним воздействием, но и имело внутренние причины этнического характера. И этот фактор достаточно хорошо прослеживается на исторических данных, имеющих отношение к западной зоне Центральной Азии, а также к прилегающим территориям Западной и Восточной Сибири.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Агаджанов С.Г. Очерки истории огузов и туркмен Средней Азии IX–XIII вв. Ашхабад: Изд-во «Билым», 1969.
2. Ал-Кашгари Махмуд. Дивāн Лугаṭ ат-Турк / Перевод, предисловие и комментарии З.-А.М. Ауэзовой. Индексы составлены Р. Эмерсом. Алматы: Дайк-Пресс, 2005.
3. Ахинжанов С.М. Кыпчаки в истории средневекового Казахстана. Алма-Ата: «Наука», 1989.
4. Беруни Абу Райхан. Книга вразумления начаткам науки о звездах // Избранные произведения. Т. VI. Ташкент: Изд-во «Фан» Узбекской ССР, 1975.
5. Викторова Л.Л. Монголы. Происхождение народа и истоки культуры. М.: Изд-во «Наука», Гл. ред. вост. лит-ры, 1980.
6. Груссе Р. Чингисхан. Покоритель Вселенной. 3-е изд. М.: Молодая гвардия, 2007.
7. Де Хортог Лео. Чингисхан. Завоеватели мира. М.: Олимп; АСТ; Астрель, 2007.
8. Джувейни Ата-Мелик. История Завоевателя мира. М.: Изд. Дом «Магистр-Пресс», 2004.
9. Золотая Орда в источниках. Т. I. Арабские и персидские сочинения. М., 2003.

¹³³ Наджип Э.Н. Исследования по истории тюркских языков XI–XIV вв. М.: Наука. Глав. ред. вост. лит-ры, 1989. С. 86.

10. Зориктуев Б.Р. Актуальные проблемы этнической истории монголов и бурят / Б.Р. Зориктуев; Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН. М.: Вост. лит-ра, 2011.

11. Зуев Ю.А. Из древнетюркской этнонимии по китайским источникам (бомо, гуй, яньмо) // Вопросы истории Казахстана и восточного Туркестана. Алма-Ата: Изд-во АН Казахской ССР, 1972. С. 103–122.

12. Ибн ал-Асир. Ал-каmil фи-т-тарих (Полный свод истории). Ташкент: Узбекистан, 2006.

13. История и культура татар Западной Сибири. Монография. Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2015.

14. История Монгольской Народной Республики. М.: Изд-во «Наука», Гл. ред. вост. лит-ры, 1983.

15. Исхаков Д.М. Имеется ли связь между понятиями «шибер», «сыпыр», «Себер/Сибирь»? // Туган жир. Родной край. 2021. №1. С. 19–34.

16. Исхаков Д.М. История племени Кай и вопрос о происхождении династии Османов // Туган жир. Родной край. 2020. №1. С. 34–50; №2. С. 52–68; №3/4. С. 70–76.

17. Исхаков Д.М. История рода Яушевых в средневековый период и кимакская проблема. Воронеж-Казань: ООО «Фаворит», 2018.

18. Исхаков Д.М. К вопросу о происхождении понятий Ибер-Себер, Себер/Сибирь // XX Всероссийская (с международным участием) научно-практическая конференция, посв. 100-летию Я.К. Занкиева «Национальное образование и культура в полиэтническом пространстве: региональный компонент», 28–29 апреля 2017 г. Тобольск. Тобольск: Тобольский пед. ин-т им. Д.И. Менделеева (филиал) Тюм. ГУ, 2017а. С. 172–176.

19. Исхаков Д.М. Как понимать термин «Ибир-Сибирь» Рашид ад-дина // Природное и историко-культурное наследие Сибири: прошлое, настоящее, будущее: сборник тезисов I (XVI) Всероссийской научно-практической конференции (Тобольск, 16–19 ноября 2022 г.). Тобольск: ИП Журавлев С.П., 2022. С. 84.

20. Исхаков Д.М. О ранних кыпчакских этнонимах среди волгоуральских татар (по материалам топонимов и другим данным) // Древнетюркский мир: история и традиции. Материалы одноименной научной конференции. Казань, 2002. С. 60–67.

21. Исхаков Д.М. Поход Джучи 1207 года на Алтай и его значение для изучения этнической истории Золотой Орды // Народы Евразии: История. Культура. Языки. Материалы научно-практической конференции с международным участием / БНУ «НИИ алтаистики им. С.С. Суразакова»; редкол. Н.В. Екеев (отв. ред.), М.С. Дедина, Э.В. Енчинов, А.А. Конунов,

П.О. Тодышева, А.Е. Чумаков. Горно-Алтайск: «Горно-Алтайская типография», 2017б. С. 51–59.

22. Исхаков Д.М., Закирова И.Г. К вопросу о присутствии в Западной Сибири следов домонгольских кыпчаков (на основе анализа дастана «Ак күбәк») // Золотоордынское обозрение. 2022. Т. 10, № 3. С. 504–522. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2022-10-3.504-522> EDN: AMXZRT

23. Кадырбаев А.Ш. Китайские источники монгольской эпохи о внешнеполитических связях тюркских кочевников Казахстана – кыпчаков и канглы, с народами Центральной Азии и Дальнего Востока (XII – начало XIII в.). Тринадцатая научная конференция «Общества и государства в Китае». Тез. и докл. Ч.2. М.: Изд-во «Наука», гл. ред. «Вост. литры», 1982. С. 132–140.

24. Кадырбаев А.Ш. Тюрки-канглы в империи Чингис-хана (по китайским источникам) // П.И. Кафаров и его вклад в отечественное востоковедение (к 100-летию со дня смерти). Материалы конференции. II. М.: Изд-во «Наука», гл.ред. «Вост. литры», 1979. С. 50–57.

25. Хара-Даван Э. Чингис-хан как полководец и его наследники. Культурно-исторический очерк Монгольской империи XII–XIV вв. Алма-Ата: КРАМДС- Ахмед Яссауи, 1992.

26. Кляшторный С.Г. Государство татар в Центральной Азии (до-чингисова эпоха) // Mongolica. К 750-летию «Сокровенного сказания». М.: Наука, 1993. С. 137–143.

27. Крадин Н.Н., Скрынникова Т.Д. Империя Чингис-хана. М.: Изд. фирма «Вост. лит-ра» РАН, 2006.

28. «Краткие сведения о черных татарах» Пэн да-я и Сюй Тина // Проблемы востоковедения. 1960. №5. С. 133–158.

29. Кызласов Л.Р. Очерки по истории Сибири и Центральной Азии. Красноярск: Изд-во Красноярского ун-та, 1992.

30. Кызласов Л.Р. Ранние монголы (К проблеме истоков средневековой культуры) // Сибирь, Центральная и Восточная Азия в средние века // История и культура Востока Азии. Т.III. Новосибирск: Изд-во «Наука», Сибирское отд., 1975. С. 170–177.

31. Кычанов Е.И. Жизнь Темучжина, думавшего покорить мир: Чингис-хан. Личность и эпоха. М.: Изд. фирма «Вост. лит-ра» РАН; Школа-Пресс, 1995.

32. Кычанов Е.И. История приграничных с Китаем древних и средневековых государств (от гуннов до маньчжуров). 2-е изд. СПб., 2010.

33. Кюннер Н.В. Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. М.: Изд-во «Вост. лит-а», 1961.

34. Лубсан Данзан. Алтан Тобчи (Золотое сказание). Пер. с монг., введение, коммен. и прилож. Н.П. Шастиной / Памятники письменности Востока. Т. X. М., 1973.

35. Малявкин А.Г. Китай и уйгуры в 840–848 гг. // Сибирь, Центральная и Восточная Азия в Средние века / История и культура востока Азии. Т. III. Новосибирск: Изд-во «Наука», Сибирское отд., 1975. С. 62–82.

36. Миргалеев И.М. Джучи – первый правитель улуса // Золотая Орда в мировой истории. Коллективная монография. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2016. С. 72–77.

37. Мэн да Бэй-лу (Полное описание монголо-татар). Факсимиле ксилографа. Перев. с кит., введ., комм. и прилож. Н.Ц. Мункуева / Памятники Востока. Т. XXVI. М., 1975.

38. Наджип Э.Н. Исследования по истории тюркских языков XI–XIV вв. М.: Наука. Глав. ред. вост. лит-ры, 1989.

39. Олсен Т.Т. Прелюдия к западным кампаниям: монгольские военные операции в Волго-Уральском регионе. 1217–1237 гг. // Научный Татарстан. 2003. №3/4. С. 129–139.

40. Парунин А.В. Клан баргут / бургут в политической истории чингизидских государств XIII–XVI вв. // Средневековые тюрко-татарские государства. Вып. 4. Казань: Ин-т истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2012. С. 131–143.

41. Плетнева С.А. Половцы / История. География. Этнография. М.: Ломоносов, 2015.

42. Полное собрание русских летописей. Т. I. Лаврентьевская летопись. М.: Наука, 1962.

43. Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. I. Кн. 1(а); Т. I. Кн. 2 (б); Т. II (в). – М.: НИЦ «Ладомир», 2002.

44. Рыкин П.О. Создание монгольской идентичности: термин «монгол» в эпоху Чингис-хана // Вестник Евразии. 2002. №1(16). С. 48–85.

45. Скрынникова Т.Д. Харизма и власть в эпоху Чингис-хана. Изд. 2-ое перераб., допол. и испр. СПб.: Евразия, 2013.

46. Сокровенное сказание монголов. / Перевод С.А. Козина. Улан-Удэ: Бурятское кн. изд-во, 1990.

47. Сухэбатор Г. К вопросу об этнической связи между хунну и сяньби // Сибирь, Центральная и Восточная Азия в Средние века. Т. III. Новосибирск: Изд-во «Наука», Сибирское отд., 1975. С. 12–16.

48. Тимохин Д.М., Тишин В.В. Происхождение Теркен-хатун, матери хорезмшаха Ала ад-Дина Мухаммеда: к проблеме соотношения этнонимов в восточном Дешт-и Кыпчаке в XIII в. в исторических источниках

// Материалы II-й научной конференции средневековой истории Дешт-и Кыпчака. Павлодар: ТОО АПР «ЭКО», 2018. С. 83–102.

49. Трепавлов В.В. Государственный строй Монгольской империи XIII в.: Проблемы исторической преемственности. М.: Наука. Изд. фирма «Вост. лит-ра», 1993.

50. Храпачевский Р.П. Половцы-куны в Волго-Уральском междуречье (по данным китайских источников) / Историко-генеалогический проект «Суюновы». Серия «Материалы исследования» Т. II «Исследования по истории кочевников восточноевропейских степей». М.: ЦИВОИ, 2013.

51. Юань ши (Официальная хроника династии Юань) // Храпачевский Р.П. Военная держава Чингисхана. М.: Изд-во «ВЗОИ», 2004. С. 432–540.

52. Atwood C.P. The Qai, the Khongai, and the names of the Xiōngnū // International Journal of Eurasian Studies. 2015. Vol. II. Pp. 035–063.

53. Golden B.P. Ethnicity and state formation in pre-Çinggisid Turkic Eurasia. Indiana University, 2001.

54. Golden B.P. Studies on Peoples and Cultures of the Eurasian Steppes. Ed. by Catalin Hriban. Bucureşti-Braila, 2011.

55. Golden P.B. Cumanica V: The Basmils and Qipčaks // AEMA. 2006/2007. Vol. 15. Pp. 101–118.

56. Golden P.B. The Polovci Dikii // Harvard Ukrainian Studies. 1979–1980. Vol.III–IV. Part 1. Pp. 296–309.

57. [Jouziani] Tabakat-i Nasiri: A General History of the Muhammadan dynasties of Asia, Including Hindustan; from h. 194 (810 a. d.) to a. h. 658 (1260 a.d.) and Irruption the infidel Mughals into Islam by Maulana Minhaj-ad-din, Aby-Umar-i Usman [ibn Sirajol-din al Jouziani]. Transl. by Major H.G. Raverty. New Delhi: Oriental Books Reprint Corporation. 1970. Vol. I. 718 p. Vol. II. 1296 p.

58. Jitsuzo Tamura. The Legend of the Origin of Mongols // Acta Asiatica/ Bulletin of the Institute of Eastern Culture. 24. Tokyo: The Toho Jakkai, 1973. Pp. 1–19.

59. Pritsak O. Polovcians and Rus // AEMA. 2. (1982). Pp. 321–340.

60. Ratchnevsky P. Jenghis Han. His Life and Legacy. Translated and ed. by T.Nivison, Haining. Oxford UK, Cambridge: US Blackwell Ltd, 2000.

Исхаков Д.М. Татары средневековья: от политогенеза до этногенеза ...

Дамир Мавлявеевич Исхаков – доктор исторических наук, старший научный сотрудник Тобольской комплексной научной станции УрО РАН; главный редактор журнала «Туган жир. Родной край», Казань, Российская Федерация, monitoring_vkt@mail.ru

Damir M. Iskhakov – Dr. Sci. (History), Senior Research Fellow, Tobolsk Complex Research Station of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences; Chief Editor of the Journal “Tugan Jir. Native Land”, Kazan, Russian Federation, monitoring_vkt@mail.ru

ЦЕННОСТИ И ИНТЕРЕСЫ КОЧЕВОГО ФЕОДАЛА (ПОСТЗОЛОТООРДЫНСКИЙ ПЕРИОД)

В статье рассматриваются взгляды автора на ценности и интересы кочевого феодала в постзолотоордынский период. Отмечается, что история личности, ее ценности, интересы и мотивация без сомнения относится к наиболее волнующей читателя проблематике. Однако, несмотря на ее востребованность, она не относится к активно разрабатываемому пласту исторической науки, в наибольшей степени это замечание относится к исследованиям по истории Золотой Орды и ее наследия.

Ключевые слова: история, Средневековье, Золотая Орда, постордынский период

M.V. Moiseev

VALUES AND INTERESTS OF NOMADIC FEUDAL (POST-GOLDEN HORDE PERIOD)

This article examines the author's views on the values and interests of nomadic feudal lords in the post-Golden Horde period. It is noted that the history of the individual, their values, interests, and motivations, is undoubtedly one of the most pertinent topics for readers. However, despite its relevance, it does not belong to an actively developed area of historical scholarship. This remark applies most specifically to research on the history of the Golden Horde and its legacy.

Keywords: history, Middle Ages, Golden Horde, post-Golden Horde period

Для научного творчества Искандера Леруновича Измайлова характерно особое внимание к истории военно-служилого сословия тюркских и татарских государств. Автор посвятил довольно

много трудов изучению комплексам вооружения и социальной структуре Волжской Булгарии и Казанского ханства¹. Развивая свои наблюдения по истории военного сословия татар, автор пришел к ряду важных выводов. По мнению, И.Л. Измайлова «...аристократия и городской нобилитет носили название «татар», а основное население чаще всего определяло себя по религиозному признаку как «мусульмане»². При этом татар не надо считать «этнократией», это скорее правящее сословие, которое имело четко выраженные представления о своей общности и сходные этнокультурные особенности. Ниже я предлагаю текст, который как раз и посвящен ценностям кочевых феодалов, написанный мною на материале Ногайской Орды. Надеюсь, это произведение понравится юбиляру и вызовет интерес у научной публики.

История личности, ее ценности, интересы и мотивация без сомнения относятся к наиболее волнующей читателя проблематике. Однако, не смотря на ее востребованность, она не относится к активно разрабатываемому пласту исторической науки, в наибольшей степени это замечание относится к исследованиям по истории Золотой Орды и ее наследия. Данное сообщение призвано, в определенной мере, восполнить наметившийся пробел.

Формирование «ментальной карты» кочевого феодала происходило под влиянием многочисленных факторов, нередко противоречивших друг другу. Налицо конфликт между кочевой культу-

¹ Измайлов И. Л. Вооружение и военное искусство Казанского ханства XV – первая половина XVI в.: комплексный анализ источников // Археология Евразийских степей. 2017. № 5. С. 196–209; он же. Комплекс вооружения Улуса Джучи (Золотой Орды): теория и практика военной археологии // Археология Евразийских степей. 2020. № 6. С. 279–300; он же. Военно-служилое сословие и становление государства в Волжской Булгарии VIII – X вв. // Universum Humanitarium. 2022. № 1. С. 164–197; он же. Социальная структура Улуса Джучи и татарских ханств по материалам «Джами ат-таварих» Кадыр Али-бека // Золотоордынское обозрение. 2023. Т. 11. № 2. С. 317–334; он же. Идегей: историческая личность и ее оценка в отечественной историографии // Золотоордынское обозрение. 2024. Т. 12. № 4. С. 858–872.

² Измайлов И.Л. Этносословная структура Казанского ханства // Средневековые тюрко-татарские государства. 2012. № 4. С. 67.

рой, унаследовавшей менталитет древних тюрок и монголов, с исламской, заимствованной из Мавераннахра, где сильны были оседлые традиции. Сама исламизация Золотой Орды растянулась во времени, и даже после ее исчезновения, в среде мусульманских авторов сохранялись сомнения в истинности правоверия кочевников Западного Дешта. Весьма красноречивым подтверждением выше сказанного служит своеобразная правовая система Улуса Джучи, в которой своеобразно переплетались как нормы обычного права (торе), так и установления Чингиз-хана, а также нормы исламского права (шариата), хотя в ряде вопросов они друг другу противоречили. К осколкам древней кочевой традиции можно отнести и ритуал шертования (шарт-наме). Обыкновенно под этим явлением подразумевается принесение присяги на Коране, но это так было далеко не всегда. Источники же рисуют нам более плюралистическую картину: шертование имело драматичный, ритуальный характер. Так, Густынская летопись содержит описание шертования татар Шейх-Ахмета. Приведу его полностью: «И сей мир присягою меж собою утвердиша, христиане по своему обычаю, а Татаре такожде, си есть положиша оружия своя на землѣ и лияху на них воду, кленущеся, а потом пияху, глаголюще: «Аще кто сию клятву приступит, да изльется кров его тако, якоже сия вода»³. На миниатюрах Лицевого летописного свода тоже встречаются изображения процесса шертования. Например, в статье о возведении Абд ал-Летифа на казанский престол изображен процесс шертования казанцев. На миниатюре нарисован стол перед которым собралась толпа казанцев. На столе стоят чаша и нечто похожее на ветви или колосья, текст же, сопровождающий картинку, сообщает, что привели к присяге «согласно их вере»⁴. В случае описания миссии Ивана Поплевина к Мухаммед-Эмину также нарисован процесс шертования, но теперь мы можем видеть стол, на нем чаша, а над нею шертовальная грамота⁵. Наконец, в миниатю-

³ Полное собрание русских летописей. Т. 40. Густынская летопись. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. С. 142.

⁴ Лицевой летописный свод XVI века. Русская летописная история. Кн. 17. М.: ООО Фирма «Актеон», 2014. С. 327. (далее – ЛЛС)

⁵ ЛЛС. Т. 18. С. 118.

ре, показывающий шертование Табай-бека, мы видим процесс прикладывания к шертовальной записи печатей казанскими послами и подписания ею казанским бакшеем Ибрагимом⁶. Таким образом, мы видим очевидное разнообразие в ритуале шертования зафиксированным источниками. Это показывает, что в среде знати и, шире, в политической культуре постордынских сообществ наряду с мусульманскими практиками, сохранялись традиции, которые, возможно, восходили еще к эпохе Монгольской империи.

Итак, ислам в Золотой Орде, а также в государствах ее наследников не имел всеподавляющего влияния, он уживался с довольно архаичными установлениями и правилами жизни. Как же все это отражалось на жизни кочевого феодала?

Одной из главных забот кочевого правителя было поддержание своего реноме щедрого дарителя и успешного воителя. Одаривание имело не только ритуальный подтекст, но и очевидное социальное значение. В апокрифичной «Автобиографии Тимура», созданной в начале XVII в., в кругу историографов династии Великих Моголов, происходившей от Тимура, содержатся прямые указания на обязательность одаривания вассалов своим сюзереном, которое является гарантом стабильности его власти. Подтверждения этому есть и в материалах Посольского приказа. Вокруг «поминков», отсылаемых из Москвы, не редко случались скандалы и мелочные склоки. Так, бии, правители, Ногайской Орды стремились к тому, чтобы все «поминки» направлялись к ним, а они уже сами их раздавали своим вассалам. Однако в Москве эти идеи предпочитали игнорировать, лишь изредка, в особых случаях, шли им на встречу. Очевидно, что в этом вопросе шел спор о том: кто все же благодетель собственный правитель или далекий северный неверный царь.

Реноме воителя для кочевых феодалов было не менее важно, чем образ дарителя. Однако с течением времени его поддерживать удавалось с большим трудом. Большие походы на оседлых соседей (в нашем случае Русское государство) были чреваты серьезными опасностями и общим ухудшением международных отношений. Поэтому походы, возглавляемые правителем, постепенно уходили

⁶ ЛЛС. Т. 19. С. 54.

в прошлое. На смену им пришли набеги сравнительно небольших отрядов ставящие перед собой локальные задачи, которые в основном сводились к грабежу пограничного населения. Особенно популярны они были в среде, т.н. «молодых мирз», т. е. феодалов, не входящих в круг правящей элиты. Сами эти набеги, как правило, были плохо организованы, состав их участников – разношерстный. Хорошей альтернативой этим предприятиям стала служба иностранным монархам, в рамках военных союзов. Так, к примеру, ногайские отряды, используя военно-политический договоренности элиты России и Ногайской Орды, приняли участие и в походах на Крым середины XVI в., и в Ливонской войне.

Впрочем, не только война увлекала кочевых феодалов. Охота, кони, ловчие птицы – вот одна из животрепещущих тем переписки и бесед ханов, биев и мирз с русским царем и его представителями. Крымский хан Саадет-Гирей посвятил коням в своем послании настоящую «поэму», ему вторил астраханский хан Дервиш-Али. Даже больной, престарелый ногайский бий Исмаил, с трепетом писал о своем «последнем» удовольствии – охоте. В 1560 г. в послании царю Ивану IV он просил прислать ему: «...ястребов, да сокол, да кречет, охото мя емлет занже есмя на мѣстах погожих со птицами...»⁷.

Небыли чужды кочевые аристократы и понятий красоты и роскоши. Так, в 1535 г. Хаджи-Мухаммад просил «шубу горностаену с кружевом», в 1550 г. Юсуфу «... для прямой дружбы» была послана шуба «бархат венецицкой земли на горностаех»⁸. Не редко кочевая аристократия запрашивала парадные доспехи и упряжь, музыкальные инструменты.

Пир, наверное, как и в монгольские времена играл у кочевой знати постзолотоордынского времени особую роль. В связи с этим необходимо коснуться и такого «скользкого» вопроса как употребление алкогольных напитков в среде степной аристократии. Как

⁷ РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Кн. 5. Л. 167. Опубликовано: Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой. 1551–1561 гг. Казань, 2006. С. 214. С. 313–315.

⁸ Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой. 1489–1549. Махачкала, 1995. С. 158, 327.

известно «возлияния» были весьма распространены в Еке Монгол улус: от пьянства умерло несколько великих ханов, но этот обычай не был искоренен и после принятия ислама ханом Берке, и даже при таких поборниках мусульманства, какими были Узбек-хан и беклярбек Эдиге. Об употреблении алкоголя писали и египетские историки и марокканский путешественник Ибн Баттута. Последний объяснял это тем, что в Золотой Орде распространен ханифитский мазхаб, последователям которого употребление спиртного не возбранялось. Практика эта сохранилась и в государствах-наследниках Улуса Джучи. Более того, в Крымском ханстве сохранилось и производство вина, о котором неплохо высказывался французский военный инженер Боплан. Ибн Баттута писал об употреблении «бузы», к этому напитку можно прибавить русскую медовуху, которая как известно шла в «поминках» в Ногайскую Орду.

Женщины в постзолотоордынском сообществе продолжали играть такую же роль, как и в Золотой Орде. Ряд знаменитых женщин Орды, возглавляемый знаменитой ханшой Тайдулой, продолжают ханике постордынского мира: Нур-султан, Сююм-бике. Благодаря исследованию А.М. Некрасова стали известны факты участия крымских ханике во внешней политике, но схожую роль играли и жены ногайских правителей. К примеру, Исмаил-бий передоверил русского посла Е. Мальцева своему гарему. Весьма трогательна забота ногайских биев о своих дочерях. И Ямгурчи, и Мамай, а позднее Юсуф отстаивали властные права своих дочерей и были готовы к развязыванию военных конфликтов. Заботой о благополучии своей семьи диктовались многие поступки Исмаила. Вплоть до своей смерти он беспокоился о своевременном включении в «поминочные списки» своих новорожденных детей, просил Ивана Грозного опекать их после того, как он умрет.

Итак, ценности и интересы кочевой знати «постордынского» времени в общих чертах совпадают с таковыми своих оседлых коллег. Война, охота, кони и предметы роскоши – вот главные вопросы их жизни. Не малое место в обыденности отводилось пирам. Не меньшее значение имела семья, и главное – потомство.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Измайлов И.Л. Этносословная структура Казанского ханства // Средневековые тюрко-татарские государства. 2012. № 4. С. 62–68.
2. Измайлов И.Л. Вооружение и военное искусство Казанского ханства XV – первая половина XVI в.: комплексный анализ источников // Археология Евразийских степей. 2017. № 5. С. 196–209.
3. Измайлов И.Л. Комплекс вооружения Улуса Джучи (Золотой Орды): теория и практика военной археологии // Археология Евразийских степей. 2020. № 6. С. 279–300.
4. Измайлов И.Л. Военно-служилое сословие и становление государства в Волжской Булгарии VIII–X вв. // *Universum Humanitarium*. 2022. № 1. С. 164–197.
5. Измайлов И.Л. Социальная структура Улуса Джучи и тюрко-татарских ханств по материалам «Джами ат-таварих» Кадыр Али-бека // Золотоордынское обозрение. 2023. Т. 11, № 2. С. 317–334. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2023-11-2.317-334> EDN: GWPNSO
6. Измайлов И.Л. Идегей: историческая личность и ее оценка в отечественной историографии // Золотоордынское обозрение. 2024. Т. 12, № 4. С. 858–872. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2024-12-4.858-872> EDN: NZPYBD
7. Лицевой летописный свод XVI века. Русская летописная история. Кн.17. М.: ООО Фирма «Актеон», 2014.
8. Лицевой летописный свод XVI века. Русская летописная история. Кн.18. М.: ООО Фирма «Актеон», 2014.
9. Лицевой летописный свод XVI века. Русская летописная история. Кн.19. М.: ООО Фирма «Актеон», 2014.
10. Полное собрание русских летописей. Т. 40. Густынская летопись. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003.
11. Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой. 1489–1549. Махачкала, 1995.
12. Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой. 1551–1561 гг. Казань, 2006.
13. РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Кн. 5.

Максим Владимирович Моисеев – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, ФГБУН Институт российской истории Российской академии наук, Москва, Российская Федерация, maksi-moiseev@yandex.ru

Maksim V. Moiseev – Cand. Sci. (History), Senior Research Fellow, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation, maksi-moiseev@yandex.ru

ОРГАНИЗАЦИЯ УПРАВЛЕНИЯ ТЕРРИТОРИЙ МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВА С ТЮРКСКИМ НАСЕЛЕНИЕМ: ПОСТАНОВКА ВОПРОСА

В статье представлена постановка вопроса об организации управления территорий московского государства с тюркским населением. Отмечается, что процесс постепенной унификации оставался делом времени. Однако для того, чтобы понять механизм управления тюркским населением в составе Московского государства во всех нюансах необходимо выявить особенности управления на каждой территории в отдельности. Только тогда станет понятным, являются ли фиксирующиеся местные особенности исключениями из общей практики, или это только следы единой системы.

Ключевые слова: история, Московское государство, тюркское население

A.V. Belyakov

ORGANIZING THE GOVERNMENT OF THE TERRITORIES OF THE MOSCOW STATE WITH A TURKISH POPULATION: STATEMENT OF THE QUESTION

This article presents the question of organizing the governance of the territories of the Moscow state with a Turkic population. It is noted that the process of gradual unification was only a matter of time. However, in order to understand the mechanism of governance of the Turkic population within the Moscow state in all its nuances, it is necessary to identify the specific features of governance in each territory individually. Only then will it be clear whether the local peculiarities observed are exceptions to general practice or merely traces of a unified system.

Keywords: history, Moscow state, Turkic population

С XV в. великое княжество Московское (затем царство) планомерно увеличивало свою территорию за счет продвижения на восток, на земли, заселенные народами, исповедовавшими ислам и язычество. Источников, описывающих эти процессы, сохранилось немного. Но и они показывают, что вновь присоединенные народы, по преимуществу, быстро и органично вписывались в структуру управления Московского государства. Каким образом это достигалось? Авторы, как правило, рассматривали отдельные территории, и здесь имеется обширная историография. Но попыток обобщить опыт государственного строительства Русского государства за этот период не проводилось. В результате вне поля нашего зрения остается целый ряд типичных явлений, позволяющих представить проходившие события более детально. В первую очередь это становится возможным при изучении конкретных территорий с учетом привлечения знаний о подобных явлениях в других регионах. Ниже рассматриваются вопросы организации управления на отдельных территориях с преобладанием неправославного населения.

Подчас информация о точном времени и обстоятельствах вхождения тех или иных земель в состав Московского княжества (царства) отсутствует. Полулегендарные свидетельства приходится дополнять более поздними данными. В результате, создаются только общие контуры протекавших процессов. В настоящее время наиболее исследованным в этом плане следует признать регион Мещеры, который разделяется на западную (Касимов и округа) и восточную (Темников и прилегающие регионы) части.

История вхождения данных земель в состав великого княжества Московского хорошо прослеживается на структуре Мещерского (Шацкого, Большого Шацкого) уезда. Он состоял из трех станов: Борисоглебского, Подлесного и Замокошского. В свою очередь Борисоглебский стан состоял из Касимовского и Елатомского уездов. Эти земли были присоединены к Москве еще в 1-й половине XIV в. Позднее, в середине XV в., на данной территории будет организовано, так называемое Касимовское «царство». Всю территорию Подлесного стана занимал Шацкий (Малый Шацкий) уезд. Это были бывшие земли Рязанского княжества, которые по

разделу 1496 г. между братьями Иваном и Федором Третним Васильевичами достались последнему и в 1503 г. были завещаны им своему дяде по матери кн. Ивану III московскому. Замокошский стан состоял из Кадомского и Темниковского уездов¹.

В Восточной Мещере тюркское и финно-угорское население было преобладающим наиболее долго. Татары поселились на землях, где исконно обитала мордва. Начиная с ордынского времени, ею управляли те или иные лица, назначаемые ханом. Возник своеобразный симбиоз. В регионе известны так называемые мордовские беляки. Первоначально это были внутриэтнические группы мордвы, возникшие в период разложения родовой общины. Позднее они превратились в основную податную единицу в крае. После присоединения мордовских земель к Московскому государству великий князь московский жаловал отдельных татарских мирз «княжением» над мордвой того или иного беляка. Это предполагало суд над мордвой и уплату ею фиксированного ясака, за что мирзы несли военную службу. Нечто подобное в управлении мордовскими землями, похоже, было и ранее. По материалам XVI века данные пожалования являлись пожизненными, и передавались по наследству старшему в роду. Позднее начинает утверждаться принцип наследования от отца к старшему сыну. Такие мирзы становились князьями. Князь, в данном случае должность, близкая должности волостеля. В соседних Муромских землях (Кирдяновская мордва) известны русские волостели, которые в конце XV в. управляли мордвой по 1–2 года². Татарские князья становились аналогом пожизненных и наследственных волостелей. Но мордва сохраняла свое внутреннее самоуправление и выходила на войну собственными подразделениями. Наряду с иными народами Поволжья (чуваши, марийцы) они вплоть до XVII в. включительно в случае необходимости выставляли одного конного воина с трех

¹ Беляков А.В. Историческая география Мещеры XIV–XVII вв. // Российская история. 2019. № 1. С. 72–85.

² Пашкова Т.И. Местное управление в Русском государстве первой половины XVI века (наместники и волостели). М., 2000. С. 177, 178.

дворов³. Все же определенные трения между мордвой и их татарскими князьями имели место. Начиная с конца 1530-х гг. право суда над мордвою «оприч душегубства и розбоя с поличным» по их челобитью постепенно стало передаваться великокняжеским дворецким (наместникам)⁴. Сбор ясака сохраняется за князьями до начала XVII в. Но уже в 1570-х гг. ясак собирали не сами князья. Мордовские сотники (выборные лица из состава самой мордвы) собирали ясак со своих соплеменников и передавали его мордовскому приказчику (назначаемое из Москвы лицо, ведавшее мордовским населением), и только последние выдавали положенные суммы конечным его получателям⁵.

На этом своеобразие управления регионом не ограничивалось. Во многом оно зиждилось на особенностях вхождения этих земель в состав Московского княжества. В настоящее время оно выглядит так. На рубеже XIV–XV вв. некий родоплеменной лидер кн. Бехан поселился в районе г. Темникова и поступил на службу московским князьям. С этого момента появилось образование, получившее в историографии название «Темниковское княжество». Свидетельства XVI–XVII в. позволяют говорить об этом «княжестве» как о своеобразном «уделе». Более того, именно как разновидность «удельных княжеств», которые с той или иной быстротой теряли элементы своей независимости, следует говорить и об иных образованиях (арские князья и др.).

Большинство княжеских и мирзинских родов в регионе были потомками Бехана. Первое время суверенитет русских князей в регионе был номинальным. Здесь, по-видимому, наблюдалась ситуация двоеданства, когда местная элита считала себя подданными сразу двух сюзеренов, в данном случае великого князя московского и хана Большой Орды. В конце XVI в., то же самое фиксируется в Сибири и Башкирии. Здесь московский царь вынужден был делить право сбора ясака на некоторых территориях с сибирским

³ Книги разрядные, по официальным оных спискам изданныя. СПб., 1855. Т. II. Стб. 189, 194, 199, 200 и др.

⁴ Древняя российская вивлиофика. М., 1790. Вып. 2. Ч. XV. С. 14–15.

⁵ Государственный архив Пензенской области (ГАПО). Ф. 196 (Пензенское дворянское депутатское собрание). Оп. 2. Д. 3009.

ханом Кучумом, а затем с его наследниками⁶. Это объясняет, почему приблизительно в середине XV в. потомки Бехана (Беханиды) потеряли свою власть. Во главе местной корпорации татар встали пришлые князья Кугушевы – Тенишевы – Еникеевы. По-видимому, это было связано с проживанием в 1440-х гг. по соседству в Курмыше потерявшего власть в Орде Улуг-Мухаммеда б. Хасана. Пришлые князья не были совсем уж чужды Беханидам. Генетические исследования показывают, что они имеют одну гаплогруппу (J2b), их общий предок жил, возможно, еще в домонгольский период. Помимо этого, ту же гаплогруппу имеют потомки отдельных родов рядовых служилых татар (казаков). Таким образом, в Мещере поселились представители некой тюркской этнической группы с уже сформировавшейся знатью, возможно, один родовой клан⁷. Власть московского князя окончательно утвердилось в регионе только ок. 1480 г. По-видимому, события стояния на р. Угре оказали на это самое прямое влияние.

Структура княжеской конфедерации, отчетливо просматривается в участии мещерских татар в Полоцком походе 1563 г.: «Темниковские люди, Еникей князь с товарищи и с их людьми...»⁸. Еникей выступает только как первый среди равных и не может напрямую руководить военными отрядами иных князей. При прохождении через город посольств, все грамоты в Темников об этом шли на имя князей Еникеевых⁹. Глава рода до начала XVII в. фиксируется в городе как бессменный «второй» воевода, возможности которого в решении местных проблем были несравненно больше официального назначенца из столицы. Это объясняется тем, что

⁶ Трепавлов В.В. Сибирский юрт после Ермака: Кучум и Кучумовичи в борьбе за реванш. М., 2012. С. 16, 19.

⁷ Сабитов Ж.М., Акчурин М.М. Генеалогии (Шеджере) и генетические данные по происхождению родоплеменной аристократии // Средневековые тюрко-татарские государства. 2014. № 6. С. 127–139.

⁸ Книга Полоцкого похода 1563 г. СПб., 2004. С. 40.

⁹ Моисеев М.В. Царь, воевода, местный мир и дипломатия: к истории организации посольских миссий в Россию во второй половине XVI – начале XVII века // Земля и Власть в истории России. М., 2020. С. 137–145.

присылаемый из столицы человек за 1–2 года не мог разобраться во всех нюансах взаимоотношений местных жителей. На первых порах русский воевода помимо прочего играл роль пристава при татарских князьях.

Москва десятилетие к десятилетию планомерно увеличивает свое влияние в Восточной Мещере. Растет влияние воевод, в регионе появляется и прямой начальник темниковских воевод – наместник Елатомский (Мещерский), с 1570-х гг. Шацкий. Теперь темниковские служилые татары не встречаются, как самостоятельная военная единица. Крестившиеся в конце XVII в. мирзы получили наследственное княжеское достоинство и были записаны в стольники по новокрещеному списку. Тем самым произошла их окончательная интеграция с верхней стратой «русских» служилых людей. Другие решили уйти на жительство в иные регионы, что в конечном итоге способствовало широкому расселению мещерских татар по Верхней и Средней Волге, в Башкирии и за Уралом. Там их стали называть мишарями. В определенном смысле здесь отрабатывалась политика московских властей по безболезненному включению территорий с неправославным, по преимуществу, населением в единую общегосударственную систему управления. Полученный опыт лег в основу инкорпораций иных территорий с изначально сходными этническими ситуациями (Поволжье, в том числе Астраханское ханство¹⁰, Сибирь и др.). Но при этом, данная модель взаимоотношений работала только в одном случае – полном признании местным населением, в том числе и элитами, власти московского государя. Иначе начинали действовать репрессивные механизмы, силой устанавливающие новые порядки, но уже без учета местных особенностей¹¹.

¹⁰ Моисеев М.В. Мусульманская политика Русского государства в эпоху Ивана Грозного: дискуссионные аспекты // *Quaestio Rossica*. 2016. Т. 4. № 1. С. 37–54.

¹¹ Акчурина М., Ишеев М., Абдиев А. Эпоха татарских князей в Мещере (XV–XVII века). Казань, 2021; Беляков А.В. Князья Еникшеевы и г. Темников в XV–XVII вв. // На пути к государствам Нового времени: Запад и Восток в конце XV–XVII веке. Калуга, 2020. С. 738–759.

Длительное время незначительные правонарушения здесь могли разбираться внутри общин без привлечения русских администраторов. Исключение составляли дела о татьбе и разбое с личным. Но в какой-то момент мордва и татары стали осознавать, что воеводский суд для них становится более выгодным. Они подают челобитные об этом в Москву. В книгах Печатного приказа обнаружены следы одной из них. 19 марта 1635 г. на Алатырь, по челобитью татарина Баймамета Байкеева «во всех место», направлена указная грамота, по которой велено татар, судить на Алатыре, «а по селам и деревням не судить»¹².

В тех случаях, когда власти были уверены в том, что их неправославные подданные полностью соблюдали взятые на себя обязанности, они длительное время сохраняли их привычные жизненные устои. Изменения происходили постепенно, в том числе и по инициативе самих иноземцев. Не вмешивалось государство и в вопросы их вероисповедания. Насильственные крещения были запрещены. Некоторые церковные деятели пренебрегали этим. Тогда их одергивали из столицы¹³. В случае сопротивления московские порядки устанавливались значительно быстрее. Данное наблюдение в полной мере относится и к коренным русским землям, оказавшимся под властью Калитичей. Здесь наблюдается как «мягкий» сценарий вхождения (Рязань и Тверь), так и «жесткий» (Новгород).

Такая система организации взаимоотношений с неправославным населением была типичной. Хотя в каждом конкретном случае обнаруживаются местные особенности. В той или иной степени она прослеживается в Астрахани, возможно, на первых порах в Казани, по крайней мере, по отношению к отдельным представителям знати бывшего Казанского ханства, на Вятке (арские князья)¹⁴ и других регионах. Этому имеется множество косвенных

¹² Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 233 (Печатный приказ). Оп. 1. Кн. 23. Л. 174.

¹³ Беляков А.В., Морохин А.В. Отношение центральной власти к насильственным крещениям на местах в первой половине XVII в. // Очерки Феодальной России. М.; СПб., 2015. Вып. 18. С. 168–188.

¹⁴ Исхаков Д.М. Арские князья и нукратские татары. Казань, 2010.

свидетельств. Описываемая система была гибкой и учитывала различные региональные особенности.

В последнее время большое внимание уделяется изучению такого явления как жалованное слово, обращенного от имени московского государя к коренному нерусскому населению уезда, регулярно встречающегося в наказах сибирским воеводам. А.Ю. Конев и В.А. Слугина предприняли попытку сравнительного и содержательного анализа текстов «жалованного слова». Ими были выявлены следующие блоки в составе слова:

1) признание факта злоупотреблений со стороны воевод и служилых людей;

2) обещание защиты (гарантия честного суда, обещание защиты от притеснений со стороны русских служилых людей, объявление о ясном сборе без прибавок, указание на льготы «маломочным»);

3) гарантии защиты иноземцев (право проживать и заниматься традиционными промыслами на их землях в обмен на обязательства предотвращать измены и заговоры, и обещание награды за сообщения о готовящихся изменах, гарантия суда над русскими администраторами, превышающими полномочия).

Исследователи справедливо установили, что текст «слова» восходит к более ранним царским «пожалованиям», содержащим меры поощрения и льготирования¹⁵. Однако, что это были за документы, им установить не удалось. Причина этого кроется в искусственной ограниченности исследователей исключительно сибирским материалом. Привлекая практики, существовавшие в более обширном регионе, появляется возможность установить, что послужило основой для разработки содержания слова.

В XVI – первой трети XVII в. широкое распространение в регионе Поволжья, Предуралья, Зауралья и Кавказа получили жалованные грамоты за золотой печатью. Это были документы, скрепленные позолоченными или полностью золотыми вислыми печа-

¹⁵ Слугина В.А., А.Ю. Конев А.Ю. «Жалованное слово» в наказах сибирским воеводам: К вопросу о происхождении и эволюции формуляра // Актуальные проблемы отечественной истории, источниковедения и археологии. Новосибирск, 2020. С. 183–193.

тями. На данный момент известны полные тексты жалованных грамот к грузинским царям, кабардинским и югорским князьям, а также выдержки из грамоты к сибирскому хану Кучуму, пересказ аналогичной грамоты чувашам и марийцам, факт выдачи подобных документов башкирам. Имеются основания предполагать наличие аналогичных документов адресованным пермским, арским, темниковским князьям, в Казань и Астрахань сразу после их присоединения, а также, возможно, касимовским царям и царевичам конца XV – начала XVI в. Грамота за золотой печатью настойчиво предлагалась в конце XVI в. казахскому хану, а в начале XVII в. калмыцким тайшам. Просили их, похоже, окотские (ахочкие) князья и шамхалы. Ее смогли навязать Алтын-хану, по крайней мере, все дипломатические дары последнего в русской документации настойчиво именуется данью¹⁶.

По наблюдению В.В. Трепавлова в Сибири и Башкирии утвердилась государственная традиция предусматривавшая легитимность земельного владения только в форме пожалования от монарха. «Хан не только жаловал земли и подвластное население, но и подтверждал право подданных на пользование их исконными, доставшимися от предков землями. Законно владеть ими можно было, только обладая разрешением и согласием со стороны высшей власти». С захватом Казани функция верховного сюзерена перешла к московскому царю¹⁷.

В этих грамотах, по-видимому, органично соединились две традиции – русская и ордынская. Похоже, каждая из сторон очередного пожалования вкладывала в них свой смысл и особо не задумывалась о том, как это интерпретировали их визави. Данная форма утверждения отношений «подданства», похоже, возникла еще в XV в. и просуществовала, как минимум, до 1620-х гг. Пик активности выдачи подобных документов приходился на середину

¹⁶ Беляков А.В. Жалованные грамоты за золотой печатью: история бытования и ареал распространения (об ордынской преемственности в вопросе инвеституры) // Золотоордынское обозрение. 2022. Т. 10. № 1. С. 184–211. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2022-10-1.184-211>

¹⁷ Трепавлов В.В. Символы и ритуалы в этнической политике России XVI–XIX вв. СПб., 2018. С. 183.

XVI в, когда в результате завоевания Казанского и Астраханского ханств Иваном IV была нарушена складывавшаяся до этого столетиями под эгидой Золотой Орды система подтверждения владельческих прав на землю. В Москве такую систему организации взаимоотношений посчитали вполне успешной. Однако систему выдачи этих грамот нельзя рассматривать как набор неких шаблонных требований. Она была гибкой и подразумевала широкий спектр отношений от жесткого подчинения до декларативного заявления о подданстве¹⁸. Укажем, что требования к подчиненной стороне, зафиксированные в подобных грамотах в целом, соответствовали тем, что ранее Орда предъявляла к русским князьям. Тем самым намечается еще один вектор для будущих исследований.

Проведенный нами анализ нельзя назвать всеобъемлющим. Автор и не ставил перед собой такой цели. Важнее было обозначить проблему и наметить основные направления дальнейших исследований для ее успешного решения. Но уже сейчас можно говорить о том, что Московское государство в своих стремлениях к постепенному расширению на восток с самого начала было нацелено на поиск временных компромиссов с новыми своими подданными. Процесс их постепенной инкорпорации оказался вполне удачным, в том числе и благодаря использованию приемов, унаследованных от Монгольской Империи и Золотой Орды. Хотя многие из них до настоящего времени не рассматриваются таковыми. Так традиция пожалования знатных новокрещеных с Востока русскими женами, находящимися в родстве или свойстве с московской правящей династией, имеет прямые аналогии в практике XIII–XIV в., когда отдельные русские князья (в первую очередь великие владимирские) становились посредством браков на дочерях и внуках Чингисидов гурганами (ханскими зятьями)¹⁹. Кар-

¹⁸ Беляков А.В. Жалованные грамоты за золотой печатью: история бытования и ареал распространения (об ордынской преемственности в вопросе инвеституры) // Золотоордынское обозрение. 2022. Т. 10. № 1. С. 184–211. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2022-10-1.184-211>

¹⁹ Меркулов В.И. Василиса из Княгинина монастыря во Владимире: проблемы и перспективы ДНК-исследований // К юбилею академика

тины ордынского ига при тщательном сличении с более поздними реалиями оказываются не столь уникальными. Однако при дальнейших исследованиях может оказаться, что это на самом деле не ордынские привнесения, а следы более древних и универсальных практик, имевших широкое распространение на евразийском континенте.

Но процесс постепенной унификации оставался делом времени. Однако для того, чтобы понять механизм управления во всех нюансах необходимо выявить особенности управления на каждой территории в отдельности. Только тогда станет понятным, являются ли фиксирующиеся местные особенности исключениями из общей практики, или это только следы единой системы управления тюркским населением в составе Московского государства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Акчурин М., Ишеев М., Абдиев А. Эпоха татарских князей в Мещере (XV–XVII века). Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2021. 316 с.
2. Беляков А.В. Жалованные грамоты за золотой печатью: история бытования и ареал распространения (об ордынской преемственности в вопросе инвеституры) // Золотоордынское обозрение. 2022. Т. 10, № 1. С. 184–211. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2022-10-1.184-211>
3. Беляков А.В. Историческая география Мещеры XIV–XVII вв. // Российская история. 2019. № 1. С. 72–85.
4. Беляков А.В. Князья Еникшеевы и г. Темников в XV–XVII вв. // На пути к государствам Нового времени: Запад и Восток в конце XV–XVII веке. Калуга: Калужский государственный институт развития образования, 2020. С. 738–759.
5. Беляков А.В., Морохин А.В. Отношение центральной власти к насильственным крещениям на местах в первой половине XVII в. // Очерки Феодальной России. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2015. Вып. 18. С. 168–188.
6. Государственный архив Пензенской области. Ф. 196 (Пензенское дворянское депутатское собрание). Оп. 2. Д. 3009.

А.В. Лубкова. М., 2025. С. 110–128; Селезнев Ю.В. Картины ордынского ига. М., 2022. С. 86–99.

7. Древняя российская вивлиофика. М.: Типография Компании Типографской, 1790. Вып. 2. Ч. XV. 438 с.
8. Исхаков Д.М. Арские князья и нукратские татары. Казань: ФЭН, 2010. 224 с.
9. Книга Полоцкого похода 1563 г. СПб.: РНБ, 2004. 107 с.
10. Книги разрядные, по официальным оных спискам изданныя. СПб.: Типография II отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1855. Т. II. IX с., [1], 1398 стб.
11. Меркулов В.И. Василиса из Княгинина монастыря во Владимире: проблемы и перспективы ДНК-исследований // К юбилею академика А.В. Лубкова. М.: Концептуал, 2025. С. 110–128.
12. Моисеев М.В. Мусульманская политика Русского государства в эпоху Ивана Грозного: дискуссионные аспекты // Quaestio Rossica. 2016. Т. 4. № 1. С. 37–54.
13. Моисеев М.В. Царь, воевода, местный мир и дипломатия: к истории организации посольских миссий в Россию во второй половине XVI – начале XVII века // Земля и Власть в истории России. М.: МПГУ, 2020. С. 137–145.
14. Пашкова Т.И. Местное управление в Русском государстве первой половины XVI века (наместники и волостели). М.: Древлехранилище, 2000. 215 с.
15. Российский государственный архив древних актов. Ф. 233 (Печатный приказ). Оп. 1. Кн. 23.
16. Сабитов Ж.М., Акчурин М.М. Генеалогии (Шеджере) и генетические данные по происхождению родоплеменной аристократии // Средневековые тюрко-татарские государства. 2014. № 6. С. 127–139.
17. Селезнев Ю.В. Картины ордынского ига. М.: Ломоносов, 2022. 216 с.
18. Слугина В.А., А.Ю. Конев А.Ю. «Жалованное слово» в наказах сибирским воеводам: К вопросу о происхождении и эволюции формуляра // Актуальные проблемы отечественной истории, источниковедения и археографии. Новосибирск, 2020. С. 183–193.
19. Трепавлов В.В. Сибирский юрт после Ермака: Кучум и Кучумовичи в борьбе за реванш. М.: Восточная литература, 2012. 231 с.
20. Трепавлов В.В. Символы и ритуалы в этнической политике России XVI–XIX вв. СПб.: Издательство Олега Абышко, 2018. 320 с.

Андрей Васильевич Беляков – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, ФГБУН Институт российской истории Российской академии наук, Москва, Российская Федерация, belafeb@yandex.ru

Andrey V. Belyakov – Dr. Sci. (History), Leading Research Fellow, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation, belafeb@yandex.ru

**СУЗГЕ, ЖЕНА СИБИРСКОГО ХАНА КУЧУМА:
ИСТОЧНИКИ, ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА
И ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ**

В статье рассматривается личность супруги сибирского хана Кучума, Сузге. Цель статьи показать реальные противоречия между имеющимися в распоряжении историков письменными источниками и первыми исследованиями XVII–XVIII вв. с художественной литературой XIX в. и немногочисленными работами последних десятилетий, особенно казахстанской историографии, а также собственно исторической памятью сибирских татар.

Ключевые слова: история, Сузге, источники, литература, историческая память

D.N. Maslyuzhenko

**SUZGE, WIFE OF THE SIBERIAN KHAN KUCHUM:
SOURCES, FICTION, AND HISTORICAL MEMORY**

This article examines the personality of Suzge, wife of the Siberian Khan Kuchum. The article aims to highlight the real contradictions between the written sources available to historians and the first studies of the 17th–18th centuries, as well as 19th-century fiction and the few works of recent decades, especially Kazakhstani historiography, as well as the historical memory of the Siberian Tatars.

Keywords: history, Suzge, sources, literature, historical memory

1 августа 2025 года в Тобольске возникла конфликтная ситуация из-за установки памятника Сузге-ханым. Она показала, что для некоторых групп населения и связанных с ними политических

и общественных деятелей, история Сибирского ханства, его лидера хана Кучума и казачьего атамана Ермака, а также их оценка – это не только общая история, но и глобальная линия раскола¹.

Цель данной статьи показать реальные противоречия между имеющимися в распоряжении историков письменными источниками и первыми исследованиями XVII–XVIII вв. с художественной литературой XIX в. и немногочисленными работами последних десятилетий, особенно казахстанской историографии, а также собственно исторической памятью сибирских татар. Обратим внимание, что, с нашей точки зрения, последняя является довольно мобильной и отчасти манипулируемой, в ней могут по разным причинам появляться изначально несвойственные образы и их трактовки².

Самая ранняя информация о царице Сузге встречается в т.н. «Кунгурской летописи», которая была создана примерно в середине XVII века на основании бытовавших в Сибири в 1620–1640-е гг. устных легенд и преданий. Они включали в себя как возможные рассказы участников похода Ермака, так и татарский фольклор, топонимические легенды и предания³. В ст.25 этой летописи говорится о размещении двух «жен своих больших» хана Кучума, которых он посещал по пятницам: «другой же на Сузгунском мысу, именем Сузге. По той жене и город зовом Сузга; ныне же словет

¹ Все о скандале с памятником Сузге ханым под Тобольском: о чем спорят общественники и эксперты. URL: <https://fedpress.ru/article/3392892> (дата обращения: 05.08.2025).

² Маслюженко Д.Н. Чингис-хан и его внуки Бату и Шибан в устной памяти тюркского населения Западной Сибири // Славяно-тюркский мир на пространстве Большого Алтая: история и современность. Материалы IV Международного алтаистического форума (Барнаул, 14–17 сентября). Барнаул: Издательство Алтайского государственного университета, 2025. С. 354–358.

³ Катаргина М.Н. Литературная история Кунгурской летописи // Дергачевские чтения – 96. Русская литература: национальное развитие и региональные особенности: тезисы докладов и сообщений научной конференции. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 1996. С. 38–40.

Сузгун место то»⁴. Обратим внимание, что для первой из жен точно указан ее отец мурза Девлетим, но нет имени. А вот у Сузге отец не указан, но в предшествующей ст.24 идет речь о том, что хан взял в жены дочь казанского хана Мурата и привез ее в «Сибирку», что наталкивает на вполне логичную мысль о том, как сам автор летописи мог трактовать происхождение Сузге.

В 1703 году эта летопись была обнаружена С.У. Ремезовым, который включил дословно данный рассказ в свою «Историю Сибирскую»⁵. Под его влиянием история о Сузге оказалась в составе «Описания Сибирского царства» 1750 г. (сейчас 1 том «Истории Сибири») Г.Ф. Миллера, который, по сути, создал первый профессиональный исторический труд по сибирской истории⁶. С небольшими изменениями относительно описания самого места размещения дома этой ханши на высоком берегу Иртыша ниже Тобольска описание оказалось в первом краеведческом произведении сибирской традиции тобольского ямщика Ивана Черепанова 1760 г.⁷

Обратим внимание, что С.У. Ремезов, Г.Ф. Миллер и И. Черепанов лично собирали различные сибирские фольклорные сюжеты, но, несмотря на это, ни у кого из них нет иной информации о Сузге. При этом известно, что первый из них живо интересовался этимологическими рассказами о происхождении различных названий, на который очень похожа и рассмотренная нами запись.

В конце 1960-х гг. Сузгунская сопка (Сузге-тура, «Лысая гора») с расположенным наверху городищем Сузгун-1 с двумя линиями рвов и землянками была полностью уничтожена при строительстве железнодорожного моста. Раскопки на этом памятнике проводились с конца XIX века. Они дали богатые материалы позд-

⁴ Краткая Сибирская летопись (Кунгурская) со 154 рисунками. Санкт-Петербург, 1880. С. 7, ст.25.

⁵ Ремезов С.У. История Сибирская // Памятники литературы Древней Руси. XVII век. Кн.2. Москва: Художественная литература, 1989. С.552.

⁶ Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. I. М.: Восточная литература РАН, 2005. С. 193.

⁷ Летопись сибирская тобольского ямщика Ивана Черепанова 1760 г. / Библиотека Тобольского государственного историко-архитектурного музея-заповедника. № 12137, л.31.

него бронзового века, которые привели к выделению сузгунской культуры, и некоторые средневековые находки в пределах XIII–XIV века⁸. Выявление среди них артефактов периода Тюменского и Сибирского ханств не проводилось.

Таким образом, с исторической точки зрения примерно спустя 100 лет после похода Ермака о Сузге была информация лишь как о супруге Кучума с указанием легендарного места ее проживания и гипотетического происхождения.

В 1837 году П.П. Ершов создал поэму «Сузге», которая, по распространенному мнению, в том числе в сети Интернет, была основана на татарском предании или даже рукописи (летописи), оказавшейся у автора в результате поездки вокруг Тобольска в сторону Сузге⁹. Обратим внимание, что исследователям само это предание или рукопись неизвестны не только до работы Ершова, но и после нее. М.С. Знаменский, выполнивший позднее иллюстрации к поэме, указывая в комментариях к ней на татарскую рукопись как источник, далее прямо писал, что «Несмотря на всё наше старание отыскать первообраз поэмы, нам не удалось это»¹⁰. По этой причине сравнить их с произведением известного автора, сочинившего также сказку «Конек-горбунок», не представляется возможным. Но очевидно, что П.П. Ершов не ставил перед собой цели написания объективного исторического исследования. По этой причине вполне можно согласиться с идеей Т.П. Савченковой о том, что «рассказ Ершова о якобы найденной им «татарской рукописи», затем бесследно исчезнувшей, как и существование татарских легенд о Сузге, это своего рода мистификация или продолжение поэтических фантазий автора поэмы»¹¹. Недаром далее

⁸ Адамов А.А., Балюнов И.В., Данилов П.Г. Город Тобольск. Археологический очерк. Тобольск, 2008. С. 33.

⁹ Гарифуллин, И.Б. Легендарная красавица Сузге (по мотивам поэмы П.П. Ершова «Сузге»). Тюмень: ТОГИРРО, 2006. С. 59, 71, 84.

¹⁰ Савченкова Т.П. О Некоторых источниках художественных образов поэмы П.П.Ершова «Сузге» // Культура как вид человеческого бытия и сознания. Материалы всероссийской научной конференции с международным участием. Ишим: Из-дво ИГПИ им. П.П.Ершова, 2013. С. 132.

¹¹ Там же.

этот же автор пишет, что поэму «следует рассматривать как оригинальное создание творческой фантазии поэта Ершова»¹². В ее статье приведены и цитаты из письма самого автора поэмы и воспоминаний его друга, ссыльного поляка Константина Волицкого, который сопровождал писателя в его путешествии на Сузге, в которых также нет указаний на найденное ими предание или рукопись.

В этой поэме Ершова Сузге является супругой хана Кучума, но также названа сестрой Махмет-Кула, который, по мнению автора, был царским шурином. Очевидно, что реальное родство сибирского полководца, являвшегося племянника Кучума, было либо Ершову неизвестно, либо он его упустил в угоду поэтической фантазии, хотя при этом и указал на факт пленения его казаками. Также в нем описывается долгая история взятия крепости Сузге казаками под руководством атамана Ивана Грозы, самоубийство царицы во избежание русского плена и дальнейшее насыпание ей кургана по приказу атамана¹³. Обратим внимание, что сибирские летописи крайне досконально описывали все городки, взятые казаками Ермака, среди которых Сузге не упоминается. Участие в пленении ханских родственников особо отмечалось в отписках в Москву не только самими казаками, но и их потомками, как и случаи смерти членов семьи хана Кучума. Кроме того, историками подробно реконструирована деятельность всех атаманов Ермака, в том числе Ивана Грозы¹⁴, где также не фиксируется взятие Сузге. В результате необходимо констатировать, что описанные в поэме события являются, видимо, вымыслом писателя, связанным с обстановкой в Тобольске в 1830-е г.

¹² Савченкова Т.П. О Некоторых источниках художественных образов поэмы П.П.Ершова «Сузге» // Культура как вид человеческого бытия и сознания. Материалы всероссийской научной конференции с международным участием. Ишим: Из-дво ИГПИ им. П.П.Ершова, 2013. С. 131.

¹³ Ершов П.П. Сузге. URL: <https://www.culture.ru/poems/42258/suzge> (дата обращения: 15.08.2025).

¹⁴ Никитин Н.И. Соратники Ермака после «сибирского взятия» // Проблемы истории России. Вып. 4: Евразийское пограничье. Екатеринбург: НМПИМ «Волот», 2001. С.53–58.

Поэма оказалась чрезвычайно популярной в Сибири. В 1889 году по ней была поставлена пьеса в Тобольске, а уже в 1896 году по мотивам поэмы тобольский композитор И. Корнилов написал оперу «Сузге». Постановка поэмы на сцене также проводилась в 1904, 1922, 1940 гг., то есть, несмотря на смену политического режима, она оказалась чрезвычайно актуальной в разное время. В 2007 и 2016 года в Тюмени и Тобольске со вступительной статьей Б.Н.Сабириной вышел перевод поэмы Ершова на татарский язык, что значительно популяризировало фигуру царицы. Также в 2016 году был поставлен радиоспектакль, который стал лауреатом XII международной премии П.П. Ершова за произведения для детей и юношества. В Казани по мотивам произведения А.Ниязовым была создана балет-поэма¹⁵.

В 1898 году еще один писатель Д.Н. Мамин-Сибиряк в своем цикле «Восточные легенды» опубликовал «Сказание о сибирском хане, старом Кучуме», в котором также обратился к образу Сузге. Здесь она выведена как одна из ранее любимых, но забытых ханских жен. В этом произведении впервые появляется казахский сюжет, поскольку она становится сестрой царевича Ураз-Мухаммеда, то есть дочерью казахского царевича Ондана б. Шигай. В сказании она оказалась в русском плену, но в конце 1580-х гг. благодаря деятельности русских воевод, а не казачьих атаманов Ермака¹⁶. Как и в случае с произведением П.П. Ершова, здесь не идет речи о создании исторического достоверного произведения, причина введения в текст именно такого родства Сузге остается неизвестной, факт пленения не подтверждается историческими источниками.

¹⁵ Как автор «Конька-горбунка» Петр Ершов создал поэму о сибирской княжне Сузге. URL: <https://milliard.tatar/news/kak-avtor-konka-gorbunka-petr-ersov-sozdal-poemu-o-sibirskoi-knyazne-suzge-7914> (дата обращения: 16.08.2025); Киселева Я.А. Современное прочтение поэмы П.П.Ершова «Сузге». URL: <https://scienceforum.ru/2017/article/2017033379> (дата обращения: 16.08.2025).

¹⁶ Мамин-Сибиряк Д.Н. Сказание о сибирском хане, старом Кучуме. URL: <https://books.yandex.ru/reader/E0OlcfAn?resource=book> (дата обращения: 15.08.2025).

В 1996 году казахстанский историк М.Абдиров написал первое в исторической науке исследование, посвященное хану Кучуму. Он также обратился к образу Сузге, которая под его пером стала самой любимой женой хана и дочерью казахского султана (без указания имени). По мнению исследователя, не подкреплённого никакими ссылками на документы, Сузге могла быть пленена в 1598 году русскими воеводами, в результате оказалась в Москве, позднее в Касимове и потом уехала к находившемуся к этому времени на русской службе Маметкулу, в которого давно была влюблена. По второй изложенной им версии она погибла от рук русских казаков после осады ее крепости [1, С. 149–152]. По сути, автор этой работы при пересказе совсем не исторических произведений П.П. Ершова и Д.Н. Мамина-Сибиряка допустил некоторое приукрашивание и искажение литературных сюжетов, но при этом придал им мнимую историческую достоверность ссылками на некие предания и легенды, которая никак не связана с рассмотренными нами в начале весьма лапидарными указаниями летописей. Идея казахского происхождения Сузге, опять же без указания источников, была подхвачена краеведом И. Гарифуллиным¹⁷.

Если попробовать подойти к этим художественным произведениям с позиций историка, то действительно у братьев Ахмад-Гирея и Кучума были брачные связи с родственницами казахского хана Шигая и особенно его сына Ондана¹⁸. Список всех плененных родственников Кучума, оказавшихся в Москве после поражения 1598 года, хорошо реконструируется по документам¹⁹. Среди них есть сибирская царица Суйдеджан, которая в первом браке была

¹⁷ Гарифуллин И.Б. Легендарная красавица Сузге (по мотивам поэмы П.П. Ершова «Сузге»). Тюмень: ТОГИРРО, 2006. С. 47, 64.

¹⁸ Беляков А.В. Чингисиды в России XV–XVII вв. Просопографическое исследование. Рязань: Рязань. Мир, 2011. С. 24; 18, 105.

¹⁹ Маслюженко Д.Н., Рябикина Е.А. Прибытие Кучумовичей в Россию осень 1598 – зимой 1599 г. (особенности статуса и повседневной жизни пленных Чингизидов) // История народов России в исследовании и документах. Вып. 4 / отв. ред. В.В.Трепавлов. М., 2010. С. 81–102.

замужем за Онданом и являлась мачехой Ураз-Мухаммеда²⁰. В произведении Н.Ф. Катанова встречается указание на то, что одной из жен Кучума была дочь Шигая Лайла. В браке с ней у Кучума родилась оставшаяся в Сибири Нал-ханиша, которая стала супругой известного сибирского сейида Дин-Али²¹. С учетом выявленных в последние годы связей между семьями Кучума и Ондана можно найти и иные параллели, которые вряд ли были знакомы авторам XIX века.

Именно версия казахского происхождения Сузге все чаще в последнее время встречается и в казахстанской историографии²². Так, Г.Ж. Орда и Ж.Б. Сарсенбаева, опять же без ссылок на источник этой информации считают, что впервые Сузге была воспета Бодау жырау, казахским поэтом (1805–1922 гг.). Ими проанализирована богатая традиция художественной литературы Казахстана об отношениях Кучума и Сузге, где имеются необоснованные даты рождения, свадьбы и даже вымышленные сыновья²³. По всей видимости, первичной основой для сообщения о более раннем, чем поэма П.П. Ершова, исполнении песни о Сузге казахским жырау послужила публикация Ж. Ахметова в сети Интернет, в которой вновь нет никаких ссылок²⁴. В статьях казахстанских исследователей активно продвигается идея о том, что Сузге была дочерью ха-

²⁰ Беляков А.В. Ураз-Мухаммед ибн Ондан и Исиной Карамышев сын Мусаитов. Опыт совместной биографии. Алматы: Абди компани, 2019. С. 69.

²¹ Маслюженко Д.Н., Рябинина Е.А. Брачная политика правителей Тюменского и Сибирского ханств // Средневековые тюрко-татарские государства. 2017. №9. С. 106.

²² Жаркова В.И., Костина М.А. П.П.Ершов и его поэму «Сузге» (к вопросу о происхождении героев поэмы) // Вестник Костанайского государственного педагогического института. 2013. № 3 (31). С. 52–54.

²³ Орда Г.Ж., Сарсенбаева Ж.Б. Сүзге ханым бейнесін сомдаудағы көркемдік шешім // «Keruen» scientific journal M.O.Auezov Institute of Literature and Art. Volume 71, Number 2 (2021). С. 94–95. <https://doi.org/10.53871/2078-8134.2021.2-08>

²⁴ Ахметов Ө. Көшім хан мен Сүзге сұлу. URL: https://el.kz/content-3545_2791/ (дата обращения: 26.09.2025).

на Шигая²⁵, что опять же не имеет реального обоснования, но зато все чаще встречается и в сети Интернет. Следует констатировать, что с научной точки зрения эти версии представляются непроверяемыми, при этом никто даже не ставит вопрос о времени появления произведений народных поэтов или о том, где же П.П. Ершов мог их услышать. Складывается впечатление, что исследования вокруг Кучума и Сузге в Казахстане постепенно приобретают характер мифотворчества.

В этом отношении вновь обратим внимание на мемуары Константина Волицкого, который не только не сообщает о рукописях или преданиях, но и о песнях, которые могли бы повлиять на поэта. Особенно интересно то, что он передает версию легенды о Сузге, которую рассказывал П.П.Ершов во время поездки к горе и деревне Сузгун. В ней Сузге является дочерью самого Кучума, а казаком, напавшим на ее крепость, был сам Ермак, имеются и иные, в том числе смысловые, отличия от поэмы. При этом Волицкий обращает внимание, что «Сибирский народ в предании своём увековечил память о княжне, а её именем освятил место, где стоял её замок». Автор публикации мемуаров Т.П. Савченкова сомневается в том, что Волицкий слышал легенду именно в такой интерпретации и ставит вопрос о том, почему поляк изменил ее смысл, связывая это с обидой на Россию, лишившую Польшу независимости²⁶. Представляется то, что друг Ершова как раз зафиксировал то, как в голове поэта рождался замысел поэмы, что позволяет говорить именно о ее изменчивости как художественного произведения.

²⁵ Орда Г.Ж., Сәрсенбаева Ж.Б. Сүзге ханым бейнесін сомдаудағы көркемдік шешім // «Keruen» scientific journal M.O.Auezov Institute of Literature and Art. Volume 71, Number 2 (2021). С. 93–103. <https://doi.org/10.53871/2078-8134.2021.2-08>; Уалиева Г.К., Алпысбес М.А., Қарсыбаева Ж.А. Қазақ хандығы дәуіріндегі әйелдердің қоғамдық-саяси рөлі (XV–XIX ғғ.) // Вестник Карагандинского университета. Серия: История, Философия. 2023. Т. 109, № 1. С. 126.

²⁶ Савченкова Т.П. Мемуары Константина Волицкого как источник сведений о культуре Западной Сибири 1830-х гг. и биографии П.П.Ершова // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2013. № 4(25). С. 195–196.

По сути, историческая мифология Сузге чрезвычайно близка аналогичному образу казанской Сююн-бике. Д.М. Исхаков о ней пишет: «несмотря на то, что ханбике сююн является исторической личностью, ее образ в национальной татарской историографии во многом был «вылеплен» плеядой татарских историков во второй половине XIX – первых десятилетиях XX в. из «подручного» материала, предоставленного русской историографией и источниками русского же происхождения. Несмотря на это, в самих трактовках фигуры Сююн-бике и ее эпохи татарская историография стремилась исходить из национальных интересов, в рамках которых эта правительница выглядела не только привлекательной внешне, но также и была мудрой государыней (что было не чуждо и русской историографии), а также борцом за свой народ, за его независимость и выживание после политической катастрофы середины XVI в.». Далее он продолжает, что «...подобный образ уже создан, причем усилиями не только татарских историков, но и литераторов...»²⁷. В отношении же Сузге следует констатировать вклад в создание образа не столько татарских, сколько русских литераторов того же времени. Относительно же роли казахских жырау, несмотря на имеющиеся работы, на данный момент следует выразить определенную долю скепсиса.

В результате можно констатировать, что из небольшого, возможно этимологического, упоминания о Сузге в исторических источниках и сочинениях конца XVII–XVIII века благодаря работам нескольких поколений литераторов и театралов XIX–XX вв. образ Сузге превратился в часть исторической памяти сибирских татар и казахов. Следует понимать, что он был искусственно создан в поисках неких героических идеалов женщин тюркских обществ и воплощает именно конструкт современного сознания определенной части тюркского населения. Ее начинают сравнивать с казанской Сююмбике, как двух цариц, якобы покончивших с собой чтобы не мириться с русским пленом. Доказать историчность Сузге и

²⁷ Исхаков Д.М. Княжна ногайская, царица казанская и касимовская Сююн-бике: историческое и мифическое // Казанская царица Сююн-бике в истории народов России: сборник статей / Под общ. ред. Б.Р. Рахимзянова. М.: Квадрига, 2019. С. 64.

особенно ее происхождение от Шигая на данный момент невозможно, а ее биография в художественной литературе чрезвычайно противоречива и вряд ли может быть признана соответствующей исторической картине Сибирского ханства.

При этом мы поддерживаем тезис ряда авторов о том, что феномены устной памяти могут сохраняться в пределах 100–150 лет²⁸. Увеличение этого срока может быть обусловлено только реально травмирующими обстоятельствами, которые поделили бы историю каких-либо групп, например, по эпохе Чингиз-хана. Выявление причин формирования таких феноменов во многом является уже не только задачей историков, но социологов и антропологов или этнологов, причем в совместных научных коллективах, что, к сожалению, вообще не ставится как научная задача. Если следовать идее Е.А. Мельниковой о том, что «Историческая память поддерживалась лишь в той ее части, которая была насущно необходима в настоящем. Она актуализировала те моменты истории, права, миропонимания, которые были важны во время ее воспроизведения»²⁹. В таком случае надо ставить вопрос именно о том, что же стало причиной увеличения интереса к фигуре Сузге не только в пределах почти 200 лет от создания поэмы П.П. Ершова, но и особенно последних 15–20 лет, и в результате сделало именно ее, а не вполне реальных политических лидеров, символом для сибирских татар.

²⁸ Мельникова Е.А. Трансформация исторической памяти: от устной исторической традиции к письменной // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2014. № 5. С. 19; Тихонов С.С. Легенды о могиле хана Кучума в Майтарге // Казахи в евразийском пространстве: история, культура и социокультурные процессы. Омск: Изд-во Омского гос. ун-та, 2019. С. 134.

²⁹ Мельникова Е.А. Трансформация исторической памяти: от устной исторической традиции к письменной // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2014. № 5. С. 19.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абдиров М. Хан Кучум. Известный и неизвестный. Алматы: Жалын, 1996.
2. Адамов А.А., Балюнов И.В., Данилов П.Г. Город Тобольск. Археологический очерк. Тобольск, 2008. 114 с.
3. Беляков А.В. Чингисиды в России XV–XVII вв. Просопографическое исследование. Рязань: Рязань. Мир, 2011. 512 с.
4. Беляков А.В. Ураз-Мухаммед ибн Ондан и Исиной Карамышев сын Мусаитов. Опыт совместной биографии. Алматы: Абди компани, 2019. 208 с.
5. Все о скандале с памятником Сузге ханым под Тобольском: о чем спорят общественники и эксперты. URL: <https://fedpress.ru/article/3392892> (дата обращения: 05.08.2025).
6. Гарифуллин И.Б. Легендарная красавица Сузге (по мотивам поэмы П.П. Ершова «Сузге»). Тюмень: ТОГИРРО, 2006. 202 с.
7. Ершов П.П. Сузге. URL: <https://www.culture.ru/poems/42258/suzge> (дата обращения: 15.08.2025).
8. Жаркова В.И., Костина М.А. П.П.Ершов и его поэма «Сузге» (к вопросу о происхождении героев поэмы) // Вестник Костанайского государственного педагогического института. 2013. № 3 (31). С. 52–54.
9. Исхаков Д.М. Княжна ногайская, царица казанская и касимовская Сююн-бике: историческое и мифическое // Казанская царица Сююн-бике в истории народов России: сборник статей / Под общ. ред. Б.Р. Рахимзянова. М.: Квадрига, 2019. С. 25–64.
10. Как автор «Конька-горбунка» Петр Ершов создал поэму о сибирской княжне Сузге. URL: <https://milliard.tatar/news/kak-avtor-konka-gorbunka-petr-ersov-sozdal-poemu-o-sibirskoi-knyazne-suzge-7914> (дата обращения: 16.08.2025).
11. Катаргина М.Н. Литературная история Кунгурской летописи // Дергачевские чтения – 96. Русская литература: национальное развитие и региональные особенности: тезисы докладов и сообщений научной конференции. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 1996. С. 38–40.
12. Киселева Я.А. Современное прочтение поэмы П.П.Ершова «Сузге». URL: <https://scienceforum.ru/2017/article/2017033379> (дата обращения: 16.08.2025).
13. Краткая Сибирская летопись (Кунгурская) со 154 рисунками. Санкт-Петербург, 1880.

14. Летопись сибирская тобольского ямщика Ивана Черепанова 1760 г. / Библиотека Тобольского государственного историко-архитектурного музея-заповедника. № 12137.

15. Мамин-Сибиряк Д.Н. Сказание о сибирском хане, старом Кучуме. URL: <https://books.yandex.ru/reader/E0OlcFAn?resource=book> (дата обращения: 15.08.2025).

16. Маслюженко Д.Н. Чингис-хан и его внуки Бату и Шибан в устной памяти тюркского населения Западной Сибири // Славяно-тюркский мир на пространстве Большого Алтая: история и современность. Материалы IV Международного алтаистического форума (Барнаул, 14–17 сентября). Барнаул: Издательство Алтайского государственного университета, 2025. С. 354–358.

17. Маслюженко Д.Н., Рябинина Е.А. Прибытие Кучумовичей в Россию осень 1598 – зимой 1599 г. (особенности статуса и повседневной жизни пленных Чингизидов) // История народов России в исследования и документах. Вып.4 / отв. ред. В.В.Трепавлов. М., 2010. С. 81–102.

18. Маслюженко Д.Н., Рябинина Е.А. Брачная политика правителей Тюменского и Сибирского ханств // Средневековые тюрко-татарские государства. 2017. №9. С. 103–109.

19. Мельникова Е.А. Трансформация исторической памяти: от устной исторической традиции к письменной // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2014. № 5. С. 18–24.

20. Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. I. М.: Восточная литература РАН, 2005. 630 с.

21. Никитин Н.И. Соратники Ермака после «сибирского взятия» // Проблемы истории России. Вып. 4: Евразийское пограничье. Екатеринбург: НМПИМ «Волот», 2001. С. 51–87.

22. Ремезов С.У. История Сибирская // Памятники литературы Древней Руси. XVII век. Кн.2. Москва: Художественная литература, 1989. С. 550–583.

23. Савченкова Т.П. О Некоторых источниках художественных образов поэмы П.П.Ершова «Сузге» // Культура как вид человеческого бытия и сознания. Материалы всероссийской научной конференции с международным участием. Ишим: Из-дво ИГПИ им. П.П.Ершова, 2013. С. 124–132.

24. Савченкова Т.П. Мемуары Константина Волицкого как источник сведений о культуре Западной Сибири 1830-х гг. и биографии П.П.Ершова // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2013. № 4(25). С. 192–198.

25. Солодкин Я.Г. «Ратоборный» Ермак и его соратники. Загадки источников по истории сибирской эпопеи вольных казаков. М.: Квадрига, 2024. 244 с.

26. Тихонов С.С. Легенды о могиле хана Кучума в Майтарге // Казахи в евразийском пространстве: история, культура и социокультурные процессы. Омск: Изд-во Омского гос. ун-та, 2019. С. 132–135.

27. Ахметов Ө. Көшім хан мен Сүзге сұлу. URL: https://el.kz/content-3545_2791/ (дата обращения: 26.09.2025).

28. Орда Г.Ж, Сәрсенбаева Ж.Б. Сүзге ханым бейнесін сомдаудағы көркемдік шешім // «Keruen» scientific journal M.O.Auezov Institute of Literature and Art. Volume 71, Number 2 (2021). С. 93–103. <https://doi.org/10.53871/2078-8134.2021.2-08>

29. Уалиева Г.К., Алпысбес М.А., Қарсыбаева Ж.А. Қазақ хандығы дәуіріндегі әйелдердің қоғамдық-саяси рөлі (XV–XIX ғғ.) // Вестник Карагандинского университета. Серия: История, Философия. 2023. Т. 109, № 1. С. 123–129.

Денис Николаевич Маслюженко – кандидат исторических наук, доцент, директор Гуманитарного института, Курганский государственный университет, Курган, Российская Федерация, denmas13@yandex.ru

Denis N. Maslyuzhenko – Cand. Sci. (History), Associate Professor, Director of the Institute of Humanities, Kurgan State University, Kurgan, Russian Federation, denmas13@yandex.ru

**ВКЛАД РОССИЙСКИХ ИСТОРИКОВ
В ИЗУЧЕНИЕ НЕСТОРИАНСТВА
В ГОСУДАРСТВАХ ЧИНГИЗИДОВ**

Статья посвящена проблеме изучения несторианства в государствах Чингизидов в современной российской историографии. Анализ работ современных российских исследователей показывает, что исследованием истории несторианства в монгольский период занимаются представители разных направлений исторической науки в рамках изучения своих тем, а также регионов и культур, в соответствии со своей специализацией.

Ключевые слова: историография, источниковедение, несторианство, восточносирийское христианство, яковитство, Сирийская церковь Востока

S.E. Kostogryzova

**THE ACHIEVEMENT OF THE RUSSIAN HISTORIANS
TO THE STUDY OF NESTORIANISM
IN THE GENGHISID STATES**

The article is devoted to the problem of studying Nestorianism in the states of the Genghisids in modern Russian historiography. An analysis of the works of contemporary Russian researchers shows that the study of the history of Nestorianism in the Mongol period is undertaken by scholars from various fields of historical science, within the scope of their own research topics, as well as regions and cultures, in accordance with their specialization.

Keywords: historiography, source studies, Nestorianism, East Syriac Christianity, Syriac Orthodox Church (Jacobite), Syriac Church of the East

В области изучения несторианства в чингизидских государствах российские ученые продолжают вектор, заложенный исследователями, жившими и работавшими в Российской империи (Н.Н. Пантусов, Д. Хвольсон, П. Кафаров, В.В. Бартольд)¹ и в СССР (В.В. Бартольд, Н.В. Пигулевская)².

Но археологические исследования после распада СССР в 1991 г. стали проводить ученые других республик бывшего СССР – Казахстана и Кыргызстана, так как на их территориях находятся известные памятники сирийского христианства (под «сирийским христианством» мы понимаем несторианство, яковитство, мелькитство и маронитство, хотя последнее не было распространено в монгольских улусах). А российские исследователи провели и проводят в настоящее время значительную источниковедческую и теоретическую работу. В данном исследовании мы условно отнесли исследователей, когда-либо писавших о несторианах в государствах Чингизидов на несколько групп по направлениям (сирология, западноевропейская медиевистика, русистика, ордынovedение и иранистика) и регионам (Москва, Санкт-Петербург, Саратовская область, Республика Татарстан).

¹ Пантусов Н.Н. Христианское кладбище близ города Пишпека (Семиреченской области) в Чуйской долине // Записки Восточного Отделения Императорского Русского Археологического Общества. Том первый. 1886. СПб.: Типография Императорской Академии Наук, 1887. С. 74–75; Хвольсон Д.С. Сирийско-тюркские несторианские надгробные надписи XIII и XIV столетий, найденные в Семиречье // Восточные заметки. Санкт-Петербург: Типография Императорской Академии наук, 1895. 129 с; Архимандрит Палладий (Кафаров). Старинные следы христианства в Китае по китайским источникам // Китайский благовестник. 2001. № 1. С. 39–40; Бартольд В.В. О христианстве в Туркестане в домонгольский период. (По поводу семиреченских надписей) // Записки Восточного Отделения Императорского Русского Археологического Общества. Том восьмой. 1893–1894. Выпуски I–II. СПб.: Типография Императорской Академии Наук, 1893. С. 1–32.

² Пигулевская Н.В. Культура сирийцев в средние века / Ответственный редактор И.М. Дьяконов. М.: Наука, ГРВЛ, 1979. 264 с; Пигулевская Н.В. Сирийская средневековая историография. Исследования и переводы [Предисловие Е.Н.Мещерской]. СПб., 2000. 831 с.

Распространение несторианства в Центральной Азии, как в домонгольскую эпоху, так и в период монгольского владычества, является темой, которой уделяется внимание в работах специалистов, исследующих христианский Восток в целом и восточносирийское христианство в частности. Хотя авторы преимущественно фокусируются на Передней Азии домонгольского периода, они также рассматривают в своих трудах, в отдельных частях, пути распространения восточносирийского христианства в Центральной Азии и на Дальнем Востоке. Российские исследователи сирийского христианства внесли значительный вклад, впервые подробно показав, как несториане Центральной Азии были связаны с восточносирийскими христианами и как они участвовали в политических и религиозных процессах, охватывавших Византийскую, Сасанидскую империи и Арабский халифат. По их мнению, эпоха Монгольской империи и государств, основанных Чингизидами, ознаменовала собой период упадка сирийской христианской культуры несмотря на то, что монгольские правители проявляли веротерпимость.

Важным методологическим новшеством этих ученых является применение цивилизационного подхода к изучению сирийского христианства. Они впервые определяют сирийское христианство (несторианство, яковитство, мелькитство и маронитство) как самостоятельную цивилизацию, в то время как ранее несторианство и другие направления христианства на Ближнем Востоке рассматривались исключительно как сообщества, принадлежащие к определенным государствам или союзам племен. Авторы расширили базу исследования, включив в нее, помимо сирийских, персидские и византийские источники.

Научное наследие историка и исследователя сирийской и арабо-христианской культур Н.Н. Селезнева (1971–2021 гг.) включает монографию, посвященную истории Ассирийской церкви Востока (Сирийской церкви Востока)³. В рамках этого труда автор подробно анализирует миссионерскую деятельность церкви в Центральной Азии в Раннем Средневековье, а также ее сложные взаимоотно-

³ Селезнев Н.Н. Ассирийская Церковь Востока. Исторический очерк. М.: Ассирийская Церковь Востока, 2001. 105 с.

ношения с могущественными державами того времени – Сасанидским Ираном и Арабским халифатом.

Н.Н. Селезнев полагает, что христианство достигло Тибета. В качестве доказательства он приводит запись на несторианской стеле из Сиани (хранящейся в музее Уэно, Япония), где упоминается назначение епископа Авраама для Тибета. Кроме того, автор исследует возможные влияния христианства на буддийскую иконографию⁴.

В рамках исследования рассматривается также вопрос о месте и роли церковных институтов в Монгольской империи и постмонгольских чингизидских государствах. Методологической основой работы Н.Н. Селезнева является анализ значительного массива источников, представленных на сирийском, латинском, арабском и персидском языках. Следует отметить, что Н.Н. Селезнев, в соответствии с принятой в сирологии практикой, избегает употребления термина «несторианство» без кавычек, поскольку в рамках данного научного направления принято считать, что формирование догматических принципов Сирийской церкви предшествовало Халкидонскому собору⁵.

Монографический труд Н.Н. Селезнева выделяется своим методологическим подходом, основанным на сирийских источниках, который продолжает традиции сирологической школы Н.В. Пигулевской. Анализ этих первоисточников представляет собой ключевое и многообещающее направление в реконструкции путей распространения несторианства в Центральной Азии, что способствует большему пониманию взглядов средневековых несторианских интеллектуалов на изучаемые события. Таким образом, Н.Н. Селезневу принадлежит вклад в теоретическую разработку проблем истории Сирийской церкви Востока.

Востоковед и религиовед А.В. Муравьев – признанный специалист в сфере сирологии, чьи исследования сосредоточены на исторических и культурных аспектах Христианского Востока. Ис-

⁴ Селезнев Н.Н. *Ассирийская Церковь Востока. Исторический очерк*. М.: Ассирийская Церковь Востока, 2001. С. 50.

⁵ Ассирийская церковь Востока. URL: <http://acoe.ru/2019/01/17/tserkov-vostoka-v-voprosah-i-otvetah/> (дата обращения: 07.10.2024).

следователь является сотрудником Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Москва, Санкт-Петербург, Нижний Новгород, Пермь), членом редколлегии журналов «Вестник древней истории» и «Христианский Восток»⁶.

А.В. Муравьев занимает особое место среди российских ученых, будучи одним из первых, кто поднял вопрос о значимости вклада сирийских христиан, в том числе последователей несторианства, в развитие мировой культуры. Он даже предлагает рассматривать сирийское христианство как самостоятельную цивилизацию. Его фундаментальная монография посвящена ключевым аспектам сирийского христианства: формированию его вероучения (как у восточных несториан, так и у западных яковитов), становлению церковной иерархии и сложным отношениям сирийских церквей с властями. Автор в своих научных работах опирается на анализ широкого круга письменных источников, охватывающих сирийский, латинский, армянский, сиро-уйгурский, китайский и персидский языки.

Вклад А.В. Муравьева в изучение сирийского христианства (несторианства и яковитства) невозможно переоценить. Им были созданы, как обобщающие труды⁷, так и источниковедческие⁸. Не-

⁶ Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». URL: <https://www.hse.ru/staff/muraviev> (дата обращения: 31.10.2025).

⁷ Муравьев А.В., Кобищанов Ю.М., Кораев Т. К., Рычка В. Л., Соловьева Л.Т., Алибогачиева М.С. Очерки истории христианских цивилизаций: в 2 т. Т. 2: От арабских завоеваний до крестовых походов (VIII–XI вв.) / Отв. ред.: Е.Д. Щепалова. М.: РОССПЭН, 2022. С. 248–293; Муравьев А.В. Историческая хронология Римской империи и Ближнего Востока в IV–VII вв. // Хронотоп. Хронологическая карта истории Евразийского пространства (300–1914). М.: ИМА-пресс, 2019. С. 3–6; Муравьев А.В. Христианство в Танском Китае // Очерки истории христианских цивилизаций: в двух томах / Отв. ред.: В.В. Наумкин. Под общ. ред.: Ю.М. Кобищанов. Т. 1: От зарождения до арабских завоеваний. В двух книгах. Кн. 1: Части 1–3. М.: РОССПЭН, 2019. С. 635–637.

⁸ Муравьев А. В. Сирийский церковный календарь // Очерки истории христианских цивилизаций: в двух томах. / Рук.: Ю.М. Кобищанов. Отв. ред.: В.В. Наумкин. Под общ. ред.: Ю.М. Кобищанов. Т. 1: От зарожде-

смотря на то, что в сфере научного интереса исследователя находится домонгольский период в истории восточносирийского (несторианства) и западносирийского (яковитства) христианства, некоторые изученные им явления культуры сирийских христиан (например, отшельничество, аскетизм) и богословские тексты не теряли свою актуальность и в монгольскую эпоху.

Говоря о работах российских сирологов, посвященных христианству на Ближнем Востоке, в том числе несторианству в период монгольского владычества, нельзя не упомянуть труд востоковеда-филолога А.Д. Притулы, также являющегося сотрудником ВШЭ. Его исследование фокусируется на христианских текстах, появившихся на персидском языке в период с XIII по XVII вв.⁹ Отличительной чертой этой работы является то, что автор активно использовал сирийские источники, созданные на персидском языке¹⁰. Важным аспектом данного исследования является использование автором ранее не изученных сирийских персоязычных текстов. Немаловажной заслугой названного исследователя является перевод и публикация несторианского лекционария, написанного на персидском языке на территории золотоордынского Крыма в 70-е гг. XIV в. Данное открытие может помочь в исследовании временных и географических рамок существования несторианских общин в Улусе Джучи¹¹.

Исследователями-сирологами, также преподающими различные дисциплины программы бакалавриата Высшей школы экономики «Христианский Восток», осуществлена большая работа по переводу и публикации сироязычных письменных источников разных типов (религиозных текстов и поэтических произведений) от Раннего Средневековья до Нового времени, включая период нахождения регионов с арамеоязычным или использовавшим си-

ния до арабских завоеваний. Кн. 2: Части 4–8. М.: РОССПЭН, 2019. Гл. 4. С. 115–116; Там же. С. 70–77.

⁹ Притула А.Д. Христианство и персидская книжность XIII–XVII вв. / Ответственный секретарь редколлегии Е.Н. Мещерская. СПб.: Дмитрий Буланин, 2004. 165 с.

¹⁰ Там же.

¹¹ Притула А.Д., 2004. С. 34–35.

рийскую графику христианским населением (Передняя и Центральная Азия, Дальний Восток и Восточная Европа) в составе чингизидских государств (Ильханата, Империи Юань, Улуса Чагатай и Золотой Орды).

Таким образом, российским сирологам принадлежит вклад во введение в оборот новых источников и комплексные исследования формирования вероучения Сирийской церкви Востока и ее роли в политике, а также в изучении культуры сирийского христианства.

Определенный вклад в изучение несторианства монгольской эпохи внесли специалисты в области исследования Золотой Орды и других чингизидских государств. Здесь особо следует отметить труды историков из Саратовской области. Научные интересы исследователя А.Б. Малышева, доцента кафедры истории России и археологии Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского¹², связаны не только с историей несторианства, но и христианства в целом в Улусе Джучи. По данной теме ученым была защищена кандидата наук¹³. В соавторстве с учеными, также работающими в Саратове, Н.М. Маловым, и А.И. Ракушиным А.Б. Малышевым было опубликовано пособие, посвященное истории христианства в Золотой Орде¹⁴. И в диссертации, и пособии привлечен широкий круг различных по этноязыковому и конфессиональному происхождению письменных источников: латинских, армянских, сирийских, и персидских. Авторы одними из первых в историографии выдвинули точку зрения, согласно которой распространение несторианства и буддизма в Улусе Джучи было обусловлено присутствием уйгуров на государственной службе¹⁵.

¹² Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского. URL: <https://www.sgu.ru/person/malyshhev-aleksey-borisovich> (дата обращения: 31.10.2025)

¹³ Малышев А.Б. Христианство в истории Золотой Орды: дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 2000. 281 с.

¹⁴ Христианство в Золотой Орде // Малов Н.М., Малышев А.Б., Ракушин А. И. Религия в Золотой Орде: Учебное пособие. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1998. 128 с.

¹⁵ Там же. С. 11.

А.Б. Малышевым отмечена роль несториан в складывании идеологии Монгольской империи, их присутствие среди различных ветвей правящей династии Чингизидов. С точки зрения исследователя, последователи несторианского христианства также присутствовали среди знати и государственного аппарата всех чингизидских улусов. Труды А.Б. Малышева, Н.М. Малова и А.И. Ракушина можно назвать одними из первых в современной России обобщающих работ о христианстве в Золотой Орде, в том числе и несторианстве. Новым в исследовании несторианства в чингизидских государствах является выдвижение исследователем точки зрения о роли последователей восточносирийского христианства в различных сферах жизни общества.

Определенную роль в изучение истории несторианства в чингизидских государствах внесли специалисты по истории Золотой Орды и постзолотоордынских государств из Республики Татарстан. Ученые Татарстана И.Л. Измайлов и М.А. Усманов (1934–2010 гг.) в своей главе об исламе в Золотой Орде (третий том семитомного издания «История татар») анализировали не только сведения о распространении ислама, но и уделяли внимание несторианству как одной из религий государства на раннем этапе его формирования. Они также указывают на значительное влияние как несторианского, так и исламского факторов на ход внутривнутриполитических процессов в Улусе Джучи¹⁶. В главе названы союзы племен кочевников Центральной Азии, среди которых получило распространение несторианство: керейты и найманы. М.А. Усмановым и И.Л. Измайловым отмечено влияние несториан среди правящей династии Джучидов и на политическую борьбу, происходившую после смерти правителя Улуса Джучи Бату.

Авторами отмечена роль многоконфессиональности населения Золотой Орды в формировании его менталитета¹⁷. Говоря о присутствии христианских конфессий в Улусе Джучи, исследователи опираются на работы предшественников (В.В. Бартольда) и совре-

¹⁶ История татар с древнейших времен. Т. 3: Улус Джучи (Золотая Орда). XIII – середина XV в. Казань: Институт истории АН Республики Татарстан, 2009. С. 603–604.

¹⁷ Там же. С. 603.

менников – А.Б. Малышева, Н.М. Малова, и А.И. Ракушина, тем самым формируя преемственность в историографии.

Р. Хаутала проделал важную работу по расширению круга источников по проблеме межконфессиональных отношений в Золотой Орде и других государствах Чингизидов. Им были переведены и опубликованы сочинения, послания и письма миссионеров – францисканцев и доминиканцев, в том числе содержащие уникальные сведения о несторианах. Ученым была выдвинута вполне обоснованная точка зрения о роли последователей восточносирийского христианства, проживавших в Передней Азии, в распространении сведений о монголах в Западной Европе и их влияние на характер этих сведений¹⁸.

История восточносирийского христианства, или несторианства, в *Rex Mongolica* находится в области научных интересов и представителей иранистики. Изучение межконфессиональных отношений в государстве Хулагуидов имеет особое значение, поскольку этот регион был уникальным центром. Он служил резиденцией католикоса-патриарха Сирийской церкви Востока и местом пересечения различных культур. Здесь христианская община включала как местных жителей (сирийцев, персов), так и кочевые народы из Центральной Азии (уйгуров, онгутов, керейтов), которые обосновались после монгольских завоеваний.

Доцент кафедры стран Центральной Азии и Кавказа Института стран Азии и Африки МГК им. Ломоносова Т.К. Кораев в своих работах подчеркивает, что отношения ближневосточных христиан с монгольскими ильханами кардинально отличались от их взаимодействия с предыдущими правителями, такими как арабские халифы и сельджукские султаны. Главное отличие, по мнению исследователя, заключается в том, что монголы, завоевав Иран, Месопотамию и Сирию, проводили политику невмешательства в культуру покоренных народов, в отличие от сельджуков¹⁹.

¹⁸ Хаутала Р. История деяний Давида, царя Индий (1221): латинский текст, перевод и комментарии // Золотоордынское обозрение. 2014. № 4(6). С. 25–49.

¹⁹ Кораев Т.К. Христианские общины Ближнего Востока во внутренней политике хулагуидских ильханов XIII в.: по монофизитским и несто-

Вклад Т.К. Кораева в изучение истории несторианства в государствах Чингизидов заключается в раскрытии проблем межконфессиональных отношений в Государстве Хулагуидов, отношении Сирийской церкви Востока с монгольскими властями, отмечает этнический состав нестоианских общин. В своих работах исследователь опирается на персидские и сирийские источники.

Таким образом, для работ современных российских исследователей по изучению несторианства, или востоносирийского христианства, в государствах Чингизидов, характерны публикации обобщающих трудов, в больших масштабах, чем это делалось в СССР и Российской империи. Ими реконструированы история формирования вероучения Сирийской церкви Востока и пути распространения данного христианского течения в Цен-тральной Азии, на Дальнем Востоке и в Восточной Европе. Также выдвинуты точки зрения о влиянии несториан на вну-треннюю и внешнюю политику в монгольских улусах. Немаловажным аспектом их деятельности является и расширение источниковой базы, главным образом, за счет перевода, анализа и публикации латинских, си-роязычных и персоязычных христианских текстов. Перспективным направлением в исследовании несторианства российскими учеными может быть сотрудничество представителей разных школ и специализаций в форме публикаций статей в соавторстве, коллективных монографий и сборников.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Архимандрит Палладий (Кафаров). Старинные следы христианства в Китае по китайским источникам // Китайский благовестник. 2001. № 1. С. 39–40.

2. Ассирийская церковь Востока. URL: <http://acoe.ru/2019/01/17/tserkov-vostoka-v-voprosah-i-otvetah/> (дата обращения 07.10.2024).

рианским источникам // Вестник Московского университета. Сер. 13, Востоковедение. 2004. № 4. С. 114–128; Кораев Т.К. Мусульманско-христианские отношения в Египте и Сирии эпохи монголо-мамлюкских войн: вторая половина XIII – первая половина XIV в. // Вестник Московского университета. Сер. 13, Востоковедение. 2005. № 4. С. 37–51.

3. Бартольд В.В. О христианстве в Туркестане в домонгольский период. (По поводу семиреченских надписей) // Записки Восточного Отделения Императорского Русского Археологического Общества. Том восьмой. 1893–1894. Выпуски I–II. СПб.: Типография Императорской Академии Наук, 1893. С. 1–32.

4. История татар с древнейших времен. Т. 3: Улус Джучи (Золотая Орда). XIII – середина XV в. Казань: Институт истории АН Республики Татарстан, 2009. С. 603–604.

5. Кораев Т.К. Мусульманско-христианские отношения в Египте и Сирии эпохи монголо-мамлюкских войн: вторая половина XIII – первая половина XIV в. / Т.К. Кораев // Вестник Московского университета. Сер. 13, Востоковедение. 2005. № 4. С. 37–51.

6. Кораев Т.К. Христианские общины Ближнего Востока во внутренней политике хулагуидских ильханов XIII в.: по монофизитским и несторианским источникам / Т.К. Кораев // Вестник Московского университета. Сер. 13, Востоковедение. 2004. № 4. С. 114–128.

7. Малышев А.Б. Христианство в истории Золотой Орды: дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 2000. 281 с.

8. Муравьев А.В. Историческая хронология Римской империи и Ближнего Востока в IV–VII вв. // Хронотоп. Хронологическая карта истории Евро-азиатского пространства (300–1914) / Рук.: А.В. Муравьев. Отв. ред.: В. Червонящая. Науч. ред.: Д.А. Косоуров. Под общ. ред.: А.В. Муравьев. М.: ИМА-пресс, 2019. С. 3–6.

9. Муравьев А.В., Кобищанов Ю.М., Кораев Т.К., Рычка В.Л., Соловьева Л.Т., Алибогачиева М.С. Очерки истории христианских цивилизаций: в 2 т. Т. 2: От арабских завоеваний до крестовых походов (VIII–XI вв.) / Отв. ред.: Е.Д. Щепалова. Науч. ред.: Ю.М. Кобищанов, Ю.М. Могаричев А.В. Муравьев, К.А. Панченко. М.: РОССПЭН, 2022.

10. Муравьев А.В. Сирийское письмо и его разновидности // Очерки истории христианских цивилизаций: в двух томах. / Рук.: Ю.М. Кобищанов. Отв. ред.: В.В. Наумкин. Под общ. ред.: Ю.М. Кобищанов. Т. 1: От зарождения до арабских завоеваний. В двух книгах. Кн. 2: Части 4–8. М.: РОССПЭН, 2019. С. 70–77.

11. Муравьев А.В. Сирийский церковный календарь // Очерки истории христианских цивилизаций: в двух томах. / Рук.: Ю.М. Кобищанов. Отв. ред.: В.В. Наумкин. Под общ. ред.: Ю. М. Кобищанов. Т. 1: От зарождения до арабских завоеваний. В двух книгах. Кн. 2: Ч. 4–8. М.: РОССПЭН, 2019. Гл. 4. С. 115–116.

12. Муравьев А.В. Христианство в Танском Китае // Очерки истории христианских цивилизаций: в двух томах. / Отв. ред.: В.В. Наумкин. Под

общ. ред.: Ю.М. Кобищанов. Т. 1: От зарождения до арабских завоеваний. В двух книгах. Кн. 1: Части 1–3. М.: РОССПЭН, 2019. С. 635–637.

13. Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». URL: <https://www.hse.ru/staff/muraviev> (дата обращения 31.10.2025).

14. Пантусов Н.Н. Христианское кладбище близ города Пишпека (Семиреченской области) в Чуйской долине // Записки Восточного Отделения Императорского Русского Археологического Общества. Том первый. 1886. СПб.: Типография Императорской Академии Наук, 1887. С. 74–75.

15. Пигулевская Н.В. Культура сирийцев в средние века / Ответственный редактор И.М. Дьяконов. М.: Наука, ГРВЛ, 1979. 264 с.

16. Пигулевская Н.В. Сирийская средневековая историография. Исследования и переводы [Предисловие Е.Н.Мещерской]. СПб., 2000. 831 с.

17. Притула А.Д. Христианство и персидская книжность XIII–XVII вв. / Ответственный секретарь редколлегии Е.Н. Мещерская. СПб.: Дмитрий Буланин, 2004. 165 с.

18. Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского. URL: <https://www.sgu.ru/person/malyshchev-aleksey-borisovich> (дата обращения 31.10.2025).

19. Селезнев Н.Н. Ассирийская Церковь Востока. Исторический очерк. М.: Ассирийская Церковь Востока, 2001. 105 с.

20. Хаутала Р. История деяний Давида, царя Индий (1221): латинский текст, перевод и комментарии // Золотоордынское обозрение. 2014. № 4(6). С. 25–49.

21. Хаутала Р. От Давида, царя Индий до ненавистного плебса Сатаны. Антология ранних латинских сведений о татаро-монголах. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2015. 495 с.

22. Хвольсон Д.С. Сирийско-тюркские несторианские надгробные надписи XIII и XIV столетий, найденные в Семиречье // Восточные заметки. Санкт-Петербург: Типография Императорской Академии наук, 1895. 129 с.

23. Христианство в Золотой Орде // Малов Н.М., Малышев А.Б., Ракушин А.И. Религия в Золотой Орде: Учебное пособие. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1998. 128 с.

София Евгеньевна Костокрызова – магистр истории искусств тюрко-мусульманского мира, архивариус, Казанский кооперативный институт (филиал) Российского университета кооперации, Казань, Российская Федерация, kostogryzova91@mail.ru

Sofia E. Kostogryzova – Master's degree in Art History of the Turkic-Muslim world, archivist, Kazan Cooperative Institute (branch) of the Russian University of Cooperation, Kazan, Russian Federation, kostogryzova91@mail.ru

**ИСТОРИОГРАФИЯ XVII – ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВВ.:
ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ И ЗАРУБЕЖНЫЕ ВЗГЛЯДЫ
НА ТЮРКО-КИТАЙСКИЕ ОТНОШЕНИЯ
В РАННЕМ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ**

Предметом настоящего исследования является историографический обзор тюрко-китайских взаимоотношений в контексте научных трудов зарубежных и отечественных исследователей XVII–XIX столетий. В указанный период наблюдался поступательный процесс аккумуляции и трансляции на европейские языки исторических материалов, касающихся Китая и его соседних этнополитических образований.

Ключевые слова: восточные тюрки, Китай, синология, тюркология, китайские источники, кочевники

R.T. Ganiev

**HISTORIOGRAPHY OF THE 17TH – SECOND HALF
OF THE 19TH CENTURIES: RUSSIAN AND INTERNATIONAL
ASSESSMENTS OF TURKIC-CHINESE RELATIONS
IN THE EARLY MIDDLE AGES**

The subject of this study is a historiographic review of Turkic-Chinese relations in the context of scholarly works by foreign and Russian researchers from the 17th to 19th centuries. During this period, historical materials concerning China and its neighboring ethnopolitical entities were progressively accumulated and translated into European languages.

Keywords: Eastern Turks, China, Sinology, Turkology, Chinese sources, nomads

Интерес к взаимодействию кочевых народов и Китая не ослабевает уже несколько веков, привлекая внимание как зарубежных, так и российских исследователей. Первые шаги в изучении этой темы были сделаны благодаря переводам китайских текстов на европейские и русский языки в XVII–XIX вв. Эти переводы позволили увидеть Китай в контексте его связей с внешним миром, о котором тогда было известно немного. Со временем, наряду с синологией (китаеведением), возникло монголоведение, сосредоточенное на изучении монгольских народов и, в некоторой степени, тюркоязычных племен. Проблема изучения истории взаимоотношений тюрков и Китая осложняется тем, что тюркология находится на пересечении синологии и монголоведения, которые оформились как научные дисциплины в конце XVIII – начале XIX вв. О становлении тюркологии как самостоятельной области знаний можно говорить лишь после открытия и расшифровки Орхонских надписей в Центральной Монголии в 1893 г. Следовательно, в XVII–XIX вв. информацию о тюрках приходится искать в более общих трудах, посвященных, например, истории Китая или Монголии. Историографию XVIII–XIX вв., посвященную данной проблематике, можно условно разделить на две основные категории: 1) работы по истории Китая VI–VIII вв.; 2) исследования, посвященные взаимоотношениям центральноазиатских кочевников с Китаем.

Существует два основных направления в исследованиях, касающихся кочевников. Первое, наиболее объемное, характеризуется тем, что кочевники не являются центральным объектом изучения, а лишь упоминаются в общем контексте. Второе направление, напротив, ставит кочевников и Китай в равное положение как непосредственные объекты исследования. В рамках этого направления анализируются крупные политические образования кочевников, начиная с хуннов и заканчивая монголами. Это позволяет исследователям формулировать общие концепции взаимодействия и стратегии адаптации кочевников к китайской цивилизации. Вследствие этого, Китай и его «цивилизаторская» роль по отношению кномадам часто выступают отправной точкой для большинства ра-

бот второй группы. История Тюркского и Восточно-тюркского каганатов в таких исследованиях занимает второстепенное место, представляя собой лишь краткий обзор их политической истории и социально-политической структуры. Основная трудность в изучении этих каганатов заключается в дефиците письменных источников тюркского происхождения. Надписи на надгробиях и археологические памятники, хотя и важны, не способны в полной мере отразить динамику политических процессов и не могут заменить китайские исторические хроники. Следовательно, китайские письменные источники становятся ключевым материалом для изучения истории центральноазиатских кочевников. Для формирования самостоятельной и объективной картины их развития на основе китайских текстов, исследователям необходимо владеть методами критического анализа и логического осмысления представленных фактов и событий. Это подразумевает понимание возможной субъективности китайских летописцев, применение контекстуального анализа лексических единиц и, при необходимости, их смысловую корректировку, основанную на причинно-следственных связях исторического процесса.

Работы в этот период указывают на поступательный процесс накопления данных, их последующего осмысления и закономерного формирования научного направления, посвященного изучению кочевников. В период с XVII по XIX вв. прослеживается тенденция к расширению исследовательского интереса: изучалась не только история самого Китая, но и его взаимодействие с соседними государствами. Несмотря на декларируемую в китайских источниках политику превосходства, культурные связи и заимствования оказывали существенное влияние на различные аспекты жизни Срединной империи. Вследствие этого, в большинстве исследований кочевники предстают через призму китайской историографии, а их соседи рассматриваются как второстепенные объекты изучения. Начало работы с китайскими источниками относится к XVII в., когда западноевропейские ученые, в частности миссионеры-иезуиты, заинтересовались древней и средневековой историей Китая. Именно благодаря их деятельности, которая

включала параллельное исследование взаимоотношений Китая с северными кочевыми племенами, синология как наука получила активное развитие.

Мартино Мартини (1614–1661) по праву считается одним из первопроходцев в изучении Китая. Его путешествие в Поднебесную началось в 1643 году, когда ему исполнилось 29 лет. За годы пребывания там он создал беспрецедентную для своего времени коллекцию картографических материалов, которая легла в основу его знаменитого «Нового атласа Китая». Атлас увидел свет в Антверпене в 1655 году. Еще ранее, в 1654 году, Мартини опубликовал на латыни книгу «Прекрасная Тартария в истории Китая», которая произвела фурор в Европе и была переиздана 28 раз на восьми различных языках¹.

В третьей волне миссионеров-иезуитов особо выделялся Антуан Гобиль (1689–1759), человек с исключительными способностями. Его вклад в изучение Азии значителен: он занимался астрономией, географией и историей. Его перу принадлежит «История Чингис-хана и монгольской династии», опубликованная в 1739 году, а также «История Великой династии Тан», увидевшая свет уже после его смерти в 1791 году².

Выдающимся миссионером был Жозеф-Мари-Эн де Морияк де Майля (1669–1748). Он проявил себя как искусный картограф, но его главным наследием стал перевод «Тун цзянь ган му» Чжу Си (1130–1200). Де Майля осуществил перевод материалов, охватывающих период до XII в., причем источником послужила маньчжурская версия текста, а не китайский оригинал. Несмотря на более чем шестилетнюю работу над переводом, его труд, названный «Генеральная история Китая», был опубликован в 12 томах лишь посмертно, в 1777–1783 годах. В шестом томе этой обшир-

¹ Mungello D.E. Curious Land: Jesuit Accommodation and the Origins of Sinology. Honolulu: University of Hawaii Press, 1989. P. 106–107.

² Cordier H. Antoine Gaubil. In the Catholic Encyclopedia. URL: <http://www.newadvent.org/cathen/06393b.htm> (дата обращения: 20.04.2025).

ной работы детально освещены взаимоотношения тюркских народов с Китаем в период правления династии Тан³.

Среди последних иезуитов, чья деятельность проходила в Китае, выделяется Жан-Жозеф-Мари Амиот (1719–1793 гг.), по праву считающийся энциклопедистом своего времени. Его исследовательский интерес распространялся на народы, соседствующие с Китаем, что нашло отражение в его научных работах. Так, в 1788 году он представил публике «Татарско-манчжурскую грамматику», а в 1804 году, уже после его смерти, была издана его книга «Татарско-манчжурские ритуалы»⁴.

В период с конца XVII по XVIII вв. Париж превратился в главный центр изучения Китая (синологии). Этому способствовало активное участие французских монахов-иезуитов, которые к тому времени занимали многие ответственные должности технических специалистов при дворе китайского императора. Значительный вклад в развитие синологии внесла публикация в 1736 году первой обобщающей монографии Ж.-Б. Дюгальда под названием «Описание Китайской империи». Его тщательная редакторская работа, в частности, создание четырёхтомного труда «Географическое, историческое, хронологическое и физическое описание Китайской империи и китайской Татарии» на базе 27 различных сочинений, оказала глубокое воздействие на интеллектуальную элиту эпохи Просвещения⁵.

Ж. Дегинь внес значительный вклад в изучение хуннов и тюрков, став одним из первых европейских исследователей, целенаправленно занимавшихся этими народами. Его карьера секретаря-переводчика восточных языков в Королевской библиотеке позволила ему глубоко погрузиться в тему. В 1748 году он представил

³ Mailla J.A. M. Histoire générale de la Chine ou Annales de cet Empire. Traduites du T'oung-Kien-Kang-Mou. Vol. VI. P., 1778.

⁴ Mungello D. E. Curious Land: Jesuit Accommodation and the Origins of Sinology. Honolulu: University of Hawaii Press, 1989. P. 106–107.

⁵ Дюгальд Ж.Б. Географическое, историческое, хронологическое, политическое и физическое описание китайской империи и Татарии китайской. Пер. с фр. И. де Теильса. Т. 1. СПб., 1774; т. 2. СПб., 1777.

свое исследование «*Mémoire historique sur l'origine des Huns et des Turks*», которое было высоко оценено Лондонским Королевским обществом и способствовало его избранию в члены французской Академии⁶. Впоследствии, с 1756 по 1758 год, Дегинь продолжил свою работу, опубликовав обширный трехтомный труд «*Histoire générale des Huns, des Turcs, des Mogols et des autres Tartares occidentaux*»⁷. В своем труде он изложил информацию о тюрках-огузах, которые были частью тюркского государства. Учитывая эпоху и уровень развития исторической науки того времени, Ж. Дегинь сделал значимое открытие. Он предположил, что «...турецкая орда, получив власть, дала свое имя всему остальному народу, или, скорее, другие народы знали гуннов только под именем турок, как впоследствии Чингис-хан из орды монголов был причиной того, что имя монгол сделалось именем почти всех татар»⁸. Эта идея долгое время считалась ключевой и до сих пор поддерживает мнение о сходстве между сюнну (хуннами), тюрками, теле и монголами. Это сходство проявляется как в их социально-экономическом развитии, так и в политическом устройстве, и связывается с вопросами государственной традиции и преемственности в степных империях. Во второй половине XVIII в. миссионерская синология пережила упадок из-за преследований в Китае и серьезных теологических разногласий, что привело к значительному снижению общественного интереса. Возрождение синологии в Европе как светской академической области началось в первых десятилетиях XIX в. во Франции, в стенах учебного заведения Коллеж де Франс.

⁶ De Guignes J. *Mémoire historique sur l'origine des Huns et des Turks*. P., 1748. URL: <https://www.digitale-sammlungen.de/en/view/bsb10787166> (дата обращения: 20.04.2025).

⁷ De Guignes J. *Histoire générale des Huns, des Turcs, des Mogols et des autres Tartares occidentaux*. P., 1756–1758. URL: <https://www.google.com/search?udm=36&q=Histoire+g%C3%A9n%C3%A9rale+des+Huns%2C+des+Turcs%2C+des+Mogols+> (дата обращения: 20.04.2025).

⁸ Бернштам А.Н. Социально-экономический строй орхоно-енисейских тюрков VI–VIII вв. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1946. С. 23.

Жан-Пьер Абель-Ремюза (1788–1832 гг.) был одним из выдающихся французских синологов и основателем современной западной китаеведческой науки в этот период. В 1814 году в Коллеж де Франс было учреждено отделение китайского языка под руководством Ж.-П. Абель-Ремюза. С этого времени он полностью посвятил себя изучению Востока, с особым вниманием к истории тюркских и монгольских народов, освещенной в китайских источниках. В 1822 году по его инициативе было основано Азиатское общество в Париже. Его ученик и преемник на кафедре, Станислас Жюльен, под влиянием лекций своего наставника, увлекся китайским языком и синологией. В отличие от Ж. Дегиня, который ограничивался периферийными аспектами истории Тюркского каганата и лишь пересказывал китайские источники, С. Жюльен представил переводы, непосредственно посвященные тюркам⁹. Важно отметить, что в своей работе С. Жюльен в основном использовал не оригинальные китайские тексты, а крупную китайскую энциклопедию 1725 года «Гуцзинь-Тушу-цзичэн». Эта энциклопедия содержит ценные сведения о тюрках, но не является исчерпывающим источником. Позднее немецкий синолог Лю Мао-цзай обнаружил значительные несоответствия в труде С. Жюльена, которые были вызваны ошибками при переводе и транскрипции с китайского языка на французский¹⁰. Тем не менее, работа С. Жюльена на протяжении долгого времени оставалась отправной точкой для изучения истории восточных тюрков.

Основной задачей С. Жюльена при переводе глав энциклопедии «Гуцзинь-Тушу-цзичэн» (Бянь-и-дянь) было введение содержащейся в ней информации в научный оборот и точное воспроизведение оригинальных источников. Он не стремился к анализу взаимоотношений между тюрками и китайцами. Охватываемые события отно-

⁹ Julien S. Documents historiques sur les Tou-kioe (Turcs). Extraits du Pien-i-tien, et traduits du chinois // Journal Asiatique. 6 ser. 1864. Vol. III, IV.

¹⁰ Liu Mau-Tsai. Die chinesischen Nachrichten zur Geschichte der Ost-Turken (Tu-kue). (Gottinger Asiatische Forschungen, Band 27). I. Buch (Texte), II. Buch (Anmerkungen. Anhang. Index) // Gottinger Asiatische Forschungen, Band 10. Wiesbaden, 1958. S. 6.

сятся к периоду с 545 по 941 год, а выбор глав для перевода основывался на смене китайских династий, начиная с Северной Вэй и до Цзинь. Спустя сто лет Лю Мао-цзай предпринял схожее исследование, сохранив структуру и хронологические рамки работы Жюльена, но при этом опираясь на другие источники.

Первыми, кто начал изучать Китай в России, были члены Русской духовной миссии в Пекине. Работа миссии была напрямую связана с внешнеполитическими интересами и задачами России, что позволило ей стать важным звеном в установлении и поддержании отношений с Китаем. Кроме того, миссия стала центром научных исследований Китая и кузницей первых русских специалистов по китайскому языку и культуре (синологов). Поскольку официальные дипломатические отношения между Россией и Китаем отсутствовали, служители миссии на протяжении долгого времени фактически представляли российское правительство в Поднебесной. Инициатива создания духовной миссии в Пекине исходила от Петра I, который своим указом от 18 июня 1700 года предписал организовать ее. В этом указе особо подчеркивалась необходимость для российских подданных осваивать местные языки, обычаи и культуру, что было обусловлено политическими и торговыми интересами России в империи Цин. Таким образом, Русская духовная миссия в Пекине изначально планировалась как центр не только православной веры, но и как площадка для научных исследований Китая российскими учеными. В обязанности членов миссии входило изучение маньчжурского, китайского и монгольского языков, а также истории, культуры и религии Китая. В состав миссии набирались молодые люди из числа студентов высших учебных заведений и Духовной академии. Их обучение строилось с учетом имеющихся знаний, интересов и способностей, охватывая такие области, как медицина, математика, литература, философия, конфуцианство, история, география, статистика и право китайского государства. Благодаря Пекинской миссии Россия получила плеяду первых выдающихся ученых-китаистов.

Особого внимания заслуживают работы Иакинфа Бичурина, возглавлявшего девятую духовную миссию в период с 1808 по

1820 год. Эта миссия считается одной из наиболее выдающихся в истории. Несмотря на скромные успехи в миссионерской деятельности, ученики Бичурина и он сам внесли существенный вклад в мировую синологию. Бичурин продемонстрировал исключительную способность к изучению языков и наладил широкие связи, что позволило ему глубоко понять культуру и обычаи Китая. Четырнадцать лет, проведенных в Пекине, стали фундаментом для его последующей научной и писательской карьеры. Он оставил богатое наследие, включая многочисленные исследования по географии, истории и литературе Китая и прилегающих регионов, а также ряд ценных словарей.

И. Бичурин, известный прежде всего своим монументальным трудом «Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена» (впервые опубликовано в 1851 г.), где он представил переводы китайских текстов об истории восточного «дома Дулга» (535–745 гг.), внес существенный вклад в изучение народов Центральной Азии¹¹. Однако, его первая значимая работа, заложившая основу для введения в научный оборот информации о региональных народах, включая тюрков, вышла гораздо раньше. «Записки о Монголии» (1828 г.) считаются его первой самостоятельной историко-этнографической работой, основанной на личных наблюдениях¹². Особый интерес для современных исследований представляет третья часть «Записок...», представляющая собой исторический обзор народов Центральной Азии от эпохи хунну до монголов. В этой работе, как и в «Собрании...», прослеживается его аналитический подход. Именно «Записки о Монголии» могли стать отправной точкой для формирования представлений о Первом и Втором Тюркских каганатах и их разделении на восточных и западных. Научная зрелость Бичурина проявляется в том, что он, в отличие от многих, разграничивал процессы формирова-

¹¹ Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1950. Т. 1–3.

¹² Бичурин Н.Я. (Иакинф). Записки о Монголии. СПб., 1828. Ч. III.

ния народа и его названия¹³. Хотя «Записки о Монголии» более кратки и представляют собой скорее пересказ, чем детальный перевод китайских источников, они не лишены ценности, поскольку отражают противоречия в датировках и версиях китайских хроник. Обе работы Бичурина стали фундаментом для многочисленных исследований российских и европейских востоковедов.

Особое место среди неопубликованных работ И. Бичурина занимает его монументальный 16-томный перевод «Цзычжи тунцзянь ганму» (Исторического зеркала государственного управления), выполненный им в период пребывания в Пекине¹⁴. Сам Бичурин в предисловии к одному из своих трудов объяснял, что его предыдущие публикации о Китае были скорее подготовительными. Он фокусировался на тех аспектах, где Китай пересекался с историей соседних народов. Главной задачей его ранних переводов и сочинений было ознакомление читателей с регионами, ведущими к Китаю. Он считал необходимым сначала изучить и представить информацию о Тибете, Туркестане и Монголии, поскольку эти территории исторически тесно связаны с Китаем и являются его связующим звеном с Индией, Средней Азией и Россией¹⁵.

И. Бичурин проявил себя как один из первых ученых, кто для более полного понимания Китая решил изучать его в контексте окружающих стран. Только после такого внешнего анализа он считал возможным приступить к исследованию самого Китая. Этот подход отражал его убеждение в сильном и многовековом

¹³ Денисов П.В. Н.Я. Бичурин: очерк жизни и творческой деятельности ученого-востоковеда. Чебоксары. 1977. С. 78.

¹⁴ Бичурин Н.Я. (Иакинф). Летопись китайской империи, называемая Юй-пхьи цзы чжи тхун-цзянь ган-му. Разделенная на три части, летопись древнюю, среднюю и новейшую. Пер. с кит. И. Бичурина. Т. VIII, ф. 7, оп. 1, ед. хр. 8. Архив востоковедов Санкт-Петербургского Института восточных рукописей РАН.

¹⁵ Панкратов Б.И. Н.Я. Бичурин как переводчик / публ. подгот. И.Ф. Поповой, В.С. Мясниковым // Проблемы Дальнего Востока. 2002. №4. С. 145–157. URL: https://portalus.ru/modules/linguistics/rus_readme.php?subaction=showfull&id=1611137515&archive=1690136958&start_from=&ucat=& (дата обращения: 20.04.2025).

влиянии центральноазиатских народов и государств на Китай. Возможно, именно поэтому он в первую очередь опубликовал переводы работ о народах, граничащих с Китаем, в то время как его собственные исследования по истории Китая до сих пор хранятся в архиве Института восточных рукописей РАН в Санкт-Петербурге.

Вторая половина XIX в. стала периодом формирования национальных синологических школ и научных центров, что сопровождалось ростом числа исследователей, занимающихся изучением как Китая, так и его соседних народов.

Одним из выдающихся исследователей этого времени был Э.Х. Паркер. Его книга «A thousand years of the Tartars»¹⁶, вышедшая в 1895 г., принесла ему заслуженное признание в научных кругах. В этом фундаментальном труде Паркер, опираясь на древние китайские письменные источники, проделал колоссальную работу по изучению тысячелетней истории тюркских племен, охватывая период с I в. до н. э. по XIII в. н. э. В предисловии к своей работе Э. Х. Паркер четко обозначил ее цель: «Следующие страницы имеют цель привести в доступной (хочется надеяться) форме все существенные китайские источники, рассказывающие о кочевых татарах до периода завоеваний Чингиз-хана. Несомненно, специалисты и критики найдут много такого, которое на первый взгляд потребует дальнейших пояснений; однако, когда я расскажу о том, что слово в слово перевел всех оригиналов китайских авторитетов, которые только смог найти, прилагаемые к переводам пояснительные ссылки и заметки к рукописям превысили более семи тысяч, то это будет неким поводом для принятия нового направления, допускающего весь доказательный материал навсегда»¹⁷.

В четвертой главе книги, озаглавленной «Империя тюрков или семья Ассена», Э.Х. Паркер рассказывает об истории восточных

¹⁶ Parker E.H. A thousand years of the Tartars. Hongkong, 1895. URL: <http://www.archive.org/details/athousandyearst00parkgoog> (дата обращения: 20.04.2025).

¹⁷ Паркер Э. Татары. История возникновения великого народа. М., 2009. С. 241.

тюрков в период с 555 по 743 годы. В первой главе, «Ранние письмены о тюрках: Период мира с Китаем», автор начинает с 555 года и описывает события до конца правления династии Суй. Паркер отмечает, что в этот период отношения между Китаем и тюрками были мирными. Вторая глава, «Период войн с Китаем и падение империи Гери», охватывает период с 618 по 639 год, когда к власти пришла новая династия Тан во главе с Ли Юанем и Ли Шиминем. В 630 году император Тай-цзун одержал победу над Сели (Гери) каганом и назначил Ашину Сымо новым каганом тюрков, который, однако, не смог эффективно управлять ими. Паркер считает, что на этом «завершается первый акт драмы Северной Тюркской Империи». Третья глава, «Рост и падение империи Мерчэ», начинается с 647 года, когда император Тай-цзун отправил войска для нападения на Чеби кагана, и продолжается до смерти Мочо кагана в 716 году. В заключительной главе, «Воскрешение и окончательное падение», автор рассматривает последний период существования империи восточных тюрков, с 720 по 743 год. В конце книги Э. Х. Паркер делает вывод, что «за исключением династий Хань (200 г. до н.э. – 200 г. н.э.) и Тань (600–900 гг.), ни одна правящая династия не смогла надолго удержать Северный Китай».

Автор труда считает, что в рассматриваемый период Китай, в частности, во времена династий Хань и Тан, стремился к доминированию, подчинив себе кочевые народы, населявшие северные территории. В этот период Китай столкнулся с сильными кочевниками (хунну и тюрки), ранее не имевшими столь масштабных государственных образований в Центральной Азии. Китай дважды достиг пика своего могущества (в периоды Хань, Суй и Тан), что, по мнению автора, было результатом политики, сочетавшей сотрудничество и влияние на кочевников. Э.Х. Паркер не ставил перед собой задачу глубокого анализа отношений между тюрками и Китаем. Его основной целью, как он сам указал, был перевод китайских источников и их публикация для последующего изучения истории тюрков и их связей с Китаем. Паркер сосредоточился на переводе, не проводя критического анализа содержания. Он опирался на китайские источники, представляя ис-

торию тюрков в соответствии с их точкой зрения, что подразумевало противопоставление тюрков и Китая, характерное для этих источников. Автор подчеркивает, что большинство западных и отечественных переводчиков китайских текстов того времени так и не смогли провести объективное исследование отношений между тюрками и Китаем.

Э.Х. Паркер продемонстрировал новаторский подход к переводу, отличающийся от методов И. Бичурина и С. Жюльена. Для облегчения работы будущих востоковедов он поместил в свой труд современную китайскую транскрипцию многих названий, а на полях предоставил старые варианты для сравнительного анализа и быстрого поиска в оригинальных текстах. Паркер объяснял свое решение желанием повысить читаемость, заменяя «татарские звуки» китайскими транскрипциями и используя актуальные названия местностей. Он полагал, что наличие первоначальных китайских звучаний на полях позволит исследователям, работающим с оригиналами, самостоятельно находить необходимые ссылки¹⁸. Труд Паркера, являющийся значительным вкладом в переводные работы XIX в., подчеркнул необходимость дальнейшего углубленного изучения китайских источников, включая их переводы и критическую оценку, для понимания исторического прошлого взаимоотношений кочевников и Китая.

Таким образом, в XVII–XIX вв. происходил постепенный сбор, перевод и распространение на европейских языках исторических источников, касающихся Китая и окружающих его стран. Параллельно с углублением знаний о самом Китае, европейские и российские ученые, вслед за пионерами, такими как И. Бичурин в России и Ж. Дегинь на Западе, проявляли все больший интерес к изучению его соседей. Тем не менее, теоретические аспекты взаимодействия между тюркскими народами и Китаем оставались в тени. Большинство ученых того времени занимались преимущественно переводами, а не углубленным анализом, за исключением

¹⁸ Паркер Э. Татары. История возникновения великого народа. М., 2009. С. 3.

отдельных фигур, таких как И. Бичурин. Вопросы взаимоотношений тюрков и Китая становились все более актуальными и требовали детального изучения, однако их полноценное исследование было отложено до начала XX в., когда благодаря развитию тюркологии (после 1893 г.) эти теоретические проблемы вышли на принципиально новый уровень научного анализа.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бернштам А.Н. Социально-экономический строй орхон-енисейских тюрок VI–VIII вв. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1946.
2. Бичурин Н.Я. (Иакинф). Летопись китайской империи, называемая Юй-пъхи цзы чжи тхун-цзянь ган-му. Разделенная на три части, летопись древнюю, среднюю и новейшую. Пер. с кит. И. Бичурина. Т. VIII, ф. 7, оп. 1, ед. хр. 8. Архив востоковедов Санкт-Петербургского Института восточных рукописей РАН.
3. Бичурин Н.Я. (Иакинф). Записки о Монголии. СПб., 1828. Ч. III.
4. Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1950. Т. 1–3.
5. Денисов П.В. Н.Я. Бичурин: очерк жизни и творческой деятельности ученого-востоковеда. Чебоксары. 1977.
6. Дюгальд Ж.Б. Географическое, историческое, хронологическое, политическое и физическое описание китайской империи и Татарии китайской. Пер. с фр. И. де Теильса. Т. 1. СПб., 1774; т. 2. СПб., 1777.
7. Панкратов Б.И. Н.Я. Бичурин как переводчик / публ. подгот. И.Ф. Поповой, В.С. Мясниковым // Проблемы Дальнего Востока. 2002. №4. С. 145–157. URL: https://portalus.ru/modules/linguistics/rus_readme.php?subaction=showfull&id=1611137515&archive=1690136958&start_from=&ucat=& (дата обращения: 20.04.2025).
8. Паркер Э. Татары. История возникновения великого народа. М., 2009.
9. Cordier H. Antoine Gaubil. In The Catholic Encyclopedia. URL: <http://www.newadvent.org/cathen/06393b.htm> (дата обращения: 20.04.2025).
10. De Guignes J. Histoire générale des Huns, des Turcs, des Mogols et des autres Tartares occidentaux. Paris, 1756–1758. URL: <https://www.google.com/search?udm=36&q=Histoire+g%C3%A9n%C3%A9r>

ale+des+Huns%2C+des+Turcs%2C+des+Mogols+ (дата обращения: 20.04.2025).

11. De Guignes J. Mémoire historique sur l'origine des Huns et des Turks. Paris, 1748. URL: <https://www.digitale-sammlungen.de/en/view/bsb10787166> (дата обращения: 20.04.2025).

12. Julien S. Documents historiques sur les Tou-kioüe (Turcs). Extraits du Pien-i-tien, et traduits du chinois // Journal Asiatique. 6 ser. 1864. Vol. III, IV.

13. Liu Mau-Tsai. Die chinesischen Nachrichten zur Geschichte der Ost-Turken (Tu-kue). (Gottinger Asiatische Forschungen, Band 27). I. Buch (Texte), II. Buch (Anmerkungen. Anhang. Index) // Gottinger Asiatische Forschungen, Band 10. Wiesbaden, 1958.

14. Mailla J.A. M. Histoire générale de la Chine ou Annales de cet Empire. Traduites du T'oung-Kien-Kang-Mou. Vol. VI. P., 1778.

15. Mungello, David E. Curious Land: Jesuit Accommodation and the Origins of Sinology. Honolulu: University of Hawaii Press, 1989.

16. Parker E.H. A thousand years of the Tartars. Hongkong, 1895. URL: <http://www.archive.org/details/athousandyearst00parkgoog> (дата обращения: 20.04.2025).

Рустам Талгатович Ганиев – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России, заведующий Лабораторией естественно-научных методов в гуманитарных исследованиях, Уральский федеральный университет, Екатеринбург, Российская Федерация, rusthist@yandex.ru

Rustam T. Ganiev – Cand. Sci. (History), Associate Professor of the Department of Russian History, Head of the Laboratory of Natural Science Methods in Humanitarian Research, Ural Federal University, Yekaterinburg, Russian Federation, rusthist@yandex.ru

Х.М. Абдуллин

**АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ ИЗУЧЕННОСТЬ
АГРЫЗСКОГО МУНИЦИПАЛЬНОГО РАЙОНА
РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН**

В статье представлен анализ археологических памятников Агрызского района Республики Татарстан. Рассмотренные материалы позволяют сделать вывод, что, хотя история археологического изучения Агрызского района насчитывает не одно десятилетие, всё же этот один из самых отдаленных регионов Республики Татарстан трудно назвать изученным в полной мере.

Ключевые слова: история, археологические памятники, Республика Татарстан, Агрызский район, научные исследования

Kh.M. Abdullin

**ARCHEOLOGICAL STUDY
OF THE AGRYZ MUNICIPAL DISTRICT
OF THE REPUBLIC OF TATARSTAN**

This article presents an analysis of archaeological sites in the Agryz District of the Republic of Tatarstan. The reviewed materials allow us to conclude that, although the history of archaeological research in the Agryz District spans decades, this one of the most remote regions of the Republic of Tatarstan is still difficult to fully explore.

Keywords: history, archaeological sites, Republic of Tatarstan, Agryz District, scientific research

Агрызский район расположен на северо-востоке республики и входит в зону восточного Предкамья. В прошлом район был сильно залесенным, что и обусловило здесь отсутствие археологиче-

ских памятников, связанных со скотоводческо-земледельческим населением. К 2007 г. общее количество археологических памятников по району равнялось 24. Основные памятники, относящиеся преимущественно к ананьинскому и пьяноборскому времени, располагаются по Камскому побережью и по берегам реки Иж¹.

Интерес к археологическим памятникам современного восточного Предкамья появился ещё в конце XVIII века, когда было дано первое описание Елабужского (Чертово) городища Н.П. Рычковым², а в 1810 г. Е.Ф. Зябловским³, в 1834 г. П.Ф. Эрдманом⁴, в 1859 г. П.В. Алабиным⁵.

В 1849 г. впервые появляются сведения об Ананьинском могильнике, давшем название целой археологической культуре этого обширного региона⁶. Первые раскопки на этом памятнике в 1858 г. произвели П.В. Алабин⁷ и И.В. Шишкин⁸. Позже его активно описывали Э.И. Эйхвальд в 1860 г.⁹, П.И. Лерх в 1865 г.¹⁰, К.И. Не-

¹ Свод памятников археологии Республики Татарстан: в 3 т. / Отв. ред. А.Г. Ситдилов, Ф.Ш. Хузин. Т.3. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2007. С. 44.

² Рычков Н.П. Журнал или дневные записки путешествия по разным провинциям Российского государства в 1769 и 1770 году. СПб., 1770.

³ Зябловский Е.Ф. Землеописание Российской империи для всех состояний. СПб., 1810. Ч. III. С. 89.

⁴ Эрдман П.Ф. Замечания во время путешествия по берегам Камы и в Оренбургскую губернию // Заволжский муравей. №1–11.

⁵ Алабин П.В. Ананьинский могильник // Вятские губернские ведомости. 1859. № 27–30.

⁶ Ардашев М. Этнографические сведения об удельных крестьянских подгорных деревнях Елабужского уезда // Изв. ОИПК. Сарапул, 1849. Вып. I. С. 1–7.

⁷ Алабин П.В. Ананьинский могильник // Вятские губернские ведомости. 1859. № 27–30.

⁸ Шишкин И.В. История города Елабуги. М: Синодальная типография, 1871.

⁹ Eichwald. Ueber die Saugethierfauna der neuren Molasse des Südlichen Russlands und die sich an die Molasse anschliessende vorhistorische Zeit der Erde. // Bulletin de la Societe des naturalistes de Moscou, N 4. 1860.

¹⁰ Лерх П.И. Об Ананьинском могильнике // ОАК за 1865 г. СПб., 1866. С. XIII.

воструев в 1871 г.¹¹, И.Р. Аспелин в 1877 г.¹² и многие другие исследователи.

Непосредственно на территории современного Агрызского района первые археологические изыскания были проведены в 1887–1888 гг. А.А. Спицыным на Верхнемалиновском городище, памятнике ананьинского, пьяноборского и мазунинского периода. Он также предполагал, что вблизи деревни Коновалово находится Коноваловский могильник, не далеко от этого населенного пункта им было собрано несколько бронзовых вещей, в том числе бляха пьяноборского типа. А.А. Спицын обследовал и Малиновские Большое и Малое городища ананьинского и мазунинского периода соответственно вблизи деревни Нижняя Малиновка. Кроме того у А.А. Спицына мы находим упоминания о современном Муновском городище I, а также им непосредственно обследовалось Муновское городище II (Чертов городок) – всё вблизи деревни Муново¹³.

В 1893–1894 гг. Ф.Д. Нефедовым обследовались Малиновские Большое и Малое городища. На Муновском городище II (Чертов городок) – памятнике пьяноборской культуры он произвёл небольшие раскопки у вала, а также собрал хорошую коллекцию медных предметов. На Муновском могильнике «Релка» Ф.Д. Нефедовым исследовались семь погребений, давших хорошую коллекцию вещей ананьинской культуры. Им же производились раскопки на Муновском (Пьяноборском II) могильнике. Здесь были вскрыты остатки двух погребений с незначительным количеством украшений и собрано много вещей из разрушенных, как предполагает исследователь, погребений. Среди этих вещей: застежка с тремя фигурами львов и газелей, эполетообразная застежка, фрагмен-

¹¹ Невоструев К.И. О городищах древнего Волжско-Болгарского и Казанского царств в нынешних губерниях Казанской, Симбирской, Самарской и Вятской // Труды I археологического съезда. М.: [Б.и.], 1871. С. 185, 595.

¹² Aspelin J.R. Antiquites du Nord Finno-Ougrien, I. Paris-Helsingfors. 1877.

¹³ Спицын А.А. Приуральский край. Археологические розыскания о древнейших обитателях Вятской губернии // Материалы по археологии восточных губерний России. М.: [Б.и.], 1899. Вып. I. С. 121–123, 177.

ты медной ложновитой гривны, бляшки-накладки, шейная подвеска, пронизки-полуцилиндрики, крупная пластинчатая поясная застежка, отлитая на железном каркасе, нагрудная бляха диаметром 9,3 см, медные обоймочки, два медных трехлопастных наконечника стрел и один кельт¹⁴.

Затем в археологическом изучении региона наступает значительная пауза более чем в шестьдесят лет, вызванная объективными причинами политического, военного и экономического характера.

Первые советские изыскания в 50–70-х гг. XX века на территории Агрызского района производились силами соседней Удмуртской археологической экспедиции, для которых близость района к региональному центру научных исследований (г.Ижевск) играла определяющую роль.

В 1954 г. одним из отрядов Удмуртской археологической экспедиции под руководством Г. Карповой были изучены Малиновские Большое и Малое городища, Муновское селище и Муновский (Пьяноборский II) могильник¹⁵.

В 1957 г. сотрудник Удмуртской археологической экспедиции В.Е. Стоянов заложил рекогносцировочный раскоп у обнажения южного склона Верхнемалиновского городища. В раскопе им были обнаружены остатки двух жилищ мазунинского времени. Остатки жилища перекрывали небольшой пласт пьяноборских отложений. В юго-восточном углу раскопа пьяноборский слой заполнял впадину жилища. Ниже пьяноборского слоя залежали плотный суглинок, очаг и прослойка золы ананьинского времени. В этом же слое был найден сосудик, наполненный жжеными костями. По материалу сооружение городища относится к ананьинской эпохе и в дальнейшем использовалось как поселение в пьяноборское и мазунинское время. Тогда же В.Е. Стояновым были обследованы

¹⁴ Нефедов Ф.Д. Отчет об археологических исследованиях в Прикамье, проведенных летом 1893 и 1894 гг. // Материалы по археологии восточных губерний России. М.: [Б.и.], 1899. Вып. III. С. 49–50, 52, 60–63.

¹⁵ АИА РАН. Ф-1. Р-1. № 963. Генинг В.Ф. Отчет об археологических исследованиях Удмуртской археологической экспедиции в 1954 г. 450 л.

Муновское городище II (Чертов городок) и Муновский (Пьяноборский II) могильник¹⁶.

В 1959 г. археологической экспедицией Института языка, литературы и истории Казанского филиала АН СССР под руководством А.Х. Халикова и В.Ф. Генинга были открыты Большеварзинские селища I и II около села Большие Варзи, Варзи-Омгинские селища I и II рядом с селом Варзи-Омга и Голюшурминское селище недалеко от бывшего села Голюшурма.

На Большеварзинском селище I были собраны 37 мелких сильно окатанных фрагментов сосудов. По керамике остатки поселения были отнесены к послепьяноборскому времени. На Большеварзинском селище II было собрано много мелких сильно окатанных фрагментов керамики. Культурный слой памятника уже тогда был разрушен пахотой. Найденная керамика в основном красноватого цвета, тонкостенная с очень небольшими примесями толченных раковин или без них, с песком. На одном фрагменте были обнаружены следы орнамента, нанесенного мелкозубчатым штампом. Памятник был отнесен к мазунинскому периоду. Оба Варзи-Омгинских селища также принадлежали к мазунинской культуре. На Голюшурминском селище было собрано 44 мелких сильно скатанных фрагмента красноватой, тонкостенной, неорнаментированной керамики с примесями песка и изредка мелких толченных раковин в глиняном тесте, т.е. характерные для памятников середины первого тысячелетия н. э. в данном районе¹⁷.

В 1965 г. разведывательным отрядом Удмуртского республиканского музея были проведены археологические исследования на территории Малопургинского и Можгинского районов Удмуртской АССР и Агрызского района Татарской АССР, в районе затопления Нижнекамской ГЭС. Археологический отряд работал вблизи

¹⁶ АИА РАН. Ф-1. Р-1. № 1537. Генинг В.Ф., Семёнов В.А., Стоянов В.Е., Еговкина Л.И. Исследования Удмуртской археологической экспедиции в 1957 г. 385 л., 180 ил.

¹⁷ АИА РАН. Ф-1. Р-1. № 1951. Халиков А.Х., Генинг В.Ф. Отчет о полевых работах археологической экспедиции Института языка, литературы и истории Казанского филиала АН СССР в 1959 г. 168 л., 99 ил.

таких населенных пунктов Татарстана как Терси, Мордва, Балтачева, Варзи и Варзи-Омга¹⁸.

В ходе работ археологами вблизи деревни Балтачево были обнаружены Балтачевское городище и Балтачевские селища I и II. Балтачевское городище расположено на левом берегу речки Варзинка к северо-западу от деревни у родника (Кичирсинь). В тот период вал городища прослеживался длиной в 65 м, высотой 0,70 м и имел форму выгнутого кокошника. С напольной стороны ров достигал глубины в 0,65 м, ширины 3,5 м и длины 75 м. Площадь городища составила 3100 кв. м. На территории городища в разное время находили костяные наконечники длиной до 10 см. Балтачевское селище I расположено к северу от деревни. Здесь В.А. Семеновым на площади 350–400 кв. м была собрана керамика серого и светло-коричневого цвета, с примесью в тесте растительности и в редких случаях с вкраплениями раковины. Балтачевское селище II расположено к юго-востоку от Балтачевского городища и имеет площадь 1200 кв. м. Здесь была собрана красновато-коричневая и серая керамика с растительной примесью. Памятник был отнесен к мазунинской культуре.

В ходе экспедиции В.А. Семеновым также было осмотрено уже ранее выявленное Большеварзинское селище II. При этом он выявил еще два новых археологических памятника – Большеварзинские селища III и IV. Большеварзинское селище III расположено в самом селе на месте, где находилась контора колхоза. Площадь селища была определена в 1000–1200 кв. м. Памятник был отнесен к пьяноборской культуре. Большеварзинское селище IV расположено к северо-северо-западу от края деревни на площади 1400–1600 кв. м. Здесь была собрана серая лепная керамика с примесью песка и растительности. Памятник был отнесен к мазунинской культуре.

Также В.А. Семеновым были исследованы ранее выявленные Варзи-Омгинские селища I и II. На Варзи-Омгинском селище I им была собрана коллекция толстостенной лепной керамики: красно-

¹⁸ АИА РАН. Ф-1. Р-1. № 3022. Семёнов В.А. Отчет о работе разведывательного отряда Удмуртского республиканского музея в районе заповедника Нижне-Камской ГЭС в 1965 году. 92 л.

ватой и серой с шамотом, растительной примесью и мелкотолченой раковинной в тесте. Кроме того, им была определена площадь селища, она составила 3–3,5 тыс. кв. м.¹⁹

В 1971 г. в ходе археологической экспедиции Удмуртского НИИ истории, экономики, литературы и языка при Совете министров Удмуртской АССР на территории Агрызского района Татарской АССР вблизи села Варзи-Пельга исследователями В.А. Семеновым и К.И. Корепановым было обнаружено Варзи-Пельгинское городище. Оно расположено на левом берегу реки Иж, к северо-востоку у старой деревни, ниже местности, называемой в народе «Красный Яр». Местное население называет территорию городища Из-Шурбат (Каменная лестница). Городище занимает мыс коренной террасы, его площадь 2500 кв. м. Оно ограждено кокошниковидным валом и рвом; глубина рва в центре 1,35 м, у концов 3–5 м. Ширина 6 м. Длина вала 60 м, высота 2 м. Вся площадка городища, вал и ров поросли лесом. Культурный слой имеет толщину 8–10 см, и он очень беден находками. Материал представлен пьяноборской керамикой III–IV вв. н.э.²⁰

В том же 1971 г. Татарским отрядом Нижнекамской археологической экспедиции ИЯЛИ имени Г. Ибрагимова КазФАН СССР были проведены археологические обследования в том числе и на территории Агрызского района ТАССР. Здесь были выявлены Мушуковское поселение (эпоха бронзы) и Мушуковское палеонтологическое местонахождение (бивни мамонта, каменный век) возле бывшей деревни Мушук; Рысовское местонахождение (ранний железный век, пьяноборская культура) и Рысовское поселение (неолит, ранний железный век, пьяноборская культура) в окрестностях деревни Рысово²¹.

¹⁹ АИА РАН. Ф-1. Р-1. № 3022. Семёнов В.А. Отчет о работе разведывательного отряда Удмуртского республиканского музея в районе затопления Нижне-Камской ГЭС в 1965 году. 92 л.

²⁰ АИА РАН. Ф-1. Р-1. № 4425. Семёнов В.А. Корепанов В.И. Отчет о работах Удмуртской археологической экспедиции в 1971 г. 162 л., 180 ил.

²¹ АИА РАН. Ф-1. Р-1. № 4601. Старостин П.Н., Габяшев Р.С., Косменко М.Г., Багаутдинов Р.Н. Отчет о полевых исследованиях Татарского

Летом 1976 г. разведочным отрядом Камско-Вятской археологической экспедиции Удмуртского государственного университета им. 50-летия СССР под руководством исследователя Н.И. Леконцевой были проведены археологические изыскания на территории Елабужского и Агрызского районов ТАССР и Алнашского района Удмуртской АССР. В Агрызском районе археологически обследовались уже выявленные памятники Большеварзинское селище II и Варзи-Омгинское селище II. Исследователем Н.И. Леконцевой была определена площадь Большеварзинского селища II, которая составила 1000 кв. м.²²

Основной задачей археологической экспедиции Института истории им. Ш.Марджани АН РТ, проведенной летом 2008 г. в том числе и в Агрызском районе, было обследование первобытных археологических памятников на отдельных участках речных долин рек Иж и Кырыкмас. Археологические изыскания под руководством М.Ш. Галимовой позволили обнаружить местонахождение Сосново, обследовать уже известные Рысовское III селище и Рысовский II могильник.

Местонахождение Сосново расположено на расстоянии 2,5 км к северо-западу от с. Сосново и 3,5 км к северо-востоку от с. Девятёрня Агрызского района. Здесь в нижней части склона террасы правого берега р. Кырыкмас были найдены три фрагмента лепной тонкостенной керамики пьяноборской культуры и мелкий фрагмент кости. Рысовское III селище находится в 6 км к юго-западу от с. Салауш Агрызского района, оно было открыто в 1986 г. В.Н. Марковым и изучалось до этого в 2002 г. А.А. Чижевским. Тогда было вскрыто 732 кв. м площади и выявлено два жилища, по керамическому материалу отнесенные к сусканско-луговской культуре. Кроме того на памятнике были выявлены материалы энеолитического, абашевского, ананьинского и мазу-

отряда Нижнекамской археологической экспедиции в 1971 г. 198 л., 68 ил.

²² АИА РАН. Ф-1. Р-1. № 5936. Леконцева Н.И. Отчет об археологических исследованиях, проведенных летом 1976 г. в Елабужском, Агрызском районах Татарской АССР, в Алнашском районе Удмуртской АССР. 48 л., 24 ил.

нинского времени. В центральной части селища во время работ 2002 г. было выявлено два погребения раннего железного века (ананьинская культурно-историческая область), получившие название «Рысовский II могильник». Предполагаемая площадь памятника – 300 х 60 м. Во время осмотра памятников в 2008 г. на протяжении 300 м на береговой полосе была собрана коллекция фрагментов лепной керамики эпохи бронзы (атабаевского этапа маклашеевской культуры), а также фрагментов лепной керамики эпохи бронзы (неопределенной культурной принадлежности). Небольшое количество керамики, найденное в ходе разведок 2008 г. подтвердил вывод, полученный в ходе исследований 2002 г., о слабой насыщенности культурного слоя Рысовского III селища²³.

В 2016 г. исследователем Ф.А. Ахметгалиным при обустройстве Азево-Салаушского нефтяного месторождения НГДУ «Прикамнефть» был обследован участок строительства расположенный в лесном массиве Азево-Салаушского нефтяного месторождения. Также проводились работы и при обустройстве Контузлинского нефтяного месторождения НГДУ «Прикамнефть». В ходе проведения пешего сплошного обследования территорий участка подъемного материала (археологические предметы) обнаружено не было, выходов культурного слоя не выявлено. В процессе закладки археологических шурфов объекты археологического наследия также не были выявлены²⁴.

Летом 2017 г. археологом А.В. Беляевым были продолжены археологические исследования при обустройстве Контузлинского нефтяного месторождения НГДУ «Прикамнефть». На территории

²³ НФ МА РТ ИА АН РТ. Ф.4. Оп.1. Д.273. Галимова М.Ш. Отчет о разведках археологических памятников в Агрызском, Актанышском, Камско-Устьинском и Пестречинском районах РТ в 2008 г. Казань, 2010. Л.12–14.

²⁴ НФ МА РТ ИА АН РТ. Ф.4. Оп.1. Электронный ресурс. Ахметгалин Ф.А. Отчет о научно-исследовательских археологических разведочных работах на земельных участках, подлежащих хозяйственному освоению при реализации проектов ПАО «Татнефть» в восточных районах Республики Татарстан. Том 3. Казань, 2018. Л.45–48.

объекта были изучены три площадных участка и два линейных. Всего было заложено 13 шурфов площадью 2 кв. м. каждый, общая площадь шурфов составила 26 м. Здесь же исследовались территории Азеево-Салаушского нефтяного месторождения НГДУ «Прикамнефть». На территории объекта обследовались двенадцать линейных участков общей протяжённостью – 7422 м, с шириной землеотвода 10 м. Было заложено 7 шурфов. Общая площадь шурфов составила 14 кв. м. По результатам натурных исследований на земельных участках культурный слой или иные признаки наличия объектов культурного наследия не были выявлены²⁵.

В том же 2017 г. исследователем Ф.Ш. Хузиным также обследовались участки обустройства Контузлинского нефтяного месторождения НГДУ «Прикамнефть». В состав проекта входило 2 линейных объекта, общей протяженностью 1,4 км и шириной землеотвода 10 м. Обследуемая территория представляла собой 2 отдельных участка, расположенных вблизи деревни Контузла Агрызского района. Участки проектируемого строительства были подвержены сильному антропогенному и техногенному воздействию. Вследствие вышеизложенного, для сохранения объективности исследования, более подробному обследованию подверглись нетронутые работами поверхности участков. В ходе работ археологические памятники и культурный слой выявлен не был²⁶.

²⁵ НФ МА РТ ИА АН РТ. Ф.4. Оп.1. Электронный ресурс. Беляев А.В. Отчёт об археологических разведках по проектам строительства объектов ПАО «Татнефть» в Актанышском, Агрызском, Аксубаевском, Азнакаевском, Альметьевском, Бугульминском, Елабужском, Лениногорском, Менделеевском, Новошешминском, Нурлатском, Сармановском, Заинском, Черемшанском районах Республики Татарстан по Открытому листу №213 в 2017 г. (в 7-ми томах). Том 1. Казань, 2019. Л.178–191.

²⁶ НФ МА РТ ИА АН РТ. Ф.4. Оп.1. Электронный ресурс. Хузин Ф.Ш. Отчет о полевых археологических разведках по проектам строительства объектов ПАО «Татнефть» в Агрызском, Аксубаевском, Альметьевском, Бавлинском, Бугульминском, Заинском, Лениногорском, Менделеевском, Нурлатском, Сармановском, Тукаевском, Черемшанском районах Республики Татарстан в 2017 г (в 4-х томах). Том 1. Казань, 2018. Л.165–167.

В 2020 г. исследователем Э.И. Оруджовым обследовался объект «Газопровод – отвод к АГРС дер.Чекалда, Ду 273 мм. Восстановление проектного положения подводного перехода на 3,3 км через р.Иж (основная нитка)» в Агрызском районе Республики Татарстан. В составе проекта был 1 линейный участок протяженностью 415 м и шириной 10–40 м. Общая площадь исследования составила 0,71 га (7140 кв. м). Обследуемый участок располагался в 3,1 км к востоку от северо-восточной окраины деревни Хороший Ключ Агрызского района, в 3,3 км к северо-западу от северной окраины деревни Сахра того же Агрызского района и пересекал реку Иж. В результате проведения сплошного обследования территории подъемного материала (археологические предметы) обнаружено не было, выходов культурного слоя не выявлено. В процессе обследования были определены перспективные места для последующей закладки шурфов. Всего было заложено 2 шурфа общей площадью 2 кв. м. Все проведенные исследовательские процедуры не выявили признаков наличия объектов культурного наследия²⁷.

В 2021 г. археологом П.В. Красильниковым вновь исследовалось «Обустройство Контузлинского нефтяного месторождения. Площадка мультифазных насосов» в Агрызском районе Республики Татарстан. В составе проекта находилось 4 земельных участка общей протяженностью 4,9 км и шириной землеотвода 10 м. Всего было заложено 5 шурфов размерами 1х1 м общей площадью 5 кв. м. Все проведенные исследовательские процедуры не выявили признаков наличия объектов культурного наследия²⁸.

²⁷ НФ МА РТ ИА АН РТ. Ф.4. Оп.1. Электронный ресурс. Оруджов Э.И. Отчет об археологических разведках в Агрызском, Новошешминском, Елабужском районах Республики Татарстан в 2020 году. – Казань, 2021. Л.24–26.

²⁸ НФ МА РТ ИА АН РТ. Ф.4. Оп.1. Электронный ресурс. Красильников П.В. Отчёт об археологических разведках в Приволжском районе г. Казани, в г. Набережные Челны, в Агрызском, Аксубаевском, Альметьевском, Бугульминском, Лениногорском, Нурлатском районах Республики Татарстан в 2021 году (в двух томах). Том 1. Казань, 2021. Л.38–41.

Таким образом рассмотренные материалы позволяют сделать вывод, что, хотя история археологического изучения Агрызского района насчитывает не одно десятилетие, всё же этот один из самых отдаленных регионов Республики Татарстан трудно назвать изученным в полной мере.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алабин П.В. Ананьинский могильник // Вятские губернские ведомости. 1859. № 27–30.
2. Ардашев М. Этнографические сведения об удельных крестьянских подгорных деревнях Елабужского уезда // Изв. ОИПК. Сарапул, 1849. Вып. I. С. 1–7.
3. Архив Института археологии Российской академии наук (АИА РАН). Ф-1. Р-1. № 963. Генинг В.Ф. Отчет об археологических исследованиях Удмуртской археологической экспедиции в 1954 г. 450 л.
4. АИА РАН. Ф-1. Р-1. № 1537. Генинг В.Ф., Семёнов В.А., Стоянов В. Е., Еговкина Л. И. Исследования Удмуртской археологической экспедиции в 1957 г. 385 л., 180 ил.
5. АИА РАН. Ф-1. Р-1. № 1951. Халиков А. Х., Генинг В. Ф. Отчет о полевых работах археологической экспедиции Института языка, литературы и истории Казанского филиала АН СССР в 1959 г. 168 л., 99 ил.
6. АИА РАН. Ф-1. Р-1. № 3022. Семёнов В.А. Отчет о работе разведывательного отряда Удмуртского республиканского музея в районе затопления Нижне-Камской ГЭС в 1965 году. 92 л.
7. АИА РАН. Ф-1. Р-1. № 3022. Семёнов В.А. Отчет о работе разведывательного отряда Удмуртского республиканского музея в районе затопления Нижне-Камской ГЭС в 1965 году. 92 л.
8. АИА РАН. Ф-1. Р-1. № 4425. Семёнов В.А. Корепанов В.И. Отчет о работах Удмуртской археологической экспедиции в 1971 г. 162 л., 180 ил.
9. АИА РАН. Ф-1. Р-1. № 4601. Старостин П.Н., Габяшев Р.С., Косменко М.Г., Багаутдинов Р.Н. Отчет о полевых исследованиях Татарского отряда Нижнекамской археологической экспедиции в 1971 г. 198 л., 68 ил.
10. АИА РАН. Ф-1. Р-1. № 5936. Леконцева Н.И. Отчет об археологических исследованиях, проведенных летом 1976 г. в Елабужском, Агрызском районах Татарской АССР, в Алнашском районе Удмуртской АССР. 48 л., 24 ил.

11. Aspelin J.R. Antiquites du Nord Finno-Ougrien, I. Paris-Helsingfors. 1877.
12. Eichwald. Ueber die Saugethierfauna der neuren Molasse des Südlichen Russlands und die sich an die Molasse anschliessende vorhistorische Zeit der Erde // Bulletin de la Societe des naturalistes de Moskou, N 4. 1860.
13. Зябловский Е.Ф. Землеописание Российской империи для всех состояний. СПб.: Печатано в типографии В. Плавильщикова, 1810. Ч. III. 336 с.
14. Лерх П.И. Об Ананьинском могильнике // Отчет императорской археологической комиссии за 1865 г. СПб., 1866. С.ХIII.
15. Научный фонд Музея археологии Республики Татарстан Института археологии Академии наук Республики Татарстан (НФ МА РТ ИА АН РТ). Ф.4. Оп.1. Д.273. Галимова М.Ш. Отчет о разведках археологических памятников в Агрызском, Актанышском, Камско-Устьинском и Пестречинском районах РТ в 2008 г. Казань, 2010. Л.12–14.
16. НФ МА РТ ИА АН РТ. Ф.4. Оп.1. Электронный ресурс. Ахметгалин Ф.А. Отчет о научно-исследовательских археологических разведочных работах на земельных участках, подлежащих хозяйственному освоению при реализации проектов ПАО «Татнефть» в восточных районах Республики Татарстан. Т. 3. Казань, 2018. Л.45–48.
17. НФ МА РТ ИА АН РТ. Ф.4. Оп.1. Электронный ресурс. Беляев А.В. Отчёт об археологических разведках по проектам строительства объектов ПАО «Татнефть» в Актанышском, Агрызском, Аксубаевском, Азнакаевском, Альметьевском, Бугульминском, Елабужском, Лениногорском, Менделеевском, Новошешминском, Нурлатском, Сармановском, Заинском, Черемшанском районах Республики Татарстан по Открытому листу №213 в 2017 г. (в 7-ми томах). Т 1. Казань, 2019. Л.178–191.
18. НФ МА РТ ИА АН РТ. Ф.4. Оп.1. Электронный ресурс. Хузин Ф.Ш. Отчет о полевых археологических разведках по проектам строительства объектов ПАО «Татнефть» в Агрызском, Аксубаевском, Альметьевском, Бавлинском, Бугульминском, Заинском, Лениногорском, Менделеевском, Нурлатском, Сармановском, Тукаевском, Черемшанском районах Республики Татарстан в 2017 г (в 4-х томах). Т 1. Казань, 2018. Л.165–167.
19. НФ МА РТ ИА АН РТ. Ф.4. Оп.1. Электронный ресурс. Оруджов Э.И. Отчет об археологических разведках в Агрызском, Новошешминском, Елабужском районах Республики Татарстан в 2020 году. Казань, 2021. Л.24–26.
20. НФ МА РТ ИА АН РТ. Ф.4. Оп.1. Электронный ресурс. Красильников П.В. Отчёт об археологических разведках в Приволжском районе

г. Казани, в г. Набережные Челны, в Агрызском, Аксубаевском, Альметьевском, Бугульминском, Лениногорском, Нурлатском районах Республики Татарстан в 2021 году (в двух томах). Т 1. Казань, 2021. Л.38–41.

21. Невоструев К.И. О городищах древнего Волжско-Болгарского и Казанского царств в нынешних губерниях Казанской, Симбирской, Самарской и Вятской // Труды I археологического съезда. М.: [Б.и.], 1871. С. 185, 595.

22. Нефедов Ф.Д. Отчет об археологических исследованиях в Прикамье, проведенных летом 1893 и 1894 гг. // Материалы по археологии восточных губерний России. М.: [Б.и.], 1899. Вып. III. С. 49–50, 52, 60–63.

23. Рычков Н.П. Журнал или дневные записки путешествия по разным провинциям Российского государства в 1769 и 1770 году. СПб., 1770.

24. Свод памятников археологии Республики Татарстан: в 3 т. / Отв. ред. А.Г. Ситдинов, Ф.Ш. Хузин. Т. 3. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2007.

25. Спицын А.А. Приуральский край. Археологические розыскания о древнейших обитателях Вятской губернии // Материалы по археологии восточных губерний России. М.: [Б.и.], 1893. Вып. I. С. 121–123, 177.

26. Шишкин И.В. История города Елабуги. М: Синодальная типография, 1871. 68 с.

27. Эрдман П.Ф. Замечания во время путешествия по берегам Камы и в Оренбургскую губернию // Заволжский муравей. №1–11.

Халим Миннуллович Абдуллин – кандидат исторических наук, заведующий отделом новой истории, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, Казань, Российская Федерация, xalimabd@mail.ru

Khalim M. Abdullin – Cand. Sci. (History), Head of the Department of Modern History, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, Kazan, Russian Federation, xalimabd@mail.ru

**«УМЕЛИ ХОРОШО ВОЕВАТЬ
И БЫЛИ ХОРОШИ В ПОЛЕ...».
ЗАЩИТНОЕ И НАСТУПАТЕЛЬНОЕ
ВООРУЖЕНИЕ ДЖУНГАР В СЕРЕДИНЕ XVIII В.***

В статье рассмотрены особенности вооружения джунгар второй половины 40-х – 50-х гг. XVIII в. Выявлены основные разновидности оружия дистанционного и ближнего боя, а также состав, особенности конструкции и оформления джунгарского защитного вооружения.

Ключевые слова: межкультурные коммуникации в Сибири и Центральной Азии, Джунгарское хунтайджийство, военное дело джунгар, оружие, доспехи, знамена

L.A. Bobrov

**“THEY KNEW HOW TO FIGHT WELL AND WERE GOOD
IN THE FIELD...” DZUNGAR DEFENSIVE AND OFFENSIVE
WEAPONS IN THE MID-18TH CENTURY**

This article examines the weaponry of the Dzungars in the second half of the 1740s and 1750s. The main types of ranged and close-combat weapons are identified, as well as the composition, design, and appearance of Dzungar defensive weaponry.

Keywords: Intercultural Communication in Siberia and Central Asia, Dzungar Khuntaiji, Dzungar military science, weapons, armor, banners

* Исследование проведено в рамках реализации государственного задания Минобрнауки в сфере научной деятельности по проекту № FSUS-2025-0009 «Особенности формирования межкультурных коммуникаций в Сибири – от эпохи камня до раннего Нового времени (по данным археологических и письменных источников)».

Исторический период, охватывающий XVII – первую половину XVIII в., сыграл важную роль в истории народов Евразии. Однако если для европейцев главными его событиями стали Тридцатилетняя война, Английская революция, Англо-Голландские войны, конфликты с Османской империей, Великая Северная война, Война за испанское наследство и др., то для внутренней Евразии данный период справедливо именуется эпохой «Малого монгольского» (ойратского) нашествия.

Это было время последнего масштабного всплеска военно-политической активности монголоязычных кочевников Центральной Азии. В первой половине – середине XVII в. ареал военной активности ойратов (западных монголов)¹ включал огромные пространства внутренней Евразии от причерноморских степей на западе до Тибета на востоке, и от лесов Западной Сибири на севере до пустынь Мавераннахра на юге. Историческая судьба ойратского населения в разных регионах континента сложилась по-разному.

Обосновавшиеся на территории Северного Прикаспия волжские калмыки (торгуты, хошуты и др.) стали одним из основных союзников Российского государства в войнах с крымскими татарами и ногаями. Калмыцкие отряды неоднократно вторгались в Крым и земли черкесов, вели боевые действия на территории Правобережной и Левобережной Украины, в причерноморских степях и на Кубани, а также на равнинах Западного Казахстана. Под ударами калмыков пала Большая Ногайская орда. Весьма значительный вклад внесли калмыки и в победы российской армии над войсками Крымского ханства и его союзников в военных конфликтах первой половины – середины XVIII в. Начиная со второй половины XVII в. и вплоть до начала XIX в. калмыцкая конница принимала участие в войнах России против европейских государств – Речи Посполитой, Швеции, Пруссии, Франции.

Ещё одна крупная военно-политическая группировка ойратов (так называемая «чакарская») сформировалась на территории Северного Казахстана и южных районов Западной Сибири. Её ядро составили племена дербетов и хошутов. Дербетские князья (*тай-*

¹ В цинских источниках ойраты обычно именуются *олётами* (*элютами*), в тюркских – *калмаками*, в русских – *калмыками*.

ии), как правило, старались поддерживать мирные отношения с российскими властями и подданными «Белого царя» в Сибири. Хошуты, напротив, вмешивались в местные конфликты, нередко оказывая содействие реваншистским притязаниям потомков татарского хана Кучума².

Будучи ревностными буддистами, ойраты активно включились в борьбу различных религиозных школ Тибета на стороне «жёлтошапочной» школы *гелугпа*. В результате серии военных кампаний второй четверти XVII в. они разгромили противников «жёлтошапочников» и объявили лидера последних, Далай-ламу V-го, верховным правителем объединённого Тибета. Однако фактически военный и политический контроль над регионом ещё длительное время оставался в руках ойратских правителей из племени хошут, кочевавших в степях у оз. Кукунор³.

Крупнейшее государственное образование ойратов сформировалось на территории Центральной Азии и Южной Сибири. В период своего расцвета оно включало в себя значительную часть Центрального, Южного и Юго-Восточного Казахстана, Западной Монголии, Южной Сибири, практически весь Восточный Туркестан (современный Синьцзян-Уйгурский автономный район КНР). В исторической литературе это государство стало широко известно как Джунгария – «Последняя Кочевая империя»⁴.

² В результате внутриойратского военного конфликта в начале 70-х гг. XVII в. улусы «чакарцев» были разделены между волжскими калмыками и джунгарами.

³ Бобров Л. А., Худяков Ю.С. Монгольское влияние на военное дело тибетцев в позднем Средневековье и начале Нового времени // Вестник НГУ. Сер.: История, филология. 2006. Т. 5. Вып. 3 (прил. 2). С. 191–194.

⁴ В отечественной историографии Джунгарское государство часто именуется Джунгарским ханством. Однако правители из дома Чорос не являлись прямыми потомками Чингиз-хана по мужской линии, а, следовательно, по монгольской традиции, не имели прав на ханский титул. Большинство владык Джунгарии носили титул *хунтайджи*, заимствованный из китайской титулатуры, и означающий, в буквальном переводе, августейший наследный принц, старший сын императора, наследник престола (наиболее точный смысловой перевод на русский – Великий князь). Исключением являлся лишь Галдан Бошукту-хан, которому указанный

Становление Джунгарии происходило на фоне других масштабных исторических событий, навсегда изменивших геополитический ландшафт Северной Евразии. В первой половине XVII в. территория таёжного и лесостепного Зауралья стала объектом колонизации со стороны Российского государства, а поздние чжурчжэни (маньчжуры) приступили к завоеванию Китая. В связи с тем, что русская, джунгарская и маньчжурская экспансии первоначально имели разнонаправленный вектор, их политическим лидерам удавалось избегать прямых военных конфликтов. Однако в середине столетия большая часть Центральной Азии, Южной Сибири и Дальнего Востока оказались поделены между тремя основными геополитическими игроками, а также их вассалами и союзниками. Конкуренция за раздел региона плавно перетекла в борьбу за его передел.

Вторая половина XVII – середина XVIII вв. стали временем ожесточённого противоборства Цинской империи, Российского государства и Джунгарии. Борьба за сферы влияния привела к серии русско-цинских (1652–1660, 1685–1689), русско-джунгарских (1667, 1709–1710, 1716) и джунгаро-цинских военных конфликтов (1690–1697, 1715–1723, 1728–1740). Основным бенефициаром

титул был дарован главой буддийской церкви Тибета – Далай-Ламой. Противоречие между военным могуществом Джунгарии и её официальным политическим статусом было очевидно для современников. Поэтому, в цинских источниках, правителей «Последней Кочевой империи» иногда неофициально именовали «ханами» или «ванами». Однако формальный титул джунгарских монархов оставался прежним. Поэтому, представляется более уместным определять государство джунгар, как *хунтайджийство* или Великое княжество [Бобров Л.А., Пастухов А.М. «Циньдин Хуаньюй Сиюй тучжи» как источник по вооружению и военной символике населения Центральной Азии середины XVIII в. // *Bylye Gody*. 2021a. №16(2). С. 506, 507]. Подобное наименование несколько не умаляет политической значимости Джунгарии. В истории известно немало примеров, когда Великое княжество оказывалось значительно более влиятельным и могущественным государственным образованием, чем некоторые соседние ханства и королевства. Достаточно вспомнить Великое Княжество Литовское в первой трети XV вв. или Великое княжество Московское в конце XV – первой половине XVI вв.

данных событий стала Цинская империя, присоединившая к своим владениям северный берег р. Амур до хр. Джугджур и правобережье р. Аргунь, Северную Монголию (Халху), оазисное государство Хами в Восточном Туркестане и некоторые другие территории.

Однако сокрушить и уничтожить своего главного конкурента в Центральной Азии – Джунгарию – маньчжурским правителям первоначально не удалось. Не последнюю роль в этом сыграло военное искусство джунгар, достигшее в своём развитии достаточно высокого уровня. В 1740 г. Цинская империя и Джунгария утвердили мирный договор, согласно которому границей между двумя государствами становились восточные склоны Монгольского Алтая. Но долгожданный мир оказался для участников противостояния лишь короткой передышкой. В первой половине 50-х гг. XVIII в. Джунгария вступила в полосу системного кризиса, итогом которого стала трагическая гибель «Последней Кочевой империи»⁵.

Военное искусство народов Джунгарского *хунтайджийства* были подробно рассмотрены нами в целой серии специальных работ⁶. В настоящей статье кратко остановимся на некоторых осо-

⁵ Бобров Л.А., Пастухов А.М. «Циньдин Хуаньюй Сиюй тучжи» как источник по вооружению и военной символике населения Центральной Азии середины XVIII в. // *Bylye Gody*. 2021a. №16(2). С. 507.

⁶ Бобров Л.А. Джунгары – последняя Кочевая империя // *Кочевые империи Евразии: особенности исторической динамики*. М.: Наука, Вост. Лит., 2019. С. 364–398; Бобров Л.А. Закат «Последней Кочевой империи». Военное дело джунгар середины XVIII в. // *Parabellum novum: Военно-исторический журнал*. 2022. № 17(50). С. 5–33; Бобров Л.А. Копейный бой в военном искусстве калмыков и джунгар XVII – начала XIX вв. // *Монголоведение*. 2023. Т. 15, № 4. С. 551–592; Бобров Л.А., Борисенко А.Ю., Худяков Ю.С. Взаимодействие тюркских и монгольских народов с русскими в Сибири в военном деле в позднее Средневековье и Новое время: учебное пособие. Новосибирск: НГУ, 2010. С. 152–206; Бобров Л.А., Ожередов Ю.И. Доспех воина Джамсарана. Центральноазиатский панцирь-«кюак» из собрания МАЭС ТГУ. Новосибирск: ИПЦ НГУ, 2021. 228 с; Бобров Л.А., Пастухов А.М. Ойратская артиллерия XVII–XVIII вв.: вопросы происхождения, конструкции и боевого применения // *Вооружение и военное дело кочевников Сибири и Центральной Азии*.

бенностях комплекса вооружения джунгар на завершающем периоде его существования, как самостоятельного военно-исторического феномена.

К моменту смерти последнего великого джунгарского правителя Галдан Цэрэна в 1745 г. оружейный комплекс джунгар имел уже более чем столетнюю историю. В его основе лежало традиционное защитное и наступательное вооружение ойратских nomads первой половины – середины XVII в., существенным образом дополненное и модернизированное в ходе военных преобразований последней трети XVII – первой половины XVIII вв.

Самым массовым видом оружия джунгарской конницы в 40-х – 50-х гг. XVIII в. оставалось длинное кавалерийское копье или пика-джид(*a*)⁷. Цинские авторы середины XVIII в. выделяли «короткие» (от 3,2 м) и «длинные» (около 3,8–4,1 м) ойратские пики⁸. Мусульманские вассалы Джунгарии применяли более короткие копья-найза длиной около 3,2 м⁹. По сравнению с ранними образцами, поздние варианты джиды получили дополнительные элементы конструкции. Верхняя часть древка стала нередко дополняться обмоткой из конского волоса или металлической проволо-

Новосибирск: Изд-во Новосиб. гос. ун-та, 2007. С. 170–247; Бобров Л.А., Худяков Ю.С. Вооружение и тактика кочевников Центральной Азии и Южной Сибири в эпоху позднего Средневековья и Нового времени (XV – первая половина XVIII в.). СПб.: Фак. филол. и искусств СПбГУ, 2008. С. 564–604 и др.

⁷ В монгольском языке термин «копье» или «пики» передается словами *жад*, *žida*, у калмыков – *жид*, у синьцзянских ойратов – *жиде*. Однако анализ письменных источников показал, что в XVII–XVIII вв. слово обозначавшее у ойратов копье звучало, как «джиды» или «дзиды» [Бобров Л.А. Копейный бой в военном искусстве калмыков и джунгар XVII – начала XIX вв. // Монголоведение. 2023. Т. 15, № 4. С. 573, 574.

⁸ Бобров Л.А., Пастухов А.М. Вооружение и знамена ойратов Джунгарии середины XVIII в. по материалам «Циньдин Хуаньюй Сиюй тучжи» // Oriental Studies. 2021б. Т. 14, № 4. С. 776, 777.

⁹ Бобров Л.А., Пастухов А.М. Вооружение и знамена мусульманского населения Восточного Туркестана и сопредельных территорий середины XVIII в. по материалам «Циньдин Хуаньюй Сиюй тучжи» // Монголоведение. 2021в. Т. 13, № 2. С. 196.

ки, а также снабжаться «отрезом». Последний, представлял собой заточенную железную пластину, приклепанную встык к древку пика. «Отрез» не только защищал деревянное древко от вражеского оружия, но и не позволял противнику перехватить и отвести ойратское копьё в момент нанесения удара (рис. 1; 2). При необходимости, «отрез» и сам мог использоваться в качестве рубящего оружия¹⁰.

Характерным элементом оформления джунгарских пик были небольшие парные (реже одинарные или тройные) кисточки, подвешенные к верхней части древка (рис. 1; 2). Тюркские воины украшали свои копьё медными кольцами. Самые бедные ополченцы использовали цельнодеревянные пики, заточенные и обожжённые на конце¹¹.

Рис. 1. Фрагмент портрета Аюши – ойратского военачальника на цинской службе, вооружённого пикой-джид(а) с «отрезом» и кистями.

Худ. Дж. Кастильоне (Лан Шинин). Свиток «Аюши с копьём уничтожает мятежников», 1755 г., Государственный музей Гугун, г. Тайбэй, о. Тайвань.

¹⁰ Бобров Л.А. Копейный бой в военном искусстве калмыков и джунгар XVII – начала XIX вв. // Монголоведение. 2023. Т. 15, № 4. С. 574–576; Бобров Л.А., Ожередов Ю.И., 2021. С. 191–200.

¹¹ Бобров Л. А., 2023. Т. 15, № 4. С. 574–576; Бобров Л. А., Ожередов Ю.И., 2021. С. 191, 198; Бобров Л. А., Пастухов А. М., 2021б. Т. 14, № 4. С. 777, 779; Бобров Л. А., Пастухов А. М., 2021в. Т. 13, № 2. С. 196, 197; Русско-джунгарские отношения (конец XVII – 60-е гг. XVIII вв.). Документы и извлечения. Барнаул: Азбука, 2006. С. 123.

Рис. 2. Джунгарская пика-джид(а) с «отрезом» и кистями. Реконструкция по материалам вещественных и изобразительных источников.
Авторы реконструкции: Л.А. Бобров, Ю.А. Филиппович (мастер).

Джунгарские копейщики достигли высокого уровня мастерства во владении длиннодревковым оружием. Они практиковали не только традиционный для Центральной Азии тычковый удар копьём, наносимый двумя руками, но и различные приёмы фехтования древком, а также местный вариант «таранного» удара, когда копьё жёстко зажималось и фиксировалось подмышкой¹².

¹² Бобров Л.А. Техника конного копейного боя кочевников Центральной и Средней Азии XVII – середины XIX в. // Вестник Томского государственного университета. История. 2013. № 3. С. 217–221; Бобров Л.А., 2023. Т. 15, № 4. С. 577–579.

В ближнем бою воины Джунгарского государства применяли слабоизогнутые сабли или палаши с гардой в виде перекрестья (*илд*), мечи (*шор*), тяжёлые тесаки с изогнутым или прямым клинком-*сэлэм*. Среди мусульман Восточного Туркестана, наряду с тесаками, популярностью пользовались сильноизогнутые сабли (вероятно, *шамширы* и их среднеазиатские дериваты), а также обоюдоострые кинжалы (*ханджар*). Численно преобладали слабоизогнутые сабли и палаши с относительно коротким клинком. Тюркские воины охотно использовали в бою боевые топоры и секиры-*айбалта* на длинных кавалерийских топорищах (рис. 3). Отдельные образцы ударно-рубящего оружия могли дополнительно снабжаться копьевидным наконечником, металлической рукоятью и шипами на обухе. Среди этнических ойратов боевые топоры имели ограниченное распространение¹³.

Рис. 3. Ойратские воины с саблями и мусульмане с топорами. Фрагмент картины «Великая победа при Курмане [в 1759 г.]» для павильона «Цзыгуангэ», коллективный труд европейских и цинских придворных художников, ок. 1760 г., Гамбургский музей этнологии, г. Гамбург, ФРГ.

Подробнее о копейном бое ойратов, а также о его роли в военном искусстве джунгар и калмыков см.: [5].

¹³ Бобров Л.А., Пастухов А.М., 2021б. Т. 14, № 4. С. 775, 776, 782, 783; 770–796; Бобров Л.А., Пастухов А.М., 2021в. Т. 13, № 2. С. 192–199.

Метательное оружие дистанционного боя было представлено сложносоставными луками «монгольского типа» (с центральной костяной веслообразной накладкой на рукоять и роговыми плечевыми накладками), а также их дериватами. Стрелы джунгарского производства удостоились похвалы цинских чиновников: «качество хорошее, [отделка] тонкая, [стрелы] очень мощные»¹⁴. Не менее высоко были оценены и саадаки, изготовленные мусульманскими мастерами: «Сила [луков] очень большая... Из лучшей стали делают наконечники»¹⁵.

В целом, стрелковый набор джунгар напоминал цинский и продолжал линию развития, заданную кочевниками Центральной Азии периода развитого Средневековья. Он был ориентирован на ведение интенсивной лучной стрельбы на малой и средней дистанции. У мусульман Восточного Туркестана, наряду с центральноазиатскими, применялись луки западноазиатского типа, а также некоторые типы стрел, характерные для Средней и Западной Азии¹⁶.

Если первоначально доминирующей разновидностью металлического корпусного доспеха ойратов были пластинчато-клёпаннные панцири-«куяки» с внутренним бронированием, то начиная с последней трети XVII в. всё большую популярность набирают кольчужные доспехи как традиционных, так и местных вариантов покроя. К числу последних относилась «рубаха» с очень коротким подолом, стоячим воротником и длинными широкими рукавами до середины предплечья или даже до запястья (рис. 1)¹⁷. Иногда такой

¹⁴ Бобров Л.А., Пастухов А.М., 2021б. Т. 14, № 4. С. 781.

¹⁵ Бобров Л.А., Пастухов А.М., 2021в. Т. 13, № 2. С. 206–207.

¹⁶ Бобров Л.А., Пастухов А.М., 2021б. Т. 14, № 4. С. 781; Бобров Л.А., Пастухов А.М., 2021в. Т. 13, № 2. С. 206, 207.

¹⁷ Длинные рукава кольчуги позволяли отказаться от использования створчатых наручей. Судя по цинским портретам второй половины XVIII в., джунгарские и восточнотуркестанские кольчуги приглянулись офицерам императорской армии. Многие из цинских военачальников предпочли позировать перед художниками именно в трофейных кольчатых панцирях, в которых они сражались во время военных экспедиций в Центральную Азию [Бобров Л.А., Пастухов А.М. «Циньдин Хуаньюй Сией тучжи» как источник по вооружению и военной символике населе-

Рис. 4. Джунгарская или восточнотуркестанская кольчуга со стоячим воротником и кольчужными «штанами», первая половина – середина XVIII в. Захвачены цинскими войсками в 1759 г. Собрание музеев Гугун, г. Пекин, КНР.

панцирь дополнялся кольчужными «штанами» или набедренниками (рис. 4). Другой разновидностью покроя кольчатого корпусного доспеха был безрукавный жилет с боковым разрезом, который можно было носить поверх стеганого халата или даже не слишком толстого «мягкого» панциря из органических материалов¹⁸.

Кольчуги усиливались широкими пластинчатыми поясами-корсетами (*белдемчи*) (рис. 5) и зеркальными доспехами *чар-айна* из четырёх пластин подпрямоугольной или округлой формы. Данный комплекс защитного вооружения, состоящий из кольчуги, панцирного пояса и *чар-айна*, зафиксированный вещественными и письменными источниками первой половины – середины XVIII в., сохранялся в соседнем Тибете вплоть до XIX в.¹⁹

Определенное распространение в джунгарских войсках получили также кольчато-пластинчатые доспехи, в том числе и уни-

ния Центральной Азии середины XVIII в. // Bylye Gody. 2021a. №16(2). С. 515].

¹⁸ Бобров Л.А., Филиппович Ю.А. Кольчатый панцирь покроя «жилет» из Кош-Агачского района Республики Алтай // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2012. Т. 11. Вып. 5. Археология и этнография. С. 163–169.

¹⁹ Бобров Л.А., Ожередов Ю.И., 2021. С. 172–178; Бобров Л.А., Пас-тухов А.М., 2021в. Т. 13, № 2. С. 199, 202, 203.

фицированной конструкции в виде распашного жилета²⁰. На протяжении всего периода существования Джунгарии большой популярностью пользовались различные типы стёганных панцирей-*олбог*, подбитых хлопком и, возможно, шёлковой ватой²¹. В качестве защиты рук применялись пластинчатые нарукавья (*харабчи*, *харабч*) и створчатые наручи (рис. 5).

Рис. 5. Кольчужный «башлык», кольчатый панцирь, створчатые наручи и пластинчатый пояс-*бельдемчи* (предположительно из числа трофеев, захваченных цинскими войсками в 50-х гг. XVIII в.). Происходит из собрания *вана хошуна* Дөрвөн Хүүхэд (Сыцзы), Уланчаб, АР Внутренняя Монголия КНР.

²⁰ Бобров Л.А., Ожередов Ю.И. Панцирь-«калантарь» из Центральной Азии (Из истории «оружейного» собрания МАЭС ТГУ) // Культуры и народы Северной и Центральной Азии в контексте междисциплинарного изучения. Вып. 3. Томск: Томский государственный университет, 2013. С. 42–63.

²¹ Бобров Л.А., Пастухов А.М., 2021в. Т. 13, № 2. С. 200.

Боевые наголовья джунгар были представлены шлемами (рис. 6), мисюрками и кольчужными «башлыками» (рис. 5). Первоначально у ойратов тотально доминировали клёпаные шлемы с полусферической, сфероконической или сфероцилиндрической тульей. Однако в первой половине XVIII в. всё большую популярность стали набирать цельнокованные наголовья (рис. 6), часть которых, вероятно, была выкована мусульманскими мастерами на джунгарской службе²². Все виды шлемов могли дополняться козырьками и бармицами различных типов. Кроме того, цинские авторы середины XVIII в. упоминают на вооружении джунгар наголовья, снабжённые дополнительной защитой лица «из тонкого железа... из-под которой едва видны оба глаза»²³.

Рис. 6. Джунгарский
цельнокованный шлем
с «коробчатым» козырьком,
вторая половина XVII – середина
XVIII вв., Национальный музей
Республики Казахстан,
г. Астана, Республика
Казахстан [по: Бобров,
Агатай, Хасенов, 2024].

²² Бобров Л.А. Позднесредневековый шлем из Южно-Казахстанского областного Историко-краеведческого музея // Вестник НГУ. Сер.: История, филология. Т. 15. 2016. Вып. 3. С. 119–126; Бобров Л.А., Агатай У.М., Абдрахманов С.А. Цельнокованный шлем с серебряным орнаментом второй половины XVII – середины XVIII вв. из собрания Национального музея Республики Казахстан // Былые годы. 2024. № 19(3). С. 1027–1039.

²³ Бобров Л.А., Пастухов А.М., 2021б. Т. 14, № 4. С. 783.

Шлемы и панцири ойратских воинов обильно покрывались буддийскими религиозными символами, которые должны были уберечь владельца доспеха не только от оружия противника, но и от вражеского магического воздействия²⁴.

Джунгарских воинов ойратского происхождения можно было легко узнать на поле боя по характерным головным уборам. Большинство джунгар носили невысокие конические колпаки с жёлтой тульей и отогнутыми вверх разрезанными полями. Известной популярностью среди знати также пользовались шляпы различных фасонов. Все виды ойратских головных уборов обычно дополнялись красной кистью (*улан зала*). Вопреки распространённому мнению, мусульмане Восточного Туркестана редко носили чалмы, предпочитая им шапки с меховой опушкой и конические колпаки. Форма последних напоминала джунгарский аналог, однако, в отличие от ойратских головных уборов, тулья мусульманских шапок обшивалась тканью любого цвета, кроме жёлтого. Кроме того, мусульмане не носили кисть *улан зала*.

Военным символом и ориентиром для воинов на поле боя и во время похода были знамёна с вертикальным прямоугольным полотнищем и фигурным навершием. Цинские авторы середины XVIII в. выделяют несколько разновидностей знамён джунгар и их бывших мусульманских вассалов.

Знамена-*мани*, принадлежавшие джунгарским *зайсанам* и младшим командирам, снабжались цветным полотнищем из хлопчатобумажной ткани высотой до 3,3 м и шириной до 2,6 м. Поверхность флага покрывали буддийские мантры: «При ветре [полотнища] движутся и [словно] читают [мантры] наизусть»²⁵. Согласно сообщениям цинским современников, знамёна джунгарских *тайджжи* (*туг-мани*) имели зелёное шёлковое полотнище примерно 3,2 на 2,6 м²⁶. Древко знамени могло венчать фигурное навершие с

²⁴ Бобров Л.А., Ожередов Ю.И., 2021. С. 105–109, 113–115.

²⁵ Бобров Л.А., Пастухов А.М., 2021в. Т. 13, № 2. С. 787, 788.

²⁶ Вероятно, зелёный цвет был популярным, но не единственно возможным цветом знамён высшей джунгарской знати. Так, например, полотнище флага Амурсаны имело синий или голубой цвет.

волосыным бунчуком под ним²⁷. Наряду со знамёнами, покрытыми ламаистскими мантрами, ойратскими воинами применялись флаги на которых были изображены представители буддийского пантеона, звери, птицы и др. Край полотнища мог оформляться длинными лентами-«языками» или небольшими кисточками²⁸.

Малое знамя мусульманских беков Восточного Туркестана именовалось *алам*. Белое полотнище, размером примерно 1,6 на 1 м, дополнялись выполненной арабицей надписью с именем бека. Большие знамёна-*туг* снабжались цветным флагом почти квадратной формы со сторонами около 2,2–2,6 м. Древко венчало золотое навершие с именем «основателя религии – Пророка», кроме того, на знамени были «...сделаны из красного конского волоса ленты, которые свисают как бахрама»²⁹.

Важной особенностью военного искусства джунгар конца XVII – середины XVIII вв. было активное использование ручного огнестрельного оружия, а во второй половине периода также полевой артиллерии (пушек и мортир).

Первоначально джунгары испытывали дефицит огнестрельного оружия, однако в последней трети XVII в. Галдану Бошоктухану удалось закупить в государствах Средней Азии большое количество ружей, что существенно повысило боевой потенциал джунгарских войск и в значительной степени изменило традиционную ойратскую тактику³⁰.

Важнейшим технологическим прорывом стала организация собственного производства огнестрельного оружия: фитильных ружей (начато в конце XVII – начале XVIII вв.), пушек и мортир

²⁷ Бобров Л.А., Пастухов А.М., 2021в. Т. 13, № 2. С. 789.

²⁸ Бобров Л.А., Борисенко А.Ю., Худяков Ю.С., 2010. С. 166; Бобров Л.А., Худяков Ю.С. Вооружение и тактика кочевников Центральной Азии и Южной Сибири в эпоху позднего Средневековья и Нового времени (XV – первая половина XVIII в.). СПб.: Фак. филол. и искусств СПбГУ, 2008. С. 313–318.

²⁹ Бобров Л.А., Пастухов А.М. Вооружение и знамена мусульманского населения Восточного Туркестана и сопредельных территорий середины XVIII в. по материалам «Циньдин Хуаньюй Сией тучжи» // Монголоведение. 2021в. Т. 13, № 2. С. 209–211.

³⁰ Бобров Л.А., Худяков Ю.С., 2008. С. 167–175, 574–579.

(начато в середине 20-х гг. XVIII в.)³¹, а также различных видов боеприпасов. Производство огнестрельного оружия являлось исключительной прерогативой центральных властей. Для непосредственного контроля над военными предприятиями были назначены две группы специальных чиновников, подчинявшихся непосредственно *хунтайджи*. В начальный период на предприятиях, производивших огнестрельное оружие, работали мастера преимущественно иностранного происхождения (мусульмане Восточного Туркестана, захваченные во время экспедиции И.Д. Бухгольца шведы, русские пленные и перебежчики, и др.). Впоследствии к ним присоединились и ойратские ремесленники³².

Характерными особенностями конструкции джунгарских ружей («турок калмыцких») был длинный кованый ствол, фитильный замок с S-образным курком и парные сошки (рис. 7). Последние перед выстрелом втыкались в землю и служили для повышения точности стрельбы. Один конец фитиля укреплялся в раздвоенное навершие курка, а второй – в специальный кошель, приклепанный к правой стороне приклада, откуда фитиль вытягивался стрелком по мере необходимости.

Начало собственного ружейного производства в Джунгарии имело принципиальное значение для развития вооружённых сил «Последней Кочевой империи». Если раньше джунгарские правители были вынуждены закупать или захватывать огнестрельное оружие и боеприпасы у своих осёдлых соседей, то теперь они могли самостоятельно контролировать и направлять процесс перевооружения армии – от добычи руды до поступления ружей и пушек в войска³³.

³¹ Первые небольшие пушки (по предположению русских посланников – китайского производства) появились в Джунгарии ещё в первой половине XVII в. [Бобров Л.А., Худяков Ю.С. Вооружение и тактика кочевников Центральной Азии и Южной Сибири в эпоху позднего Средневековья и Нового времени (XV – первая половина XVIII в.). СПб.: Фак. филол. и искусств СПбГУ, 2008. С. 214, 215].

³² Бобров Л.А., Худяков Ю.С., 2008. С. 181–190.

³³ Бобров Л.А., Худяков Ю.С., 2008. С. 181–190.

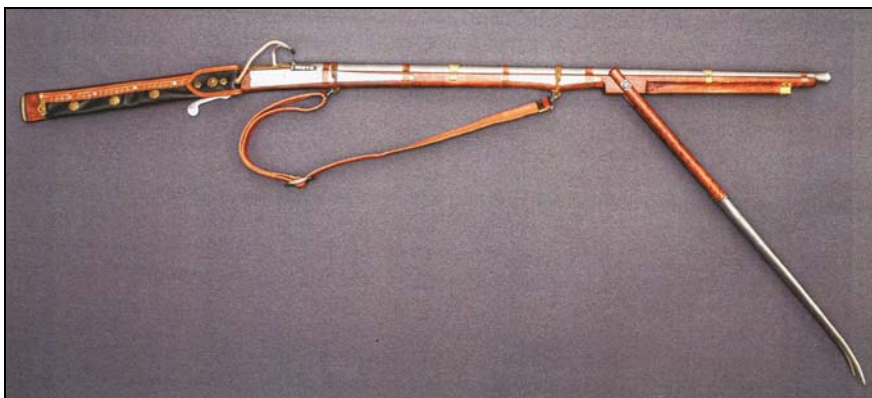

Рис. 7. Джунгарское фитильное ружье («турка калмыцкая») с сошками. Предметная научно-историческая реконструкция по вещественным и изобразительным источникам.
Авторы реконструкции: Л.А. Бобров, Ю.А. Филиппович (мастер).

Собственное производство ружей и боеприпасов резко повысило боеспособность джунгарских войск, сделало их грозным противником не только для казахских и монгольских, но и для российской и цинской армий. Ни один из кочевых народов Средней и Центральной Азии, кроме джунгар, так и не смог создать собственного массового производства огнестрельного оружия. Успехи же джунгар в этом направлении поразительны. Если в XVII в. ойраты приобретали ружья в России (нелегально) и в Средней Азии, то в конце первой половины XVIII в. они сами стали экспортировать ружья за границу (в том числе в русские города Южной Сибири). Ружейная стрельба вошла в число соревнований на праздничных мероприятиях наряду с традиционными конскими скачками, борьбой и стрельбой из лука. Судя по изобразительным и письменным источникам, по степени оснащённости ручным огнестрельным оружием джунгары в середине XVIII в. практически сравнялись (если не превосходили) войска Цинской империи, действовавшие на центральноазиатском направлении³⁴.

³⁴ Бобров Л.А., Борисенко А.Ю., Худяков Ю.С., 2010. С. 174–175; Бобров Л.А., Худяков Ю.С., 2008. С. 182, 188–190, 595.

В середине 20-х гг. XVIII в. в Джунгарии было создано собственное пушечное производство. Около 1726 г. под наблюдением пленного шведского штык-юнкера И.Г. Рената был запущен первый оружейный завод в районе оз. Иссык-Куль. В 1741–1742 гг. при содействии европейских (преимущественно русских) мастеров³⁵ «заводы пушечного дела» были открыты у р. Темирлик (приток Или) и в г. Яркенде (Восточный Туркестан). На предприятии работали около 3 тыс. человек³⁶.

В 1726–1733 гг. Ренат и его помощники отлили не менее 20 трёх- и четырёхфунтовых орудий, и не менее 20 десятифунтовых мортир. На протяжении второй половины 30-х гг. XVIII в. артиллерийский арсенал джунгарской армии был существенно увеличен. По сведениям самих джунгар, парк крупнокалиберных фитильных ружей, перевозимых на лошадях и верблюдах (рис. 8) в начале 40-х гг. XVIII в. якобы насчитывал около 3 тыс. ед. Полевая джунгарская артиллерия состояла из 50 «ломовых» пушек (3–4-фунтового калибра), и, кроме того, в джунгарской армии насчитывалось 30 десятифунтовых мортир. Обслужу орудий составляли джунгарские пушкари, обученные самим И.Г. Ренатом или прошедшие курс по оставленным им «книгам артиллерного дела». Таким образом, в абсолютных величинах численность джунгарских 3–4-фунтовых пушек (рис. 9) за 9 лет увеличилась более чем в два раза (с 20 до 50 шт.), а количество мортир возросло на треть (с 20 до 30 шт.). Это свидетельствует о том, что джунгарское артиллерийское производство, даже после отъезда И.Г. Рената, продолжало активно развиваться. В целом, джунгарский артиллерийский парк по своей численности был вполне сопоставим как с русской,

³⁵ В Джунгарии трудилось несколько русских мастеров, по разным причинам эмигрировавших в Центральную Азию. Российские дипломаты добивались их выдачи, однако сами беглецы не спешили вернуться на родину, справедливо опасаясь наказания со стороны имперских властей. В этом их поддерживали джунгарские *хунтайджи*, которые ценили перебежчиков как квалифицированных специалистов-оружейников.

³⁶ Бобров Л.А., Худяков Ю.С., 2008. С. 564–604.

так и с цинской полевой артиллерией, сосредоточенной в южносибирском и центральноазиатском регионе³⁷.

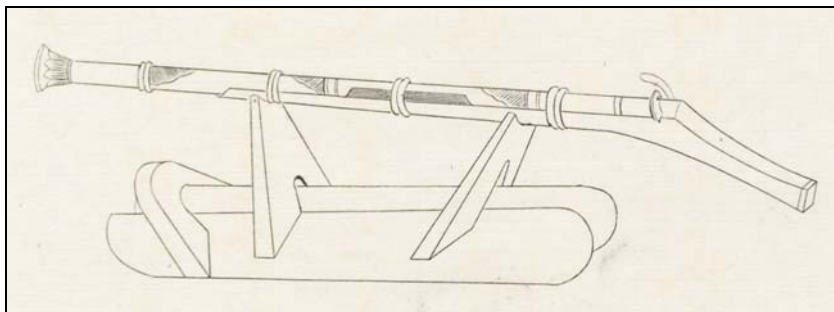

Рис. 8. Так называемое «мусульманское орудие» (*хуйпао*), то есть крупнокалиберное ружье в «седле» для перевозки на верблюде. Захвачено на территории Джунгарии или Восточного Туркестана в 1755–1759 гг. «Да Цин хуйдянь ту», 1899 г. Изображение скопировано с оригинального рисунка в «Хуанчао лици туши», 1766 г.

Наряду с пушками, джунгарскими мастерами было освоено и производство боеприпасов. В 1762 г. цинские офицеры раскопали у р. Темерлик джунгарский тайник, в котором, помимо пушек и мортир, находилось более 10 тыс. больших и малых ядер³⁸. Кроме того, И.Г. Ренату удалось организовать в Джунгарии производство гранат для мортир, однако к середине XVIII в. эта технология была утрачена³⁹.

³⁷ Бобров Л.А., Пастухов А.М., 2021а. С. 170–247; Бобров Л.А., Худяков Ю.С., 2008. С. 223–256, 595–599.

Подчеркивая успехи джунгарских оружейных предприятий, стоит отметить, что сколько-нибудь массовой осадной артиллерии джунгары так и не создали. Эксперименты в данном направлении, проводившиеся пленными русскими мастерами, были прерваны междоусобной войной в Джунгарии. Отсутствие осадной артиллерии стало одной из причин неудач джунгар в войнах с Кокандом в первой половине – середине 40-х гг. XVIII в.

³⁸ Бобров Л.А., Пастухов А.М., 2021а. С. 514, 515.

³⁹ Русско-джунгарские отношения..., 2006. С. 159.

Рис. 9. Цинский всадник ведёт в поводу верблюда с трофейной пушкой в ясельном седле. Фрагмент гравюры, изображающей сражение у р. Аличур в 1759 г., офорт И.С. Эльма (1785 г.) с рисунка Ж.-Д. Аттире (ок. 1763 г.).

Создание собственного артиллерийского производства в Джунгарии является уникальным для Центральной Азии примером адаптации кочевого этноса к стремительно меняющимся военно-политическим условиям эпохи «Пороховой революции». Необходимо подчеркнуть, что все основные противники Джунгарии в кочевом мире – казахи, киргизы, каракалпаки, халха-монголы – не только не создали собственного пушечного производства, но и вообще не обладали сколько-нибудь значительным артиллерийским парком⁴⁰.

Однако надвигающийся системный кризис джунгарской государственности отразился и на военном потенциале «Последней кочевой империи». В условиях междоусобной борьбы середины XVIII в. некогда обширный джунгарский артиллерийский парк был поделён между враждующими группировками. Согласно рапорту сержанта Филимонова, уже в 1750 г. в ставке (*урге*) *хунтайджи* Ламдорджа находилось лишь «...пять пушек, с *ургою* вместе кочуют, длиною аршина по два с лишком (более 142 см. – *Авт.*), железные⁴¹, делаются у них в *урге*, примером выстрелом в полфун-

⁴⁰ Бобров Л.А., Борисенко А.Ю., Худяков Ю.С., 2010. С. 179.

⁴¹ Вероятно, чугунные.

та (около 200 г. – *Авт.*), их мастерами»⁴². Кроме того, «...в краю от нашей стороны три пушки у Амурсамана (т.е. у *нойона* Амурсаны – *Авт.*). А которые пушки зделаны русским Иваном Михайловым за величиною и тягостию без действия. Порох и свинец делается у них многими, а при чириках ружья-турки, длиною по без четверти и в два аршина (ок. 1,2 м), а болше сайдаков с луками и со стрелами, а более никакова воинского снаряда не имеют, токмо при других краях имеются ли знать не можно»⁴³.

Сержант Филимонов не мог знать о том, что и другие ойратские и мусульманские владетели также не преминули поучаствовать в расхищении джунгарского артиллерийского арсенала. Кроме того, две пушки и две мортиры были зарыты ойратами у р. Термерлик рядом с заводом, где они изготавливались⁴⁴.

В результате дележа джунгарской артиллерии в решающем бою у горы Гэдэн-ола в 1755 г. в войсках последнего *хунтайджи* Даваци будет лишь шесть орудий. Все они окажутся в руках цинских военных. По мере продвижения имперских отрядов вглубь Центральной Азии, ими будут захвачены и другие пушки, и мортиры. Вероятно, последние орудия, применявшиеся в ходе боевых действий, будут отбиты цинскими солдатами у мусульманских воинов братьев-*ходжей* в сражении в долине р. Аличур 29 августа 1759 г.

Системный кризис поразивший Джунгарию во второй половине 40-х – середине 50-х гг. XVIII в. был обусловлен целым комплексом различных экономических и военно-политических причин, а также эпидемией оспы⁴⁵. Недостаток ресурсов приводил к закрытию добывающих и обрабатывающих предприятий, в том числе оружейных производств. Последние, помимо прочего, становились объектом атак соседей, стремящихся ослабить регио-

⁴² Русско-джунгарские отношения..., 2006. С. 159.

⁴³ Там же.

⁴⁴ Бобров Л.А., Пастухов А.М., 2021а. С. 514, 515.

⁴⁵ Подробнее об этом см.: Бобров Л.А. Закат «Последней Кочевой империи». Военное дело джунгар середины XVIII в. // *Parabellum novum: Военно-исторический журнал*. 2022. № 17 (50). С. 5–33.

нального гегемона⁴⁶. Все эти факторы не могли не повлиять на уровень оснащённости джунгарских войск различными видами вооружения.

Первые кризисные явления стали заметны уже в середине 40-х гг. XVIII в. Особенно ярко они проявлялись на окраинах последней кочевой империи. Дипломаты, торговцы и путешественники, посещавшие Джунгарию неоднократно отмечали плохое оснащение оружием ойратских воинов на границе. Так, например, И.К. Резвых описал бойцов джунгарского караула в 1745 г. следующим образом: «... как шли мы ныне ис той землицы в Россию с корованом, то близ тракту по обе стороны видели чириков в карауле кибиток с шестьдесят, а в каждой кибитке человека по два и по три, а ружья у них несколки человек есть турки (т.е. фитильные ружья – *Авт.*), а у других по болшей части сайдаки, а в сайдаках стрел не помногу, токмо копейных ратовищ простых без копий у каждой кибитки по два и по три стоит⁴⁷, и в ружье они весма неисправны, а лошади весма у них от худобы плохи»⁴⁸. Об использовании джунгарскими «чириками» цельнодеревянных пик без стальных наконечников писал в середине 40-х гг. XVIII в. и российский поручик Ф. Аблязов: «Копейные ратовища без копей, а для виду на концах обстроганы и обожжены...»⁴⁹.

Тем не менее, имевшийся запас прочности позволял некоторое время поддерживать уровень боеготовности войск, по крайней мере в центральных районах *хунтайджийства*. Тобольский дворянин Алексей Плотников, посетивший Ургу в начале 50-х гг.

⁴⁶ Так, например, тяжелейшим ударом для Джунгарии стал кокандский набег 1753 г., в ходе которого были атакованы и разгромлены знаменитые джунгарские железнодобывающие базы у оз. Иссык-Куль.

⁴⁷ Учитывая, что в кибитке проживали по 2-3 воина, практически все воины караула были оснащены цельнодеревянными пиками.

⁴⁸ Русско-джунгарские отношения..., 2006. С. 123.

⁴⁹ Бобров Л.А., Худяков Ю.С., 2008. С. 296. Отсутствие железных наконечников («копий») на древках («ратовищах») может иметь двоякое объяснение. Либо они еще не были насажены на древки, либо джунгарские бойцы использовали заостренные на конце цельнодеревянные пики в качестве боевого оружия. Подобная практика сохранялась среди кочевников Центральной Азии (в частности, у казахов) и в более позднее время.

XVIII в. описал отправлявшуюся в поход армию *хунтайджи* Ламадоржи следующим образом: «И минувшаго июля с 15 числа [1751 г.] выступило зенгорского войска тритцать тысяч... И во оное число войска командированы от 15 до 60 лет возраста.... Артиллерии при войске кроме разве малых пушек, коих на верблюдах по одной возят до 25 или до 20, более быть неуповаемо, которые в дуле не более российских мушкетонов, а в длину 21/22 аршина⁵⁰, но более что турки с фитилями⁵¹, луки с сайдаками, копья; многие из них в панцырях и латах⁵². И ныне при Урге владельца (т.е. джунгарского *хунтайджи* – *Авт.*) российских ружей з [кремневыми] замками до ста или более находитца, которые из России секретно бухарцы вывозят в верблюжьих жасал, яко то седлах...»⁵³.

⁵⁰ Вероятно, речь идет о крупнокалиберных ружьях (рис. 8) или небольших малокалиберных полевых пушках (рис. 9), которые были неоднократно зафиксированы у джунгар, как российскими, так и цинскими современниками. Отличительной особенностью мушкетонов был расширяющийся у дульного отверстия ствол. По всей видимости, используя данное сравнение, Плотников пытался подчеркнуть, что ствол джунгарских «пушек» имел небольшой диаметр, но был все-таки больше диаметра ствола обычных российских ружей. Что касается длины оружия, то в тексте явно допущена ошибка или опечатка. Длина ствола в 22–23 аршина (14,7–16,1 м) представляется совершенно невероятной. Скорее всего, в оригинальном тексте или в публикации пропущена запятая и оружие имело длину 2,2–2,3 аршина, то есть 1,5–1,6 м. В пользу данной версии свидетельствует описание трофейного «мусульманского орудия» (*хуйнао*) захваченного цинскими войсками на территории Джунгарии или Восточного Туркестана в 1755–1759 гг. (рис. 8). Оно представляло собой крупнокалиберное ружье длиной 1,6 м. и перевозилось на верблюде в специальном ясельном «седле» [Бобров Л. А., Пастухов А. М. Вооружение и знамена ойратов Джунгарии середины XVIII в. по материалам «Циньдин Хуанььюй Сиюй тучжи» // *Oriental Studies*. 2021б. Т. 14, № 4. С. 786], что соответствует описанию А. Плотникова.

⁵¹ То есть ружья с фитильным замком.

⁵² Наиболее вероятно, что в данном случае речь идет о кольчатых «пансырях» и пластинчатых «куяках», которые в русских источниках XVIII–XIX вв. иногда называли «латами».

⁵³ Бобров Л. А., Худяков Ю.С., 2008. С. 164–165.

Наращение внутривойсковой борьбы привело к гражданской войне в Джунгарии (1751–1754), что, вероятно, также сказалось на оснащении ойратских войск различными видами вооружения. Согласно «Истории дурбэн-ойратов»⁵⁴ последний джунгарский *хунтайджи* Даваца (1753–1755) попытался организовать в Урге массовое оружейное производство. Так, в частности, отмечается, что он «... приказал изготовить пятьсот отличных пушек⁵⁵, ружей и шлемов с бляхой в виде полумесяца»⁵⁶. Однако неизвестно был ли этот план реализован хотя бы частично. С высокой долей вероятности можно предполагать, что основная часть оружия и доспехов использовавшаяся джунгарами в ходе трагических событий 1755–1758 гг. была представлена изделиями десятилетней и более давности.

Подводя итог настоящего обзора необходимо отметить, что на момент крушения «Последней кочевой империи» ее военная промышленность находилась в упадке. Заводы по производству пушек были остановлены, а железякодобывающие и производственные (в том числе оружейные) центры становились объектом нападений соседей, что затрудняло их нормальное функционирование. Однако в краткосрочной перспективе данные явления, сами по себе, еще не могли привести к военной катастрофе. Создаваемый на протяжении полувека «запас прочности» джунгарского оружейного комплекса был еще велик. Поэтому даже во второй половине 50-х гг. XVIII в. джунгарская конница была достаточно неплохо оснащена длиннодревковым и ручным огнестрельным оружием. Сохранился и артиллерийский парк, хотя он и был разделен между различными ойратскими правителями, что заметно снижало эффективность его боевого применения.

⁵⁴ По мнению калмыцкого исследователя В. П. Санчирова данный источник был составлен в 60–70-х гг. XVIII в., то есть вскоре после описываемых в нем событий [Письменные памятники по истории ойратов XVII–XVIII веков. Элиста: КИГИ РАН, 2016. С. 51].

⁵⁵ Возможно, имеются в виду упомянутые выше крупнокалиберные ружья, перевозившиеся на верблюдах.

⁵⁶ Письменные памятники по истории ойратов XVII–XVIII веков. Элиста: КИГИ РАН, 2016. С. 75.

Цинские современники признавали достаточно высокий потенциал джунгарских войск и полагали, что военное дело ойратов является квинтэссенцией военного искусства кочевников Центральной Азии более ранних исторических периодов: «На основании древних воинских установлений жуаньжуаней, воинского снаряжения [древних] тюрок и считавшегося сильнейшим среди западных племен [тюрок] шато, в наши времена [джунгары] тоже полагались на крепкие доспехи и острое оружие, чтобы убивать из ненависти, сделавшись [самыми] жестокими и коварными среди племен северо-запада... [Они] умели хорошо воевать и были хороши в поле...»⁵⁷.

Причины гибели джунгарской государственности на наш взгляд кроются не в низкой эффективности оружейного комплекса, военного дела или военной культуры ойратов, а в упомянутом выше системном кризисе поразившим «Последнюю кочевую империю» в середине XVIII в.⁵⁸

Системный кризис был обусловлен перенапряжением джунгарской экономики и общества в целом вследствие перманентных войн, которые способствовали нарастанию экономического кризиса, проходившего на фоне масштабной эпидемии оспы, расколом правящей элиты, восстаниями покоренных народов, междоусобной войной в Джунгарии и последующей масштабной военной интервенцией соседей⁵⁹.

Особо подчеркнём, что каждая из этих причин по отдельности не представляла смертельной опасности для Джунгарии. Сложности в экономике и междоусобные столкновения периодически тревожили джунгарскую государственность на протяжении всего периода её существования. Что же касается цинских и казахских нашествий, то их джунгары с успехом отбивали на протяжении всей

⁵⁷ Бобров Л.А., Пастухов А.М., 2021б. Т. 14, № 4. С. 790.

⁵⁸ Под системным кризисом понимается ситуация, когда система теряет внутренние потенции развития, адаптации, выбора решений и способности к адекватной реакции на окружающие явления.

⁵⁹ Бобров Л.А. Закат «Последней Кочевой империи». Военное дело джунгар середины XVIII в. // *Parabellum novum: Военно-исторический журнал*. 2022. № 17 (50). С. 26–32.

первой половины XVIII в. Трагедия джунгарского общества, заключалась в том, что все упомянутые проблемы возникли практически одновременно и наложились одна на другую, породив системный кризис джунгарской государственности.

Цинская империя внимательно следила за ситуацией в стане своего давнего противника, и, в строгом соответствии с планом, разработанным ещё в первой четверти XVIII в., вмешалась в ситуацию ровно тогда, когда системный кризис в Джунгарии достиг своего апогея.

К началу Джунгаро-Цинской войны 1755 г. «Последняя Кочевая империя» уже была колоссом на глиняных ногах. Ойратская знать не любила и не доверяла *хунтайджи* Даваца, который стремясь занять престол неоднократно наводил на джунгарские *улусы* ватаги свирепых казахских *батыров*. Эпидемия, экономический кризис, вражеские вторжения и многолетние междоусобные войны привели к колоссальным человеческим жертвам и обнищанию населения. Кроме того, цинскому командованию удалось представить поход 1755 г. как продолжение междоусобной войны джунгарской знати. В авангарде наступающей императорской армии шли тысячи ойратских воинов во главе с хойтским *нойоном* Амурсаной, который пользовался значительной популярностью среди ойратских кочевников. Это дезориентировало тех, кто хотел сражаться, и побуждало к скорейшей сдаче тех, кто был обижен Даваца. Стоит ли говорить о том, что боевой дух джунгар в 1755 г. был крайне низок. В армии царили упаднические настроения и процветало дезертирство.

Символично, что единственное большое сражение последней Джунгаро-Цинской войны 1755 г. стало битвой одних ойратов против других. Причём джунгарские воины показали явное нежелание сражаться и умирать за Даваца, в то время как джунгары на цинской службе в очередной раз продемонстрировали миру свою ойратскую доблесть. Именно ойратский «спецназ» из 25 конных воинов во главе со знаменитым копейщиком Аюши (рис. 1) принёс императорским войскам победу в бою с армией Даваца у горы Гэ-дэн-ола в ночь с 23 на 24 июня 1755 г. (рис. 10).

Рис. 10. Ойраты Даваци сражаются против ойратов Аюши в битве у горы Гэдэн-ола в 1755 г. Фрагмент гравюры И.С. Эльма (1784 г.) с рисунка Дж. Кастильоне (1764–1765 гг.).

После сражения, джунгарские аристократы один за другим стали присягать цинскому императору, но лишь для того, чтобы через несколько месяцев вновь поднять знамя вооруженной борьбы против Пекина. Это восстание раскололо ойратскую элиту. Многие *нойоны* предпочли сохранить лояльность империи в то время, как другие вступили в ожесточенную борьбу как с цинскими войсками, так и с амбициозными сородичами пытающимися воссесть на призрачный престол правителя уже несуществующей державы.

Подчеркнем, что джунгарская «военная машина» была сломана ещё до злополучной битвы у Гэдэн-ола, но после этой военной катастрофы она рассыпалась на составляющие элементы. Некоторые из этих фрагментов еще продолжали функционировать: ополченцы всё также прибывали на свои призывные пункты, в арсеналах *тайджис* ещё сохранялись ружья, пушки и боеприпасы, изготовленные до системного кризиса, скрывались в горах отчаянные партизаны-«*махачины*». Однако эти элементы уже не складывались в единую «военную машину», вызывавшую оправданную

тревогу у всех соседей Джунгарии. После битвы у Гэдэн-ола казахским ханам и цинским военачальникам противостояла уже не армия Джунгарского *хунтайджийства*, а отряды отдельных «малых *тайджи*», *нойонов* и *зайсанов*, которые сражались не только с внешним врагом, но и между собой. Такие отряды ещё могли добиваться некоторых локальных успехов, но уже не могли победить в большой войне.

Тем не менее, ойратские *тайджи* в 1755–1758 гг. раз за разом поднимали своих подданных на борьбу против гораздо более могущественных врагов. Что двигало ими? Личные амбиции? Узкий военный и политический кругозор? Надежда на то, что цинские войска рано или поздно оставят Джунгарию и вернутся на свои базы? А может быть, их побуждал к сопротивлению свободолюбивый дух, вера в непобедимость ойратского оружия и Джунгарской державы, которая более столетия доминировала в Центральной Азии? Скорее всего, все эти факторы сыграли свою роль в том, что многие ойратские владетели не отказались от продолжения борьбы даже в самой отчаянной ситуации. Непостоянство и неуступчивость ойратов вызвали тревогу и ярость императора Цяньлуна, который хорошо помнил, какие проблемы доставляли джунгары его деду – императору Канси, и отцу – императору Юнчжэну. Стремясь поскорей затушить пламя джунгарского восстания, власти Поднебесной перешли от политики умиротворения ойратов к политике военного террора. В конечном счёте, это привело к грандиозной кровавой катастрофе 1757–1758 гг., в огне которой окончательно погибла не только джунгарская государственность, но и сам джунгарский народ.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бобров Л.А. Техника конного копейного боя кочевников Центральной и Средней Азии XVII – середины XIX в. // Вестник Томского государственного университета. История. 2013. №3. С. 216–221.
2. Бобров Л.А. Позднесредневековый шлем из Южно-Казахстанского областного Историко-краеведческого музея // Вестник НГУ. Сер.: История, филология. Т. 15. 2016. Вып. 3. С. 119–126.

3. Бобров Л.А. Джунгары – последняя Кочевая империя // Кочевые империи Евразии: особенности исторической динамики. М.: Наука, Вост. Лит., 2019. С. 364–398.

4. Бобров Л.А. Закат «Последней Кочевой империи». Военное дело джунгар середины XVIII в. // *Parabellum novum*: Военно-исторический журнал. 2022. № 17(50). С. 5–33.

5. Бобров Л.А. Копейный бой в военном искусстве калмыков и джунгар XVII – начала XIX вв. // *Монголоведение*. 2023. Т. 15, № 4. С. 551–592.

6. Бобров Л.А., Агатай У.М., Абдрахманов С.А. Цельнокованный шлем с серебряным орнаментом второй половины XVII – середины XVIII вв. из собрания Национального музея Республики Казахстан // *Былые годы*. 2024. № 19(3). С. 1027–1039.

7. Бобров Л.А., Борисенко А.Ю., Худяков Ю.С. Взаимодействие тюркских и монгольских народов с русскими в Сибири в военном деле в позднее Средневековье и Новое время: учебное пособие. Новосибирск: НГУ, 2010. 288 с.

8. Бобров Л.А., Ожередов Ю.И. Панцирь-«калантарь» из Центральной Азии (Из истории «оружейного» собрания МАЭС ТГУ) // *Культуры и народы Северной и Центральной Азии в контексте междисциплинарного изучения*. Вып. 3. Томск: Томский государственный университет, 2013. С. 42–63.

9. Бобров Л.А., Ожередов Ю.И. Доспех воина Джамсарана. Центральноазиатский панцирь-«куяк» из собрания МАЭС ТГУ. Новосибирск: ИПЦ НГУ, 2021. 228 с.

10. Бобров Л.А., Пастухов А.М. Ойратская артиллерия XVII–XVIII вв.: вопросы происхождения, конструкции и боевого применения // *Вооружение и военное дело кочевников Сибири и Центральной Азии*. Новосибирск: Изд-во Новосиб. гос. ун-та, 2007. С. 170–247.

11. Бобров Л.А., Пастухов А. М. «Циньдин Хуаньюй Сией тучжи» как источник по вооружению и военной символике населения Центральной Азии середины XVIII в. // *Bylye Gody*. 2021a. №16(2). С. 506–526.

12. Бобров Л.А., Пастухов А.М. Вооружение и знамена ойратов Джунгарии середины XVIII в. по материалам «Циньдин Хуаньюй Сией тучжи» // *Oriental Studies*. 2021b. Т. 14, № 4. С. 770–796.

13. Бобров Л.А., Пастухов А.М. Вооружение и знамена мусульманского населения Восточного Туркестана и сопредельных территорий середины XVIII в. по материалам «Циньдин Хуаньюй Сией тучжи» // *Монголоведение*. 2021в. Т. 13, № 2. С. 186–221.

14. Бобров Л.А., Филиппович Ю.А. Кольчатый панцирь покроя «жилет» из Кош-Агачского района Республики Алтай // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2012. Т. 11. Вып. 5. Археология и этнография. С. 163–169.

15. Бобров Л.А., Худяков Ю.С. Монгольское влияние на военное дело тибетцев в позднем Средневековье и начале Нового времени // Вестник НГУ. Сер.: История, филология. 2006. Т. 5. Вып. 3 (прил. 2). С. 188–234.

16. Бобров Л.А., Худяков Ю.С. Вооружение и тактика кочевников Центральной Азии и Южной Сибири в эпоху позднего Средневековья и Нового времени (XV – первая половина XVIII в.). СПб.: Фак. филол. и искусств СПбГУ, 2008. 770 с.

17. Письменные памятники по истории ойратов XVII–XVIII веков. Элиста: КИГИ РАН, 2016. 270 с.

18. Русско-джунгарские отношения (конец XVII – 60-е гг. XVIII вв.). Документы и извлечения. Барнаул: Азбука, 2006. 360 с.

Леонид Александрович Бобров – доктор исторических наук, профессор кафедры археологии и этнографии, ведущий научный сотрудник лаборатории гуманитарных наук, Новосибирский государственный университет; ведущий научный сотрудник, Калмыцкий научный центр Российской Академии наук, Новосибирск, Российская Федерация, spsml@mail.ru

Leonid A. Bobrov – Dr. Sci. (History), Professor of the Department of Archaeology and Ethnography, Leading Research Fellow of the Humanities Research Laboratory, Novosibirsk State University; Leading Research Fellow, Kalmyk Research Center of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation, spsml@mail.ru

Список основных трудов И.Л. Измайлова

1984

1. Измайлов И.Л. Поход русских князей на Великий город в 1183 г. и некоторые вопросы тактики обороны волжских булгар // Археологические памятники Нижнего Прикамья. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1984. С. 99–107.

1985

2. Измайлов И.Л. История изучения военно-оборонительного дела волжских булгар // Военно-оборонительное дело домонгольской Булгарии. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1985. С. 7–21.

1986

3. Измайлов И.Л. О русско-булгарских связях в области техники и военного дела // Волжская Булгария и Русь. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1986. С. 123–138.

1988

4. Измайлов И.Л. Из истории домонгольского и раннезолотоордынского защитного доспеха волжских булгар // Волжская Булгария и монгольское нашествие. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1988. С. 87–102.
5. Измайлов И.Л., Марков В.Н. Железная маска-забрало с территории Волжской Булгарии // Волжская Булгария и монгольское нашествие. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1988. С. 120–124.
6. Измайлов И.Л. Оружие ближнего боя ранних булгар // Ранние болгары в Восточной Европе. Тез. докл. науч. конф. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1988. С. 5–6.

1989

7. Измайлов И.Л. Оружие ближнего боя волжских булгар VIII–X вв. / И.Л. Измайлов // Ранние болгары в Восточной Европе. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1989. С. 107–121.
8. Измайлов И.Л. Исследование болгарских городищ на территории Татарии / И.Л. Измайлов // Археологические открытия Урала и Поволжья. – Сыктывкар. 1989. С. 59–60.
9. Измайлов И.Л., Газимзянов И.Р. Раскопки болгарских мусульманских могильников в Татарии // Археологические открытия Урала и Поволжья. Сыктывкар: Изд-во Коми научный центр УрО АН СССР, 1989. С. 50–51.

1990

10. Измайлов И.Л. Появление и ранняя история стремян в Среднем Поволжье // Военное дело древнего и средневекового населения Северной и Центральной Азии. Новосибирск: ИИФФ СОАН СССР, 1990. С. 61–70.
11. Измайлов И.Л., Губайдуллин А.М. Коллекция железных наконечников стрел из Хакасско-Минусинской котловины из музея археологии Казанского университета // Военное дело древнего и средневекового населения Северной и Центральной Азии. Новосибирск: ИИФФ СОАН СССР, 1990. С. 106–120.

1991

12. Измайлов И.Л. К вопросу о болгаро-скандинавских контактах / И.Л. Измайлов // Биляр – столица домонгольской Булгарии. Казань: ИЯЛИ КНЦ АН СССР, 1991. С. 130–138.
13. Измайлов И.Л. К вопросу о контактах булгар с финно-уграми в области вооружения // Проблемы археологии Среднего Поволжья. Казань: Изд-во КГУ. 1991. С. 96–106.
14. Измайлов И.Л. К вопросу об исторической интерпретации «длинных валов» в Закамье // В.О.Ключевский и современность. Тез. докл. науч. конф. Пенза: Изд-во ПГПИ, 1991. С. 71–73.

15. Измайлов И.Л. Костяная подвеска с надписью из Кураловского городища // Старотатарский литературный язык: исследования и тексты. Казань: ИЯЛИ КНЦ АН СССР, 1991. С. 48–51.
16. Измайлов И.Л., Газимзянов И.Р. Исследования на Спасском (Старокуйбышевском) комплексе памятников // Археологические открытия Урала и Поволжья. Ижевск: Удмуртский ИИЯЛ УрО АН СССР, 1991. С. 104–106.
17. Измайлов И.Л., Губайдуллин А.М. Исследования болгарских городищ в Предволжье // Археологические открытия Урала и Поволжья. Ижевск: Удмуртский ИИЯЛ УрО АН СССР, 1991. С. 107–109.
18. Измайлов И.Л., Якимов И.В. Раскопки Богдашкинского городища // Археологические открытия Урала и Поволжья. Ижевск: Удмуртский ИИЯЛ УрО АН СССР, 1991. С. 112–113.
19. Измайлов И.Л., Хузин Ф.Ш. Археологические разведки в Западном Закамье // Археологические открытия Урала и Поволжья. Ижевск: Удмуртский ИИЯЛ УрО АН СССР, 1991. С. 151–153.
20. Измайлов И.Л. «Вспомни, была Золотая Орда...» / И.Л. Измайлов // Татарстан. 1991. № 7. С. 63–67.
21. Измайлов И.Л. Звездный час Идегея / И.Л. Измайлов // Идель. 1991. № 9. С. 66–70.

1992

22. Измайлов И.Л. Военно-дружинные связи Волжской Булгарии с Южной Русью в X–XI вв. // Путь из Булгара в Киев. Казань: ИЯЛИ КНЦ СССР, 1992. С. 102–113.
23. Измайлов И.Л. К вопросу о соотношении этнических и надэтнических элементов в комплексе средневекового вооружения // Вопросы этнической истории Волго-Донья. Пенза: Изд-во ПГОМ, 1992. С. 85–91.
24. Измайлов И.Л., Губайдуллин А.М. Укрепления Старокуйбышевского (Кураловского) городища // Археологические памятники зоны водохранилищ Волго-Камского каскада. Казань: ИЯЛИ КНЦ СССР, 1992. С. 79–89.
25. Измайлов И.Л., Газимзянов И.Р. Исследование полуземлянки и братских могил на Старокуйбышевском V селище // Археологические памятники зоны водохранилищ Волго-Камского каскада. Казань: ИЯЛИ КНЦ СССР, 1992. С. 79–89.

26. Измайлов И.Л. Татары средневековья (этнополитическое самосознание населения Золотой Орды) // Татарстан. 1992. № 11/12. С. 50–59.
27. Измайлов И.Л. Идегей: Жизнь, ставшая легендой // Татарстан. – 1992. № 1. С. 51–59; Татарстан. 1992. № 2. С. 63–71.
28. Измайлов И.Л. «Казанское взятие» и имперские притязания Москвы (очерк истории становления имперской идеологии) // Мирас. 1992. №10. С. 50–62.
29. Измайлов И.Л. Письмо с историей, или счеты и просчеты имперских историков (Открытое письмо в журнал «Родина») // Мирас. 1992. № 11. С. 3–8.
30. Измайлов И.Л. Болгарлар руслар күзендә (Булгары глазами русских) // Мирас. 1992. № 8. С. 60–66.
31. Измайлов И.Л. Томанга тәрелгән тарих (Родимые пятна истории) // Мирас. 1992. № 7. С. 67–74; Мирас. 1992. № 9. С. 78–86.
32. Измайлов И.Л., Исхаков Д.М. Айсберги прошлого // Tatarica/ Татарика (библиотека журнала «Казань». 1992. № 9/10). С. 20–26.
33. Измайлов И.Л. Изге юлда йорген изге зат (Благословенные святые путники святого пути) // Татарстан. 1992. № 5/6. С. 80–88.

1993

34. Хузин Ф.Ш., Давлетшин Г.М., Измайлов И.Л. Татарстан тарихыннан хикаяләр (Рассказы по истории Татарстана) Урта мәктәпнең, 5–6. Казан: «Мәгариф», 1993. 271 с.
- Рец.: Әмирханов Р.У // Ватаным Татарстан 6.08. 1993
35. Измайлов И.Л., Измайлова С.Ю. Булгарское вооружение X–XIII вв. Буклет. Казань: Изд-во ГОМ РТ, 1993. 10 с.
36. Измайлов И.Л. Оружие ближнего боя волжских булгар X–XIII вв. (копья и боевые топоры) // Археология Волжской Булгарии: проблемы, поиски, решения. Казань ИЯЛИ КНЦ РАН, 1993. С. 77–106.
37. Измайлов И.Л. Наборные пояса как элемент дружинной культуры волжских булгар VIII–XIII вв. (к постановке проблемы) // Культура, искусство татарского народа. Казань ИЯЛИ КНЦ РАН, 1993. С. 47–54.
38. Измайлов И.Л. Об одной конструкции сложносоставного лука из Волжской Булгарии // Народы Среднего Поволжья: история, культура. Тез. докл. краевед. чтений. Казань: ГОМ РТ, 1993. С. 15–16.

39. Измайлов И.Л. Улус Джучи: взгляд на историю средневековой империи // Татарстан. 1993. № 7. С. 39–48; Татарстан. 1993. № 8. С. 37–44.
40. Измайлов И.Л. Некоторые аспекты становления и развития этнополитического самосознания населения Золотой Орды в XIII–XV вв. // Из истории Золотой Орды. Казань: Изд-во «Фонд им. М. Султангалиева», 1993. С. 17–32.
41. Измайлов И.Л., Недашковский Л.Ф. Находки предметов вооружения с территории золотоордынского города Укека из музеев Казани и Саратова // Из истории Золотой Орды. Казань: Изд-во «Фонд им. М. Султангалиева», 1993. С. 72–86.
42. Измайлов И.Л. Крестовый поход на Волге // Татарстан. 1993. № 10. С. 11–21.
43. Измайлов И.Л. Алтын Урда сугыш сэнгате (Военное искусство Золотой Орды) // Мирас. 1993. № 8. С. 113–122.
44. Измайлов И.Л. Казан ханлыгының сугыш сэнгате (Военное искусство Казанского ханства) // Мирас. 1993. № 10. С. 59–67.
45. Измайлов И.Л. Когда же пала Казань? Или драма воинствующего дилетантизма // Татарстан. 1993. № 1. С. 79–80.

1994

46. Хузиным Ф.Ш., Давлетшин М.Г., Измайлов И.Л. Рассказы по истории Татарстана. Учебник. 5–6 класс. Казань: «Магариф», 1994. 272 с.
47. Измайлов И.Л. О реконструкции лука «болгарского» типа из Среднего Поволжья и Прикамья // Историко-археологическое изучение Поволжья. Йошкар-Ола, 1994. С. 39–44 + рис. XIV–XVI.
48. Измайлов И.Л., Якимов И.В. Исследования Богдашкинского городища // Историко-археологическое изучение Поволжья. Йошкар-Ола, 1994. С. 62–66, рис. XXI.
49. Измайлов И.Л. Битва на Ворскле. 1399. Звездный час эмира Идегея // Цейхгауз. (№ 3). 1994. № 1. С. 80–83.
50. Измайлов И.Л. Счеты и просчеты имперских историков // Родина. 1994. № 8. С. 28–32.
51. Измайлов И.Л. Казан ханлыгы флоты (Флот Казанского ханства) // Мирас. 1994. № 9. С. 97–100.

1995

52. Измайлов И.Л., Шамси С. Волжская Булгария в рассказах для детей. Учебное пособие. Казань: «Слово» – «Магариф», 1995. 80 с.
53. Измайлов И.Л. Вооружение Казанского ханства (XV–XVI вв.) (к постановке проблемы) // Заказанье: проблемы истории и культуры. Казань: Заман, 1995. С. 135–139.
54. Измайлов И.Л. К вопросу о формировании средневековой дружинной культуры волжских булгар // Страницы истории Волго-Донья. Пенза: Изд-во ПГПИ, 1995. С. 94–104.
55. Измайлов И.Л. Викинги в Среднем Поволжье // Древние народы и города Поволжья. Пенза: Изд-во ПГПИ, 1995. С. 1–23.
56. Измайлов И.Л., Исхаков Д.М. Урок полуграмотной истории // Татарстан. 1995. № 9/10. С. 102–111.

1996

57. Измайлов И.Л. Этнополитические аспекты самосознания булгар X–XIII вв. // Панорама-Форум. 1996. №1(4). С. 97–113.
58. Измайлов И.Л. «Не дано марксистской оценки Золотой Орде...» // Эхо веков=Гасырлар авазы. 1996. №3/4. С. 96–101.
59. Измайлов И.Л. Мозаика из осколков истории // Татарстан. 1996. № 12. С. 68–82.

1997

60. Измайлов И.Л. Вооружение и военное дело населения Волжской Булгарии X – начала XIII вв. / И.Л. Измайлов (монография). Магадан: Изд-во СВНЦ ДВО РАН, 1997. 212 с.
Рец.: Худяков Ю.С. И.Л. Измайлов. Вооружение и военное дело населения Волжской Булгарии X – начала XIII в. // Восток. 2000. № 2. С. 180–182.
Реф.: Медовичев А.Е. 99.01.027. Измайлов И.Л. Вооружение и военное дело населения Волжской Булгарии: X – начала XIII в. / РАН. Дальневост. Отд-ние. Сев.-Вост. науч. Центр и др. Казань: Магадан, 1997. 213 С. // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 5: История. Реферативный журнал. 1999. № 1. С. 140–143.

61. Измайлов И.Л. Комплекс болгарского вооружения X–XIII вв. (итоги и перспективы исследования) // «Гуманистические традиции Запада и Востока в музейном деле России и Татарстана». Труды Всероссийской научно-практической конф. 12–14 сентября 1995 г. Казань: Изд-во ГОМРТ, 1997. С. 43–50.
62. Измайлов И.Л. Хронология эволюции вооружения народов Среднего Поволжья во второй половине I тыс. н. э. // Культура степей Евразии второй половины I тыс. н. э. (вопросы хронологии). Тез. докл. II Междунар. научн. конф. Самара: СОИКМ им. П.В. Алабина, 1997. С. 26–29.
63. Измайлов И.Л. Русские о булгарах (к формированию этностереотипов) // Языки, духовная культура и история тюрков: традиции и современность. Труды Междунар. научн. конф. 9–14 июня 1992. г. Казань – М.: Инсан, 1997. С. 37–39.
64. Измайлов И.Л. Включение Булгарии в цивилизованную ойкумену (булгары в средневековых космологических и географических описаниях) // Казанское востоковедение: традиции, современность, перспективы. Тез. и краткое содержание докл. междунар. научн. конф. Казань, 10–11 октября 1996 г. Казань, 1997. С. 183–186.
65. Измайлов И.Л. Русы в Среднем Поволжье (к вопросу о характере и этапах болгаро-скандинавских контактов) // Казанское востоковедение: традиции, современность, перспективы. Тез. и краткое содержание докл. междунар. научн. конф. Казань, 10–11 октября 1996 г. Казань, 1997. С. 228–231.
66. Измайлов И.Л., Бурханов А.А. Наконечники стрел из Южного Хорезма // Казанское востоковедение: традиции, современность, перспективы. Тез. и краткое содержание докл. междунар. научн. конф. Казань, 10–11 октября 1996 г. Казань, 1997. С. 168–171.
67. Измайлов И.Л. В блеске мисюрок и бехтерцов // Родина. 1997. № 3/4. С. 105–108.
68. Измайлов И.Л. «Идегеево побоище» ЦК ВКП(б) // Родина. 1997. № 3/4. С. 116–118.
69. Измайлов И.Л. Лукавое обаяние дилетантизма // Татарстан. 1997. № 12. С. 30–44.
70. Измайлов И.Л., Хузин Ф.Ш. Биляр-Великий город. Биләр-Олуг шәһәр. Biliar-The Great town. 2-е изд. (Буклет). Казань: Рухият, 1997. 24 с.

71. Измайлов И.Л. Поэт и его эпоха / Шагыйрь яшәгән чоры // Мөхәммәдъяр һәм аның чоры. Мухаммедъяр и его время. Mohammediar and his time. Казань: Рухият, 1997. С. 17–26.

1998

72. Измайлов И.Л. К истории сложносоставного лука населения Среднего Поволжья и Нижнего Прикамья конца VIII–X вв. // Культура степей Евразии второй половины I тыс. н. э. (вопросы хронологии). Самара: СОИКМ им. П.В. Алабина, 1998. С. 242–259.
73. Измайлов И.Л. К истории сложного лука Волжской Булгарии середины VIII–X вв. // Военная археология. Оружие и военное дело в исторической и социальной перспективе. СПб.: Изд-во ГЭ, 1998. С. 198–205.
74. Измайлов И.Л. «...Казань – город на костях стоит» // Родина. 1998. № 2. С. 35–38.
75. Измайлов И.Л. Обойдемся ли без общей истории? // Родина. 1998. № 4. С. 11.

1999

76. Измайлов И.Л. Проповедник на краю ойкумены (Ахмед Ибн-Фадлан и его путешествие на Волгу) // Мусульмане (Москва). 1999. № 1(2). С. 28–32.
77. Исхаков Д.М., Измайлов И.Л. Татары // Из истории Альметьевского региона. Казань-Альметьевск: Изд-во «Мастер Лайн», 1999. С. 8–26.
78. Измайлов И.Л. Археологическая наука: кадровый потенциал и направления исследований // Научный Татарстан. 1999. № 3. С. 65–69.
79. Измайлов И.Л. «Безбожные агаряне»: Волжская Булгария и болгары глазами русских (X–XIII вв.) // Восточная Европа в древности и средневековье. Контакты, зоны контактов и контактные зоны. XI Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР В.Т. Пашуто. Материалы к конференции. М.: Изд-во ИВИ РАН, 1999. С. 69–75.
80. Бурханов А.А., Измайлов И.Л. Новые данные по фортификации Казанского ханства (по итогам раскопок памятников Заказанья) // Научное наследие А.П. Смирнова и современные проблемы архео-

логии Волго-Камья. Сборник тез. докл. конф., посвященной 100-летию со дня рождения А.П. Смирнова. М.: Изд-во ГИМ, 1999. С. 135–138.

81. Измайлов И.Л. «Русы» в Среднем Поволжье (этапы болгаро-скандинавских этно-социальных контактов и их влияние на становление городов и государств) // Международные связи, торговые пути и города Среднего Поволжья IX–XII веков. Материалы межд. симпозиума. Казань: Изд-во «Мастер Лайн», 1999. С. 94–100.
82. Измайлов И.Л. Население Волжской Булгарии: соотношение средневекового этноса и археологической культуры // Проблемы первобытной и средневековой археологии. Тез. докл. Первых Халиковских чтений 12–13 октября 1999 г. Казань: ИИ АН РТ, 1999. С. 70–73.
83. Измайлов И.Л. Проблемы историко-археологической периодизации истории Восточного Закамья в эпоху средневековья // Альметьевский регион: проблемы историко-культурного наследия. Тез. научн.-практич. конф 23–25 ноября 1999 г. Альметьевск: Изд-во «Мастер Лайн», 1999. С. 46–51.
84. Измайлов И.Л. Викинги на Великом Волжском пути // Казань. 1999. № 5/6. С. 21–23.

2000

85. Исхаков Д.М., Измайлов И.Л. Этнополитическая история татар в VI – первой четверти XV в. Казань: «Иман», 2000. 136 с.
86. Измайлов И.Л. «Начала истории» Волжской Булгарии в предании и исторической традиции // Древнейшие государства Восточной Европы. 1998. М.: Наука, 2000. С. 99–105.
87. Измайлов И.Л. Балымерский курганный могильник и его историко-культурное значение // Славяне, финно-угры, скандинавы, волжские булгары. Доклады межд. научн. симпозиума по вопросам археологии и истории 11–14 мая 1999 г. Пушкинские горы. СПб.: Изд-во ИПК «Вести», 2000. С. 70–86.
88. Измайлов И.Л. Балымерский курганный могильник и его историко-культурное значение // Средневековая Казань: возникновение, развитие. Материалы межд. научн. конф. Казань, 1–3 июня 1999 г. Казань: Изд-во «Мастер Лайн», 2000. С. 190–206.

89. Кирпичников А.Н., Измайлов И.Л. Каролингские мечи из Булгарии (из фондов Гос. объединенного музея Республики Татарстан) // Средневековая Казань: возникновение, развитие. Материалы межд. научн. конф. Казань, 1–3 июня 1999 г. Казань: Изд-во «Мастер Лайн», 2000. С. 190–206.
90. Измайлов И.Л. Вооружение и военное дело Волжской Болгарии: история изучения и становления концепции исследования // Научное наследие А.П. Смирнова и современные проблемы археологии Волго-Камья. М.: Изд-во ГИМ, 2000. С. 254–262.
91. Измайлов И.Л. Оружие и воинское снаряжение как элемент воинского костюма средневекового населения Среднего Поволжья // Культура степей Евразии второй половины I тысячелетия н. э. (из истории костюма). Самара: Изд-во СОИКМ, 2000. С. 60–64.
92. Измайлов И.Л. Изучение государственной культуры Волжской Булгарии в отечественной историографии // История государственности Республики Татарстан и современность. Казань: Изд-во КГУ, 2000. С. 65–68.
93. Измайлов И.Л. Улус Джучи (Золотая Орда): средневековая евразийская империя // Преподавание истории в школе (Москва). 2000. № 2. С. 11–20.
94. Измайлов И.Л. 1183 год. Крестовый поход на Волге // Родина. 2000. № 3. С. 38–43.
95. Измайлов И.Л. Военное искусство как часть культурно-исторического наследия татарского народа // Научный Татарстан. 2000. №2. С. 65–69.
96. Измайлов И.Л. Средневековые памятники Альметьевского региона: проблемы историко-археологической периодизации // Проблемы изучения заселения и образования населенных пунктов Альметьевского региона. Казань: Изд-во «Мастер Лайн», 2000. С. 16–28.
97. Измайлов И.Л. Как татары стали татарами. Проблемы происхождения татар // Казань. 2000. №10. С. 91–95.

2001

98. Исхаков Д.М., Измайлов И.Л. Этнополитическая история татар в VI – первой четверти XV века // Татары. Серия «Народы и культуры» / Под ред. Р.К. Уразмановой, С.В. Чешко. М.: Наука, 2001. С. 41–100.

99. Измайлов И.Л., Шамси С. Идел Болгарстаны. Казан: «Мәгариф», 2001. 96 б.
100. Измайлов И.Л. Родословия мусульманских эпитафических памятников (к проблеме этнокультурной истории Булгарии XII–XIII вв.) // Восточная Европа в древности и средневековье. Генеалогия как форма исторической памяти. XIII Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР В.Т. Пашуто. Материалы к конференции. М.: Изд-во ИВИ РАН, 2001. С. 83–90.
101. Измайлов И.Л. Средневековые булгары: этнополитические и этноконфессиональные аспекты идентификации // Диалог культур Евразии. Вопросы средневековой истории и археологии. Вып.2. / Под ред. А.А. Бурханова. Казань: Изд-во ТГГИ, 2001. С. 93–119.
102. Измайлов И.Л. Поволжье и Мусульманский Восток в средние века (торговые пути и распространение ислама) // Россия и Иран: иранистика в Татарстане. Под ред. А.З. Егорина, Н.М. Мамедовой. М.: ПАЛЕЯ-Мишин, 2001. С. 116–127.
103. Измайлов И.Л. Комплекс болгарского вооружения X–XIII вв. (Итоги и проблемы исследования) // Древности. Вып. 33. М.: Изд-во РАО, 2001. С. 73–81.
104. Измайлов И.Л. Распространение и функционирование ислама в Волжской Булгарии // Ислам в Среднем Поволжье: История и современность. Очерки. Под ред. Р.М. Мухаметшина. Казань: Изд-во «Инсан», 2001. С. 24–40.
105. Измайлов И.Л. Ислам в Золотой Орде // Ислам в Среднем Поволжье: История и современность. Очерки. Под ред. Р.М. Мухаметшина. Казань: Изд-во «Инсан», 2001. С. 41–56.
106. Измайлов И.Л. Балтийско-волжский путь в системе торговых магистралей и его роль в раннесредневековой истории Восточной Европы // Великий Волжский путь. Материалы Круглого стола и Международного научного семинара. Казань. 28–29 августа 2000 г. Казань: Изд-во «Мастер Лайн», 2001. С. 69–78.
107. Измайлов И.Л. Средневековые булгары: соотношение этноса и археологической культуры // IV Конгресс этнографов и антропологов России. Нальчик. 20–23 сентября 2001 год. Тезисы докладов. Нальчик, 2001. С. 193.
108. Измайлов И.Л. Средневековые булгары: соотношение этноса и археологической культуры // Интеграция археологических и этнографических исследований. Под ред. А.Г. Селезнева, С.С. Тихо-

- нова, Н.А. Томилова. Нальчик-Омск: Изд-во ОмГПУ, 2001. С. 163–164.
109. Мухаметшин Р.М., Измайлов И.Л. Хочешь слов узнать секреты, в их краях ищи ответы... // Научный Татарстан. 2001. №4. С. 57–59.

2002

110. Ismailov I., Sattarova L. Idil Bulgar Devleti'nde Sanat (X–XIII. Yuzillar) // Turkler. Vol. 6. H.C. Guzel, K. Cicek, S. Koca. 21-s vol. Ankara: Yeni Turkiye Yayinlari, 2002. b. 43–54.
111. Измайлов И.Л., Саттарова Л.И. Искусство Волжской Булгарии (X – первая половина XIII в.) // Очерки истории распространения исламской цивилизации. В 2-х томах. Т. 1. От рождения исламской цивилизации до монгольского завоевания. М.: Изд-во РОССПЭН, 2002. С. 475–490.
112. Измайлов И.Л. Формирование этнополитического самосознания населения Улуса Джучи: некоторые элементы и тенденции развития тюрко-татарской исторической традиции // Источниковедение истории Улуса Джучи (Золотой Орды). От Калки до Астрахани. 1223–1556 гг. Казань: Изд-во «Мастер Лайн», 2002. С. 244–262.
113. Измайлов И.Л. Средневековые булгары: соотношение этноса, археологии и религии // Проблемы древней и средневековой истории Среднего Поволжья. Материалы Вторых Халиковских чтений. 29–30 мая 2002 г. Казань: Изд-во ИИ АН РТ, 2002. С. 139–146.
114. Измайлов И.Л. Гадание на кофейной гуще как метод историко-филологической реконструкции дилетантов (Рецензия на статью А.И. Железного «Тюркская подоснова киевских топонимов») // Гасырлар авазы = Эхо веков. 2002. № 1/2. С. 165–171.
115. Измайлов И.Л. «Шан кызы»: комментарий историка // Гасырлар авазы = Эхо веков. 2002. № 1/2. С. 175–177.
116. Измайлов И.Л. Историческое прошлое как фактор национальной мобилизации // Единство татарской нации. Материалы научн. конф. АН РТ. Казань: Изд-во «Фэн» АН РТ, 2002. С. 57–75.
117. Измайлов И.Л. К вопросу о каноничности и языческих пережитках в мусульманском погребальном обряде волжских булгар // Вопросы древней истории Волго-Камья. Казань: Изд-во «Мастер Лайн», 2002. С. 60–69.

118. Измайлов И.Л. Булгарский средневековый этнос: этноархеологическая методика определения // Интеграция археологических и этнографических исследований. Омск – Ханты-Мансийск: Изд-во ОмПГУ, 2002. С. 44–49.
119. Измайлов И.Л. Восточное Закамье в эпоху средневековья в контексте социоестественной истории (к вопросу о периодизации) // Природа и самоорганизация общества. Под ред. Э.С. Кульпина. М.: Изд-во «Московский лицей», 2002. С. 226–238.
120. Измайлов И.Л. Дилемма национальной истории в федеративной стране: государственность и этничность // Казанский федералист. 2002. №2. Весна. С. 60–78.
121. Измайлов И.Л. Татарский вопрос // Татарская нация: история и современность. Казань: Магариф, 2002. С. 195–201.
122. Измайлов И.Л. Хазарский каганат и Волжская Булгария в конце IX–X вв. // Хазары. Второй Межд. коллоквиум. Тезисы. М.: Изд-во «Мосты культуры / Гешарим», 2002. С. 44–46.
123. Измайлов И.Л. «Пора отрешиться от мифов» // Идель. 2002. № 10. С. 30–32.

2003

124. Измайлов И.Л. Завоевание Казанского ханства: причины и последствия (критический разбор новых тенденций современной российской историографии) // Татарский народ после 1552 года: потери и приобретения. Казань: ИИ АН РТ, 2003. С. 61–135.
125. Измайлов И.Л. Этноархеологическая методика определения (на примере исследования средневековой булгарской этнополитической общности) // Интеграция археологических и этнографических исследований. Отв. ред. М.А. Корусенко, С.С. Тихонов, Н.А. Томилов. Омск: Наука-Омск, 2003. С. 101–105.
126. Измайлов И.Л. Булгарский средневековый этнос: этноархеологическая методика определения // Проблемы истории России. Вып. 5. Екатеринбург. 2003. С. 59–68.
127. Измайлов И.Л. Балымерский курганный могильник и «русы» на Волге: проблемы и дискуссии // Великий Волжский путь. Материалы II-го этапа научно-практич. конф. «Великий Волжский путь». 5–14 августа 2002 г. Часть II. Казань, 2003. С. 50–69.

128. Измайлов И.Л. Балымерский курганный могильник в свете контактов Северной Европы и Волжской Булгарии: проблемы и дискуссии // Ладога и истоки российской государственности и культуры. СПб.: ИПК «Вести», 2003. С. 127–141.
129. Аскарова А.Н., Газимзянов И.Р., Измайлов И.Л., Ибрагимов И.И., Кравцова О.А., Мухамадиева Р.Г. Молекулярно-генетический анализ древних захоронений Среднего Поволжья // Новая геометрия природы. Труды Объединенной межд. научн. конф. 25 августа – 5 сентября 2003 г. Часть II. Казань: Изд-во КГУ, 2003. С. 50–69.
130. Аскарова А.Н., Газимзянов И.Р., Измайлов И.Л., Ибрагимов И.И., Кравцова О.А., Мухамадиева Р.Г. Молекулярно-генетический анализ древних захоронений Среднего Поволжья // Из археологии Поволжья и Приуралья. Казань: ИИ АН РТ, 2003. С. 239–245.
131. Измайлов И.Л. Средневековая история края // Элмэт-Альметьевск. Казань: Фонд «Альметьевская энциклопедия», 2003. С. 56–66.
132. Измайлов И.Л. Монгольские завоевания в Поволжье в начале XIII в.: Т.Т. Олсен и его взгляд на проблему // Научный Татарстан. 2003. № 2. С. 83–86.
133. Измайлов И.Л. Военная организация Казанского ханства (некоторые выводы и проблемы исследования) // Гыйльми язмалар = Ученые записки Татарского гос. гуманитарного института. 2003. №11. С. 71–74.
134. Измайлов И.Л. «История пишется историками...» Рец. на: Шакуров Ф.Н. Развитие исторических знаний у татар в конце XIX – начале XX веков. Казань, 2003 // Научный Татарстан. 2003. №3/4. С. 190–192.
135. Мухаметшин Р.М., Измайлов И.Л. История Татарстана: о новых учебниках и новых подходах // Татарстан. 2003. № 1. С. 40–43.

2004

136. Izmailov I. Mongols in Eastern Europe in 1223 // Medieval Nomads. First International Conference on the Medieval History of the Eurasian Steppe. May 11–16, 2004. Szeged, 2004. p. 10.

137. Измайлов И.Л. Великий Волжский путь и распространение ислама в Поволжье // Великий Волжский путь. Материалы III-го этапа Межд. научно-практич. конф. 3–14 августа 2003 г. Часть II. Казань, 2004. С. 36–49.
138. Измайлов И.Л. Торговля Волжской Болгарии со странами Востока и принятие ислама булгарами // Великий Волжский путь. Материалы III-го этапа Межд. научно-практич. конф. 3–14 августа 2003 г. Часть II. Казань, 2004. С. 50–54.
139. Исахов Д.М., Измайлов И.Л. Основные теории этногенеза и важнейшие этапы этнической истории // Этнография татарского народа. Под ред. Д.М. Исахова. Казань: Магариф, 2004. С. 14–55.
140. Измайлов И.Л. Ислам и язычество в Улусе Джучи: проблемы историографии и источниковедения // Нижнее Поволжье и Исламская Республика Иран: исторические, культурные, политические и экономические связи. Материалы науч. конф. Саратов, 12–13 мая 2003 г. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2004. С. 56–72.
141. Измайлов И.Л. Военное искусство Волжской Булгарии (стратегия и тактика обороны и полевого боя) // Культурные традиции Евразии: вопросы средневековой истории и археологии / Серия «Восток-Запад: Диалог культур Евразии». Вып. 4. Под ред. А.А. Бурханова. Казань: Фэн, 2004. С. 78–88.
142. Измайлов И.Л. Ислам и язычество в Улусе Джучи: проблемы и дискуссии // Культурные традиции Евразии: вопросы средневековой истории и археологии. Вып. 4. Под ред. А.А. Бурханова. Казань: Фэн, 2004. С. 99–107.
143. Измайлов И.Л., Губайдуллин А.М. Городища золотоордынского периода на территории Предволжья: некоторые проблемы изучения военного зодчества // Культурные традиции Евразии: вопросы средневековой истории и археологии. Под ред. А.А. Бурханова. Казань: Фэн, 2004. С. 124–131.
144. Измайлов И.Л. Археологическая наука в Татарстане: история становления, теоретические направления, кадровый потенциал и перспективы исследований // Культурные традиции Евразии: вопросы средневековой истории и археологии. Под ред. А.А. Бурханова. Казань: Фэн, 2004. С. 401–419.
145. Усманов М.А., Измайлов И.Л. Ислам в Улусе Джучи // Ислам на Европейском Востоке. Энциклопедический словарь. Под ред. Р.А. Набиева. Казань: «Магариф», 2004. С. 130–134.

146. Аскарова А.Н., Газимзянов И.Р., Измайлов И.Л., Кравцова О.А. Методы исторического, антропологического и молекулярного анализа в изучении этнической истории татарского народа // Археология и естественные науки Татарстана. Книга 2. Казань: ИИ АН РТ, 2004. С. 147–157.

2005

147. Исхаков Д.М., Измайлов И.Л. Измайлов И.Л. Введение в историю Казанского ханства. Очерки. Казань: ИИ АН РТ, 2005. 116 с.
148. Измайлов И.Л., Измайлова С.Ю. Происхождение и культура Казани XVII–XX веков // Два города – две судьбы / Ике шәһәр – ике язмыш. Санкт-Петербург: Славия, 2005. С. 56–85.
149. Измайлов И.Л. Национальная история в федеративной стране: опыт Татарстана // Материалы II Межрегиональной научно-практич. конф. «Реализация национально-регионального компонента исторического образования в национальных республиках Поволжья и Приуралья: проблемы и перспективы. 26 октября 2004 г. Казань, 2005. С. 25–41.
150. Измайлов И.Л. Опора Каспия: Флот Казанского ханства / Nazar'ın guvencesi: Kazan Hanlığı Filosu // Да. Татарстан. Бесплатное приложение к журналу «Да». 2005. С. 14–15.
151. Измайлов И.Л. Безумные храбрецы // Родина. 2005. №8. С. 69–72.
152. Измайлов И.Л. «... Казань-город на костях стоит». Исторические песни русских и татар о взятии Казани // Родина. 2005. № 8. С. 110–114.
153. Измайлов И.Л. Великий Волжский путь: прошлое, настоящее, будущее // Татарстан. 2005. № 7/8. С. 32–34.
154. Измайлов И.Л. «Я научу тебя, как топить в реке татарских царей ...» Татары в Смутное время: события и судьбы // Родина. 2005. № 11. С. 75–78.
155. Измайлов И.Л., Хузин Ф.Ш. Биляр – Великий город закамский // Наследие народов Российской Федерации. 2004. Вып. 5. С. 58–61.
156. Iskhakov D.M., Sagitova L.V., Izmailov I.L. The Tatar National Movement of the 1980s–90s // Anthropology & Archeology of Eurasia. Vol. 43. N 3 / Winter. 2004–5, pp. 11–44.

2006

157. Измайлов И.Л. Принятие ислама в Волжской Булгарии: причины и начальный этап истории // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Январь. 2006. (Специальный выпуск «Гуманитарные исследования»). С. 130–138.
158. Измайлов И.Л. Булгарская этнополитическая общность: к методике этноархеологического определения средневекового этноса // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2006. Т. 5, вып. 3: Археология и этнография (приложение 2). С. 75–83.
159. Измайлов И.Л. Обзор источников. Древнерусские источники о булгарах и Волжской Булгарии // История татар с древнейших времен. В 7-ми тт. Т. II. Волжская Булгария и Великая степь. Казань: Изд-во «РухИЛ», 2006. С. 27–33.
160. Измайлов И.Л. Образование Булгарского государства // История татар с древнейших времен. В 7-ми тт. Т. II. Волжская Булгария и Великая степь. Казань: Изд-во «РухИЛ», 2006. С. 124–131.
161. Измайлов И.Л. Военное дело // История татар с древнейших времен. В 7-ми тт. Т. II. Волжская Булгария и Великая степь. Казань: Изд-во «РухИЛ», 2006. С. 336–367.
162. Измайлов И.Л. Внешняя политика Булгарского государства // История татар с древнейших времен. В 7-ми тт. Т. II. Волжская Булгария и Великая степь. Казань: Изд-во «РухИЛ», 2006. С. 368–376.
163. Измайлов И.Л. Ислам и мусульманская культура в Волжской Булгарии // История татар с древнейших времен. В 7-ми тт. Т. II. Волжская Булгария и Великая степь. Казань: Изд-во «РухИЛ», 2006. С. 549–556.
164. Измайлов И.Л. Саттарова Л.И. Архитектура Волжской Булгарии // История татар с древнейших времен. В 7-ми тт. Т. II. Волжская Булгария и Великая степь. Казань: Изд-во «РухИЛ», 2006. С. 588–591.
165. Хакимзянов Ф.С., Измайлов И.Л. Языки населения Волжской Булгарии и проблема «булгарского» языка // История татар с древнейших времен. В 7-ми тт. Т. II. Волжская Булгария и Великая степь. Казань: Изд-во «РухИЛ», 2006. С. 621–628.
166. Измайлов И.Л. Средневековые булгары: этнополитическая и этноконфессиональная общность // История татар с древнейших

- времен. В 7-ми тт. Т.П. Волжская Булгария и Великая степь. Казань: Изд-во «РухИЛ», 2006. С. 631–649.
167. Измайлов И.Л., Исхаков Д.М. Булгаро-кыпчакский этап в этногенезе татарского народа // История татар с древнейших времен. В 7-ми тт. Т.П. Волжская Булгария и Великая степь. Казань: Изд-во «РухИЛ», 2006. С. 650–656.
168. Измайлов И.Л. Нашествие Аксак-Тимура на Болгар: мнимая реальность и татарская историческая традиция // Источники и исследования по истории татарского народа: Материалы к учебным курсам в честь юбилея академика АН РТ М.А. Усманова / Сост. Д.М. Усманова, Д.А. Мустафина; научн. ред. И.А. Гилязова. Казань: Казанский госуниверситет, 2006. С. 99–128.
169. Измайлов И.Л. Прошлое татарского народа как средство национальной мобилизации // Татарская нация в XXI веке: проблемы развития. Казань: ИИ АН РТ, 2006. С. 100–116.
170. Кляшторный С.Г., Хузин Ф.Ш., Ситдилов А.Г., Измайлов И.Л. Казань в эпоху Золотой Орды // *Tartarica*. Атлас. Казань-Москва-Санкт-Петербург: Изд-во «Дизайн. Информация. Картография», 2006. С. 308–309.
171. Кляшторный С.Г., Хузин Ф.Ш., Ситдилов А.Г., Измайлов И.Л. Казанское ханство. Казань – столица ханства // *Tartarica*. Атлас. Казань-Москва-Санкт-Петербург: Изд-во «Дизайн. Информация. Картография», 2006. С. 392–393.
172. Измайлов И.Л. Казань во второй половине XVI века // *Tartarica*. Атлас. Казань-Москва-Санкт-Петербург: Изд-во «Дизайн. Информация. Картография», 2006. С. 396–397.
173. Исхаков Д.М., Измайлов И.Л. Этнография татарского народа. Общие сведения. // *Tartarica*. Атлас. Казань-Москва-Санкт-Петербург: Изд-во «Дизайн. Информация. Картография», 2006. С. 620–629.
174. Измайлов И.Л. Распространение и функционирование ислама в Волжской Булгарии // Ислам и мусульманская культура в Среднем Поволжье: История и современность. Очерки. Под ред. Р.М. Мухаметшина. Казань: изд-во «Фэн», 2006. С. 28–52.
175. Измайлов И.Л. Ислам в Улусе Джучи (Золотой Орде) // Ислам и мусульманская культура в Среднем Поволжье: История и современность. Очерки. Под ред. Р.М. Мухаметшина. Казань: изд-во «Фэн», 2006. С. 53–88.

2007

176. Измайлов И.Л. Этнополитическая история татар (III – середина XVI вв.) / Д.М.Исхаков, И.Л. Измайлов (коллективная монография). Казань: РИЦ «Школа», 2007. 356 с.
177. Исхаков Д.М., Измайлов И.Л. Введение в этногенез и этническую историю татарского народа. Казань: ИИ АН РТ, 2007. 132 с.
178. Измайлов И.Л. Булгарский средневековый этнос: критика традиционных методик определения // Этнологические исследования в Татарстане. Выпуск I. Казань, 2007. С. 5–17.
179. Измайлов И.Л. Предисловие редактора ежегодника // История и культура Улуса Джучи. 2006. Бертольд Шпулер «Золотая Орда»: традиции изучения и современность. Отв. ред. И.А. Гилязов, И.Л. Измайлов. Казань: «Фэн» АН РТ, 2007. С. 7–17.
180. Измайлов И.Л., Исхаков Д.М. Клановая структура Улуса Джучи // История и культура Улуса Джучи. 2006. Бертольд Шпулер «Золотая Орда»: традиции изучения и современность. Отв. ред. И.А. Гилязов, И.Л. Измайлов. Казань: «Фэн» АН РТ, 2007. С. 108–143.
181. Измайлов И.Л. Соотношение ислама и язычества в искусстве Волжской Булгарии: критический обзор методик анализа и концепций // Взаимодействие культур и цивилизаций. (Серия «Восток-Запад: Диалог культур и цивилизаций Евразии». Вып.8). Ред. А.А. Бурханов. Казань, 2007. С. 157–171.
182. Измайлов И.Л. Рецензия на монографию: Бурханов А.А. Древний Лебап. Часть I: Археологические памятники области Амуля древнего и раннего средневекового времени / Серия «Восток-Запад: диалог культур Евразии». Вып. 6. Казань: Gumanitarya, 2005. 196 с.; Часть II: Культура населения области Амуля древнего и раннесредневекового времени // Серия «Восток-Запад: диалог культур Евразии». Вып. 7. Казань: Фэн, 2005. 180 с. // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2007. Т. 6. Вып. 3. С. 295–299.
183. Измайлов И.Л. История и память татарского народа как средство этнонациональной мобилизации // Современная татарская нация: концептуальные исследования. Под ред. Д.М. Исхакова. Казань: Ин-т истории АН РТ, 2007. С. 130–177.
184. Измайлов И.Л. Национальная история в федеративной стране: образовательные стандарты и научные концепции / И.Л. Измайлов // Российская историческая наука на современном этапе: перспек-

- тивы исследования и реализации национальной образовательной политики. Сборник материалов межд. Конгресса. г. Казань, 18–19 апреля 2007 г. Казань: ИИ АН РТ. С. 180–194.
185. Измайлов И.Л. Последний бой: попытка Султан-Галиева реформировать СССР // Татарстан. 2007. № 7. С. 62–69; № 8. С. 30–35.

2008

186. Измайлов И., Хамидуллин Б. Ислам в Золотой Орде. Казань: Татар. кн. изд-во, 2008. 63 с.
187. Измайлов И.Л. Защитники «Стены Искандера». Вооружение, военное искусство и военная история Волжской Булгарии X–XIII вв. Казань: Татар. кн. изд-во, 2008. 206 с.
188. Измайлов И.Л., Исхаков Д.М. Этническая история // Тартарика. Этнография. Казань – М.: Феория. Дизайн. Информатика. Картография, 2008. С. 14–135.
189. Измайлов И.Л. Золотоордынская историческая традиция. Чингизизм // Тартарика. Этнография. Казань-М.: Феория. Дизайн. Информатика. Картография, 2008. С. 699–705.
190. Измайлов И.Л. Мусульманин на пороге вечности: представления о смерти и особенностях джаназы в Волжской Булгарии // Минбар. Вып. 1. Казань, 2008. С. 4–41.
191. Исхаков Д.М., Измайлов И.Л. Татарские кланы и их роль в социально-политическом устройстве Улуса Джучи // Qasevet. Историко-этнографический журнал (Симферополь). 2008. № 34. С. 28–37.
192. Измайлов И.Л., Хамидуллин Б.Л. На рубеже веков: современная отечественная историография истории Казанского ханства // Научный Татарстан: Гуманитарные науки. Тюркология. 2008. № 1. С. 62–73.
193. Измайлов И.Л. «Мир детства» Волжской Булгарии: к постановке проблемы // Материалы Лихачевских чтений. 3–5 апреля 2008 г. Казань: ООО «ИПЦ «Экспресс-формат»», 2008. С. 196–207.
194. Измайлов И.Л. Ислам в Волжской Булгарии: распространение и региональные особенности // Islamic Civilisation in Volga-Ural. International region symposium (2nd 2005. Kazan) / Исламская культура в Волго-Уральском регионе. Доклады Второго межд. симпозиума. Istanbul, 2008. С. 177–192.

195. Измайлов И.Л. Вооружение волжских булгар предмонгольского времени // Татары Самарского края: Материалы научн. конф. «История и культура Волжской Булгарии», посвященной 1100-летию принятия булгарами ислама. Самара: Изд-во «НТЦ», 2008. С. 57–62.
196. Миргалеев И.М., Исаков Д.М., Измайлов И.Л., Мухамадиев А.Г., Бурханов А.А., Загидуллин И.К., Рахимзянов Б.Р., Галиахметова Г.Г. Стенографический отчет круглого стола, посвященного проблеме цивилизационного подхода к изучению истории Золотой Орды. 27.02.2008 г. // Золотоордынская цивилизация. Вып. 1. Казань: ИИ АН РТ, 2008. С. 154–173.

2009

197. Исаков Д.М., Измайлов И.Л., Гилязов И.А., Гибатдинов М.И. История татарского народа (с древнейших времен до конца XVII в.): Учеб. пособие для 10 кл. общеобразоват. шк. (профильный уровень) / Под ред. Д.М. Исакова. Казань: Магариф, 2009. 423 с.
198. Измайлов И.Л. Ислам в Волжской Булгарии // Восток (Oriens). 2009. № 1. С. 5–12.
199. Измайлов И.Л. Предметы мусульманского культа в археологической культуре Волжской Булгарии // Наследие ислама в музеях России: пространственные границы и образы: Материалы научно-практич. конф. 10–11 декабря 2008 г. Казань: РИЦ «Школа», 2009. С. 47–56.
200. Измайлов И.Л. Оценка булгарского периода в татарской истории: научные концепции и общественное сознание // Национальная история татар: теоретико-методологическое введение. Казань: ИИ АН РТ, 2009. С. 19–79.
201. Измайлов И.Л. Волжская Булгария XIII века: автономия или ханский улус // Золотоордынское наследие. Материалы Межд. научн. конф. «Политическая и социально-экономическая история Золотой Орды (XIII–XV вв.)». 17 марта 2009 г. Сб. статей. Вып. 1. Казань: Изд-во «Фэн» АН РТ, 2009. С. 31–41.
202. Измайлов И.Л. Балымерские курганы: проблемы этнокультурной интерпретации // Золотоордынское наследие. Материалы Межд. научн. конф. «Политическая и социально-экономическая история Золотой Орды (XIII–XV вв.)». 17 марта 2009 г. Сб. статей. Вып. 1. Казань: Изд-во «Фэн» АН РТ, 2009. С. 276–281.

203. Измайлов И.Л., Саттарова Л.И. Искусство Волжской Булгарии (X – первая половина XIII в.) // Очерки истории исламской цивилизации. В 2-х т. Под общ. Ред. Ю.М. Кобищанова. М.: РОССПЭН, 2008. С. 859–878.
204. Измайлов И.Л., Саттарова Л.И. Искусство Золотой Орды. Вторая половина XIII – первая четверть XV в.) // Очерки истории исламской цивилизации. В 2-х т. Т. 2. Под общ. Ред. Ю.М. Кобищанова. М.: РОССПЭН, 2008. С. 678–703.
205. Измайлов И.Л. «Зеленых не сочтешь там шелковых знамен...» (Символы болгарской государственности X – первой трети XIII в.) // Гасырлар авазы = Эхо веков. 2009. № 2. С. 18–34. 1 пл.
206. Бурханов А.А., Измайлов И.Л. Бугульминский регион в системе культур Волго-Уральского региона (древность и средневековья) // Очерки истории села Карабаш и Бугульминского региона (Карабаш и Бугульминский регион в системе культур Юго-Восточного Татарстана и Волго-Уралья). Под ред. А.А. Бурханова. Казань: НИИ ТГГПУ, 2009. С. 10–41.
207. Измайлов И.Л. Улус Джучи и Золотая Орда: официальное название страны и историческая традиция // История татар с древнейших времен. В 7-ми тт. Т.III. Улус Джучи (Золотая Орда). XIII – середина XV в. Казань: ИИ АН РТ, 2009. С. 16–19.
208. Измайлов И.Л. История изучения Улуча Джучи в отечественной и зарубежной науке // История татар с древнейших времен. В 7-ми тт. Т.III. Улус Джучи (Золотая Орда). XIII – середина XV в. Казань: ИИ АН РТ, 2009. С. 19–33.
209. Измайлов И.Л. Источники по истории Улуса Джучи. Общие замечания // История татар с древнейших времен. В 7-ми тт. Т.III. Улус Джучи (Золотая Орда). XIII – середина XV в. Казань: ИИ АН РТ, 2009. С. 33–34.
210. Измайлов И.Л., Усманов М.А. Государственные акты // История татар с древнейших времен. В 7-ми тт. Т.III. Улус Джучи (Золотая Орда). XIII – середина XV в. Казань: ИИ АН РТ, 2009. С. 34–35.
211. Измайлов И.Л., Чхао Чху-чанг Китайские и монгольские источники // История татар с древнейших времен. В 7-ми тт. Т.III. Улус Джучи (Золотая Орда). XIII – середина XV в. Казань: ИИ АН РТ, 2009. С. 35–37.

212. Измайлов И.Л. Русские источники // История татар с древнейших времен. В 7-ми тт. Т.III. Улус Джучи (Золотая Орда). XIII – середина XV в. Казань: ИИ АН РТ, 2009. С. 47–51.
213. Измайлов И.Л. Западноевропейские и восточноевропейские латинские источники // История татар с древнейших времен. В 7-ми тт. Т.III. Улус Джучи (Золотая Орда). XIII – середина XV в. Казань: ИИ АН РТ, 2009. С. 51–56.
214. Измайлов И.Л. Армянские источники // История татар с древнейших времен. В 7-ми тт. Т.III. Улус Джучи (Золотая Орда). XIII – середина XV в. Казань: ИИ АН РТ, 2009. С. 56–57.
215. Измайлов И.Л., Волков И.В. Картографические источники // История татар с древнейших времен. В 7-ми тт. Т.III. Улус Джучи (Золотая Орда). XIII – середина XV в. Казань: ИИ АН РТ, 2009. С. 57–59.
216. Измайлов И.Л. Эпиграфические памятники // История татар с древнейших времен. В 7-ми тт. Т.III. Улус Джучи (Золотая Орда). XIII – середина XV в. Казань: ИИ АН РТ, 2009. С. 59–60.
217. Измайлов И.Л. Вещественные источники // История татар с древнейших времен. В 7-ми тт. Т.III. Улус Джучи (Золотая Орда). XIII – середина XV в. Казань: ИИ АН РТ, 2009. С. 60–62.
218. Измайлов И.Л. Волжская Булгария накануне походов хана Бату // История татар с древнейших времен. В 7-ми тт. Т.III. Улус Джучи (Золотая Орда). XIII – середина XV в. Казань: ИИ АН РТ, 2009. С. 81–82.
219. Измайлов И.Л. Походы в Восточную Европу 1223–1240 гг. // История татар с древнейших времен. В 7-ми тт. Т.III. Улус Джучи (Золотая Орда). XIII – середина XV в. Казань: ИИ АН РТ, 2009. С. 133–160.
220. Измайлов И.Л. Ак-Орда // История татар с древнейших времен. В 7-ми тт. Т.III. Улус Джучи (Золотая Орда). XIII – середина XV в. Казань: ИИ АН РТ, 2009. С. 190–194.
221. Измайлов И.Л., Кавеев М.М. Болгар в XIII–XIV вв. // История татар с древнейших времен. В 7-ми тт. Т.III. Улус Джучи (Золотая Орда). XIII – середина XV в. Казань: ИИ АН РТ, 2009. С. 194–200.
222. Измайлов И.Л., Зеленеев Ю.А. Нижнее Поволжье и столицы // История татар с древнейших времен. В 7-ми тт. Т.III. Улус Джучи (Золотая Орда). XIII – середина XV в. Казань: ИИ АН РТ, 2009. С. 215–225.

223. Измайлов И.Л., Недешковский Л.Ф. Скотоводство и система перекочевков // История татар с древнейших времен. В 7-ми тт. Т. III. Улус Джучи (Золотая Орда). XIII – середина XV в. Казань: ИИ АН РТ, 2009. С. 263–266.
224. Измайлов И.Л., Исахов Д.М. Хан и аристократия: структура власти и управления // История татар с древнейших времен. В 7-ми тт. Т. III. Улус Джучи (Золотая Орда). XIII – середина XV в. Казань: ИИ АН РТ, 2009. С. 310–320.
225. Измайлов И.Л. Становление средневекового татарского этноса // История татар с древнейших времен. В 7-ми тт. Т. III. Улус Джучи (Золотая Орда). XIII – середина XV в. Казань: ИИ АН РТ, 2009. С. 349–365.
226. Горелик М.В., Измайлов И.Л. Военное дело Улуса Джучи. Вооружение // История татар с древнейших времен. В 7-ми тт. Т. III. Улус Джучи (Золотая Орда). XIII – середина XV в. Казань: ИИ АН РТ, 2009. С. 396–405.
227. Губайдуллин А.М., Измайлов И.Л. Военное дело Улуса Джучи. Военное зодчество // История татар с древнейших времен. В 7-ми тт. Т. III. Улус Джучи (Золотая Орда). XIII – середина XV в. Казань: ИИ АН РТ, 2009. С. 405–408.
228. Измайлов И.Л. Военное дело Улуса Джучи. Организация войска. Военное искусство. // История татар с древнейших времен. В 7-ми тт. Т. III. Улус Джучи (Золотая Орда). XIII – середина XV в. Казань: ИИ АН РТ, 2009. С. 409– 431.
229. Измайлов И.Л. Булгарский улус: Булгар и другие эмираты // История татар с древнейших времен. В 7-ми тт. Т. III. Улус Джучи (Золотая Орда). XIII – середина XV в. Казань: ИИ АН РТ, 2009. С. 448–470.
230. Измайлов И.Л. Войны на Западе. Польша и Литва // История татар с древнейших времен. В 7-ми тт. Т. III. Улус Джучи (Золотая Орда). XIII – середина XV в. Казань: ИИ АН РТ, 2009. С. 518–529.
231. Измайлов И.Л., Усманов М.А. Ислам в Улусе Джучи // История татар с древнейших времен. В 7-ми тт. Т. III. Улус Джучи (Золотая Орда). XIII – середина XV в. Казань: ИИ АН РТ, 2009. С. 599–617.
232. Измайлов И.Л., Саттарова Л.И. Архитектура и декоративно-прикладное искусство // История татар с древнейших времен. В 7-ми тт. Т. III. Улус Джучи (Золотая Орда). XIII – середина XV в. Казань: ИИ АН РТ, 2009. С. 618–643.

233. Измайлов И.Л. Исторические сочинения и становление историографической традиции // История татар с древнейших времен. В 7-ми тт. Т.III. Улус Джучи (Золотая Орда). XIII – середина XV в. Казань: ИИ АН РТ, 2009. С. 653–658.
234. Измайлов И.Л. Природный, социально-экономический и политический кризисы. Экологические катаклизмы. // История татар с древнейших времен. В 7-ми тт. Т.III. Улус Джучи (Золотая Орда). XIII – середина XV в. Казань: ИИ АН РТ, 2009. С. 682–686.
235. Измайлов И.Л. Природный, социально-экономический и политический кризисы. Экономический и социально-политический кризисы // История татар с древнейших времен. В 7-ми тт. Т.III. Улус Джучи (Золотая Орда). XIII – середина XIV в. Казань: ИИ АН РТ, 2009. С. 691–694.
236. Измайлов И.Л. «Великая замятня» // История татар с древнейших времен. В 7-ми тт. Т.III. Улус Джучи (Золотая Орда). XIII – середина XV в. Казань: ИИ АН РТ, 2009. С. 695–705.
237. Измайлов И.Л. Идегей и его время // История татар с древнейших времен. В 7-ми тт. Т.III. Улус Джучи (Золотая Орда). XIII – середина XV в. Казань: ИИ АН РТ, 2009. С. 712–723.
238. Измайлов И.Л. Агония империи // История татар с древнейших времен. В 7-ми тт. Т.III. Улус Джучи (Золотая Орда). XIII – середина XV в. Казань: ИИ АН РТ, 2009. С. 724–728.

2010

239. Ismailov I. The Pre-Islamiic Period (up to the 10th century). Tatar history and civilization. Istanbul: Research Center for Islamic History, Art and Culture (IRCICA), 2010. p. 35–50.
240. Ismailov I. Penetration of Islam and formation of the First Muslim State in Northern Eurasia (10th to 13th centuries). Tatar history and civilization. – Istanbul: Research Center for Islamic History, Art and Culture (IRCICA), 2010. p. 51–74.
241. Ismailov I., Usmanov M. The Djocid Nation and its islamisation: Muslim Culture of the Golden Horde Period. Tatar history and civilization. Istanbul: Research Center for Islamic History, Art and Culture (IRCICA), 2010. p. 75–115.

242. Ismailov I. Tatarstan National Academy of Sciences: Origins and Formation. Tatar history and civilization. Istanbul: Research Center for Islamic History, Art and Culture (IRCICA), 2010. p. 554–560.
243. Измайлов И.Л. Волжская Булгария: ислам и археологическая культура. Наследие ислама в музеях России: изучение, атрибуция, интерпретация. Материалы научно-практической конференции 3–4 декабря 2009 г. Казань: Изд-во МОиН РТ, 2010. С. 87–100.
244. Средневековый этнос и археологическая культура: этнологическая теория и археологическая практика // XVIII Уральское археологическое совещание: культурные области, археологические культуры, хронология: материалы XVIII Уральского археологического совещания. Уфа: Изд-во БГПУ, 2010. С. 290–292.
245. Измайлов И.Л. Ислам в Волжской Булгарии: распространение и региональные особенности // Природа и общество: на пороге метаморфоз. Серия «Социоестественная история. Генезис кризисов природы и общества в России». Под ред. Кульпина-Губайдуллина Э.С. Вып. XXXIV. М.: «ИАЦ Энергия», 2010. С. 90–102.
246. Измайлов И.Л. Предыстория Казанского ханства: от улуса к юрту // Исторические судьбы народов Поволжья и Приуралья. Сб. статей. Вып. 1. Материалы Всероссийской научно-практич. конф. «Исторические судьбы народов Среднего Поволжья в XV–XIX вв.», посвященная 80-летнему юбилею д.и.н. С.Х. Алишева (г. Казань, 24 марта 2009 г.). Казань: ИИ АН РТ, 2010. С. 108–117.
247. Хамидуллин Б.Л., Измайлов И.Л. Отечественная историография Казанского ханства 1960–80-х годов // Исторические судьбы народов Поволжья и Приуралья. Сб. статей. Вып. 1. Материалы Всероссийской научно-практич. конф. «Исторические судьбы народов Среднего Поволжья в XV–XIX вв.», посвященная 80-летнему юбилею д.и.н. С.Х. Алишева (г. Казань, 24 марта 2009 г.). Казань: ИИ АН РТ, 2010. С. 85–91.
248. Измайлов И.Л. Военная организация Улуса Джучи // Батыр. Традиционная военная культура народов Евразии. 2010. № 1. С. 5–15.

2011

249. Измайлов И.Л., Хузин Р. Волжская Булгария глазами живописца и историка. Казань: Заман, 2001. 70 с.: илл.

250. Измайлов И.Л. Войско Улуса Джучи во второй половине XIII–XV вв.: структура командования, способ комплектования, численность и рода войск // Военное дело Золотой Орды: проблемы и перспективы изучения. Материалы Круглого стола, проведенного в рамках Международного Золотоордынского Форума (Казань, 30 марта 2011 г.) / Отв. ред. и составитель И.М. Миргалеев. Казань: ООО «Фолиант», ИИ АН РТ, 2011. С. 23–35.
251. Измайлов И.Л. Комплекс вооружения Улуса Джучи: от стрелы до пушек // Военное дело Золотой Орды: проблемы и перспективы изучения. Материалы Круглого стола, проведенного в рамках Международного Золотоордынского Форума (Казань, 30 марта 2011 г.) / Отв. ред. и составитель И.М. Миргалеев. Казань: ООО «Фолиант», ИИ АН РТ, 2011. С. 200–203.
252. Измайлов И.Л. Татары в империи Чингиз-хана и его наследников: триумф побежденных // Золотоордынское наследие. Выпуск 2. Материалы второй Международной конференции «Политическая и социально-экономическая история Золотой Орды», посвященной памяти М.А. Усманова. Казань, 29–30 марта 2011 г. / Отв. ред. и составитель И.М. Миргалеев. Казань: ООО «Фолиант», Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2011. С. 38–55.
253. Измайлов И.Л. Татары в Азии и Европе в XIII в.: стереотипы и новые подходы // Национальная история татар: теоретико-методологические проблемы. Выпуск II. Казань: Изд-во «ЯЗ», 2011. С. 64–97.
254. Измайлов И.Л. Каролингские мечи из Булгарии (из фондов Национального музея Республики Татарстан) // Материалы Международного музейного форума в Казани «Музей и общество: современные модели интеграции». г. Казань, 14–18 сентября 2010 г. Т. 1. С. 171–176.
255. Губайдуллин А.М., Измайлов И.Л. «Длинные валы» в Волго-Камье: археологические исследования и историческая интерпретация // Урало-Поволжье в древности и средневековье. Материалы Межд. научн. конф. V Халиковские чтения «Урало-Поволжье в древности и средневековье», посвященной 80-летию со дня рождения А.Х. Халикова (27–30 мая 2009 г., Казань). Казань: ООО «Фолиант»; ИИ АН РТ, 2011. С. 56–65.

256. Измайлов И.Л. Ислам в Волжской Булгарии: распространение и региональные особенности // История и современность. 2011. №2(14). С. 34–51.
257. Измайлов И.Л. Средневековая этническая общность: к вопросу об этнических процессах в аграрно-сословных обществах / И.Л. Измайлов // Этнологические исследования в Татарстане. Вып. V. Казань: Изд-во «Яз»; Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2011. С. 31–47.
258. Измайлов И.Л. История сложносоставного лука населения Среднего Поволжья (середина VIII–XIV вв.) // Форум «Идель-Алтай». Материалы научно-практической конференции «Идель – Алтай: истоки евразийской цивилизации», I Международного конгресса средневековой археологии евразийских степей (7–11 декабря 2009 г., Казань). Серия «Археология евразийских степей». Выпуск 13. Казань: ООО «Фолиант»; ИИ АН РТ, 2011. С. 56–72.
259. Измайлов И.Л. Этнополитическое развитие Волжской Булгарии в IX–XI вв.: фактор урбанизации // Болгарский форум I. Материалы Болгарского Форума (19–21 июня 2010 г., Болгар). Серия «Археология евразийских степей» Выпуск 12. Казань: ООО «Фолиант»; ИИ АН РТ, 2011. С. 97–108.
260. Измайлов И.Л. Новый взгляд и старые вопросы [Рец. Мухамадиев А.Г. Новый взгляд на историю гуннов, хазар, Великой Булгарии и Золотой Орды. Казань: Татар. кн. изд-во, 2011] // Гасырлар авазы = Эхо веков. 2009. № 3/4. С. 238–244.
261. Измайлов И.Л. Рецензия на книгу У.Ю. Кочкарова «Вооружение воинов Северо-Западного Предкавказья VIII–XIV вв. (Оружие ближнего боя)». М.: Таус, 2008 // Батыр. 2011. №2 (3). С. 103–104.

2012

262. Хайрутдинов Р.Р., Салихов Р.Р., Миннуллин И.Р., Бушканец Г.М., Измайлов И.Л., Моченов К.Ф. Геральдическое наследие Республики Татарстан. М.: Регионсервис, 2012. 328 с.
263. Измайлов И.Л. Булгары: от племени к средневековому государству // Филология и культура. Philology and Culture. 2012. № 1(27). С. 178–185.

264. Измайлов И.Л. Становление средневековой Булгарии: от племени к государству // *Studia Slavica Et Balcanica Petropolitana*. 2012. №2. С. 217–242.
265. Измайлов И.Л. Средневековая этническая общность: к постановке проблемы // *Евразийство и проблемы современной науки*. Ч.2 / сост. Т.В. Сорокина; науч. ред. Р.М. Валеев, Р.Р. Юсупов. Казань: ИИЦ «Культура», 2012. С. 38–48.
266. Измайлов И.Л. Иоанн Никиусский: новое прочтение // Мингазов Ш.Р. Кубрат – правитель Великой Болгаии и Кетрадес – персонаж Иоанна Никиусского. Казань: Изд-во «ЯЗ», 2012. С. 3–6.
267. Измайлов И.Л. Принятие ислама в Улусе Джучи: причины и этапы исламизации // *Человек и природа в пространстве и времени / Серия «Социоестественная история. Генезис кризисов природы и общества в России»*. Вып. XXXVI. / Под ред. Э.С. Кульпина-Губайдуллина. М.: ИАЦ-Энергия, 2012. С. 26–46.
268. Измайлов И.Л. Распространение ислама в Волжской Булгарии: начальный этап истории // *Ислам в Волго-Камье и Предуралье: ранние страницы истории. Материалы всероссийской научной конференции с международным участием в рамках Третьего международного форума мусульманской культуры «Мусульманский мир – 2012»* (г. Пермь, 16 марта 2012 г.) / Под ред. А.М.Белавина. Пермь: Перм. гос. гуманитар.-пед. ун-т, 2012. С. 17–23.
269. Измайлов И.Л. Альфред Хасанович Халиков как создатель концепции происхождения татарского народа // *Актуальные вопросы археологии Поволжья. К 65-летию студенческого научного археологического кружка Казанского ун-та*. Казань: Изд-во «Яз», 2012. С. 14–22.
270. Измайлов И.Л. Погребально-поминальная обрядность и комплекс вооружения древнего и средневекового населения (к постановке проблемы) // *Поволжская археология*. 2012. № 2. С. 66–85.
271. Измайлов И.Л. Монгольский поход 1223 г. и проблема хронологии древностей Восточной Европы начала XIII в. // *История и культура средневековых народов степной Евразии: материалы II Межд. конгресса средневековой археологии Евразийских степей* (Барнаул, сентябрь 2012 г.) / Отв. ред. А.А. Тишкин. Барнаул: Изд-во Алтайского гос. ун-та, 2012. С. 129–132.

272. Хамидуллин Б.Л., Измайлов И.Л., Измайлов Б.И. История Казанского ханства в трудах отечественных историков (1920–1950-е гг.) // Научный Татарстан. 2012. № 3. С. 92–113.
273. Хамидуллин Б.Л., Измайлов И.Л. Нарративные источники по истории Казанского ханства // Научный Татарстан. 2012. № 3. С. 114–129.
274. Измайлов И.Л. Принятие ислама в Улусе Джучи: причины и этапы исламизации // Ислам и власть в Золотой Орде. Казань: ИИ АН РТ, 2012. С. 98–116.
275. Измайлов И.Л. Этносословная структура Казанского ханства // Средневековые тюрко-татарские государства. Вып. 4. Казань: ИИ АН РТ, 2012. С. 62–68.
276. Красильников П.В., Измайлов И.Л. Раннебулгарские стреме́на: типология и историческая интерпретация // История и культура средневековых народов степной Евразии: материалы II Международного конгресса средневековой археологии Евразийских степей (Барнаул, сентябрь 2012 г.) / Отв. ред. А.А. Тишкин. Барнаул: Изд-во Алтайского гос. ун-та, 2012. С. 136–137.
277. Измайлов И.Л. Средневековое булгарское вооружение и военное дело: факты и заблуждения // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. Вып. VIII: Археологические памятники Поволжья и Урала: современные исследования проблемы сохранения и музеефикации: сб. науч. тр. / под общ. ред. А.М.Белавина. Пермь: Перм. гос. гуманит.-пед. ун-т., 2012. С. 254–265.
278. Измайлов И.Л. Историческая память татарского народа как средство этнонациональной мобилизации // Сибирский сборник. Томбольшк: Изд-во ТГСПА им. Д.И. Менделеева, 2012. С. 5–23.
279. Измайлов И.Л. Особенности становления аграрного строя в Волжской Булгарии (по материалам археологических исследований) // Хозяйствующие субъекты в аграрном секторе России: История, экономика, право: сборник материалов IV Всероссийской (XII Межрегиональной) конференции историков-аграрников Среднего Поволжья (г. Казань, 10–12 октября 2012 г.). Казань: ИТЭ АН РТ, ГБУ «Республиканский центр мониторинга качества образования», 2012. С. 316–326.
280. Бурханов А.А., Измайлов И.Л. Ютазинский район в системе древних и средневековых культур и цивилизаций Волго-Уральского региона и Евразии // Ютазинский регион: проблемы истории

и культуры. Село Байряка и Ютазинский район в системе культур и цивилизаций Юго-Восточного Татарстана и Волго-Уральского региона. Материалы конф. Под ред. А.А. Бурханова. Казань: ИИ АН РТ, 2012. С. 45–58.

2013

281. Измайлов И.Л. Волжская Булгария в IX – первая треть XIII века: становление социальной, религиозной и этнополитической структуры общества. Автореф. дисс... докт. ист. наук. Казань: Ин-т истории АН РТ, 2013. 67 с.
282. Измайлов И.Л. Татары в Смутное время: события и судьбы // Люди Смуты. История народного подвига. М.: Достоинство, 2012. С. 212–219.
283. А.Г. Ситдииков, Измайлов И.Л. Город Болгар в истории и культуре // Великий Болгар. М., Казань: Феория, 2013. С. 16–29.
284. Измайлов И.Л. Ислам в Поволжье в эпоху средневековья // Великий Болгар. М., Казань: Феория, 2013. С. 274–293.
285. Хакимзянов Ф.С., Измайлов И.Л. Язык и письменность в городе Болгаре // Великий Болгар. М., Казань: Феория, 2013. С. 304–315.
286. Измайлов И.Л. Ранняя история тюрок: к постановке проблемы // Türkoloji üzerine araştırmalar / Тюркологические исследования / Journal of Turkology. Dil ve Edebiyat İncelemeleri Dergisi. (Afyonkarahisar-Kazan). 2013. 5. С.82–109.
287. Исхаков Д.М., Измайлов И.Л. Татарские кланы Улуса Джучи: происхождение и место в системе власти // От Онона к Темзе: Чингисиды и их западные соседи = From the river Onon to Thames. Chingizids and Their Western Neighbors: к 70-летию М.Г. Крамаровского / [ред.-сост.: В.П. Степаненко, А.Г. Юрченко]. М.: Изд. Дом Марджани, 2013. С. 178–201.
288. Измайлов И.Л. Военное искусство Улуса Джучи во второй половине XIV – начало XV в. // От Онона к Темзе: Чингисиды и их западные соседи = From the river Onon to Thames. Chingizids and Their Western Neighbors: к 70-летию М.Г. Крамаровского / [ред.-сост.: В.П. Степаненко, А.Г. Юрченко]. М.: Изд. Дом Марджани, 2013. С. 253–272.

289. Измайлов И.Л., Измайлов Б.И. Газиз Губайдуллин об истории Казанского ханства // История и современность. 2013. №1 (17). С. 150–157.
290. Измайлов И.Л., Хамидуллин Б.Л. Ашина и Дуло: дилемма тюркских правящих родов в Восточной Европе (к 85-летию С.Г. Кляшторного) // Научный Татарстан. 2013. № 4. С. 35–43.
291. Измайлов И.Л. Цивилизационный подход к тюркской истории // Казакстан тарихы: инновациялык тұжырымдамалар мен дәуірлеу / История Казахстана: инновационные концепции и периодизация как приоритет научного познания. Межд. научно-практич. конф. г. Алматы, 18 апреля 2013 г. Алматы: «Елтаным баспасы, 2013. С. 37–46.
292. Измайлов И.Л. Взаимодействие Волжской Булгарии с тюркскими кочевниками в области вооружения и конского снаряжения (XI–XIII вв.) // VII межд. конф. «Источники по истории кочевников средневековой Евразии». М.: ПРОБЕЛ-2000, 2013. С. 46–48.
293. Бурханов А.А., Измайлов И.Л., Нигаматзянов И.Р. Кочевые культуры юго-восточных районов Татарстана в системе древних и средневековых культур и цивилизаций Волго-Уральского региона и Евразии (по результатам историко-археологических исследований) // VII межд. конф. «Источники по истории кочевников средневековой Евразии». М.: ПРОБЕЛ-2000, 2013. С. 21–23.

2014

294. Ситдилов А.Г., Измайлов И.Л. Институт археологии им. А.Х. Халикова. Казань: Отечество, 2014. 29 с.
295. Ситдилов А.Г., Бугров Д.Г., Измайлов И.Л., Мухаметшин Д.Г. Встреча в Болгаре. Экскурсия по залам музея Болгарской цивилизации. Казань: ООО «Мастер-Граф», 2014. 84 с.
296. Измайлов И.Л., Исаков Д.М., Трепавлов В.В. Предпосылки и особенности децентрализации Улуса Джучи // История татар с древнейших времен. В 7-ми тт. Т. IV. Татарские государства XV – XVIII вв. Казань: ИИ АН РТ, 2014. С. 78–82.
297. Измайлов И.Л. Структура власти в позднесолотоордынских государствах // История татар с древнейших времен. В 7-ми тт. Т. IV. Татарские государства XV – XVIII вв. Казань: ИИ АН РТ, 2014. С. 521–531.

298. Измайлов И.Л. Татарское военное искусство // История татар с древнейших времен. В 7-ми тт. Т. IV. Татарские государства XV – XVIII вв. Казань: ИИ АН РТ, 2014. С. 686–690.
299. Измайлов И.Л. Вооружение и военное дело Казанского ханства // История татар с древнейших времен. В 7-ми тт. Т. IV. Татарские государства XV – XVIII вв. Казань: ИИ АН РТ, 2014. С. 690–700.
300. Измайлов И.Л. Взятие Казани: причины, ход, последствия // История татар с древнейших времен. В 7-ми тт. Т. V. Татарский народ в составе Российского государства (вторая половина XVI–XVIII вв.). Казань: ИИ АН РТ, 2014. С. 62–72.
301. Ермолаев И.П., Измайлов И.Л. Казанская война 1552–1557 гг. // История татар с древнейших времен. В 7-ми тт. Т. V. Татарский народ в составе Российского государства (вторая половина XVI–XVIII вв.). Казань: ИИ АН РТ, 2014. С. 73–85.
302. Измайлов И.Л. Татары и Казанский край в Смутное время // История татар с древнейших времен. В 7-ми тт. Т. V. Татарский народ в составе Российского государства (вторая половина XVI – XVIII вв.). Казань: ИИ АН РТ, 2014. С. 267–280.
303. Измайлов И.Л. Образ предков и идентичность татар: в контексте «Божьего града Болгара» // История татар с древнейших времен. В 7-ми тт. Т. V. Татарский народ в составе Российского государства (вторая половина XVI–XVIII вв.). Казань: ИИ АН РТ, 2014. С. 539–544.
304. Гилязов И.А., Измайлов И.Л. Заключение // История татар с древнейших времен. В 7-ми тт. Т. V. Татарский народ в составе Российского государства (вторая половина XVI–XVIII вв.). Казань: ИИ АН РТ, 2014. С. 609–614.
305. Исхаков Д.М., Измайлов И.Л. Древние тюрки // История и культура сибирских татар (с древнейших времен до начала XXI века): Краеведческое пособие для студентов и учащихся старших классов общеобразовательных школ. Казань: Изд-во «Артифакт», 2014. С. 58–62.
306. Исхаков Д.М., Измайлов И.Л. Тюркский каганат // История и культура сибирских татар (с древнейших времен до начала XXI века): Краеведческое пособие для студентов и учащихся старших классов общеобразовательных школ. Казань: Изд-во «Артифакт», 2014. С. 62–75.

307. Исхаков Д.М., Измайлов И.Л. Формирование Великого Монгольского государства. Становление и расцвет Улуса Джучи // История и культура сибирских татар (с древнейших времен до начала XXI века): Краеведческое пособие для студентов и учащихся старших классов общеобразовательных школ. Казань: Изд-во «Артифакт», 2014. С. 100–111.
308. Исхаков Д.М., Измайлов И.Л. Степи и города Золотой Орды // История и культура сибирских татар (с древнейших времен до начала XXI века): Краеведческое пособие для студентов и учащихся старших классов общеобразовательных школ. Казань: Изд-во «Артифакт», 2014. С. 111–122.
309. Исхаков Д.М., Измайлов И.Л. Хан и аристократия: структура власти и управления в Золотой Орде // История и культура сибирских татар (с древнейших времен до начала XXI века): Краеведческое пособие для студентов и учащихся старших классов общеобразовательных школ. Казань: Изд-во «Артифакт», 2014. С. 122–142.
310. Исхаков Д.М., Измайлов И.Л. Религиозная ситуация в Золотой Орде: традиционные верования, ислам, христианство и буддизм // История и культура сибирских татар (с древнейших времен до начала XXI века): Краеведческое пособие для студентов и учащихся старших классов общеобразовательных школ. Казань: Изд-во «Артифакт», 2014. С. 142–149.
311. Исхаков Д.М., Измайлов И.Л. Золотоордынская цивилизация // История и культура сибирских татар (с древнейших времен до начала XXI века): Краеведческое пособие для студентов и учащихся старших классов общеобразовательных школ. Казань: Изд-во «Артифакт», 2014. С. 149–168.
312. Исхаков Д.М., Измайлов И.Л. Становление средневекового татарского этноса // История и культура сибирских татар (с древнейших времен до начала XXI века): Краеведческое пособие для студентов и учащихся старших классов общеобразовательных школ. Казань: Изд-во «Артифакт», 2014. С. 168–177.
313. Исхаков Д.М., Измайлов И.Л. Распад Улуса Джучи и татарской этнополитической общности // История и культура сибирских татар (с древнейших времен до начала XXI века): Краеведческое пособие для студентов и учащихся старших классов общеобразовательных школ. Казань: Изд-во «Артифакт», 2014. С. 184–191.

314. Измайлов И.Л. Роль ислама в становлении Булгарского государства (VIII–X вв.) // Восточная Европа в древности и средневековье. Язычество и монотеизм в процессах политогенеза. XXVI Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР В.Т. Пашуто. Материалы к конференции. М.: ИВИ РАН, 2014. С. 103–108.
315. Iskhakov D.M., Izmailov I.L., Ablyazov K. The Problems of Research of Clan Structure of the Golden Horde // Conference Changing Patterns of Power in Historical and Modern Central and Inner Asia. 7–9 August 2014. Programme & Book of Abstracts. Ulaanbaatar: Ulaanbaatar Univ., 2014, pp. 37–38.
316. Измайлов И.Л. Археологическая культура и средневековый этнос: проблема соотношения // IV (XX) Всероссийский археологический съезд в Казани. Т. III. Казань: Отечество, 2014 г. С. 63–66.
317. Измайлов И.Л. Принятие ислама в Улусе Джучи: причины и этапы исламизации // Актуальные проблемы изучения и сохранения исламского наследия Крыма / Сборник материалов Межд. научно-практич. конф., посвященной 700-летию Мечети Хана Узбека. Г. Симферополь, 14–18 октября 2014 г. Симферополь: Крымскотатарский музей искусств; Духовное управление мусульман Крыма, 2014. С. 18–36.
318. Измайлов И.Л. Булгарский этнос в трудах А.Х. Халикова: научная концепция и ее теоретические основания // Поволжская археология. 2014. № 2. С. 11–36.
319. Измайлов И.Л. Археологическая культура и средневековая этническая общность: теоретические и методологические проблемы соотношения (на примере средневековой Булгарии) // Поволжская археология. 2014. № 3. С. 138–179.
320. Измайлов И.Л. Военно-политические контакты Волжской Булгарии с тюркскими кочевниками Нижнего Поволжья и Южного Приуралья (конец X – первая треть XIII в.) // Бюллетень Общ-ва востоковедов. Вып. 21: Материалы VII межд. конф. «Источники по истории кочевников средневековой Евразии». М.: ИВ РАН, 2014. С. 130–144.
321. Приспособления для защиты руки из коллекции А.Ф. Лихачева: археологическая и военно-историческая атрибуция // Материалы Лихачевских чтений. 2–5 апреля 2012 г. Казань: РА «PR time», 2014. С. 76–86.

322. Измайлов И.Л. Средневековое вооружение и военное дело Волжской Булгарии: особенности развития // Българистика. Трети международен конгрес по българистика. Т. 19. Секция «История и археология». Подсекция «Археология и стара история». София: Университетско изд-во «Св. Климент Охридски», 2014. С. 155–164.
323. Измайлов И.Л. Сложносоставные луки Среднего Поволжья эпохи Средневековья // Военная археология. Вып. 3. Отв. ред. О.В. Двуреченский. М.: МедиаМир; Тула: Куликово поле, 2014. С. 204–236.
324. Бурханов А.А., Измайлов И.Л., Нигаматзянов И.Р. Человек и природа в Восточном Татарстане (древность, средневековье и Новое время) // Человек и природа в Восточном Татарстане. Азнакаевский регион: проблемы истории и культуры. Материалы Межд. научно-практич. конф. «Человек и природа в Восточном Татарстане. Азнакаевский регион: проблемы истории и культуры» (г. Азнакаево, 22–23 мая 2014 г.). Под ред. А.А. Бурханова. Казань: Отечество, 2014. С. 43–55.
325. Казаков Е.П., Измайлов И.Л. Равиль Габдрахманович Фахрутдинов (1937–2014) // Поволжская археология. 2014. №1. С. 287–290.
326. Измайлов И.Л., Хузин Ф.Ш. Анатолию Николаевичу Кирпичникову – 85 // Поволжская археология. 2014. №3. С. 304–313.
327. Измайлов И.Л. Миркасым Усманов: вся жизнь – служение науке // Миркасым Госманов: тарихи-биографик, фәнни-документаль жыентык. Казан: Жыен, 2014. С. 629–657.
328. Шамильоглу Ю. «Умдет ал-ахбар» и тюркские повествовательные источники золотоордынского и поздnezолотоордынского времени / Перевод с англ. И.Л. Измайлова // Золотоордынское обозрение. 2014. № 3(5). С. 153–174.

2015

329. Sitdikov A.G., Izmailov I.L. Bolgar Town in Culture and History // Great Bolgar. Kazan: Master-Graf Ltd., 2015. p. 12–25.
330. Izmailov I.L. Bolgar in the Golden Horde period (second half of 13th – first half of the 15th centuries) // Great Bolgar. Kazan: Master-Graf Ltd., 2015. p. 55–63.
331. Izmailov I.L. Islam in Volga Bulgaria // Great Bolgar. Kazan: Master-Graf Ltd., 2015. p. 270–275.
332. Izmailov I.L. Islam in Ulus of Jochi // Great Bolgar. Kazan: Master-Graf Ltd., 2015. p. 276–289.

333. F.S. Khakimzyanov, Izmailov I.L. Language and writing in Bolgar Town // Great Bolgar. Kazan: Master-Graf Ltd., 2015. p. 300–311.
334. Sitdikov A.G., Izmailov I.L., Khayrutdinov R.R. Weapons, Fortification and Military Art of the Volga Bulgaria in the 10th – the First Third of the 13th Centuries // Journal of Sustainable Development. 2015. Vol. 8. No. 7 (August 2015). pp. 167–177.
335. Измайлов И.Л. Этнокультурная история Булгарии XII–XIII вв. по мусульманским эпитафийным памятникам периода Улуса Джучи // Филология и культура. Philology and Culture. 2015. № 1(39). С. 283–290.
336. Измайлов И.Л. Формирование государственной территории Волжской Булгарии X–XIII вв.: комплексный анализ источников // Восточная Европа в древности и средневековье. Государственная территория как фактор политогенеза. XXVII Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР В.Т. Пашуто. г. Москва, 15–17 апреля 2015 г. М.: ИВИ РАН, 2015. С. 116–120.
337. Измайлов И.Л. Правящие кланы в системе управления Улуса Джучи и других империй Чингизидов // Монголчуудын соёлын өв: гар бичмэл, архивын баримтын цуглуулга. Олон улсын эрдэм шинжилгээний хурал 2015 оны 4 сарын 21-ээс 22-ны өдрүүдэд Улаанбаатар хот = Культурное наследие монголов: коллекции рукописей и архивных документов. Международная конференция при поддержке Президента Монголии. 21–22 апреля, 2015. г. Улан-батор. Улан-Батор: Монгол улсын шинжлэх ухааны академи, 2015. С. 49.
338. Валеев Р.М., Измайлов И.Л., Шайдуллин Р.В. Эволюция понятий «монголо-татары» и «монголо-татарское иго» в российской исторической науке в XIX – начале XXI вв.: парадигмы и оценки // Монголчуудын соёлын өв: гар бичмэл, архивын баримтын цуглуулга. Олон улсын эрдэм шинжилгээний хурал 2015 оны 4 сарын 21-ээс 22-ны өдрүүдэд Улаанбаатар хот = Культурное наследие монголов: коллекции рукописей и архивных документов. Международная конференция при поддержке Президента Монголии. 21–22 апреля, 2015. г. Улан-батор. – Улан-Батор: Монгол улсын шинжлэх ухааны академи, 2015. С. 51–52.
339. Измайлов И.Л. Международные отношения в Волго-Уральском регионе: эпоха Волжской Булгарии (X – первая треть XIII в.) // *Idil-Ural Tarihi Sempozyumu* (Ankara, 10–12 Ekim 2011): bildiriler: II.

- cilt. = История Волго-Уральского региона. Материалы межд. науч. конф. (Анкара, 10–12 октября 2011). Т. 2. Доклады на русском языке. Ответ ред. И.Кемалоглу. Ankara: Türk Tarih Kurumu, 2015. С. 29–59.
340. Измайлов И.Л. Памяти Михаила Викторовича Горелика (1946–2015) // Поволжская археология. 2015. № 1. С. 271–280.
341. Шайдуллин Р.В., Измайлов И.Л. Историографические проблемы истории русификации коренных народов Поволжья и Приуралья в XVI–XIX вв. // Окраины Московского государства и Российской империи: инновационные подходы в изучении имперской истории России: материалы научной конференции (Казань, 29–30 ноября 2012 г.) / отв. ред. Г.В. Ибнеева. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2015. С. 248–256.
342. Измайлов И.Л. История тюрок: взгляд на средневековую цивилизацию Евразии // *Türkoloji üzerine araştırmalar / Тюркологические исследования / Journal of Turkology. Dil ve Edebiyat İncelemeleri Dergisi. (Afyonkarahisar-Kazan).* 2015. 11. С.75–90.
343. Бурханов А.А., Измайлов И.Л., Нигаматзянов И.Р. Кочевники юго-восточных районов Татарстана в системе культур и цивилизаций волго-уральского региона и Евразии (по результатам историко-археологических исследований) // Идель-Алтай: история и традиционная культура народов Евразии. Материалы III Между. форума, посвященного 90-летию д. филол. наук, проф. С.С.Суразакова. (14–18 июля 2015 г., г. Горно-Алтайск). Горно-Алтайск: ООО «Горно-Алтайская типография», 2015. С. 19–23.
344. Измайлов И.Л. Меч раннесарматского времени из Икско-Зайского междуречья // Поволжская археология. 2015. № 2. С. 326–332.
345. Ситдииков А.Г., Измайлов И.Л. История татарского народа в экспозиции Музея Булгарской Цивилизации: новые подходы к визуализации прошлого // Миссия музея в мультикультурном мире. Международный музейный форум. Казань, Россия. 8–12 сентября, 2015 года. Тезисы докладов. Казань: Фолиант, 2015. С. 194.
346. Измайлов И.Л. Распад Улуса Джучи и элементы этнополитического единства тюрко-татарских государств Северной Евразии // Тюрко-татарский мир: идентичность, наследие и перспективы изучения. (К 80-летию профессора М.А. Усманова): сб. статей / сост.

- и науч. редакторы: Д.М. Усманова, Д.А. Мустафина, М. Кемпер. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2015. С. 220–241.
347. Измайлов И.Л. «Народ там свирепый»: монгольское завоевание Волго-Уральского региона (1223–1240 гг.) // Золотоордынская цивилизация. 2015. № 8. С. 90–109.
348. Измайлов И.Л., Миргалеев И.М. Памяти Михаила Викторовича Горелика // Золотоордынская цивилизация. 2015. № 8. С. 6–8.
349. Измайлов И.Л. Тюрко-татарские государства Северной Евразии XV–XVI вв.: элементы этнополитического единства // *Życie Tatarskie*. 2015, styczeń-czerwiec. №41 (118). S. 46–72.
350. Измайлов И.Л. Волго-Уральский регион в системе торговых магистралей эпохи Средневековья (VIII–XVI вв.) // Торговля в этнокультурном измерении: Материалы Четырнадцатых Международных Санкт-Петербургских этнографических чтений. СПб.: ИПЦ СПГУТД, 2015. С. 43–48.
351. Абдуллин Х.М., Измайлов И.Л., Ситдилов А.Г., Хузин Ф.Ш. Энциклопедический словарь по археологии Татарстана: концептуальные проблемы // Поволжская археология. 2015. № 3. С. 236–248.
352. Хузин Ф.Ш., Измайлов И.Л. Слово о юбиларе (к 65-летию Р.Ф. Шарифуллина) // Поволжская археология. 2015. № 3. С. 268–273.
353. Измайлов И.Л. Вопрос об археологическом определении этноса: продолжение темы // Поволжская археология. 2015. № 3. С. 220–234.
354. Izmailov I. Volga-Bulgarian ulus of the Mongolian empire and the Golden Horde // Хубилай Сэцэн хаан ба Монголын Юань улс. Хубилай Сэцэн хаан мэндэлсний 800 жилийн ойд зориулсан Олон улсын эрдэм шинжилгээний хурлын эмхэтгэл. Эрх. Ц.Цэрэндорж. Улаанбаатар: АДМОН ПРИНТ, 2015, pp. 373–384.
355. Sitdikov A., Izmailov I. The first capital of ulus Jochi: Bolgar and its place in Eurasian history // Хубилай Сэцэн хаан ба Монголын Юань улс. Хубилай Сэцэн хаан мэндэлсний 800 жилийн ойд зориулсан Олон улсын эрдэм шинжилгээний хурлын эмхэтгэл. Эрх. Ц.Цэрэндорж. Улаанбаатар: АДМОН ПРИНТ, 2015. p. 227–234.

2016

356. Измайлов И.Л. Дух воина: от скифов до Золотой Орды. Вооружение и конское снаряжение из Западного Предкавказья по материалам частных коллекций А.В. Мишенькина и Ю.В. Смыкова, представленных в Шабановском народном музее: каталог выставки / авт.-сост. И.Л. Измайлов. Казань: Татар. кн. изд-во, 2016. 71 с.
357. Измайлов И.Л. Письменность и государственность Волжской Булгарии X–XIII вв.: комплексный анализ источников // Восточная Европа в древности и средневековье. Письменность как элемент государственной инфраструктуры. XXVIII Чтения памяти чл.-корр. АН СССР В.Т. Пашуто. Г. Москва. 20–23 апреля 2016 г. Материалы конференции. Отв. ред. Е.А. Мельникова. М.: Институт всеобщей истории РАН, 2016. С. 106–111.
358. Ситдилов А.Г., Измайлов И.Л. Мусульманская археология: объем и содержание понятия // Поволжская археология. 2016. № 2. С. 8–17.
359. Измайлов И.Л. Археология и ислам в Среднем Поволжье в X – первой трети XIII вв.: опыт комплексного анализа // Поволжская археология. 2016. № 2. С. 68–92.
360. Измайлов И.Л. Наследие улуса Джучи: Элементы и факторы этнополитического единства тюркских государств северной Евразии // Отан тарихы. 2016. № 1. С. 15–29.
361. Измайлов И.Л. Становление аграрного строя Волжской Булгарии: проблемы и перспективы исследований // Российская деревня: социально-экономическая история и современность. Сборник материалов VI Всероссийской (XIV Межд.) конф. историко-аграрников Среднего Поволжья «Российская деревня: социально-экономическая история и современность». Ульяновск: УлГПУ, 2016. С. 123–128.
362. Измайлов И.Л. Соотношение этнических и социальных элементов в комплексе вооружения средневековых народов Волго-Уральского региона: к постановке проблемы // Средневековая археология Волго-Уралья: сборник научных трудов к 65-летию юбилею д.и.н., член-корр. АН РТ Ф.Ш. Хузина. Отв. ред. А.Г. Ситдилов. Казань: ИА АН РТ, 2016. С. 59–63.
363. Измайлов И.Л. Соотношение археологической культуры и ислама в Среднем Поволжье в X – первой трети XIII в. // Материалы

- Конгресса исламской археологии России и стран СНГ. Казань: Институт археологии АН РТ, 2016. С. 125–135.
364. Измайлов И.Л. Болгарский улус во второй половине XIII – середине XIV в.: историко-археологический анализ // Диалог городской и степной культур на евразийском пространстве. Историческая география Золотой Орды. Материалы Седьмой Международной конф., посвященной памяти Г.А. Федорова-Давыдова. Под ред. С.Г. Бочарова, А.Г. Ситдикова. Казань; Ялта; Кишинев: «Stratum Plus», 2016. С. 113–118.
365. Измайлов И.Л. Улус Джучи как средневековая империя в контексте мир-системного анализа // Историко-археологические памятники Золотой Орды на территории Саратовского Поволжья. Укек: прошлое, настоящее, будущее. Сборник материалов Межд. науч.-практич. конф. (г. Саратов, 4–6 июня 2015 г) / Под ред. К.А. Аблязова, Э.С. Кульпина-Губайдуллина, Ф.А. Рашитова. Саратов: Научная книга, 2016. С. 43–45.
366. Измайлов И.Л. Вооружение и военное дело Золотой Орды: проблемы изучения // Историко-археологические памятники Золотой Орды на территории Саратовского Поволжья. Укек: прошлое, настоящее, будущее. Сборник материалов Межд. науч.-практич. конф. (г. Саратов, 4–6 июня 2015 г) / Под ред. К.А. Аблязова, Э.С. Кульпина-Губайдуллина, Ф.А. Рашитова. – Саратов: Научная книга, 2016. С. 183–185.
367. Измайлов И.Л., Шайдуллин Р.В. Эволюция понятий «монголо-татары» и «монголо-татарское иго» в российской исторической науке в XIX – начале XX вв. // Историко-археологические памятники Золотой Орды на территории Саратовского Поволжья. Укек: прошлое, настоящее, будущее. Сборник материалов Межд. науч.-практич. конф. (г. Саратов, 4–6 июня 2015 г) / Под ред. К.А. Аблязова, Э.С. Кульпина-Губайдуллина, Ф.А. Рашитова. Саратов: Научная книга, 2016. С. 185–186.
368. Измайлов И.Л. Култ халифа Али в Улусе Джучи: к постановке проблемы // Исламское образование в Крыму: исторические вехи и пути возрождения / Материалы межд. научно-практич. конф., посвященной 515-летию Зынджырлы медресе и памяти ее основателя Менгли Герай хана. Симферополь: Терджиман, 2016. С. 10–28.
369. Измайлов И.Л. Вооружение и военное дело Казанского ханства (о тезисах А.Н. Купата) // Akdes Nimet Kurat'in Hayati ve eserleri

- sempozyumu bildirileri / Материалы науч. симпозиума «Жизнь и научная деятельность Акдеса Нимета Курата». Hazirlayan I. Kemaloglu. – Ankara: Turk Tarih Kurumu, 2016. С. 241–269.
370. Измайлов И.Л. Соотношение ислама и язычества в улусе Джучи: проблемы историографии и современные дискуссии // Культурное наследие Евразии (с древности до наших дней). Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2016. С. 601–627.

2017

371. Izmaylov I.L. Ancient Russian written sources on the Bulgars and Volga Bulgaria. The History of the Tatars since ancient times. In 7th volumes. Vol. 2: Volga Bulgaria and the Great Steppe. Kazan: Sh. Marjani Inst. of History TAS, 2017, pp. 38–31.
372. Izmaylov I.L. The formation of the Bulgar State. The History of the Tatars since ancient times. In 7th volumes. Vol. 2: Volga Bulgaria and the Great Steppe. Kazan: Sh. Marjani Inst. of History TAS, 2017, pp. 124–131.
373. Izmaylov I.L. Warfare. The History of the Tatars since ancient times. In 7th volumes. Vol. 2: Volga Bulgaria and the Great Steppe. Kazan: Sh. Marjani Inst. of History TAS, 2017, pp. 336–367.
374. Izmaylov I.L. Foreign Policy of the Bulgar State. The History of the Tatars since ancient times. In 7th volumes. Vol. 2: Volga Bulgaria and the Great Steppe. Kazan: Sh. Marjani Inst. of History TAS, 2017, pp. 368–376.
375. Izmaylov I.L. Islam and Islamic Culture in Volga Bulgaria. The History of the Tatars since ancient times. In 7th volumes. Vol. 2: Volga Bulgaria and the Great Steppe. Kazan: Sh. Marjani Inst. of History TAS, 2017, pp. 550–557.
376. Sattarova L.I., Izmaylov I.L. The Architecture of Volga Bulgaria. The History of the Tatars since ancient times. In 7th volumes. Vol. 2: Volga Bulgaria and the Great Steppe. Kazan: Sh. Marjani Inst. of History TAS, 2017, pp. 589–592.
377. Khakimzyanov F.S., Izmaylov I.L. The Languages of the Volga Bulgaria's population and the problem of the "Bulgarian" language. The History of the Tatars since ancient times. In 7th volumes. Vol. 2: Volga Bulgaria and the Great Steppe. Kazan: Sh. Marjani Inst. of History TAS, 2017, pp. 621–628.

378. Izmaylov I.L. The medieval Bulgars: the ethno-political and ethno-confessional commutity. The History of the Tatars since ancient times. In 7th volumes. Vol. 2: Volga Bulgaria and the Great Steppe. Kazan: Sh. Marjani Inst. of History TAS, 2017, pp. 631–648.
379. Izmaylov I.L., Iskhakov D.M. The Bulgar-Kipchak stage in the ethnogenesis of the Tatar people. The History of the Tatars since ancient times. In 7th volumes. Vol. 2: Volga Bulgaria and the Great Steppe. Kazan: Sh. Marjani Inst. of History TAS, 2017, pp. 649–658.
380. Izmaylov I.L. The Ulus of Jochi and the Golden Horde: the official name of the country and the historical tradition. The History of the Tatars since ancient times. In 7th volumes. Vol. 3: The Ulus of Jochi (Golden Horde). 13th Centure – mid-15th Centure. Kazan: Sh. Marjani Inst. of History TAS, 2017, pp. 17–20.
381. Izmaylov I.L. The history of the Jochid Ulus studies in the Russia and foreign science. The History of the Tatars since ancient times. In 7th volumes. Vol. 3: The Ulus of Jochi (Golden Horde). 13th Centure – mid-15th Centure. Kazan: Sh. Marjani Inst. of History TAS, 2017, pp. 20–34.
382. Izmaylov I.L. General comments. The History of the Tatars since ancient times. In 7th volumes. Vol. 3: The Ulus of Jochi (Golden Horde). 13th Centure – mid-15th Centure. Kazan: Sh. Marjani Inst. of History TAS, 2017, pp. 35.
383. Izmaylov I.L., M.A. Usmanov State acts. The History of the Tatars since ancient times. In 7th volumes. Vol. 3: The Ulus of Jochi (Golden Horde). 13th Centure – mid-15th Centure. Kazan: Sh. Marjani Inst. of History TAS, 2017, pp. 35–36.
384. Izmaylov I.L., Chao Chu Cheng Chinese and Mongol sources. The History of the Tatars since ancient times. In 7th volumes. Vol. 3: The Ulus of Jochi (Golden Horde). 13th Centure – mid-15th Centure. Kazan: Sh. Marjani Inst. of History TAS, 2017, pp. 36–39.
385. Izmaylov I.L. Russian sources. The History of the Tatars since ancient times. In 7th volumes. Vol. 3: The Ulus of Jochi (Golden Horde). 13th Centure – mid-15th Centure. Kazan: Sh. Marjani Inst. of History TAS, 2017, pp. 49–54.
386. Izmaylov I.L. Latin sources. The History of the Tatars since ancient times. In 7th volumes. Vol. 3: The Ulus of Jochi (Golden Horde). 13th Centure – mid-15th Centure. Kazan: Sh. Marjani Inst. of History TAS, 2017, pp. 54–59.

387. Izmaylov I.L. Armenian sources. The History of the Tatars since ancient times. In 7th volumes. Vol. 3: The Ulus of Jochi (Golden Horde). 13th Century – mid-15th Century. Kazan: Sh. Marjani Inst. of History TAS, 2017, pp. 59–61.
388. Izmaylov I.L., Volkov I. Cartographic sources. The History of the Tatars since ancient times. In 7th volumes. Vol. 3: The Ulus of Jochi (Golden Horde). 13th Century – mid-15th Century. Kazan: Sh. Marjani Inst. of History TAS, 2017, pp. 61–63.
389. Izmaylov I.L. Epigraphic iscriptions. The History of the Tatars since ancient times. In 7th volumes. Vol. 3: The Ulus of Jochi (Golden Horde). 13th Century – mid-15th Century. Kazan Sh. Marjani Inst. of History TAS, 2017, pp. 63–64.
390. Izmaylov I.L. Material sources. The History of the Tatars since ancient times. In 7th volumes. Vol. 3: The Ulus of Jochi (Golden Horde). 13th Century – mid-15th Century. Kazan: Sh. Marjani Inst. of History TAS, 2017, pp. 64–66.
391. Izmaylov I.L. Volga Bulgaria on the eve of Batu Khan' campaign. The History of the Tatars since ancient times. In 7th volumes. Vol. 3: The Ulus of Jochi (Golden Horde). 13th Century – mid-15th Century. Kazan: Sh. Marjani Inst. of History TAS, 2017, pp. 87–88.
392. Izmaylov I.L. The Eastern European campaign of 1223–1240. The History of the Tatars since ancient times. In 7th volumes. Vol. 3: The Ulus of Jochi (Golden Horde). 13th Century – mid-15th Century. Kazan: Sh. Marjani Inst. of History TAS, 2017, pp. 139–169.
393. Izmaylov I.L. The Ak Horde. The History of the Tatars since ancient times. In 7th volumes. Vol. 3: The Ulus of Jochi (Golden Horde). 13th Century – mid-15th Century. Kazan: Sh. Marjani Inst. of History TAS, 2017, pp. 202–207.
394. Izmaylov I.L., M.M. Kaveev Bulgar city in the 13–15th centuries. The History of the Tatars since ancient times. In 7th volumes. Vol. 3: The Ulus of Jochi (Golden Horde). 13th Century – mid-15th Century. Kazan: Sh. Marjani Inst. of History TAS, 2017, pp. 207–213.
395. Izmaylov I.L., Zeleneev Y.A. The Lower Volga region and capitals. The History of the Tatars since ancient times. In 7th volumes. Vol. 3: The Ulus of Jochi (Golden Horde). 13th Century – mid-15th Century. Kazan: Sh. Marjani Inst. of History TAS, 2017, pp. 228–238.
396. Izmaylov I.L., Nedashkovsky L.F. Cattle-breeding and the system of nomadism. The History of the Tatars since ancient times. In 7th

- volumes. Vol. 3: The Ulus of Jochi (Golden Horde). 13th Century – mid-15th Century. Kazan: Sh. Marjani Inst. of History TAS, 2017, pp. 278–282.
397. Izmaylov I.L., Iskhakov D.M. The Khan and the aristocracy: power and administration structure. The History of the Tatars since ancient times. In 7th volumes. Vol. 3: The Ulus of Jochi (Golden Horde). 13th Century – mid-15th Century. Kazan: Sh. Marjani Inst. of History TAS, 2017, pp. 327–337.
398. Izmaylov I.L. The formation of the medieval Tatar ethnos. The History of the Tatars since ancient times. In 7th volumes. Vol. 3: The Ulus of Jochi (Golden Horde). 13th Century – mid-15th Century. Kazan: Sh. Marjani Inst. of History TAS, 2017, pp. 365–381.
399. Gorilik M.V., Izmaylov I.L. Military science in the Ulus of Jochi. Armament. The History of the Tatars since ancient times. In 7th volumes. Vol. 3: The Ulus of Jochi (Golden Horde). 13th Century – mid-15th Century. Kazan: Sh. Marjani Inst. of History TAS, 2017, pp. 412–421.
400. Gubaydullin A.M., Izmaylov I.L. Military science in the Ulus of Jochi. Military architecture. The History of the Tatars since ancient times. In 7th volumes. Vol. 3: The Ulus of Jochi (Golden Horde). 13th Century – mid-15th Century. Kazan: Sh. Marjani Inst. of History TAS, 2017, pp. 421–424.
401. Izmaylov I.L. Military science in the Ulus of Jochi. Organisation of the army. The History of the Tatars since ancient times. In 7th volumes. Vol. 3: The Ulus of Jochi (Golden Horde). 13th Century – mid-15th Century. Kazan: Sh. Marjani Inst. of History TAS, 2017, pp. 425–438.
402. Izmaylov I.L. Military science in the Ulus of Jochi. Military art. The History of the Tatars since ancient times. In 7th volumes. Vol. 3: The Ulus of Jochi (Golden Horde). 13th Century – mid-15th Century. Kazan: Sh. Marjani Inst. of History TAS, 2017, pp. 438–449.
403. Izmaylov I.L. The Bulgar Ulus: Bulgar and other emirates. The History of the Tatars since ancient times. In 7th volumes. Vol. 3: The Ulus of Jochi (Golden Horde). 13th Century – mid-15th Century. Kazan: Sh. Marjani Inst. of History TAS, 2017, pp. 467–490.
404. Izmaylov I.L. Wars in the West: Poland and Lithuania. The History of the Tatars since ancient times. In 7th volumes. Vol. 3: The Ulus of Jochi (Golden Horde). 13th Century – mid-15th Century. Kazan: Sh. Marjani Inst. of History TAS, 2017, pp. 541–552.

405. Izmaylov I.L., Usmanov M.A. Islam in the Ulus of Jochi. The History of the Tatars since ancient times. In 7th volumes. Vol. 3: The Ulus of Jochi (Golden Horde). 13th Century – mid-15th Century. Kazan: Sh. Marjani Inst. of History TAS, 2017, pp. 625–645.
406. Izmaylov I.L., Sattarova L.I. Architecture, arts and crafts. The History of the Tatars since ancient times. In 7th volumes. Vol. 3: The Ulus of Jochi (Golden Horde). 13th Century – mid-15th Century. Kazan: Sh. Marjani Inst. of History TAS, 2017, pp. 646–671.
407. Izmaylov I.L. Historical compositions and the formation of the historiographic tradition. The History of the Tatars since ancient times. In 7th volumes. Vol. 3: The Ulus of Jochi (Golden Horde). 13th Century – mid-15th Century. Kazan: Sh. Marjani Inst. of History TAS, 2017, pp. 681–686.
408. Izmaylov I.L. Ecological cataclysms. The History of the Tatars since ancient times. In 7th volumes. Vol. 3 : The Ulus of Jochi (Golden Horde). 13th Century – mid-15th Century. Kazan: Sh. Marjani Inst. of History TAS, 2017, pp. 710–714.
409. Izmaylov I.L. Economic and socio-political crises. The History of the Tatars since ancient times. In 7th volumes. Vol. 3: The Ulus of Jochi (Golden Horde). 13th Century – mid-15th Century. Kazan: Sh. Marjani Inst. of History TAS, 2017, pp. 719–723.
410. Izmaylov I.L. “Great Troubles”. The History of the Tatars since ancient times. In 7th volumes. Vol. 3: The Ulus of Jochi (Golden Horde). 13th Century – mid-15th Century. Kazan: Sh. Marjani Inst. of History TAS, 2017, pp. 724–735.
411. Izmaylov I.L. Edigu and his time. The History of the Tatars since ancient times. In 7th volumes. Vol. 3: The Ulus of Jochi (Golden Horde). 13th Century – mid-15th Century. Kazan: Sh. Marjani Inst. of History TAS, 2017, pp. 743–755.
412. Izmaylov I.L. Agony of the empire. The History of the Tatars since ancient times. In 7th volumes. Vol. 3: The Ulus of Jochi (Golden Horde). 13th Century – mid-15th Century. Kazan: Sh. Marjani Inst. of History TAS, 2017, pp. 756–760.
413. Izmaylov I.L., Iskhakov D.M., Trepavlov V.V. Struggle for Partition of the Political Legacy of the Golden Horde. The History of the Tatars since ancient times. In 7th volumes. Vol. 4: Tatar States (15–18th Centuries). Kazan: Sh. Marjani Inst. of History TAS, 2017, pp. 78–82.

414. Izmaylov I.L. Structure of Power in the Late Golden Horde States. The History of the Tatars since ancient times. In 7th volumes. Vol. 4: Tatar States (15–18th Centuries). Kazan: Sh. Marjani Inst. of History TAS, 2017, pp. 521–531.
415. Izmaylov I.L. Tatar Military Art. The History of the Tatars since ancient times. In 7th volumes. Vol. 4: Tatar States (15–18th Centuries). Kazan: Sh. Marjani Inst. of History TAS, 2017, pp. 686–690.
416. Izmaylov I.L. Armaments and military art of the Kazan Khanate. The History of the Tatars since ancient times. In 7th volumes. Vol. 4: Tatar States (15–18th Centuries). Kazan: Sh. Marjani Inst. of History TAS, 2017, pp. 690–700.
417. Izmaylov I.L. Conquest of Kazan: Reasons, Course, Consequences. The History of the Tatars since ancient times. In 7th volumes. Vol. 5: Tatars in Russia (Second half of the 16–18th Century). Kazan: Sh. Marjani Inst. of History TAS, 2017, pp. 60–70.
418. Yermolayev I.P., Izmaylov I.L. The Kazan War of 1552–1557. The History of the Tatars since ancient times. In 7th volumes. Vol. 5: Tatars in Russia (Second half of the 16–18th Century). Kazan: Sh. Marjani Inst. of History TAS, 2017, pp. 71–83.
419. Izmaylov I.L. Tatars and the Kazan Region in the Time of Troubles. The History of the Tatars since ancient times. In 7th volumes. Vol. 5: Tatars in Russia (Second half of the 16–18th Century). Kazan: Sh. Marjani Inst. of History TAS, 2017, pp. 262–276.
420. Izmaylov I.L. The Image of the Ancestors and the Identity of the Tatars in the Context of “a Divine City of Bolgar”. The History of the Tatars since ancient times. In 7th volumes. Vol. 5: Tatars in Russia (Second half of the 16–18th Century). Kazan: Sh. Marjani Inst. of History TAS, 2017, pp. 529–534.
421. Gilyazov I.A., Izmaylov I.L. Conclusion. The History of the Tatars since ancient times. In 7th volumes. Vol. 5: Tatars in Russia (Second half of the 16–18th Century). Kazan: Sh. Marjani Inst. of History TAS, 2017, pp. 595–600.
422. Ситдилов А.Г., Измайлов И.Л. Средневековое Поволжье в IX–XVI вв.: взаимодействие городской и кочевой культуры. III Межд. конгресс средневековой археологии евразийских степей «Между Востоком и Западом: движение культур, технологий и империй» /

- Отв. ред. Н.Н. Крадин, А.Г. Ситдилов. Владивосток: Даньнаука, 2017. С. 244–247.
423. Измайлов И.Л. Вооружение Улуса Джучи (Золотой Орды) XIII–XIV вв. в контексте истории оружия Евразии: проблемы изучения // III Международный конгресс средневековой археологии евразийских степей «Между Востоком и Западом: движение культур, технологий и империй / Отв. ред. Н.Н. Крадин, А.Г. Ситдилов. Владивосток: Даньнаука, 2017. С. 141–145.
424. Sitdikov A.G., Izmailov I.L., Khuzin F.Sh. Migrations and formation of the Volga Bulgarian State (VIII–X C.): Results of the complex analysis // *Man in India*. 2017. 97 (8). pp. 171–178.
425. Sitdikov A.G., Zubov S.E., Izmailov I.L. Migration in the middle Volga Region in the first centuries B.C.: Archaeological evidences and its ethno-social interpretation // *Man in India*. 2017. 97 (8), pp. 49–62.
426. Измайлов И.Л. Военная археология народов Евразии: к вопросу о содержании понятия // *Археология евразийских степей*. 2017. № 5. Военная археология: древнее и средневековое вооружение Евразии. Отв. ред. И.Л. Измайлов. С. 16–22.
427. Измайлов И.Л. Вооружение и военное искусство Казанского ханства XV – первая половина XVI в.: комплексный анализ источников // *Археология евразийских степей*. 2017. № 5. Военная археология: древнее и средневековое вооружение Евразии. Отв. ред. И.Л. Измайлов. С. 196–209.
428. Измайлов И.Л. Вклад М.В. Горелика в развитие отечественной военной археологии // *Археология евразийских степей*. 2017. № 5. Военная археология: древнее и средневековое вооружение Евразии. Отв. ред. И.Л. Измайлов. С. 240–252.
429. Измайлов И.Л. Татарский мир и Московское государство: вместе и врозь [Рец. на книгу: Рахимзянов Б.Р. Москва и татарский мир: сотрудничество и противостояние в эпоху перемен. СПб.: Евразия, 2016. 396 с.] // *Средневековые тюрко-татарские государства*. 2017. № 9. С. 202–208.

2018

430. Ситдииков А.Г., Измайлов И.Л. Музейный парк: Путеводитель по музейному парку БГИАМЗ. Казань: ООО «ГЛАВДИЗАЙН», 2018. 112 с.
431. Измайлов И.Л. «Черная смерть» и кризис в Улусе Джучи: идеальный шторм // Эпидемии и природные катаклизмы в Золотой Орде и на сопредельных территориях (XIII–XVI вв.) / Отв. ред. Р. Хаутала. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2018. С. 23–46.
432. Ситдииков А.Г., Боталов С.Г., Измайлов И.Л., Красильников П.В. Научная конференция «IV Международный Мадыарский Симпозиум» // Поволжская археология. 2018. №4. С. 324–333.
433. Измайлов И.Л. Введение // История рода Яушевых в Средневековый период и кимакская проблема. Воронеж: ООО «Фаворит», 2018. С. 3–6.

2019

434. Татар дөньясы = Татарский мир / авт.-сост. Г.Ф. Габ-драхманова, Э.М. Галимова, Д.Ф. Загидуллина, И.Л. Измайлов, А.Р. Салихова, А.Г. Ситдииков, Л.М. Шкляева. Казань: Изд-во «Заман», 2019. 392 с.
435. Встреча в Болгаре. Экскурсия по залам музея Болгарской цивилизации / А.Г. Ситдииков, Д.Г. Бугров, И.Л. Измайлов, Д.Г. Мухаметшин. Казань: ООО «Мастер-Граф», 2019. 84 с.
436. Академия наук Республики Татарстан. Институт археологии им. А.Х. Халикова / Ситдииков А.Г., Измайлов И.Л., Шакиров З.Г. Казань: АН РТ, 2019. 31 с.: илл.
135. Исхаков Д.М., Измайлов И.Л. Предыстория основных этнических компонентов татар (VI – середина XIII века) // Татары. 2-е изд., доп., перераб. М.: Наука, 2017. С. 70–94.
437. Измайлов И.Л. Этносоциальное и культурное единство тюрко-татарских государств XV–XVII вв.: причины и факторы // Казанская царица Сююн-бике в истории народов России. Под общ. ред. Б.Р. Рахимзянов. М.: Квадрига, 2019. С. 139–151.

438. Измайлов И.Л. Традиционная одежда и археологический костюм: соотношение этнических и сословно-статусных элементов // Археология евразийских степей. 2019. №1. С. 199–216.
439. Измайлов И.Л. Древние татары в Центральной Азии (VI–IX вв.) // Туган жир: төбәк тарихы буенча журнал [Родной край: краеведческий журнал]. 2019. №2. С. 69–81; 2019. №3. С. 39–49.
440. Измайлов И.Л. Город и Степь в Улусе Джучи в контексте мир системного анализа // Кочевые империи Евразии в свете археологических и междисциплинарных исследований. Материалы IV Международного конгресса средневековой археологии евразийских степей, посвященной 100-летию российской академической археологии (Улан-Удэ, 16–21 сентября 2019 г.). В 2 кн. Кн.1. Улан-Удэ: Издательство БНЦ СО РАН, 2019. С. 35–38.
441. Ситдилов А.Г., Измайлов И.Л., Ганбат Н. Археологическое изучение уйгурского городища Бийбулаг в Монголии в 2018–2019 гг.: предварительное сообщение // Кочевые империи Евразии в свете археологических и междисциплинарных исследований. Материалы IV Международного конгресса средневековой археологии евразийских степей, посвященной 100-летию российской академической археологии (Улан-Удэ, 16–21 сентября 2019 г.). В 2 кн. Кн.1. Улан-Удэ: Издательство БНЦ СО РАН, 2019. С. 63–64.
442. Измайлов И.Л. Происхождение и начальный этап этнокультурной истории тюркских народов (к постановке проблемы) // Северо-Восточный гуманитарный вестник. 2019. №4(29). С. 47–63.
443. Измайлов И.Л. Булгарская археологическая культура: структура и содержание понятия // Археология евразийских степей. 2019. №6. С. 198–222.
444. Баранов В.С., Измайлов И.Л. К вопросу об атрибуции перстня из раскопок в Болгаре 2010 года // Археология евразийских степей. 2019. №6. С. 260–276.
445. Абдуллин Х.М., Измайлов И.Л. Невозможность диалога: переписка Б.Шпулера и О.Прицака с казанскими историками-тюркологами // Східний світ = The World or the Orient. 2019. № 4. С. 5–26.
446. Абдуллин Х.М., Измайлов И.Л. Письмо Б. Шпулера и О. Прицака к казанским историкам-тюркологам по проблемам языка эпиграфических памятников Поволжья XIII–XIV вв. // Гасырлар авазы – Эхо веков. 2019. №4. С. 127–143.

447. Измайлов И.Л. Фактор урбанизации в становлении и развитии Улуса Джучи // Сибирские татары: материалы Всерос. (с междунар. участием) симп. «Культурное наследие народов Зап. Сибири», посвящен. 100-летию д-ра ист. наук Фоата Ахметовича Валеева и 20-летию I Сиб. симп. «Культур. наследие народов Зап. Сибири» (10–12 декабря 2018 г.) / под ред. З.А. Тычинских. Тобольск: Тобольская типография, 2019. С. 92–100.
448. Izmaylov I. Ortaçağ İmparatorluğu Olarak Cuci Ulusu: Dünya Sistemleri ve Karşılaştırmalı-Kültürel Analiz // 750. Kuruluş Yıldönümü Münasebetiyle «Altın Orda ve Mirası». Uluslararası sempozyum. 25–26 Kasım 2019. İstanbul. Bildiri Özetleri. İstanbul, 2019. С. 10.
449. Измайлов И.Л., Рахматуллина Ч.З. Великий Шелковый путь и города Среднего Поволжья в XIII–XV вв.: предыстория Чайного пути // The international conference. The Tea Road and Nomads. 18–19 October 2019. Ulaanbaator: «Erdenezul» Printing Press, 2019. p. 15–30.

2020

450. Белорыбкин Г.Н., Гусынин В.А., Измайлов И.Л. Вооружение населения юго-западной Булгарии (X – середина XIII века) // Археология евразийских степей. 2020. №1. 354 с.
451. Археологические исследования фортификации северной цитадели городища Бийбулаг (средневековый город Байбалык): предварительные итоги / Ганбат Н., Ситдииков А.Г., Измайлов И.Л., Улзийбаяр С., Батсүрен Б., Беляев А.В., Очир Б. // Археология евразийских степей. 2020. №6. С. 179–192.
452. Измайлов И.Л. Комплекс вооружения Улуса Джучи (Золотой Орды): теория и практика военной археологии // Археология евразийских степей. 2020. №6. С. 279–300.
453. Бурханов А.А., Измайлов И.Л., Рахматуллина Ч.З. Находка золотоордынского зеркала в бассейне реки Ик // Археология евразийских степей. 2020. №6. С. 379–386.
454. Измайлов И.Л. Историко-археологическая периодизация Восточного Закамья в XIII–XVI веках: этническая ситуация в условиях пограничья // Восточное Закамье как один из очагов этногенеза и культуры татарского народа: Материалы Межрегиональной науч-

но-практической конференции, посвященной 90-летию Актанышского района и 310-летию основания Актаныша. Казань: Логос-Пресс, 2020. С. 18–28.

2021

455. Измайлов И.Л. История Болгара по письменным источникам // Город Болгар: История изучения и сохранение. Отв. ред. А.Г. Ситдилов. М.: Наука, 2021. С. 5–34.
456. Набиуллин Н.Г., Измайлов И.Л. Предметы вооружения из булгаро-татарского города Джекетау // Археология евразийских степей. 2021. №3. С. 80–89.
457. Измайлов И.Л. Восточное Закамье в IX–XVI веках: этническая ситуация в условиях пограничья // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. Вып. XVIII: Памяти Иштвана Фодора: сб. научн. тр. / под общ. ред. А.М. Белавина. Пермь: Перм. гос. гуманитар.-пед. ун-т, 2021. С. 74–93.
458. Измайлов И.Л. «Пылать как факел...»: вспоминая друга и коллегу Иштвана Фодора // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. Вып. XVIII: Памяти Иштвана Фодора: сб. научн. тр. / под общ. ред. А.М. Белавина. Пермь: Перм. гос. гуманитар.-пед. ун-т, 2021. С. 55–62.
459. Зеленева Ю.А., Измайлов И.Л., Недашковский Л.Ф. «Лучшим памятником ученым предшествующих поколений станет развитие их идей...»: Памяти Леонида Теодоровича Яблонского (1950–2016) // Золотоордынское обозрение. 2021. Т. 9, № 4. С. 912–922. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2021-9-4.912-922>
460. Измайлов И.Л. Этнокультурная ситуация в Икско-Бельском междуречье в IX–XVI вв. // Татарские селения Восточного Закамья. Отв. ред. А.И. Ногманов. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2021. С. 9–30.
461. Измайлов И.Л. Ислам в Волжской Булгарии в свете историко-археологических источников // Татары и чувашы – ветви одного древа: Материалы Всероссийской научно-практической конференции (Чебоксары, Казань, 7–8 октября 2021 г.). Сост и отв. ред. Г.А. Николаев, Р.Р. Исаков. Казань-Чебоксары: Новое Время, 2021. С. 34–45.

2022

462. Измайлов И.Л. Викинги в Булгарии. Казань: АО «ИД Казанская недвижимость», 2022. 208 с.
463. Измайлов И.Л. Золотая Орда (Улус Джучи): легенды и быль. Казань: АО «ИД Казанская недвижимость», 2022. 152 с.
464. Армиевский курганно-груновой могильник / Г.Н. Белорыбкин, И.Л. Измайлов, О.М. Мельниченко, Т.В. Осипова, А.В. Павлихин, А.Х. Халиков (Серия «Археология евразийских степей; Вып. 28). Воронеж: АЛЕКС ПРИНТ, 2022. 480 с.
465. Измайлов И.Л. Средневековые булгары: становление этнополитической общности в VIII – первой трети XIII века. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2022. 736 с.
466. Измайлов И.Л. Тюркская городская цивилизация: очерки теории и истории. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2022. 108 с.
467. Измайлов И.Л. Азан над Волгой. Начало. Казань: АО «ИД Казанская недвижимость», 2022. 96 с.
468. Измайлов И.Л. Ислам в Волжской Булгарии // История Ислама в России. Ред. Р.М. Мухаметшин. Киров: ООО «Кировская областная типография», 2022. С. 32–48.
469. Измайлов И.Л. Ислам в Золотой Орде // История Ислама в России. Ред. Р.М. Мухаметшин. Киров: ООО «Кировская областная типография», 2022. С. 48–71.
470. Измайлов И.Л. Мусульманские государства на территории России. Казанское ханство // История Ислама в России. Ред. Р.М. Мухаметшин. Киров: ООО «Кировская областная типография», 2022. С. 93–99.
471. Пензенский край в средние века / Белорыбкин Г.Н., Мельниченко О.В., Измайлов И.Л., Осипова Т.В., Винничек В.А., Первушкин В.И. // История Пензенского края: в 3 т. / под общей ред. О.В. Мельниченко. Т. 1. История Пензенского края с древнейших времен до конца XVIII века. / Под ред. Г.Н. Белорыбкина. Пенза: Институт регионального развития Пензенской области, 2022. С. 124–245.
472. Хузин Ф.Ш., Губайдуллин А.М., Измайлов И.Л. Другие археологически исследованные городища // Археология Волго-Уралья. В 7 т. Т. 5. Средние века (VIII – начало XIII вв.). Волжская Болга-

- рия. Финно-угорский мир. Кочевники Восточной Европы. Под общ. ред. А.Г. Ситдикув; отв. ред. Ф.Ш. Хузин, Т.Б. Никитина. Казань: Изд-во АН РТ, 2022. С. 366–377.
473. Измайлов И.Л. Оружие и воинское снаряжение // Археология Волго-Уралья. В 7 т. Т. 5. Средние века (VIII – начало XIII вв.). Волжская Болгария. Финно-угорский мир. Кочевники Восточной Европы. Под общ. ред. А.Г. Ситдикув; отв. ред. Ф.Ш. Хузин, Т.Б. Никитина. Казань: Изд-во АН РТ, 2022. С. 556–584.
474. Измайлов И.Л. Мусульманские некрополи и проблемы распространения ислама в Волжской Болгарии // Археология Волго-Уралья. В 7 т. Т. 5. Средние века (VIII – начало XIII вв.). Волжская Болгария. Финно-угорский мир. Кочевники Восточной Европы. Под общ. ред. А.Г. Ситдикув; отв. ред. Ф.Ш. Хузин, Т.Б. Никитина. Казань: Изд-во АН РТ, 2022. С. 585–592.
475. Измайлов И.Л., Ситдикув А.Г., Семькин Ю.А. Юг Среднего Поволжья в золотоордынскую эпоху // Археология Волго-Уралья. В 7 т. Т. 6. Средние века (вторая треть XIII – первая половина XV вв.). Эпоха Золотой Орды (Улуса Джучи). Под общ. ред. А.Г. Ситдикув; отв. ред. В.С. Баранов. Казань: Изд-во АН РТ, 2022. С. 186–196.
476. Измайлов И.Л., Губайдуллин А.М. Особенности объектов военного зодчества в Среднем Поволжье // Археология Волго-Уралья. В 7 т. Т. 6. Средние века (вторая треть XIII – первая половина XV вв.). Эпоха Золотой Орды (Улуса Джучи). Под общ. ред. А.Г. Ситдикув; отв. ред. В.С. Баранов. Казань: Изд-во АН РТ, 2022. С. 648–665.
477. Макласова Л.Э., Измайлов И.Л. Костюм населения Поволжья в период Улуса Джучи (Золотой Орды) // Археология Волго-Уралья. В 7 т. Т. 6. Средние века (вторая треть XIII – первая половина XV вв.). Эпоха Золотой Орды (Улуса Джучи). Под общ. ред. А.Г. Ситдикув; отв. ред. В.С. Баранов. Казань: Изд-во АН РТ, 2022. С. 666–685.
478. Измайлов И.Л. Основные концепции завоевания Казанского ханства в отечественной историографии: между идеологией и наукой // Новое прошлое. 2022. № 1. С. 102–118.
479. Измайлов И.Л. Пространство веры: распространение ислама в Волжской Булгарии в X – первой трети XIII вв. // Туган жир = Родной край. 2022. №.1. С. 10–27.

480. Измайлов И.Л. Знаки-тамги как символы болгарской государственности X – первой трети XIII века // Археология евразийских степей. 2022. №1. С. 148–159.
481. Измайлов И.Л. Становление военно-служилого сословия и его культуры в Волжской Булгарии (X – первая треть XIII века) // Пензенский археологический сборник. Международный сборник научных трудов. Выпуск 5. Пенза: Ин-т регионального развития Пензенской области, 2022. С. 226–269.
482. Измайлов И.Л. Свет истины на краю Моря Мраков // Татарстан. 2022. №6. С. 18–21.
483. Izmailov I.L. Tatars of the Jochid Ulus: The formation and development of an Ethnopolitical Identity in the 13th–15th Centuries. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2022, vol. 10, no. 4, pp. 744–757. DOI: 10.22378/2313-6197.2022-10-4.744-757
484. Измайлов И.Л. Военно-служилое сословие и становление государства в Волжской Булгарии VIII–X вв. // *Universum Humanitarium*. 2022. № 1. С. 164–197.
485. Измайлов И.Л. Образный язык искусства Волжской Булгарии X–XIII вв.: Ислам и язычество // Наследие ислама в музеях России: материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. г. Казань, 8–10 декабря 2022 г. Казань: Фолиант, 2022. С. 56–75.

2023

486. Татарский костюм. Российский этнографический музей / Авторы текстов, авторы-составители альбома-каталога: И.Л. Измайлов, Е.В. Колчина, Л.И. Мишурина, Р.Р. Султанова, В.Г. Холодная. Казань: АО «Казанская недвижимость», 2023. 320 с.
487. Измайлов И.Л. Великая Болгария. Хазарский каганат // *Летопись тюркской цивилизации*. Том 1. Тюркский мир в VI–XII вв. Отв. ред. В.И. Молодин, С.В. Землюков. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2023. С. 328–340.
488. Измайлов И.Л. Волжская Булгария // *Летопись тюркской цивилизации*. Том 1. Тюркский мир в VI–XII вв. Отв. ред. В.И. Молодин, С.В. Землюков. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2023. С. 341–358.
489. Измайлов И.Л. Культура и письменность тюркского общества в VI–XII вв. // *Летопись тюркской цивилизации*. Том 1. Тюркский

- мир в VI–XII вв. Отв. ред. В.И. Молодин, С.В. Землюков. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2023. С. 422–450.
490. Измайлов И.Л. Основание Казани: миф и реальность // Магариф. 2023. №2 С. 86–92.
491. Измайлов И.Л. Социальная структура Улуса Джучи и татарских ханств по материалам «Джами ат-таварих» Кадыр Али-бека // Золотоордынское обозрение. 2023. Т. 11, № 2. С. 317–334. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2023-11-2.317-334>
492. Измайлов И.Л., Миргалеев И.М. «Значение Золотой Орды для истории Евразии ничуть не меньше, чем значение Византии»: памяти Вадима Винцеровича Трепавлова (1960–2023) // Золотоордынское обозрение. 2023. Т. 11, № 2. С. 483–490. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2023-11-2.483-490>
493. Измайлов И.Л. Поход монгольских войск под командованием Субедея и Джебе в Восточную Европу в 1223 г. // 800-летие победы болгар над монгольской армией под стенами Золотаревского городища. Под общ. ред. Г.Н. Белорыбкина. Пенза: Институт регионального развития Пензенской области, 2023. С. 36–53.
494. Измайлов И.Л. На краю «Моря мраков»: распространение ислама в Волжской Булгарии в X – первой трети XIII в. // Золотоордынское наследие: Материалы VII Межд. Золотоордынского Форума «Цивилизационное значение принятия Ислама Волжской Булгарией и Золотой Ордой: интеграционные процессы в средневековой истории России» г. Казань, 14–16 декабря 2022 г. Выпуск 5. Казань: ИИ АН РТ, 2023. С. 16–26.
495. Измайлов И., Аксанов А., Галлямова А., Гарифуллин И., Миргалеев И. Татары Западного Приуралья: прошлое и настоящее // Магариф. 2023. №11 (1107). С. 39–46.
496. Измайлов И.Л. Руническая письменность в Булгарии X–XIII вв.: источники и историческая интерпретация // История письма европейской цивилизации и письменная культура народов России: сб. материалов междунар. науч. конф. / сост.: Л.Р. Надыршина, Л.Ш. Гарипова, И.Г. Гумеров. Казань: ИЯЛИ, 2023. С. 67–78.
497. Измайлов И.Л. Информационные потоки и урбанизация в улусе Джучи: постановка проблемы // «Сетевое востоковедение: востоковедное научное знание в современном контексте», VI Международная науч. конф. (2023; Элиста). VI Международная научная

конференция «Сетевое востоковедение: востоковедное научное знание в современном контексте», 26–27 октября 2023 г. Отв. ред. Б.К. Салаев. Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2023. С. 358–368.

498. Измайлов И.Л. Город и степь в Улусе Джучи: проблемы осмысления феномена урбанизации в контексте мир-системного анализа // Южный и Средний Ура: от хана Бату до Николая I. Мат. Научн. конф. Под ред. Г.Х. Самигулова. Челябинск: Общ. фонд «Южный Урал», 2023. С. 21–34.

2024

499. Измайлов И.Л. Города и информационные потоки в Улусе Джучи: новый взгляд на проблему // Туган жир = Родной край. 2024. №2. С. 28–44.
500. Измайлов И.Л. Становление татаро-мусульманской общности в Икско-Бельском междуречье в XIII–XIV веках // Золотоордынское обозрение. 2024. Т. 12. №1. С. 186–200.
501. Измайлов И.Л. Тюркская и мусульманская титулатура в Волжской Булгарии X–XIII вв.: традиция и ее трансформация // Международная научная конф. «Бартольдские чтения», 24–26 апреля 2024 г. Программа и тез. докл. / Сост. и. отв. ред. А.Д. Васильев, О.М. Курникова, Д.М. Тимохин. М.: ИВ РАН, 2024. С. 50–51.
502. Измайлов И.Л. Идегей: историческая личность и ее оценка в отечественной историографии // Золотоордынское обозрение. 2024. Т. 12, № 4. С. 858–872. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2024-12-4.858-872> EDN: NZPYBD
503. Измайлов И.Л. Поход монгольских войск на Булгарию в 1223 г.: историко-археологическая реконструкция // Первый штурм? монгольское вторжение в Европу в 1222–1223 гг. (К 800-летию битвы на Калке). М.: ИВ РАН, 2024. С. 170–190.
504. Миргалеев И.М., Измайлов И.Л. «Значение Золотой Орды для Евразии ничуть не меньше, чем значение Византии»: памяти Вадима Винцеровича Трепавлова // «Феномен верховной власти и процесс формирования имперского государства неисчерпаемы для исследования». Сборник памяти В.В. Трпавлова. М.: Институт рос. истории РАН. М.: Институт российской истории РАН, 2024. С. 68–72.

505. Измайлов И.Л. Информационные потоки и культура в Улусе Джучи: постановка проблемы // «Феномен верховной власти и процесс формирования имперского государства неисчерпаемы для исследования». Сборник памяти В.В. Трепавлова. М.: Институт рос. истории РАН. М.: Институт российской истории РАН, 2024. С. 419–439.

2025

506. Измайлов И.Л. Подъем и усиление Золотой Орды во второй половине XIII – первой половине XIV в. // Летопись тюркской цивилизации. Том 2. Тюркский мир в XIII–XVII вв. Отв. ред. И.В. Зайцев. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2025. С. 62–99.
507. Измайлов И.Л. Культура Золотой Орды, синтез кочевой и оседлой цивилизаций: язык, литература и искусство // Летопись тюркской цивилизации. Том 2. Тюркский мир в XIII–XVII вв. Отв. ред. И.В. Зайцев. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2025. С. 463–467.
508. Измайлов И.Л. Урбанизация и информационные потоки в Улусе Джучи: новый взгляд на внутреннее единство империи // Золотоордынское наследие: Материалы VIII Международного Золотоордынского Форума «Рах Татарica: средневековые источники и исторический контекст», Болгар-Казань, 9–11 июня 2025 г. Выпуск 6. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2025. С. 200–208.
509. Измайлов И.Л. История термина «татар» // Мәгариф. 2025. №4 (1124). С. 47–50.
510. Измайлов И.Л. Тюркская и мусульманская титулатура в Волжской Булгарии X–XIII вв.: традиция и ее трансформация // Бартольдовские чтения. Титул и титулатура в кочевых и оседлых культурах. Отв. ред. Д.М. Тимохин. М.: ИВ РАН, 2025. С. 117–136.
511. Измайлов И.Л. Письменная цивилизация Улуса жучи: коммуникация и власть // Алтай – прародина тюрков. К истории зарождения тюркской цивилизации. Межд. научн.-практич. конф. Республика Алтай, Манжерок. 16–18 сентября 2025 г. Тезисы участников конф. М.: ИВ РАН, 2025. С. 67–68.

512. Измайлов И.Л. Структура власти тюрко-татарских государств XV–XVII вв. // Славяно-тюркский мир на пространстве Большого Алтая: история и современность. Материалы IV Межд. алтаистического форума. Барнаул. 14–17 сентября 2025 г. Под ред. С.Н. Бочарова. Барнаул: Изд-во Алтайского госуниверситета, 2025. С. 117–121.
513. Измайлов И.Л. Источники по рунической письменности в Волжской Булгарии (X–XIII вв.) // Востоковедные эпиграфические чтения памяти Д.Д. Васильева – 2025. Тезисы участников конф. М.: ИВ РАН, 2025. С. 35–36.

Ожерелье дружбы: история средневековых татар

***Сборник статей к 65-летию
Искандера Леруновича Измайлова***

Научное издание

Оригинал-макет – *А.Р. Тухватуллина, Л.С. Гиниятуллина*

Подписано в печать 19.12.2025 г. Формат 60×84 1/16
Усл. печ. л. 18,6 Тираж 100 экз.

Отпечатано с готового оригинал-макета в ООО "Фолиант"
420111, ул. Профсоюзная, 17Б,
Казань, Российская Федерация

Сайт

Института истории
Академии наук РТ

Татаровед.рф